П. И. МЕЛЬНИКОВ
(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

П. И. МЕЛЬНИКОВ (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

Собрание сочинений в восьми томах

ТОМ 8

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА. 1976

Составление и общая редакция
М. П. Еремина

ПИСЬМА
О РАСКОЛЕ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Раскол и *раскольники* представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое *раскол*. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое *раскол*.

А между тем русская литература в двести лет произвела более сотни книг, относящихся к расколу, не говоря о журнальных статьях последнего времени. Но что представляют все эти книги? Много ли они разъясняют дело раскола? Многочисленные сочинения полемического содержания касались не сущности дела, но лишь случайных, внешних его признаков, которые иногда не заключали в себе ровно ничего существенного. Еще менее выяснили раскол сочинения исторические. Во всех, решительно во всех этого рода книгах, начиная от книги А. И. Журавлева, говорится очень много о разных предметах, относящихся к расколу, но очень мало о сущности раскола. Во всех совершенное отсутствие критики; во всех односторонность... Затем, до последнего времени (т. е. до 1857 г.) русская литература не представила никакого другого материала для исследования раскола. Оттого-то вопрос о расколе представляется до сих пор столь неясным, столь запутанным, что для надлежащего разъяснения его путем анализа потребно еще много материалов, много времени и много специалистов. Это совершенно нетронутая почва.

Да, ни наша администрация[1], ни наша литература, двести лет видя пред собою во всех отношениях замечательное явление, до сих пор ясно не понимают, что́ это за явление.

Да, надо откровенно сознаться, что в продолжение двухсот лет ни русская администрация, ни русская литература ничего почти не сделали для разъяснения этого предмета, предмета темного, не любящего света и к тому же, по стечению обстоятельств, на долгое время поставленного в потемки тайны. Администрация сначала воздвигала костры, потом собирала подать с бороды и рядила раскольников в кафтаны с козырем и знаком на вороту, а впоследствии облекла все дело раскола в непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о том, сколькими пальцами ради спасения души надо креститься и сколько раз говорить «аллилуйя», а потом стала искать в расколе воображаемых качеств, основывая свои воззрения не на личном знакомстве с расколом и раскольниками и не на взгляде их на религию и социальные отношения.

Теперь, когда мы пережили и страшную пору костров, и странную пору тайны, и темную пору схоластического словопрения о сложении перстов и ходах посолонь, теперь, когда все это признано несчастными и неудачными попытками уничтожать раскол, теперь мы знаем о нем все-таки не больше того, сколько знали наши деды и отцы во времена страшных костров, странной тайны и темной, раздражительной схоластической полемики. Мы даже меньше их знаем, ибо больше, чем они, удалились от простого народа. Между тем некоторые сочинения по части раскола, явившиеся в последнее время (с 1857 г.) частью в журналах, частью отдельными книгами, доказали, что русская публика жаждет уяснения этого предмета, горячо желает, чтобы путем всепросвещающего анализа разъяснили ей наконец загадочное явление, отражающееся на десятке миллионов русских лю-

[1] Правительство не дальше как в 1853 году признало необходимым узнать, что такое раскол. Для этого в четырех губерниях специально приготовленными людьми собраны были материалы и на основании их составлены «отчеты о современном состоянии раскола». Эти отчеты не публикованы, но, по счастливому стечению обстоятельств, ими воспользовались г. Щапов и редакторы «Православного Собеседника». (Все примечания, данные в сносках, принадлежат автору.— *Ред.*)

дей и не на одной сотне тысяч народа в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, даже Японии [1]. И образованная публика и грамотные простолюдины, даже многие, очень многие раскольники чувствуют необходимость узнать, что за явление этот загадочный раскол, о существовании которого двести лет все знают и которого до сих пор никто не понимает. Но сочинения о расколе, явившиеся в последнее время, еще не вполне удовлетворяют возникшей потребности... Впрочем, тем, к сожалению, немногим специалистам, которые знают русский народ и, изучив его в книгах, видали и лицом к лицу раскольников, может быть, еще рано подвергать раскол анализу. Прежде анализа необходимо собрать материалы, *все* материалы. Прежде чем судить о расколе безошибочно, надобно побольше таких деятелей, как гг. Щапов, Максимов, Есипов, Ламанский, Александр Б...; надобно побольше таких изданий, какими в последнее время подарил публику г. Кожанчиков, надобно побольше таких статей, какие помещаются в «Чтениях императорского московского общества истории», в журнале г. Тихонравова и в сборнике г. Кельсиева.

Материалами для научных аналитических исследований о расколе могли бы служить:

1) Сочинения духовных лиц, писавших о расколе.

2) Сочинения раскольнические: исторические, полемические и пр.

3) Архивные дела разных правительственных учреждений.

Сочинения духовных лиц, несмотря на их односторонность (они касаются почти исключительно обрядов внешнего богопочитания), составляют довольно важный материал для исследований о расколе. Эти сочинения никогда не составляли секрета; напротив, они печатались для того, чтобы быть распространенными в народе сколь возможно в большем числе экземпляров. Между тем самые важные из них составляют теперь библиографическую редкость. Так, например: «Скрижаль», «Увет», «Жезл правления», «Пращица», «Обличение раскольников» (Феофилакта) теперь находятся лишь в немногих

---

[1] «Путешественник в Опоньское царство», о раскольнической рукописи первых годов XVIII столетия.

библиотеках, хотя в первой половине прошлого века были разосланы почти во все церковные приходы. Но не только сочинения этого рода, писанные и печатанные в XVII и XVIII столетиях, даже некоторые из недавно вышедших в свет книг, составляют в высшей степени библиографическую редкость, например, книга православного епископа Платона Афанацкевича о Белой-Кринице и о раскольничьем митрополите Амвросии, напечатанная в 1848 году, «О духоборцах», профессора киевской академии Ореста Новицкого, и друг.[1]. Считаю излишним говорить, как бы полезно было для исторической науки новое издание всех этого рода сочинений. Если возразят указанием на материальные затраты и вопросом: могут ли распродажею книг покрыться эти затраты? — то ответ готов: «Розыск о раскольнической брынской вере», Димитрия Ростовского, имел четыре издания и все-таки составлял библиографическую редкость; в 1855 году напечатали пятое, и теперь, через семь лет, мы уже не встречаем его в книжных лавках, кроме синодальной, да и в той, как слышно, осталось немного экземпляров. Само собой разумеется, что более нужно издание тех сочинений духовных лиц, относящихся к расколу, которые вовсе не были напечатаны и хранятся по разным библиотекам, преимущественно по семинарским.

Не менее важно для успеха исторических исследований о расколе новое издание некоторых рукописных, а также и напечатанных в XVII столетии сочинений, составленных до патриаршества Никона. На этих сочинениях раскольники основывают свои мнения, и поэтому критический разбор их необходим. В особенности желательно было бы видеть в новом издании следующие книги, теперь весьма редкие, книги, без изучения которых шагу нельзя сделать тем, которые желают рассуждать о русском расколе не с ветру, а основательно: 1) «Стоглав», 2) «Потребники», напечатанные в Москве в 1625, 1633, 1636, 1647 годах, 3) «Большой катехизис», напечатанный в Москве при патриархе Филарете, 4) «Соборник», напечатанный в Москве в 1642 и 1647 годах, 5) «Псалтырь следованная», одобренная патриархом Иосифом, 6) «Кириллова книга», напечатанная в Москве в 1644 году, 7) «Книга о вере», напечатанная в Москве

[1] Теперь эта книжка в три печатных листа стоит не менее 50 р. Я знаю, что ее покупали и за 100 р.

в 1648 году, 8) «Кормчая», напечатанная в Москве в 1653 году, 9) «Скитское покаяние», напечатанное в Супрасле в 1788 году, 10) «Проскинитарий» Арсения Суханова[1] и многие другие. Само собой разумеется, что некоторые из этих книг надо печатать не целиком, а только частями, например, в иосифовской псалтыри для изучения раскола важно только предисловие.

Что касается до печатных сочинений о расколе, составленных светскими членами православной церкви, то их немного. До последнего времени всего их было, кажется, только двое: г. Андрей Муравьев, автор книги: «Раскол, обличаемый своею историею», и г. А. Щапов, издававший в 1857 году книгу о расколе, напечатанную им, когда он был еще студентом казанской духовной академии. Первое из этих сочинений теперь редко, но сомнительно, чтобы, в видах научной пользы, потребно было новое издание сочинений г. Муравьева. Что касается сочинения А. П. Щапова, то, конечно, это лучшее из всех доселе вышедших в свет сочинений о расколе, несмотря на некоторые недостатки, неизбежные для студента, еще мало знакомого с действительной жизнью раскольников. Сколько мне известно, уважаемый автор этого замечательного труда намерен, пересмотрев и исправив свою книгу, издать ее вновь. Всякий, кому дорога наука, от души пожелает, чтобы обстоятельства благоприятствовали этому прекрасному намерению г. Щапова.

В последнее время и за границей появлялись некоторые сочинения о русском расколе. Кроме лондонского «Сборника о раскольниках» г. Кельсиева (на русском языке), особенно замечательны: на немецком — барона Гакстгаузена (в его «Путешествии по России»), на английском — графа Красинского (о протестантизме у славян) и на французском — неизвестного автора, но по всему видно, что русского чиновника «Le Raskol»...

Сочинения раскольников довольно многочисленны. Они имеют даже свою библиографию в каталоге Павла Онуфриевича Любопытного, доведенном до двадцатых годов нынешнего столетия[2]. После П. Любопытного яв-

---

[1] «Проскинитарий» напечатан в 1-м томе «Сказаний русского народа» г. Сахарова, но с выпусками тех мест, которые имеют какое-либо отношение к расколу. «Стоглав» напечатан за границей, но по неисправному списку.

[2] Этот каталог, говорят, скоро будет напечатан.

лялось еще немало раскольнических сочинений. До последнего времени из раскольнических сочинений были напечатаны весьма немногие. Перечисление их не будет продолжительно.

1) «История о отцех и страдальцех соловецких». Начинается: *Аще убо древле творец Омир.*

2) «Соловецкая челобитная царю Алексею Михайловичу», начинающаяся следующим обращением к государю: *Благоверному и благочестивому и в православии светло сияющему.*

3) «Послание к брату» (Фирсова), начинающееся словами: *Понеже прошение твое бысть.*

4) «Повесть о белом клобуке», начинающаяся: *По смерти убо нечестивого царя Максентия.* Это сочинение не раскольническое в тесном смысле; оно писано не против православия, но было обидно для Москвы,— возвышало пред нею Новгород, — а потому и осуждено на том же соборе 1667 года, на котором преданы отлучению и раскольники.

5) «Повесть дьякона Феодора» (О Аввакуме, Лазаре и Епифании), начинающаяся: *Тайну цареву добро есть хранити.*

6) Его же «Мучение некиих старец и исповедник Петра и Евдокима», начинающееся: *В лето 7177 февраля 17.*

7) «Прение священнодьякона Феодора», начинающееся: *Митрополиту, живущу на Москве.*

Все эти сочинения напечатаны в одном сборнике славянской печатью, несколько раз перепечатаны (в конце XVIII ст.) в польских типографиях (в Супрасли и друг.) и в России, именно в Клинцах.

В последнее время (в 1861 г.) стали наконец появляться в печати раскольнические сочинения [1]. Нельзя не пожелать, в видах пользы общественной и пользы науки, чтобы *все* раскольнические сочинения были наконец извлечены из-под спуда и напечатаны хотя бы для одного того, чтобы перед светом гласности они потеряли то обаятельное влияние, которое по редкости и таинственности своей они имеют доселе на наших простолюдинов. Было время, когда полагали, будто оглашение такого рода сочинений опасно для православия и может иметь вред-

[1] «История Выговской пустыни», «Житие Аввакума» и друг.

ное влияние на народ. Такое мнение, признанное теперь и церковью и правительством за ошибочное, было оскорбительно для церкви, которой не только какой-нибудь раскол, но даже самые врата адовы, по слову Иисуса Христа, одолеть не могут. Ведь наше православие, как известно, чисто и непорочно, а чистой и непорочной вере нечего опасаться каких-нибудь расколов. Напротив, утаение возражений противников церкви даже может поселить сомнение в сердцах верных. Утаение раскольничьих сочинений придает им важность, которой они не имеют. Утаение от света печатного слова доселе вредило господствующей церкви несравненно более, чем все, что ни написано в этих книгах. Утаение этих книг придавало им авторитет, а расколу силу. Сведение этих *секретных* сочинений и строгое запрещение не только печатать, но даже иметь их у себя в рукописях давало расколу личину страдающей, угнетаемой правды не только в среде раскольников, но и в глазах образованных людей. В настоящее время, когда начали появляться в печати раскольнические сочинения, и люди образованные и люди только грамотные сознательно усматривают, что учение раскола не более, как порождение невежества. Кто же больше всего негодует теперь на появление в свет раскольнических сочинений? Белокриницкие архиереи, беглые попы, раскольничьи большаки, наставники, уставщики, уставщицы, а особенно так называемые народом «коноводы», которым раскол доставляет более или менее значительные материальные выгоды. Эти люди печатание раскольнических сочинений, извлечение их из-под спуда обаятельной тайны и прежде считали и теперь считают делом несравненно опаснейшим для них, чем бывшие в прежние времена костры, пытки, ссылки и всякого рода преследования. Эти преследования не только не уничтожали раскола, но, напротив, возвышали и укрепляли его, доставляя ему сонмы страдальцев и мучеников и умножая таким образом число новых последователей, которые, ввиду каждого преследования, толпами обращались в раскол, не понимая вполне сознательно, в чем он состоит, но памятуя лишь старую русскую пословицу: «Не та вера свята, которая мучит, а та, которую мучат». Напротив, разоблачение тайн раскола посредством печатания раскольнических сочинений лучше всего покажет и уже начинает показывать несостоятельность до-

гматики раскола, что совершенно роняет авторитет расколоучителей. В настоящее время хотя немного, но уже поднят край завесы, за которой, под тенью благотворной для раскола, и только для одного раскола, тайны, давно скрывалось и пока еще скрывается много неразгаданного, много темного. Желать напечатания всех раскольнических сочинений, как бы дерзко ни отзывались они о церкви и правительстве, значит желать блага и преуспеяния этому самому православию и этому самому правительству. Православию ли бояться тьмы и наветов невежества, которые имеют силу лишь до той поры, пока они не выйдут на свет божий? Кто думает противное, тот оскорбляет достоинство православия. Все, все вышедшее из-под пера расколоучителей непременно следует напечатать, а потом все дело подвергнуть строгому анализу и выставить на страшный, неподкупный суд общественного мнения. Гласность, народные школы и совершенное отсутствие даже мало-мальских религиозных преследований — вот единственно верные средства к тому, чтобы раскол пал сам собою. Не надо забывать, что все эти средства не только допускаются, но даже проповедуются православием.

Архивные дела разных правительственных учреждений заключают в себе громадную массу сведений о расколе. Но едва ли правы те, которые смутность современных понятий о расколе считают прямым и *исключительным* следствием недоступности архивов, полагая, что как скоро архивные дела сделаются общедоступными, то *сейчас* же мгла, покрывающая понятия о расколе, рассеется. Отрицать возможность разъяснения полуведомого или даже почти совсем неведомого раскола посредством извлечения материалов из архивов было бы крайне нелепо, но и полагать, что в этих архивах заключается *все, что нужно для дела*, значит ошибаться. Что заключается во всей этой громадной массе старых дел? Известия о действиях церкви и правительства против раскольников и дела, возникавшие, по *частным случаям*. Все это, конечно, важно и, пожалуй, даже необходимо для научного исследования раскола, но все-таки далеко не составляет *главного* и, как иные полагают, *единственного* источника для изучения раскола. Заметим при этом, что архивными делами о расколе следует пользоваться с крайней осторожностью, потому что, при формальных

допросах и показаниях, раскольники (да и не одни раскольники) не бывают откровенны и искренни. Вообще в архивных делах что-нибудь одно: или пристрастный, односторонний взгляд лица, чуждого расколу, или умышленно несправедливые объяснения своего дела раскольниками. Взаимное недоверие тех и других лиц, недоверие, существующее не со вчерашнего дня, достаточно объясняет причину этого явления.

До последнего времени правительственные архивы, в которых хранятся дела о раскольниках, были совершенно недоступны для исследователей, но теперь и с них понемножку снимается всегда и во всем вредная тайна. Нам остается только желать, чтобы как можно более являлось таких трудолюбивых и добросовестных архивных деятелей, как гг. Есипов и Ламанский [1].

Но если наконец будут напечатаны и *все* сочинения духовных лиц, писавших о расколе, составляющие в настоящее время библиографическую редкость, и *все, без исключения*, сочинения раскольников, и наконец извлечения из *всех* архивных дел, то и тогда всего этого богатого и разнообразного материала все-таки будет еще недостаточно для того, чтобы основательно изучить раскол и снять с него ту темную завесу, которая мешает мыслящим людям знать, что это за явление, двести лет существующее в России и никем из русских еще не разгаданное.

Не в одних книгах надо изучать раскол. Кроме изучения его в книгах и архивах, необходимо стать с ним лицом к лицу, пожить в раскольнических монастырях, в скитах, в колибах, в заимках, в кельях, в лесах и т. п., изучить его в живых проявлениях, в преданиях и поверьях, не переданных бумаге, но свято сохраняемых целым рядом поколений; изучить обычаи раскольников, в которых немало своеобразного и отличного от обычаев прочих русских простолюдинов; узнать воззрение раскольников разных толков на мир духовный и мир житейский, на внутреннее устройство их общин и т. п.

---

[1] «Записки отделения русской и славянской археологии императорского археологического общества», т. II, изданные в 1861 году под редакцией В. И. Ламанского. «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел преображенского приказа и тайной канцелярии» Г. В. Есиповым. Спб., 1861 г.

Только при подобном изучении раскола и при имении под руками тех материалов, о которых сказано выше, можно будет приступить к *анализу раскола*. А до тех пор это одна трата времени и труда.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

В конце XVII и в начале XVIII столетий, при Петре и его ближайших преемниках, знали тогдашний раскол несравненно лучше, чем мы знаем раскол современный. Знали его лучше нас потому, что, ведя с ним борьбу прямую, борьбу открытую, старались его узнавать во всех подробностях, как полководец старался узнавать состояние враждебного стана. Знали раскол лучше нас и потому, что сами раскольники, как ни тяготели над ними суровые, жестокие законоположения того времени, не вели дел своих так скрытно, как в ближайшее к нам время, не таились ни перед кем до той поры, пока на опыте не узнали, что искренность и откровенность не ведут ни к чему, кроме усиления преследований. Раскольники писали более, чем теперь, правды о своих религиозных убеждениях, обрядах и устройстве своих общин. Главная причина такой откровенности в виду костров, застенков, плахи, кнута и ссылок заключалась в том, что вопрос раскольнический поставлен был при условиях полной гласности. Велась гласная и поэтому честная полемика между представителями церкви и представителями раскола. Правда, в этой полемике было много неприличного, доходившего с обеих сторон даже до ругательств, даже до богохульства; но это было неизбежно при фанатизме обеих сторон, который тогда был в полном разгаре и не мог не быть, ибо в первую пору всякого религиозного разномыслия фанатизм неизбежно проявляется во всей своей силе, со всеми своими темными сторонами. Притом же грубость и невежество отличали тот век и отражались даже в сочинениях самых просвещенных писателей XVIII века не только у нас в России, не вышедшей еще из мрака невежества, но и в западных государствах, далеко опередивших Россию на пути цивилизации. Несмотря, однако, на фанатизм, несмотря на узкую односторонность, дикую раздражительность и все неприличие (на глаза людей XIX века) этой полемики, правды и искренности в ней было не-

сравненно больше, чем в осторожных и уклончивых сочинениях последующих поколений.

Петр I, при всей широте принадлежавшего ему воззрения на свободу совести, для раскольников, и только для одних их, признавал нужною и даже необходимою строгость. Петру, при его беспокойной, лихорадочной деятельности, хотелось как можно скорее, во что бы то ни стало, совершить задуманную им, для утверждения централизации и абсолютизма, реформу. Ему еще при жизни своей хотелось весь противный ему старинный русский быт заменить бытом народов западных, столь полюбившихся ему сперва на Москве, в Немецкой слободе, где пировал он с Лефортом и девицами Монс, а потом за границей, где в то время господствовал полный абсолютизм. Русский народ охотно перенимал все полезные нововведения, но не мог видеть пользы ни в бритье бород, ни в табаке, ни в парике, ни в других подобного рода нововведениях. Всего больше народ русский упорствовал там, где петровская реформа касалась домашнего очага, частного быта, вековых преданий. Но, не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу — *силу отрицания*. Петр, которому хотелось, чтобы все его подданные даже и думали не иначе, как он велит, постигал, что за мощная, что за непреоборимая эта сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы. Отрицание всего сильнее было со стороны раскольников, и Петр полагал, что в них, и именно в них одних, кроется корень противления его преобразованиям. В этом убеждении он не мог смотреть на раскольников иначе, как «на лютых неприятелей государю и государству, непрестанно зло мыслящих», как выразился он в одном из многочисленных своих указов. До какой степени было справедливо такое мнение Петра, можно видеть из опубликованных в последнее время материалов по делу о несчастном царевиче Алексее Петровиче. Может быть, старо-русская партия царевича возлагала свои надежды на раскольников, может быть, и сами раскольники возлагали на Алексея свои надежды; может быть, они, хотя и

ошибались, но смотрели на несчастную жертву интриг Меньшикова и Екатерины, как на будущего восстановителя попираемой и презираемой отцом его старины; но ни в розыске по делу царевича, ни во всех раскольнических сочинениях того времени, ни в преданиях раскольников не видно ни самомалейшего следа, который обличал бы какую-нибудь причастность раскольников к этому делу. Но тем не менее крутые, железные меры Петра против раскольников и строгий правительственный надзор за ними начинаются непосредственно за процессом царевича Алексея. Явление, достойное серьезного исторического исследования, на которое, сколько мне помнится, еще не было обращено внимания исследователей. Кто знает, может быть, какая-нибудь строка, какое-нибудь невольное слово полупомешанного колодника, вырванное у него на дыбе или на виске, навлекло на раскольников длинный ряд строгих и несправедливых преследований.

Но Петр, объявив публично и торжественно государственными и своими личными неприятелями раскольников, вступив с ними в борьбу не как с противниками господствующей церкви, но как с ревностными поборниками ненавистной ему старины, хотел смотреть расколу прямо в глаза и в конце своего царствования употреблял все возможные для него способы и средства, чтобы наверное и как можно скорей узнать, с кем и с чем имеет он дело. Гласно, открыто, со свойственной ему во всех, даже и в самых жестоких и несправедливых делах, откровенностью, с полным, никогда не покидавшим его убеждением в непогрешительности всех своих поступков, вступил Петр в борьбу с расколом. Он не принял себе за образец испанских королей, которых еще с XV века православное духовенство ставило русским государям в образец, достойный подражания [1], и которым, как известно из истории, иные христианские монархи и последовали.

[1] Так, в 1490 году Геннадий, архиепископ новгородский, знаменитый, впрочем, ревнитель просвещения, писал к московскому митрополиту Зосиме по делу о новгородских еретиках: «А толко, государь наш, сын твой князь великий, того не обыщет и тех не казнит, ино как ему с своей земли та соромота свести? Ано фрязове по своей вере какову крепость держат; сказывал мне посол цесарев про шпанского короля, как он свою землю очистил, и яз с тех речей и список к тебе послал, и ты-б, господине, о том великому князю пристойно говорил не только спасения ради его, но и чти (чести) для государя великого князя». «Акты археогр. экспедиции», 1, № 381.

Он не подражал ни Филиппу II, ни его преемникам, что в безгласном мраке инквизиции секретно губили даже подозреваемых только в уклонении от господствующей церкви, тщательно отбирая повсюду и предавая то таинственному, то всенародному, торжественному сожжению книги и рукописи, которые у них отбирали. Петр не старался о том, чтобы никто не смел говорить о расколе; да и странно было бы не говорить о том, что существует, что растет с каждым днем, что возбуждает против себя сильные меры правительства, что возвышает свой голос, что заставляет подчас задумываться самого Петра, не любившего ни над чем задумываться. Хотя он открыто и торжественно заявил себя непримиримым врагом раскола, но не прятал дела в мрак безгласности. В этом, и только в одном этом отношении он не подражал современнику своему Людовику XIV, абсолютизм которого в глазах Петра был идеалом государственного благоустройства. Он не разрушал молитвенных домов раскольников, как тот разрушал молельни кальвинистов, не отбирал достояния раскольников в пользу православных церквей (единоверия при Петре еще не было), как Людовик отбирал достояние гугенотов в пользу католических капелл. Он не посылал войск для насильственного побуждения раскольников возвратиться в лоно православия, как Людовик XIV, посылавший полки драгун для обращения гугенотов «в лоно святой римско-католической церкви». Нет, в этом отношении Петр не был похож ни на своих предшественников, ни на своих современников, ни даже на своих преемников. Он вел с раскольниками борьбу гласную, борьбу открытую. Одной рукой карая их, как противников совершаемой им реформы, карая их, как людей, противопоставивших ему страшную даже и для его железной воли силу отрицания, другой рукой он осыпал их благодеяниями, если замечал, что гражданская деятельность их для него полезна. Так, по представлению Геннинга, он предоставил важные льготы поморским и выгорецким раскольникам, на опыте доказавшим полезность свою для учрежденных в нынешней Олонецкой губернии горных заводов и сверх того отыскавшим неизвестные дотоле в России золотые рудники. Оттого и сами раскольники, как ни тяжела была для них железная рука Петрова, как ни ненавистен был им этот губитель старины, оглашенный ими за антихриста, верили ему и до

тех пор не скрывали перед ним своих дел, пока казнь Александра дьякона в Нижнем и ряд обманов и подлогов, допущенных чересчур усердными слугами Петра, не заставили их быть осторожнее и недоверчивее[1].

Петр также никогда не скрывал и числа раскольников, как это делывалось впоследствии, и тем не заставлял их скрываться в тайне. Напротив, ему принадлежит известный и впоследствии долго действовавший закон об официальной переписи раскольников по всему государству, с наложением строгих наказаний за избежание и укрывательство от записи в заведенные для того особые книги. Всякий, даже вновь поступивший в раскол, обязан был записаться раскольником в приказе духовных дел. За это преследования и наказания не было, как впоследствии. Петр до такой степени был далек от римско-католической системы секретом прикрывать религиозные разномыслия, что даже строго предписал всем раскольникам, под опасением тяжелого штрафа, носить особое указное платье. Он хотел, чтобы все раскольники были у

---

[1] Замечательнейшими памятниками этого времени были «Керженские ответы Александра дьякона Питириму» и «Поморские ответы Андрея Денисова Неофиту». Первые заключают в себе полный свод всех убеждений раскольников поповщинской секты, вторые — такой же свод убеждений беспоповщины. Несмотря на то, что в продолжение последних 140 лет и поповщина и беспоповщина во многом и даже очень во многом изменились, нам доселе остается судить о догматствовании того и другого толка преимущественно по «Ответам Керженским и Поморским», ибо после них не являлось более ни одного столь полного и столь стройного раскольнического сочинения, в котором так подробно, так обстоятельно и вместе с тем так откровенно изложены были бы религиозные разномыслия русских раскольников. «Керженские ответы» распространены в меньшем числе экземпляров, чем «Ответы Поморские». Подлинник их принадлежит теперь мне. Почти двадцать лет принадлежит мне эта рукопись, но лишь недавно, по совершенно случайному обстоятельству, нашел я на бывших приклеенными к переплету листках собственноручную заметку Питирима; по сличении рукописи с подписями Александра оказалось некоторое сходство в почерке. Полного сходства и быть не может, ибо «Ответы» писаны уставом, а подписи скорописью. Г-н Александр Б. в своем «Описании книг, написанных в пользу раскола» подробно говорит о «Керженских ответах», но, кажется, бывший у него под руками список не полон. Иначе он, конечно, не пропустил бы, например, весьма замечательного описания внешности «Деяния на Мартина армянина», рукописи, которая по повелению Петра I, была выложена для удостоверения раскольников, а потом запечатана, положена в синодальную московскую библиотеку и не была показана даже и Карамзину («Ист. Гос. Росс.», т. II, прим. 415).

него и у всех на виду и на счету, не теряясь в общей массе. Повеление об указном платье составляет правительственную меру, оправдываемую общим характером петровских действий и неприменимую к последовавшему времени, но, во всяком случае, она чрезвычайно замечательна, как свидетельство того, что Петр хотя и признавал раскольников своими «лютыми неприятелями», но никогда из дела их не хотел делать секрета, не хотел его прятать в потемки, ибо знал, что ничто так не может усилить и распространить раскола, как тайна, и ничего нет для него страшнее, как полная гласность. Казни, пытки, ссылки усилили раскол, умножили число его последователей, но далеко не настолько, насколько в последнее время увеличила их несчастная тайна, которой долгое время покрыт был раскол и которая доходила до того, что даже нельзя было напечатать слов: «в России есть раскольники».

Полная гласность в деле правительственных противодействий расколу продолжалась при ближайших преемниках Петровых. Когда, по доносу разбойника Караулова, открыта была в Москве хлыстовщина, неправильно названная тогда квакерскою ересью, святейший синод издал, в 1734 году, указ о всех тайностях этой ереси, для *всенародного объявления*. Этот указ читали в церквах, чтобы все знали о новой ереси. Так поступали и во всех подобных случаях.

При таких действиях правительства в первой половине XVIII века накопился большой запас сведений о религиозных разномыслиях русского народа, из которых можно было тогда, можно и теперь получить довольно ясное понятие о том, что такое был русский раскол в то уже далекое от нас время. Недостаток сведений сказывается лишь относительно тех религиозных разномыслий, последователи которых, понимая лучше влиятельных людей позднейшего времени, что ничто так не укрепит их вероучения, как секрет, действовали в тайне и потому до времени не обращали на себя внимания. Под покровом тайны, благодетельной для успехов всякого религиозного разномыслия, развились в прошлом и в нынешнем столетиях нелепые и изуверные учения хлыстов, скопцов, шелапутов, фарисеев, что́ едва ли случилось бы, если бы первые их последователи вели свое дело открыто и гласно.

Открытая борьба с расколом продолжалась и во время елизаветинского царствования. Елизавета, благоговевшая пред всяким действием своего отца и вместе с тем исполнявшая желания православного духовенства, была для раскольников грознее своих предшественников. Но как ни жестоки были в ее время действия против последователей раскола, все же они были гласны и открыты. Петр III, как скоро вступил на престол, повелел прекратить преследования раскольников. Это до такой степени обрадовало преследуемых в продолжение целого века раскольников, что все они доселе уважают память этого государя, а некоторые сектаторы (скопцы) даже признали его воплощенным божеством. Одно это обстоятельство может достаточно показать, каково было раскольникам до дней Петра III.

Со времени Петра III и Екатерины для русского раскола начинается новая эпоха. Борьба правительства с расколом была прекращена. Она прекратилась не вследствие победы той или другой стороны, не вследствие мира или перемирия между враждующими, но вследствие сознания, что дальнейшая борьба бесполезна и не может привести ни к каким благоприятным результатам.

Нельзя не заметить, что прекращению преследований раскольников, начавшихся перед тем за сто лет, немало способствовали совершенно посторонние, внешние условия. Безусловное подражание Западу при Петре I, создавшем у нас, по западным образцам, централизацию, навлекло гонение на бородатых раскольников за безграничную преданность их старорусскому быту, отрицавшему, хотя и глупо, эту централизацию. То же подражание Западу, но ради других побуждений, способствовало и прекращению этого гонения на раскольников. В полное удовлетворение господствовавшего тогда в Европе увлечения филантропическими теориями французских энциклопедистов раскольнические верования у нас, наряду со всеми другими религиозными разномыслиями, поступили под снисходительный покров общих государственных постановлений. Вследствие того прежние петровские меры исключительной к раскольникам строгости были частью положительно отменены, вообще же решительно, систематически приостановлены. Нравственное влияние Дидро и Вольтера на Екатерину немало содействовало прекращению преследований: она едва

подписала указы о возвращении раскольникам утраченных предками их гражданских прав и естественного права свободной совести, как писала уже следующие строки к фернейскому пустыннику, оратору европейских дворов и князю философов XVIII века: «терпимость всех вер у нас законом уставлена, следовательно, гонение запрещается; правда, есть у нас такие исступленники, кои, по неимению гонения, сами себя сожигают, но если бы подобные им, находящиеся в других государствах, делали то же, то бы сие не только что большого зла не сделало, но еще бы более доставило свету спокойствия, и Колас не был бы колесован»[1].

В силу указов Екатерины, раскольники, получив полные гражданские права и свободу богослужения по старым книгам, во множестве добровольно воротились из-за границы, куда толпами уходили во время преследований, вышли из лесов и скитов и явились жителями городов. Из бесполезных для общества и государства тунеядных отшельников и пустынников превратились они в домовитых, оборотливых и богатых торговцев, фабрикантов и ремесленников, придавших новые, свежие силы развитию государственного богатства. Фабричная и торговая деятельность, за которую принялись дотоле утесняемые за свободу совести люди, стала развиваться с очевидным для всех, даже и для упорнейших противников раскола, успехом. Стародубские слободы наполнялись суконными фабриками, и если бы встал из гроба Петр, столь много и неусыпно заботившийся о суконной фабрикации в России, то он, без сомнения, клинцовским раскольникам оказал бы такие же милости, как поморским и выгорецким. В Москве и ее окрестностях, во Владимирской, Ярославской губерниях то и дело появлялись фабрики, и все раскольничьи. При Екатерине II возникла наша торговля, наша промышленность, наша ремесленность, но напрасно думают некоторые, что это было последствием не привившихся в русской жизни городового положения 1785 г., и пресловутых немецких цехов, целиком пересаженных на русскую почву и до сих пор не пустивших ни одного живого отпрыска. Скорее прекращение преследований раскольников имело важную долю

[1] «Историческая и философическая переписка императрицы Екатерины II с Вольтером». СПБ, 1802 г., стр. 12.

влияния на развитие русской торговли, фабричной и ремесленной деятельности, чем эти цехи, которые, может быть, хороши для Риги с ее средневековыми понятиями, но отнюдь не для какой-нибудь Калуги, а тем еще менее Арзамаса и Кунгура.

В екатерининское время раскол хотя и перестал считаться таким злом, против которого нужны костры, пытки, кнут и плаха, но тем не менее был по-прежнему у всех на виду. Правительственный секрет еще не выступал ему на помощь. Раскол сам даже старался высказываться в правдивом виде, так как ему не для чего было скрываться. Вот почему о положении раскола во времена Екатерины II, Павла и Александра I накопилось достаточное количество сведений довольно удовлетворительных.

При рассмотрении второго полного собрания законов Российской империи, изданного по повелению Николая I, с первого поверхностного даже взгляда заметно, что узаконения о раскольниках составляют весьма незначительную часть в этом собрании законодательных актов государства за последнее, ближайшее к нам время. В первом собрании (1649—1825) законодательство о расколе, сравнительно с общим размером всего законодательства, не в пример обширнее. Но было бы весьма ошибочно выводить из этого заключение, что в сказанную эпоху на раскольников обращалось внимания меньше, чем прежде. Напротив, правительственный надзор был в это время значительно усилен, но обращен не на *раскол*, а на *раскольников*, преимущественно же на тех, которые своими действиями или нравственным влиянием на своих единоверцев могли способствовать укреплению раскола или нарушению форм и правил городского и земского благоустройства. Другими словами, этот надзор состоял в строгом и обширном соблюдении закона, изложенного в 60 ст. Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Св. зак., т. XIV): «раскольники не преследуются за мнения их о вере, но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой, под каким бы то ни было видом, чинить какие-либо дерзости против православной церкви или против ее священнослужителей, и вообще уклоняться почему-либо от наблюдения общих правил благоустройства, законами определенных». Число дел о раскольниках в эту эпоху значительно увели-

чилось, но почти все эти дела, наполняющие теперь заповедные архивы, касаются отдельных личностей и мелочных большею частью случаев, а не сущности раскола и не движений, бывших в раскольничьих общинах. Таким образом, от последнего, ближайшего к нам времени, хотя и осталась громада дел, но они очень мало могут доставить материала для научных исследований о расколе.

Строгое исполнение приведенного выше закона и широкое толкование его низшими властями сделало с 1827 года раскольников крайне осторожными, и литература их, прежде обширная, с этого времени как бы иссякает, ибо не только авторы, но и переписчики, даже владельцы, даже читатели рукописей, при первом дознании о таком «преступлении» привлекались к суду. Но, говоря: *как бы иссякает*, я не хотел сказать, чтобы она *вовсе иссякла* в последнее время. Напротив, она продолжалась и продолжается, но произведения ее сохранялись с такой осторожностью, что для исследователя раскола было несравненно легче попасть в заботливо охраняемые от посторонних глаз архивы, чем познакомиться с этой *подпольной* [1] литературой. Впечатление минувшего времени так сильно, что доставать раскольнические рукописи не всякому легко даже и теперь.

Словом сказать, чем дальше от нас протекшее время, тем больше представляет оно материалов для научных исследований о расколе, а чем оно ближе к нам, тем меньше материалов.

Но главный материал все-таки заключается не в книгах, не в рукописях, не в пыльных тетрадях и столбцах архивных дел, но в живых проявлениях раскола, в быте и воззрениях его последователей на мир житейский и мир духовный.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Главнейшую причину запутанности понятий и знаний наших о расколе должно искать, как я уже заметил, в крайней недостаточности *точных* сведений и *определенных* понятий о настоящем значении того полуведомого явления жизни русского народа, которое принято у нас

---

[1] *Подпольные* книги — выражение самих раскольников.

называть *расколом*. Название это весьма неточно. Ему дается слишком широкое значение.

И в самом деле, не только в общем, обыкновенном употреблении, но и на правительственном языке администрации, даже самого законодательства, именем раскола издавна называли и называют *все вообще виды* уклонения русских людей от православия, все вообще виды религиозных разномыслий, которые когда-либо были причастны русскому человеку. Но в настоящее время больше, чем когда-нибудь, эти виды до того оказываются между собою различными, что смешивать их в одном общем наименовании сколь неверно логически, столь же и вредно практически. Называют раскол нравственной болезнью русского народа. Не буду распространяться о том, верно или неверно такое уподобление. Но предположим, что оно верно. Что вышло бы, например, из медицины, если бы она все болезни человеческого организма смешала под общим названием, хоть, например, *нездоровья*, всем разнообразным болезням приписала одни и те же свойства и на этом основании стала врачевать их одним безразличным средством? Последствия, подобные тем, какие произошли бы от этого между больными, обнаружились и неминуемо должны были обнаружиться в течение последних двухсот лет при попытках *лечить* русский народ от раскола, этой *нравственной* болезни, как называли его некоторые. Все религиозные разномыслия смешали под общим названием *раскола* и лечили его одними лекарствами, большей частью такими, какие в медицине называются героическими, ибо кнута, ссылки, установленных Уложением, систематического распределения наказаний раскольникам в известных 12 статьях царевны Софии, крутых мер Петра I и пр. т. п., конечно, нельзя не назвать лекарствами сильными, героическими. Продолжая сравнение, меры Петра III, Екатерины, Александра I надо назвать лекарствами успокоительными и паллиативными. Но *врачи* раскола, с половины XVII века, смотря на все разномыслия русского народа с одной точки зрения, не замечая между ними существенного различия, естественно, должны были впадать в такие ошибки, которые не могли принести пользы. Главная ошибка заключалась в том, что религиозные разномыслия в нашем народе были слишком разнообразны и происходили

из разных источников, а этого не подозревали даже и самые светлые головы XVII и XVIII столетий.

Придерживающийся так называемой поповщины, т. е. самого близкого к православию толка, и бегун сопелковский, вовсе не сектатор, но лишь, под личиной религиозности, разрывающий все связи общественного и семейного быта, возводящий бродяжество на степень догмата и вечно живущий в иллюзиях и галлюцинациях, хлыст и уродующий себя и других скопец,— все это разумелось под одним именем: *раскольники*, и на всех столь разнородных сектаторов смотрели одинаково. Знали, что раскол разнообразен, но разнообразие его полагали только в различии внешних обрядов богопочтения. Принимая этого рода различие за основание, не избегли другой крайности, насчитали чуть не до сотни сект в России, тогда как их и было и есть весьма немного. Сознание о разнородности религиозных разномыслий русского народа, по отношению к их учению и взгляду на общественные связи, а не по отношению к внешним обрядам, возникло только в нынешнем столетии, в ближайшее к нам время. До тех пор раскол узнавали, так сказать, ощупью, имея притом завязанные глаза. Впрочем, и в настоящее время эта повязка еще не совсем снята с глаз и администраторов и научных исследователей.

А между тем, при тех системах действий, которые попеременно употребляемы были против раскола в последние двести лет, и при том незнании раскола в его подробностях, которое у нас господствовало, неизбежно должна была произойти *несправедливость*. Она была невольной, а не сознательной, и потому мы не вполне вправе кого-либо из деятелей прошлого времени, сошедших уже в темные могилы, укорять в умышленной жестокости или в умышленном потворстве; но тем не менее *несправедливость* существовала. Она была неизбежным следствием *ошибки*. До 1762 года, например, строгие меры и лишения гражданских прав, наравне с изуверами, постигали и поповщину, которая от господствующей церкви отличается единственно тем, что ее последователи не признают авторитета за православными архиереями. Над поповщиной даже сильнее тяготела петровская система действий, потому что последователи ее больше других были на виду. После 1762 года гражданские права и преимущества, возвращенные раскольникам Петром III и

Екатериной II, были распространены в равной степени и на тех полезных членов общества, которые быстро возвысили во второй половине прошлого столетия промышленную, торговую и ремесленную деятельность России, и на изуверов, которые неоспоримо вредны для всякого общества и не могут быть терпимы ни в каком благоустроенном государстве, как, например: возводившие убийство на степень религиозного догмата, разрывающие все связи общественные, скопцы и т. п.

В ближайшее к нам время обращено было внимание на разнородность раскола. Стали искать, в чем состоит различие разнообразных религиозных разномыслий русского народа. Первое различие сект и разделение их на *вредные* и *менее вредные* встречаем не ранее 1830 года, когда, высочайше утвержденным, 20 октября 1830 года, мнением государственного совета, для руководства в делах о духоборцах, иконоборцах, молоканах, иудействующих и последователях других, признанных особенно вредными ересей, постановлены были правила, напечатанные в «Полном Собрании Законов» [1]. Это отличие *раскола* вообще от так называемых *ересей особенно вредных*, для которых административный надзор усиливается и строгость юридических взысканий увеличивается, вошло в свод законов, а в 1845 году и в уголовный кодекс. Но что именно следует относить к разряду ересей, признанных особенно вредными, и что к разряду обыкновенного *раскола*, где граница между этими юридическими подразделениями религиозных разномыслий, законодательство ни тогда, ни после не указало. Умолчало оно и о том, для кого вредны секты, признанные вредными: для церкви, или для государства, или для народа; не указало и того, в каком отношении они вредны: в политическом, или в религиозном, или по причине нарушения последователями их существующих уставов городского и земского благоустройства; не объяснено и того, в чем именно состоит вред: не предостерегло, таким образом, народа от того, что само назвало вредной язвой... Но этого мало; в законодательстве [2] после поименования

[1] «Второе Полное Собрание Законов», № 4010.

[2] «Св. зак.», т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 79 и 87. «Уложения о наказаниях», ст. 217 («Св. зак.», т. XV).

под рубрикой вредных ересей: духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих и скопцов, присовокупляется выражение: *и других*. Это выражение кратко, но значение его очень широко [1]. При незнании сущности религиозного разномыслия той и другой секты низшими исполнителями закона, произвол их делается на основании этого *и других* еще шире. В выражении *и других* заметно уклонение в неопределенную мглу сбивчивости понятий о том явлении, которое называется расколом. Уклонение неизбежное, которого не быть не могло, которое, при всей добросовестности деятелей, при всей чистоте их намерений, неминуемо должно было оказаться. Причина тому — неведение сущности раскола, этого явления, до сих пор еще никем вполне и ясно не понимаемого. А можно ли определить степень вреда или пользы чего бы то ни было, не узнав наперед свойств предмета, которому приписывается вредное или полезное влияние? До тех пор, пока, при распределении вреда и преступности сект пред лицом существующего государственного порядка и благоустройства, принимается за основание не общий дух и состав секты по отношению их к государству, но частные случаи фанатизма, от времени до времени обнаруживающегося в видимых гласных действиях преимущественно помешанных или полупомешанных сектаторов, все будут ходить в отношении раскола ощупью [2]...

Замечу мимоходом один случай, который наглядно покажет, что, при известном стечении обстоятельств, может произойти от неведения или непонимания сущности той или другой секты. Лет шесть-семь тому назад в Костромской, помнится, губернии одна несчастная женщина зарезала двух малолетних детей своих и, при производстве формального следствия, объявила, что она сделала это по побуждению родительской любви. Она в самом

---

[1] Это *и других* внесено на основании следующих слов закона 8 октября 1835 года: «Кроме духоборцев, иконоборцев, молоканов, иудействующих, должно считать особенно вредными скопцов и не молящихся за царя, и сверх того и тех раскольников, *кои, по местным соображениям, будут в равной степени признаваться вредными для общества;* о сих последних испрашивать каждый раз разрешения министерства внутренних дел, описывая обряды, мнения и правила, и означать степень вреда, от них происходящего».

[2] Для избрания правильной и твердой системы действий в отношении к расколу, правительством собираются необходимые, полные и верные сведения о существующих, догматических их учениях и внутреннем составе их общин.

деле была самой нежной матерью и, как говорится, души не чаяла в своих детях, что единогласно показали под присягой все ее знавшие. Несчастная говорила, что она теперь рада за детей, что они, как невинные младенцы, теперь наслаждаются блаженством в лоне божьем, а если бы выросли, то еще бог знает, какую жизнь стали бы вести и сподобились ли бы райского блаженства, которое теперь для них несомненно. Несчастная мать была раскольница, но, к счастью, она принадлежала к тому огромному большинству раскольников, которые, по книгам и записям, значатся принадлежащими к господствующей церкви. Будь она *записной* (в книге) раскольницей, ее взгляд на детоубийство, совпадающий со взглядом, например, секты *детоубивателей*, о которой еще в первой половине прошлого столетия упоминает преосвященный Феофилакт Лопатинский в своем «Обличении неправды раскольнической» [1], секты, которой, как отдельного толка, никогда не было,— навлек бы на бедную мать страшное наказание по действующему уголовному кодексу; но, к счастью, она хотя и была раскольница, но значилась православною. Одержимая душевной белезнью mania religiosa, несчастная женщина помещена была в доме умалишенных.

Никак нельзя судить о степени вреда той или другой секты по отдельным, частным случаям проявления фанатизма, для этого необходимо добросовестное исследование духа и сущности каждой секты. Ведь если раскол — болезнь народная, как думали некоторые, то уж и к нему надо было бы отнести известную медицинскую истину, что злые припадки нередко обнаруживаются при самых безопасных болезнях. А сколько бывало и у нас и у других народов случаев фанатизма совершенно случайных, на основании которых неведающие сущности дела созидали небывалые, никогда не существовавшие секты! У нас это часто бывало, особенно в прошлом столетии. Таковы: морельщики, детоубиватели, самосожигатели, иконоборцы, пасховерцы, иудействующие, мессалиане, монтане и много-много других. Но об этом в другом месте, чтобы не отвлекаться далеко от предмета настоящего письма.

---

[1] В прибавлении к изданию 1745 года, под № 23-м.

Распределение религиозных разномыслий русского народа на два широкие отдела: *раскола* и *особенно вредных ересей*, без определенной граничной черты между теми и другими, не могло не обнаружить пред лицом законодательства своего несовершенства, столь вредного в случаях практического применения закона к действительной жизни. Поэтому последовало другое разделение раскола. Вот оно:

1) *Старообрядцы*, приемлющие священство.

2) *Раскольники* разных согласий, не приемлющие священства, но поклоняющиеся иконам.

3) *Духоборцы, молокане и иконоборцы* (?), не приемлющие священства и не поклоняющиеся иконам.

4) *Субботники* или *жиды*, приемлющие вместо св. крещения обрезание (?).

5) *Скопцы*.

В этом распределении заметно уже небольшое знакомство с некоторыми сектами. В нем видно и некоторое каноническое основание. *Подцерковники* [1], например, верно отделены от *раскольников*, а эти от *еретиков*. Но в разделении еретиков на три отдела (3, 4 и 5) опять заметно неведение, неизбежное, естественное, ибо во время составления этого распределения еще не были и приблизительно исследованы ереси. Так, отведен особый отдел жидам (такой секты собственно нет), но забыты божьи люди (христовщина или хлыстовщина), самое древнее русское религиозное разномыслие, занесенное на русскую почву еще при св. Владимире, одновременно с православием, происходящее от болгарских богомилов, как эти происходят от азиатских манихеев, и т. д. до гностиков и Филона Александрийского.

Впоследствии в обозначении отделов русских религиозных разномыслий были допущены изменения, которые, надо сказать, уклонились от верности несколько далее, чем сейчас приведенное разделение. Вот как разделили сектаторов:

1) *Приемлющие священство.*

2) *Беспоповщина.*

а) Признающие браки и молящиеся за царя.

б) Не признающие браков и не молящиеся за царя.

---

[1] Так «Кормчая» называет третий чин ересей.

3) Молоканы, духоборцы и иконоборцы, субботники или иудействующие.

4) Скопцы, хлысты, шелапуты и другие, придерживающиеся скопчества [1].

Здесь главнейший недостаток в разделении беспоповщины. Брак признается *всеми* разномыслящими, кроме скопцов и хлыстов. У беспоповщины есть брак гражданский (*сводные браки, браки по родительскому благословению*), временный (*посестрие*). Есть у некоторых (даже и в поповщине) беглый брак (*свадьба уходом*). Не признает брака федосеевщина, но ведь истые федосеевцы в своем роде безбрачные монахи, в молодости все они «мирщатся», то есть живут брачно (не венчаясь, стало быть, это временный гражданский брак), а потом, достигнув известного возраста, прерывают супружеские отношения и до смерти остаются в безбрачии и целомудрии. Вообще говоря, приведенное подразделение раскола, по-видимому, довольно подробное и обстоятельное, имеет тот коренной недостаток, что в нем, при отсутствии ясных

---

[1] В декабре 1842 года последовало от св. синода следующее распределение раскольников на три степени:

«А. *Секты вреднейшие:* 1) *Иудействующие*, ибо это хуже, нежели ересь: это совершенное отпадение от христианства и существенная вражда против христианства. 2) *Молоканы*. Хотя, по-видимому, держатся священного писания, но берут из него только то, что им нравится. Не признают никаких таинств, никакой иерархии. Не принимая присяги, не уважают верности и никакой власти, не признают ее богопоставленною, повинуются только поколику нельзя противиться. Секта разрушительная. 3) *Духоборцы*, сколько известно, одинакового духа с молоканами. 4) *Хлыстовщина*. Ересь богохульная, потому что, не отвергая наружного общения с христианскою церковью, вводит человекообожание. 5) *Скопцы*. Также богохульная ересь, потому что начальника секты почитает Христом. Вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство. 6) Те *беспоповщинские* секты, которые отвергают брак и молитву за царя. Они пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства, и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою. Отвергая брак, вводят безнравственность.

«Б. *Секта вредная*. Те из *беспоповщины*, которые не отвергают брака (новожены) и не отрекаются от молитвы за царя. По сим чертам могли бы почесться менее вредными, но решительно вредны, потому что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от худших отраслей беспоповщины и, между прочим, дух демократический.

«В. *Секта менее вредная. Поповщина*. Это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более представляет надежды к обращению».

и точных понятий о существе дела, разные наименования религиозных разномыслий разбросаны по рубрикам произвольно, без надлежащего соображения с действительностью. Причина этого неизбежного недостатка заключается опять-таки в той же недостаточности сведений и неясности понятий наших об общем духе каждой секты, сведений, которые можно получить лишь прямо из наблюдений над расколом в живых его проявлениях. Принятые же для приведенного распределения основания опираются на мертвые буквы официальных бумаг и на отдельные случаи проявлений фанатизма. Неизбежным последствием этого было то, что здесь допущены такие секты, *каких в действительности нет*, и, с другой стороны, виды сектаторства, которые на деле существуют, пропущены или смешаны между собой. Поясню это тремя-четырьмя примерами.

1) В приведенном правительственном подразделении религиозных разномыслий русского народа на разряды, а равно в уголовном кодексе и в Уставах благочиния, упоминается секта *иконоборцев*.

Что это за секта? Уж не остатки ли иконокластов, что́ торжествовали в Византии при императорах Исаврийской династии? Совсем нет! *Особой* секты иконоборцев в русском народе *нет и никогда не бывало*.

Раскольники, называющие себя «старообрядцами» или «староверами», т. е. все те, которые отделились от церковного единения по поводу исправления обрядов, произведенного патриархом Никоном, иначе все отделы поповщины и беспоповщины, не принимают икон живописных и нового письма, но старым, а некоторые толки даже и новым, но иконописным, поклоняются. Правда, бывали отдельные случаи, не имеющие, впрочем, ничего общего с духом секты, что так называемые староверы, в пылу фанатизма, совершали иконоборные ругательства над новыми живописными иконами, но их на этом основании еще нельзя назвать иконоборцами, так как они поклоняются своим старым иконам. У хлыстов, скопцов и т. п. есть иконы, и хотя им не отдается такого чествования, как в православной церкви, но все же их почитают и употребляют при совершении некоторых обрядов, например, при приеме в свое общество новых членов и пр. Мало того, у них, кроме наших икон, есть еще свои, как, например: у хлыстов — их верховного гостя саваофа Да-

нилы Филипповича, их христов Ивана Тимофеевича и Прокопия Лупкина, их богородицы Акулины Ивановны и проч.; у скопцов — их христа Кондратия Селиванова, их предтечи Александра Ивановича Шилова, их богородиц Акулины Ивановны и Анны Родионовны, и пр. Стало быть, их ни в каком случае нельзя назвать иконоборцами. Духоборцы и молоканы, отвергающие всякую внешность, всякий обряд, отвергают иконы, как старые, так и новые, как живописные, так и иконописные, но их все-таки нельзя назвать *только* иконоборцами, ибо сущность их верований состоит не просто в раскольническом разрыве с господствующей церковью из-за внешних обрядов и обычаев, как, например, почитание икон, но в совершенном отрицании никейского символа, этого краеугольного основания всех христианских исповеданий, и сверх того в отвержении таинств, церковного устройства и всяких обрядов внешнего богопочитания. Но если духоборцы и молоканы и действительно могут считаться иконоборцами, то ведь каждый из этих толков значится в разбираемом распределении раскола на секты особо, под своим именем. Кого же, спрашивается, должно, *сверх них*, разуметь под иконоборцами? Правда, о иконоборцах упоминают еще в начале прошлого столетия св. Дмитрий Ростовский и Феофилакт Лопатинский. Известия первого относятся к 1708 году. В этом году к ростовскому митрополиту пришел из нижегородского Заволжья (где Керженец и Чернораменье, столь известные в истории раскола) иеромонах Иоасаф и принес «малые тетрадицы», в которых были исчислены все тогдашние *скиты* (секты [1]), существовавшие в Брынских лесах, т. е. в нижегородском и костромском Заволжье. В этом списке встречаем *иконоборщину*, и потом такое ее объяснение: «Иже вся святыя иконы и старыя и новыя отметают» [2]. В том же 1708 году отыскал митрополит Дмитрий в самом Ростове одного иконоборца, посадского человека, по имени Трофима, беседовал с ним и нашел, что он «глагола *еретическим лютеранским и кальвинским, купно и жидовским* духом от писания святого» [3]. Всякому, кто сколько-нибудь знаком с религиозными разномыслиями нашего на-

---

[1] Дмитрий Ростовский слово *скиты* употребляет всегда в смысле *толк, секты*.

[2] «Розыск», 65 и 66.

[3] «Розыск», 173 и 174.

рода, ясно, что этот Трофим был последователем ереси Дмитрия Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина), которая шла не от русского раскола, а от новгородских еретиков времен Ивана III и особенно развилась в начале XVIII столетия по влиянию любимцев Петровых, немцев-иноверцев, живших в Москве[1]. Это то, что впоследствии стали называть *молоканством.* Из объяснений св. Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского видно, что последователи Тверитинова и ростовец Трофим на почтение икон смотрели, как на идолопоклонство, т. е. как и нынешние молоканы и духоборцы. Совсем не такой представляет иконоборскую ересь, лет через пятнадцать после кончины Дмитрия Ростовского Феофилакт Лопатинский. Он говорит: «Ересь иконоборская за то была в расколе: от старых икон благодать божия отлете, а вновь писанным такожде (sic!); только на восток поклоняются»[2]. Это уже не молоканы, но все-таки и не особая ересь, все-таки не иконоборческая ересь, ибо последователи той секты, о которой имел неясное понятие Феофилакт, отвергали иконы только *по факту,* а по *принципу* их признавали. И до сих пор можно встретить таких раскольников, особенно престарелых, не только в беспоповщине, но даже, хотя и редко, в поповщине. Из ревности не по разуму, они почитают святой только *свою* икону, зная, что она стара или благочестивым человеком написана. Не почитая чужих икон, они возят свою по дорогам, и, будучи в своем ли доме, в чужом ли, только этой иконе молятся, не позволяя ей молиться другим, даже самым близким людям. У раскольников беспоповщинских толков по деревням нередко можно встретить по две, по три иконы в каждом углу тесной избы, задернутые пеленой: старик-хозяин молится одной, старуха жена его — другой иконе, а в переднем углу общая еще икона: она назначена для молодых, еще во грехах и суетах мира живущих членов семейства и для приходящих. Что касается молитвы на восток, о которой говорит Лопатинский, то мне самому пришлось однажды в Княгининском уезде видеть точно такое моление. Случился ночью в деревне пожар; сгорело несколько раскольничьих домов; из дома, в котором загорелось, не успели и икон вынести, хотя, как известно, русский крестьянин, православный он или раскольник, все

[1] «Камень веры», Стефана Яворского, т. 1—9 и след.
[2] «Обличение». В прибавлении к изданию 1745 г., № 34.

равно, в случае пожара, прежде всего спасает от огня «божье милосердие», т. е. иконы. Утром, на восходе солнца, когда дома еще догорали, погорелый старик и с ним две старухи *молились на восток*, потому что их иконы сгорели, а другим, по их словам, они поклоняться не привыкли. Ведь это не иконоборцы, конечно? А такие же точно старики и старухи, в том же самом Княгининском уезде, до 1848 года, когда разобрали их дело, значились в книгах земского суда иконоборцами и таким образом были причислены к *вреднейшим* сектаторам. А они были нетовцы. *Особой* секты иконоборцев у нас решительно нет, кроме разве подобных княгининским.

2) В административном распределении раскольников по сектам особая рубрика отведена для *субботников*, или иудействующих, которых прежде называли даже просто «жидами», приемлющими, вместо крещения, обрезание [1]. В «Уложении о наказаниях» эта секта отнесена к самым вредным, и не только распространителям ее полагается тяжкое наказание, но даже если бы при отправлении принадлежащими к этой ереси обрядов в той комнате находился малолетний крестьянин (какого именно возраста, не определено, следовательно, и полугодовой ребенок), то и он отдается в кантонисты, а если не способен, то на казенные фабрики; причем не упомянуто даже и об ограничении такого наказания относительно детей, по рождению принадлежащих к привилегированным сословиям, права которых разрушаются *частью* при отдаче в кантонисты и *совершенно* при отдаче на казенные фабрики [2]. По закону, «местные власти, сколь возможно, преграждают жидовствующим сообщение с пра-

---

[1] Заметим, между прочим, что эти *субботники*, по высочайшему повелению 3 февраля 1825 года переименованные в жидов, существовали и в царствование Петра I. Вот что говорит о них Феофилакт Лопатинский («Обличение», в прибавлении № 32): «*Субботовщина*, когда христиане постятся, тогда они не постятся: также и в праздниках противность, и то равняют как у нас разрешение противу поста арменска: также ино-де православным кое общение с никонианы. Оле! злоба не весть предпочитати полезное». Ясно, как день, что это секта Тверитинова, которую после стали называть молоканами также потому, что они в православные посты не постились, а ели *молоко* — самое употребительное из скоромных кушаний в обыденной жизни русского крестьянина, который, по бедности своей, ест мясо только в самые большие праздники.

[2] «Уложение о наказаниях», стр. 219 («Св. Зак.», т. XV).

воверными жителями и для того не выдают паспортов, никому из принадлежащих к жидовской ереси для отлучки в другие места. Из уездов, в коих находится жидовская ересь, высылать всех евреев без исключения и ни под каким предлогом не дозволять им там пребывания. С евреями, являющимися в уездах, в коих находится жидовская ересь, поступать, как с беспаспортными, подвергая взысканию и лица, давшие им пристанище» [1].

Где же эти уезды, в которые не должны являться евреи, казалось бы, уж совершенно чуждые русскому расколу? Подозреваемых в небывалом жидовстве, более сорока лет тому назад, селили в бывшем Александровском уезде бывшей Кавказской губернии и в нынешней губернии Бакинской. Но жиды ли они были?

Многократными опытами доказано, что под именем иудействующих в действительности были не последователи Моисеева закона, но либо мистики, начитавшиеся Юнга, Штиллинга, Эккартсгаузена (имевших в начале нынешнего столетия большое влияние на грамотных простолюдинов), либо хлысты, либо молоканы. Если являлось какое-нибудь общество мистиков, не соблюдавших постов и других внешних обрядов господствующей церкви, их сейчас заподозревали в жидовстве. Старинная, почти пятисотлетняя форма воззрений русских людей на всякого рода мистические и отвергающие внешние обряды согласия! Даже в ближайшее к нам время так называемых «десных христиан» на Урале признали было жидами и подозревали их в совершении еврейских обрядов и даже в обрезании. Мистическое братство «сионской церкви» в том же подозревалось... Хлысты имеют обычай тайно собираться для совершения своих обрядов не в самые праздники, а накануне их, стало быть, не по воскресеньям, а по *субботам*. Отсюда им, по некоторым местам, дали имя *субботников*. Молоканы, при своих собраниях, поют одни только псалмы Давидовы, читают преимущественно Ветхий завет, особенно места, обличающие идолопоклонство, к которому применяют почитание икон и мощей православными. Отсюда тоже подозрение в содержании жидовства. Наконец между молоканами есть так называемые *молоканы-субботники*, которые не при-

[1] «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», ст. 84, 85 и 86 («Св. Зак.», т. XIV).

знают Иисуса Христа сыном божьим. Это нечто вроде западных социниан и унитаров. Отсюда также подозрение в жидовстве. Но ни мистики, ни хлысты, ни молоканы не ожидают пришествия Мессии, не совершают еврейских обрядов и праздников, талмуда совершенно не знают. Теперь скажем об обрезании, заменяющем будто бы у русских жидов крещение. Правда, есть молоканские секты, утверждающие, что крещение есть обучение детей грамоте, а причащение — приобщение глаголу божью, т. е. чтение св. писания; но чтобы они употребляли, вместо крещения, обрезание, совершенных юридических доказательств тому нет. Не оспариваю, чтобы не случалось между русскими людьми когда-нибудь обращения в еврейскую веру с обрезанием; могли быть отдельные случаи, но никогда не было целого общества таких жидов, особой секты жидовствующих и притом с пропагандой [1]. Название же жидов, по всей вероятности, присвоено частью мистикам, частью хлыстам, а больше всего молоканам, которых зовут субботниками и которые от времени до времени попадались под суд, составленный из людей, ровно ничего не смысливших в религиозных разномыслиях как русского, так и других народов. А названы последователи всех этих разномыслий, в особенности же русские социниане и унитары (молоканы-субботники), жидами на следующем основании.

Под № 30.436 в опубликованном Полном Собрании Законов Российской Империи напечатано: «Как ничто не может иметь большого влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и субботники в отношении православной веры, то *именовать субботников жидами и оглашать, что они подлинно суть жиды*, ибо настоящее их наименование субботников, или придерживающихся Моисееву закону, не дает народу точно-

---

[1] В единоплеменном и единоверном с нами царстве Болгарском являлись тоже так называемые *жидовствующие*. Один проповедник этой ереси явился некогда в самом Тернове... О болгарских жидах ничего не могу сказать положительно, потому что не довольно основательно знаком с старой болгарской литературой. Глубокоуважаемый С. Н. Палаузов, как единственный у нас знаток болгарской церкви, истории и литературы, объяснит нам это явление в жизни болгарского народа.

го о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство». Это было постановлено 3 февраля 1825 года. Но еще задолго до этого история наша представила поразительно сходный пример такого же правительственного распоряжения, пример, относящийся ко времени Ивана Васильевича III. Так называемых «новгородских еретиков», которые были то же самое, что впоследствии секты Бакшина, Висковатого, Тверитинова, а в настоящее время молоканы огласили *«жидовствующими», ради отвращения народа от их учения*, этого отпрыска реформационных идей, волновавших тогда умы в Западной Европе, учения, которое в самое короткое время было так распространено в России, что многие лица, стоявшие на самых высших ступенях общественной иерархии, открыто его приняли. Неужели и они были жиды? Кто же они были? А вот кто: когда впоследствии один монах Троицко-Сергиева монастыря, принадлежавший к этой ереси, бежал из России за литовский рубеж, то, как скоро прибыл он в Витебск, тамошние реформаторы сделали его своим пастором. Да и в нашем веке англичанин Мельвиль, протестантский миссионер [1], и некоторые социниане из иностранцев, вступили было за Кавказом в тесные связи и полное общение с «общими» и с так называемыми «жидовствующими». Какие же это жиды? Повторяю: *особой секты жидов в русском народе нет и не бывало.*

3) О хлыстах в первом распределении сект, а также в «Уложении о наказаниях» и «Уставах благочиния» не упомянуто; во втором, хотя они и поименованы, однако смешаны с скопцами, шелапутами и другими *придерживающимися*, как сказано там, *скопчества*. Между тем хлысты в действительности составляют весьма обширную и притом совершенно самостоятельную секту, распространенную в народе под разными, крайне многочисленными и далеко еще не приведенными в точную известность названиями, и хотя скопцы действительно проис-

---

[1] Уехал из России, именно из Одессы, с последним кораблем, перед наложением эмбарго в 1853 году. Он дал правильную организацию общинам акинфьевщины или секты «общих» около Шемахи, что принято и в Самаре, и в Енисейской губернии, и в Минусинском округе.

ходят от хлыстов, хотя скопчество есть не что иное, как хлыстовская ересь, подвергнутая изменениям Кондратья Селиванова, однако же о самих хлыстах было бы несправедливо сказать, что они придерживаются скопчества. Напротив, они питают к скопцам самую непримиримую религиозную антипатию и даже ненависть, и, наоборот, скопцы им платят тем же. Достаточно взглянуть в скопческую книгу «Страды искупителя», чтобы видеть это. Что и хлысты и скопцы употребляют при своих «радениях» одни и те же песни и обряды, это еще ничего не доказывает, ибо скопчество образовалось из хлыстовщины, удержав обряды этой древнейшей в России ереси. Правда, еще в прошлом столетии, а также и в нынешнем, были попытки хлыстов и скопцов соединиться «во един корабль», но каждая из таких попыток оканчивалась не больше, как дракою, а однажды и смертоубийством.

4) Беспоповщина разделяется в приведенном мною правительственном распределении раскола на секты и в самом нашем законодательстве на две отрасли: а) признающие браки и молящиеся за царя и б) не признающие браков и не молящиеся за царя. А куда отнести признающих браки, но не молящихся за царя, и, наоборот, не признающих браков, но молящихся за царя? А куда отнести те общины поповщины, у которых нет моленья за царя? А между тем и те, и другие, и третьи в действительной жизни существуют.

Можно было бы привести еще немало подобных примеров, но едва ли не достаточно и этих для убеждения, что вопрос о расколе доселе представляется в хаотической мгле. А только это я и хотел доказать на сей раз. Повторю, что сказал прежде: надо откровенно сознаться, что теперь мы знаем раскол несравненно хуже, чем знали его наши деды и прадеды. Нередко в нем отыскивают то, чего в нем нет и не бывало, что совершенно ему несвойственно; зато, наоборот, что в нем действительно есть, то упускается из виду, просматривается или же представляется не так, как оно есть.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

При той неопределенности понятий и неполноте сведений о расколе и раскольниках, о которой я, кажется, вдался уж во многоглаголание,— точного, верного раз-

деления его на отрасли ни в русской администрации, ни в русской литературе не бывало.

В XVII столетии, когда образовался собственно так называемый *раскол*, как последствие реформ патриарха Никона, кажется, никому не приходило в голову, что в русском народе кроются *разнообразные* религиозные разногласия. А между тем это было так... Хлыстовщина, например, в это время уже была, и притом давно, и притом не только у нас, но и у западных славян, со времени крещения славянских народов. Так, из Густынской летописи видно, что 1507 году христовщина и хлыстовщина существовала в Польше и Силезии[1]. Во время Донского был у них христос Аверьян, убитый татарами, во времена Ивана Грозного были в Москве, в Киржаче и на реке Андоме христос Иван Емельянов и богородица Марья Якимовна, при Никоне странствовал по нынешним Костромской и Владимирской губерниям господь саваоф Данила Филиппович, который около Костромы побросал в Волгу и старые и новые книги, говоря, что не в грамоте и не в книгах, а в слове и духе спасение... Рационалисты, со времен «новгородских еретиков», на Руси не переводились, особенно в заволочских монастырях[2] по сказанию князя Курбского. Беспоповщина существовала задолго до Никона; начало ее в стригольничестве, появившемся во Пскове еще в XVII столетии. Но разница беспоповщины XIV и последующих столетий от современной, образовавшейся в исходе XVII столетия, весьма важна: та отвергала иерархию *и по принципу и по факту*, нынешняя

---

[1] «Полное Собрание Русских Летописей», т. II, стр. 365. «В то же лето (1507), за Краковом, собрася лестцов некоих тринадесять, иже поведахуся быти апостолами и единаго межи собою нарекоша Христом и ходиша по селом, безумных лестяще и многи чудеса хитростию твориша: в безводных озерах пред людьми рыбы ловиша, прежде их тамо наметавши; наемше кого да ся мертвым сотворить, донели же его воскресят, тако мертвых воскрешаху и проч. На Шлионску же (Силезии) гостиша у единыя жены, и понеже не хоте им дати, еже у ней прошаху, тай вложиша губку зажжену во убрус, отъидоша, грозяще ей помстою от бога; она же не смотревши, вложи убрус со огнем в скрыню, и по мале возгоресе ей скрыня и потом весь дом изгоре. Егда же прийде муж ея и глагола: «что се есть?» она же рече: «яко Христос ми покара, ему же не дах, еже мя прошаше». Какое разительное сходство с христом Васильем Радаевым, которого я лично знал в 1850 г. и о котором поговорю в одном из следующих писем.

[2] Заволочский край — в нынешних Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях.

же, признавая принцип, отвергает иерархию *лишь по факту*. Но об этом замечательном явлении в русской жизни, имевшем важное влияние и на развитие молоканских или рационалистских ересей, когда-нибудь после.

До XVIII столетия вовсе не разделяли раскольников на разряды, толки, согласия; всех русских людей, разномыслящих с господствующею церковью, называли общим именем: «*раскольщики*». Кажется, в то время еще и не подозревали распадения раскола на секты, хотя уже в конце XVII века и знали о его разногласиях. В посланиях Игнатия, митрополита сибирского, писанных в девяностых годах XVII века, уже видны указания на эти разномыслия [1]. Но первое распределение раскольников по сектам появилось в первый раз в «Розыске» св. Дмитрия Ростовского.

Помещенное в «Розыске» разделение раскольников на секты не принадлежит самому святителю. Он говорит, что в 1708 году доставлен был ему список сект Иоасафом, строителем Спасораевской пустыни, находившейся среди Чернораменских лесов, называемых св. Дмитрием (не знаю почему) Брынскими [2]. В следующем 1709 году, в марте, то есть месяцев за семь до кончины св. Дмитрия, ярославец Петр Ермилов, старец Переяславского Борисоглебского монастыря Андроник и еще старец Пахомий, давно живший в Черной Рамени и на Керженце, сооб-

[1] Он говорит: «Тогда воздвижися презельная буря на церковь божию, и начаша *мнози ереси* быти и кийждо бяше от них (расколоучителей) своея нововымышленныя ереси начальник». Послание третье. «Православный Собеседник» 1855 года, книга 2, стр. 101.

[2] Спасораевский монастырь, упраздненный при учреждении монастырских штатов, в 1764 г., ныне село Спас, на Кезе, Семеновского уезда, Нижегородской губернии, в так называемой Черной Рамени, по соседству с Керженцем. Что св. Дмитрий Ростовский разумел под именем Брынских лесов нижегородское Заволжье, в котором было тогда главнейшее сборище раскольников, это видно из многих мест его «Розыска»; например: «Воевода ростовский Пашков повeда нам: был послан... в Балахонский уезд, в Заузольскую волость. Там содеяна вещь сицевая: есть село Бор от Николы, в том селе у попа Сысоя два раскольника подговорили жену его с деньгами и повели в брынские раскольнические места, аки бы на спасение, и не дошед реки Керженца, те раскольники привели ту попадью в некую храмину пусту. А прежде их пришествия два бортника Толоконцовской дворцовской волости тамо пришедши...» Все эти места, т. е. Заузольская и Толоконцовская волости, р. Керженец, село Бор находятся в Семеновском уезде.

щили ему дополнительные сведения по этому предмету. Когда они были у св. Дмитрия, он показал им «малыя тетрадицы» Иоасафа и спросил, действительно ли такие секты (скиты) находятся у раскольников? Они отвечали: «Теперь не все такими именами скиты прозываются, разве что прежде так назывались, ибо иные скитоначальники перемерли, другие в иные страны переселились, в Польшу многие ушли и там поселились». И затем доставили Дмитрию сведения о существовавших тогда, т. е. в 1709 году, сектах. По списку Иоасафа их было двадцать: из них девять не упоминаются уже во втором списке, но зато вместо них прибавлено четыре новых, так что во втором списке является лишь пятнадцать толков. Вот эти толки:

По списку Иоасафа

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Беспоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфриевщина.
8. Аввакумовщина.
9. Ефросиновщина.
10. Иосифовщина.
11. Калиновщина.
12. Киприяновщина.
13. Иларионовщина.
14. Серапионовщина.
15. Козминщина.
16. Волосатовщина.
17. Исаковщина.
18. Стефановщина.
19. Сожигатели.
20. Морельщики.

По списку Петра Ермилова и др.

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Беспоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфриевщина, или аввакумовщина.
8. Иосифовщина.
9. Иларионовщина.
10. Серапионовщина, или морельщики.
11. Волосатовщина, или сожигатели.
12. Федосеевщина.
13. Ефремовщина.
14. Иаковщина.
15. Субботники.

Сверх того, в третьей части «Розыска» упоминаются:

1. Подрешетники, или капитоны.
2. Андреевщина.
3. Рогожники, или рубищники.
4. Павлиновщина.
5. Андреяновщина.

Таким образом св. Дмитрию Ростовскому было известно о двадцати девяти раскольнических сектах. Ученый святитель не успел подвергнуть доставленные ему списки надлежащей критике, ибо в октябре того же 1709 года скончался [1].

---

[1] Самый «Розыск» далеко не был окончательно обработан Дмитрием, но святитель, при жизни своей, раздавал отрывки его духовным лицам своей епархии. Эти отрывки впоследствии собраны и напечатаны в первый раз через 36 лет по кончине св. Дмитрия, в 1745 году. Вообще до сих пор история составления «Розыска» не подвергнута еще надлежащей критике, не объяснено, что в этом сочинении принадлежит самому св. Дмитрию и что другим лицам. Известно только то, что св. Дмитрий не успел его совершенно обработать. Припомним, однако, что все сведения о раскольниках, о их сектах и действиях св. Дмитрий прямо называет *не своими*, а полученными от других. Он говорит: «Дела раскольническая злая, яве в противность церкви святой творимая, якоже о тех *доносится нам* суть неизчетна, о них же подробну писати и глаголати невозможно разве знатнейшая зде предложим. *Не от себе же предложим, аз бо смиренный не в сих странах рожден и воспитан, ниже слышах тогда о расколах в стране сей* (Великой России) *обретающихся, ни о лесах Брынских, ни о скитах, ни о разнствии вер их, ни о делах их*, но уже зде по божию изволению и по указу государеву жити начен, *уведах слухом от многих доношений*... Предложим убо то, яже подлинно известно: ово от самовидцов повествователей уведохом, ово от самовидцов слышахом, овая же на письме прияхом» («Розыск», стр. 566). Слова весьма важные. В «Розыске» есть места, описывающие раскольников в неправильном, искаженном виде, и это раскольниками ставится в упрек св. Дмитрию. Они говорят, будто бы он вымышлял много. Но он не вымышлял, а записывал все, что слышал, и потому неточность рассказа падает не на св. Дмитрия, а на сообщавших ему неверные слухи. Имена этих лиц он почти всегда называет. Знаменитая резолюция Петра I (через 7 лет по кончине Дмитрия): *«Написать нечто против раскола и сказать на Дмитрия с братьею»*, вследствие которой Стефан Яворский *тайно* написал, а Питирим нижегородский *явно* напечатал подложное деяние на Мартина армянина, набросила сильную тень на святителя Дмитрия, неповинного в этом нехорошем деле, сделанном после его кончины. Память о святом Дмитрии Ростовском, *просвещенном* деятеле конца XVII и первых годов XVIII столетий, дорога для нас не потому, что он причислен к лику святых, но по его *честной гражданской деятельности*; он еще ждет своего биографа, который когда-либо представит его в надлежащем свете. Пора, пора снять

В этих списках с раскольниками помещены и еретики (христовщина, т. е. хлысты, иконоборцы (?), субботники, то есть молоканы), помещены и «*кривотолки*», как особая секта, с таким объяснением: «Все скиты их раскольнические того суть именования, понеже все *криво* толкуют божественное писание»[1]. Из второго списка видно, что в первом Иоасаф одну и ту же секту, называвшуюся двумя именами, представлял за две отдельные (онуфриевщина и аввакумовщина, морельщики и серапионовщина), и наконец ни в том, ни в другом списке нет разделения на главные отрасли раскола: *поповщину и беспоповщину.*

Питирим, прежде расколоучитель, а впоследствии архиепископ нижегородский, в изданной им по повелению Петра I (в 1721 г.) «Пращице» первый делит раскольников на разряды более точным образом. Вот это разделение:

А. *Беспоповщина.*

1. Перекрещеванцы.
2. Нетовщина.
3. Андреевщина.
4. Федосеевщина.

Б. *Поповщина.*

1. Аввакумовщина, или онуфриевщина.
2. Софонтиевщина, или стариковщина.
3. Дьяконовщина, или лысеновщина[2].

Питирим, и в бытность свою бродячим раскольником по скитам и лесам, и в бытность свою любимцем Петра I и нижегородским архиереем, знал раскол только

с святителя Дмитрия взведенную на него клевету. Если бы Дмитрий действительно имел в руках подложное деяние на Мартина армянина, неужели бы он не упомянул о нем в своем «Розыске»? Он вносил в него все не только виденное, но и слышанное, с указанием источника, без своего, впрочем, решительного мнения. «Розыск» он писал до самой кончины своей и не успел его обработать так критически, как обработал другие свои сочинения, например, «Четьи-Минеи» (читаемые и раскольниками). Пора, пора честному историку снять незаслуженное пятно с памяти честного и истинно просвещенного деятеля нашей страны. Более ста лет протекло с той поры, как св. Дмитрий канонизован церковью, пора канонизовать и граждански этого честного гражданского деятеля Русской земли.

[1] «Розыск», стр. 67.

[2] «Пращица». изд. 1721 г., лист 11, на обороте.

в нижегородской и сопредельных с ней епархиях. Потому весьма многие отрасли раскола, образовавшиеся в Поморье, польских владениях, в Стародубских лесах, в Сибири, он, по незнанию, не внес в свой список. О хлыстах и молоканах, которых св. Дмитрий называл именами «христовщины» и «иконоборцев», Питирим вовсе не упоминает, хотя они и были в Брынских лесах (т. е. в нижегородском Заволжье), а в Березополье (нынешнем Горбатовском уезде, принадлежавшем к епархии Питирима) был в его время один из важнейших центров хлыстовщины. Еще больше было хлыстов в самом Нижнем-Новгороде, где жил сам Питирим; там люди «именитых людей» Строгановых были в хлыстовщине, за что, в присутствии Питирима, Петр I запечатал великолепную, доселе составляющую украшение Нижнего Строгановскую церковь, в нижнем ярусе которой, под носом Питирима, хлысты совершали свои радения. Таков был *«равноапостольный»*, по выражению Петра I, Питирим, к которому абсолютный император охладел со времени обыска Строгановской церкви (во время предсмертного его персидского похода). Но Феофан Прокопович Питириму руку держал, и он не погиб, но, из раскольника сделавшись русским архиереем, потом вместе с Прокоповичем чуть ли не сделался лютеранином.

Полнее список раскольнических сект у Феофилакта Лопатинского, архиепископа тверского, многими страданиями заплатившего за ревность к православию и нелюбовь к Феофану Прокоповичу и его клевретам. Этот список находится в Феофилактовом «Обличении неправды раскольнической», написанном в двадцатых годах XVIII столетия, но напечатанном не раньше 1745 года. Вот список Лопатинского:

1. Аввакумовщина.
2. Никитовщина.
3. Авраамиевщина.
4. Капитоновщина.
5. Анофриевщина.
6. Иевлевщина.
7. Досифеевщина.
8. Степановщина.
9. Софонтиевщина.
10. Богомилы.
11. Асафовщина.

12. Потемковщина.
13. Разинковщина.
14. Акулиновщина.
15. Титловщина.
16. Староиконовщина.
17. Осиповщина.
18. Филипповцы.
19. Расстриговщина.
20. Самокрещенцы.
21. Нетовщина.
22. Беспоповщина.
23. Дьяконовщина.
24. Нифонтовщина.
25. Морельщики.
26. Сожигатели.
27. Гробополагатели.
28. Христовщина.
29. Перекрещеванцы:
  а) андреевщина.
  б) феодосиевщина.
  в) даниловщина.
30. Кадильники.
31. Субботовщина.
32. Детоубиватели.
33. Иконоборская.
34. Самостригольницы.
35. Пасховерцы.
36. Меселиане.

Точно так же, как и в списках, доставленных св. Димитрию, в списке Феофилакта нет систематического разделения на секты, и здесь вместе с раскольниками помещены еретики: *молоканы* под именами субботовщины и иконоборской ереси, *хлысты* с другими богомильскими ересями — под названиями богомилов, акулиновщины, христовщины и меселиан. Не разделены секты поповщинские от беспоповщинских, и тогда как перечислены все виды беспоповщины, означена еще секта, под именем «беспоповщины», и пр. Одна и та же секта, известная под разными названиями, означена под видом двух особых сект (дьяконовщина и кадильники).

С двадцатых годов XVIII столетия не являлось ни одного как печатного, так и рукописного сочинения, в ко-

тором находилось бы распределение раскольников по сектам, или толкам. После Феофилакта Лопатинского первый составил такое распределение охтинский (что в С. Петербурге) протоиерей Андрей Иванович Журавлев, который в молодости сам был в беспоповщинском расколе, а после, по поручению князя Потемкина-Таврического, много трудился в увещании и обращении стародубских раскольников к церкви. Сочинение свое о раскольниках[1] писал он в девяностых годах XVIII столетия. Вот как он распределяет раскольников по их толкам:

А. *Беспоповщина*

1. Поморское согласие.
2. Федосеевщина.
3. Филипповщина.
4. Нетовщина.
5. Пастухово или Адамантово согласие.
6. Новожены.
7. Самокрещенцы.
8. Чувственники.
9. Молоканы.
10. Щельники.
11. Селезневщина, или жиды.
12. Титловщина.
13. Суетные.
14. Познающие, или сомнящиеся.

Б. *Поповщина*

1. Онуфриевщина.
2. Ветковское согласие.
3. Епифановщина.
4. Дьяконовщина.
5. Перемазовщина.
6. Чернобольцы.
7. Суслово мнение.

В этом списке также есть свои недостатки. Так, например, ереси молоканские, под названиями молоканов, щельников и селезневщины, отнесены к беспоповщине. Не говорю о других недостатках, менее важных, оставляя это до другого времени.

В самом начале нынешнего столетия в рязанской семинарии, по распоряжению местного епископа Симона,

---

[1] «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках».

составлена была книга под названием: «Наставление правильно состязаться с раскольниками», в которой также перечислены разные раскольнические секты, на основании сведений, заимствованных из сочинений Феофилакта Лопатинского и протоиерея Журавлева. Нового и самостоятельного в этой книге нет ничего. Распределения по сектам, сделанного Журавлевым, держались и прочие авторы, печатавшие свои сочинения по этому предмету в XIX столетии. Впрочем, у некоторых из них упоминаются и новые, т. е. узнанные в последнее время толки, например, скопцы [1], хлысты [2], духоборцы [3], общие [4], странники [5], белокриницкие [6] и пр.

Сверх того есть еще несколько толков, о которых ни в одной печатной книге, доселе изданной, не упоминает-

---

[1] В 1819 г. напечатана особая книга о скопцах, не дающая, впрочем, надлежащего понятия об этой секте. В 1849 г. в книге иеромонаха Иоанна «Доказательства непоколебимости и важности св. церкви» несколько яснее говорится о скопцах. Лучшее сочинение об этой секте составлено покойным Н. И. Надеждиным («Исследование о скопческой ереси», СПБ, 1845 г.); оно составляет чрезвычайную библиографическую редкость. Еще реже книги Надеждина печатное сочинение о том же предмете В. И. Даля, составленное в 1844 г. Я знаю только один экземпляр этой книги и то корректурный. Впрочем, в последние 17 лет открыто немало новых сведений о скопцах, не вошедших в сочинения гг. Надеждина и Даля.

[2] О хлыстах, называющих себя «людьми божьими», в «Православном Собеседнике», 1858 г. №№ 3 и 7.

[3] О духоборцах весьма замечательно сочинение профессора киевской академии О. Новицкого. Также в «Православном Собеседнике» 1859 г. № 3.

[4] Об «общих» немногие сведения напечатаны в «Православном Собеседнике» 1859 г., № 4.

[5] О странниках, или бегунах, иначе сопелковское согласие, упоминает преосвященный Макарий в своей «Истории русского раскола». Лучшее о них исследование (рукописи) графа Стенбока.

[6] О белокриницкой раскольнической кафедре говорят: Григорий, митрополит новгородский и с.-петербургский, в своем сочинении: «Истинно древняя и истинно православная христова церковь, изд. 2., т. 1, стр. 287 и след., и инок Парфений в своей «Книге о промысле божием». За границей, именно в Буде, в 1849 году под именем епископа (Платона Афанацкевича) одной православной епархии, находящейся в пределах Австрийской империи, напечатаны на славянском языке весьма любопытные сведения о Белой Кринице. Любопытно также сочинение Н. И. Надеждина «О заграничных раскольниках», напечатанное в «Сборнике» г. Кельсиева. В «Христианском Чтении» 1859 и 1860 гг. напечатаны статьи о белокриницких раскольниках и их митрополите.

ся, но говорится лишь в разных рукописных сочинениях [1]. Сюда принадлежат:

А. *Поповщина*

1. Лужковское согласие, или тайная церковь.

Б. *Беспоповщина*

1. Аристово согласие.
2. Монинское согласие.
3. Губинское согласие.
4. Рябиновщина.
5. Кондратьевщина.
6. Глухая нетовщина.
7. Петрова Крещения.
8. Дрождники.
9. Бондаревское согласие.
10. Самосправщики.
11. Перекупыванцы.
12. Церковщики.
13. Кокоревщина.
14. Арсениевщина.

В. *Молоканские*

1. Молоканы-субботники (социниане, унитары).
2. Молоканы-воскресники.
3. Немоляки.

Г. *Мистики*

1. Сионская церковь.
2. Лабзинцы.
3. Десные христиане.

Д. *Богомильские*

1. Фарисеи.
2. Богомилы.
3. Ляды.
4. Купидоны.
5. Лазаревщина.
6. Монтане.
7. Милютинская ересь, она же алатырская.
8. Адамиты (Татаринова).
9. Наполеоновы.

---

[1] О немногих упоминается в «Сборнике» г. Кельсиева и новом «Энциклопедическом словаре», изданном в Петербурге в 1861 г.

10. Искатели Христа (ползуны, холстовщина).
11. Шелапуты.
12. Духовные скопцы.

Смотря на приведенные здесь списки религиозных разномыслий русского народа за полтораста последних лет, можно было бы вывести заключение, что со времени составления «Розыска» одни толки исчезли, другие возникли вновь. Но такое заключение было бы крайне ошибочно. За исключением некоторых молоканских и богомильских ересей действительно образовавшихся в XVIII и XIX столетиях, все остальные русские религиозные разномыслия и в настоящее время те же (если не таковы же), как и полтора века назад. Притом сект раскольнических никогда не было так много, как представляют их приведенные списки.

В конце XVII столетия русский раскол, обнаруживавшийся во время церковных реформ, совершенных патриархом Никоном, разделился только на две части: *поповщину* и *беспоповщину*. Когда, с течением времени, у раскольников перемерли попы *старого ставленья* (т. е. посвященные в сан до исправления церковных книг Никоном), тогда одна часть противников Никоновой реформы, признавая необходимость священников для совершения таинств, стала принимать к себе попов *нового ставленья*, т. е. рукоположенных после Никона; другая же часть раскольников отвергла совершенно священство, объявив, что священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди, которые, на основании канонических правил, в случае крайней нужды, разрешено совершать и мирянам. Первые, жившие преимущественно во внутренней России и на южной Украине, составили секту *поповщины*; вторые, жившие преимущественно в пустынях северного Поморья и в Сибири, образовали *беспоповщину*. Эта беспоповщина отвергала и отвергает попов и всю иерархию, но не по принципу, а лишь по факту, т. е. признавая необходимость священства и таинств, она утверждает, что в нынешнее время правильных попов нет, восстановление их навсегда невозможно, а потому и совершение пяти таинств (кроме крещения и покаяния) навсегда невозможно. Благодати на земле нет; она взята на небо,— говорят они.

Ни в поповщине, ни в беспоповщине, при самом их образовании, не явилось такого человека, который бы, пользуясь авторитетом у всех своих единомысленников, рассеянных на огромных пространствах широкомасштабной России, дал одни неизменные уставы секты и правильно бы организовал ее. Оттого в раскольнических общинах время от времени возникали разные воззрения на тот или другой предмет церковного устройства. Отсюда произошли разделения, не весьма, впрочем, важные. В конце XVII века, когда преследуемые раскольники, спасаясь от огня, меча и «оземствования» (ссылок), удалялись в леса и пустыни, там, вдали от строгого правительственного надзора с каждым годом являлось множество скитов, т. е. общин пустынножителей, общин, устроенных по образцу монастырскому и большей частью по студийскому. И едва ли не каждый основатель скита, придерживаясь раскола в главных чертах, имел лично принадлежавшее ему воззрение на ту или другую частность раскольнического устава. Это было до такой степени обыкновенно в раскольнических скитах, что вскоре слово *«скит» (обитель, монастырь)* и слово *«секта»* (толк, согласие) сделались синонимами не только в разговорном и официальном языке законодательства XVII и XVIII ст., но даже и в сочинениях пастырей православной церкви. Так, напр., св. Дмитрий Ростовский, в «Розыске», как я уже заметил, слово *скит* постоянно употребляет вместо слов: «толк, секта» [1].

Различие между разными толками одного разряда, т. е. поповщины или беспоповщины, не было важно. Разнствовали одни от других то числом поклонов на епи-

---

[1] Напр.: «Есть у них *скит*, глаголемый морельщики, тии якоже и сожигатели, простых людей мужей и жен прельщают...» («Розыск», стр. 591). «И иныя многия по лесам тем сказуют быти *скиты* великие и малые, мужские и женские, и веры тех различны...» («Розыск», стр. 68). «Жилища раскольническая в лесах Брынских *сугубо именуются скиты и толки*...» («Розыск», стр. 598). «В том *ските* или *толку* обретается некий мужик...» («Розыск», стр. 598). «Ануфриевщина или поповщина — *той скит или толк* болии всех, вера бо злочестивая ануфриева по многих градех расширяется...» («Розыск», стр. 600). «*Скиты или толки*, кои попов нынешних приемлют, сии суть: павлиновщина, андреяновщина, иосифовщина...» («Розыск», стр. 601). «Суть же в них и такие *скиты или толки*, иже ни к поповщине, и к беспоповщине не пристают» («Розыск», стр. 609).

тимии за один и тот же грех, то приемами при каждении кадилом, то употреблением кожаной или холщевой лестовки (четок), то употреблением той или другой надписи на кресте и пр. Каждая отрасль раскола, каждый толк, каждый скит, или секта, назывался по имени главного деятеля: создателя обители, учителя, настоятеля и т. п. Он умирал, место его заступал другой, и скит, управляемый им, принимал новое имя, по имени нового настоятеля. Это новое имя являлось у наших писателей как бы новой сектой, новой отраслью раскола. Возьмем, для наглядного объяснения, поповщину. До 1681 года главой ее был известный протопоп Аввакум, и вот поповщина зовется *аввакумовщиной.* Казнили Аввакума, главой поповщины делается Никита, протопоп суздальский, и поповщина зовется *никитовщиной.* Казнили Никиту, на Керженце является ученик Аввакума Онуфрий, и поповщина называется *онуфриевщиной.* В то же время в других керженских скитах является Софонтий, и поповщина его паствы называется *софонтиевщиной.* По смерти Онуфрия и Софонтия, там же на Керженце, является Александр дьякон, и поповщина зовется *дьяконовщиной.* После казни Александра центр поповщины является на Ветке, и поповщина зовется *ветковским согласием;* добыли поповщинские раскольники давно искомого ими епископа — его звали Епифанием — поповщина зовется *епифановщиной;* после него явился лжеепископ Афиноген — последователи его зовутся *афиногеновщиной;* за ним явился Анфим — явилась и *анфимовщина;* усилилось московское общество поповщины, взяло верх над Стародубьем — и по Рогожскому кладбищу, центру московской поповщины, вся поповщина зовется *рогожским согласием,* и т. д., и т. д. А между тем все это одна и та же *поповщина.*

Раскол имел свое движение, свое развитие, что однакож не мешало ему быть неподвижным относительно обряда и воззрения на гражданское устройство общества. Как Гусс далеко не во всем сходен с Лютером, этот с Меланхтоном, а последний с Мюнстером и пр., точно так же и Аввакум несходен с Александром дьяконом, Мануил Петров с Ильей Алексеевичем Ковылиным и т. д. Это движение раскола до сих пор не было еще никем подвергнуто надлежащим исследованиям. К нему обратились слегка, ощупью и наделали сотню сект. А между

тем всех русских религиозных разномыслий далеко не сто.

Собственно говоря, в расколе, в том, который произошел вследствие исправлений книг и обрядов патриархом Никоном, в том, который содержит никейский символ и обряд православной веры по книгам, печатанным в Москве до Никона, существенных разделений только два: *поповщина* и *беспоповщина*. Первая признает иерархию и, пока не имела своих архиереев (до 1846 года), брала попов из православной церкви. Вторая отвергает всякую духовную иерархию, и, подобно протестантским церквам, имеет у себя учителей не рукоположенных, избранных общиной, но тем разнствует от протестантов, что эти отвергают иерархию по принципу, а беспоповщина лишь по факту. Существенное отличие беспоповщины от православия и поповщины состоит еще в том, что она признает брак только гражданский. В той и другой, особенно в беспоповщине, есть свои подразделения, но они несущественны, временны, скоропреходящи и не имеют никакого догматического значения.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Чтобы правильнее распределить религиозные разномыслия русского народа на разряды, надо принять за основание *каноническое право*.

По каноническим правилам господствующей в Российской империи церкви, все несогласные с ее учением разделяются на *три чина:*

1) Еретиков.

2) Раскольников или схизматиков.

3) Подцерковников или самочинные сборища.

К первому чину, т. е. к еретикам, принадлежат те «иже божия веры отнюдь учуждавшиеся», как сказано в «Кормчей» книге русского старинного, еще дониконовского перевода [1]. По православному каноническому пра-

[1] «Кормчая», старопечатное московское издание в лист, изданная в Москве в 1653 году. Она набрана и отпечатана еще при патриархе Иосифе, но вышла в свет в первый год патриаршества Никона («Кормчая» была издана еще в 1650 г. в Москве — не полна и теперь весьма редка; в 1787 г., в Москве же, в 2 частях; в 1842 году, в Петербурге, в весьма сокращенном виде, под названием: «Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец»).

ву, из разномыслящих с господствующей церковью русских людей сюда относятся не принимающие во всей полноте никейского символа и отвергающие, или, по своему мудрованию, изменяющие которые либо из существенных догматов христианской веры, как, например, догматы о троице, воплощении, таинствах и т. п.

Сюда из русских людей, разномыслящих с господствующим исповеданием, относятся: духоборцы, молоканы-воскресники, общие (акинфиевщина), как отвергающие св. таинства; молоканы-субботники, как отвергающие сверх того и воплощение сына божия, хлысты, скопцы, шелапуты и проч. от богомилов происшедшие ереси, признающие вторичное воплощение и, подобно богомилам, сотворение видимого мира дьяволом.

При стройном взгляде на религиозные разномыслия русского народа, все названные сейчас ереси не должно и ставить под одно имя с тем, что у нас собственно и исключительно должно разуметь под словами *раскол* и *раскольники*. Все названные сейчас сектаторы — не раскольники и не имеют ничего общего с раскольниками. Только одно невежество наше ставит их в одну группу с раскольниками. В простом народе, который собственные дела если не постигает ясно, то всегда чует верно, ни духоборцы, ни молоканы, ни хлысты, ни скопцы и им подобные не считаются и не называются «раскольниками». Эти *темные*, по выражению самого народа, секты, о которых многое еще не разъяснено, существуют у нас совершенными особняками; не только православные, но и самые раскольники дичатся последователей этих сект, питают к ним какое-то отвращение и даже суеверный страх, весьма близкий к страху черта или ведьмы, считают их какими-то загадочными кудесниками, плюют и крестятся при одном упоминании об них. По понятиям простого народа, и православного и раскольников, эти сектаторы — такое явление, которое ни на что не похоже в обычном ходе и развитии русской народной жизни. И все последователи этих сект отрешаются от интересов современной гражданской жизни простого русского народа, они совершенно равнодушны к успехам развития этой жизни, еще менее имеют они сочувствия к преданию, ко временам прошлым. Для них все в их баснословном бу-

дущем: молокан ждет Араратского царства, падения Ассура[1] и тысячелетнего всемирного покоя; хлысты и скопцы ожидают торжественного возвращения «из неведаной иркутской стороны» их «искупителя-оскопителя, царя Петра III Федорыча». И те и другие думают, что, когда осуществится их чаяние, наступит золотой век. Этот золотой век, который, по их понятиям, наступит в отдаленной будущности, они считают идеалом земной жизни, презирая все прошедшее, все настоящее, все близкое будущее. Все эти еретики, говоря каноническим языком,— все эти секты — не наши, не русские; они возникли и развились не на русской народной почве, а занесены к нам в разные эпохи из чужих краев и привились к русскому народу, как нечто чуждое и доселе. У них нет никаких преданий, ни исторических, ни догматических, ни обрядовых, между тем как предание всегда нераздельно со всяким верованием русского человека. У них нет преданий, связанных с историческими преданиями русского народа[2]. В самом быте последователей еретических сект утратились или извратились многие отличительные стороны русского народного быта. Все это нашему народу чуждо.

Секты духоборческие или молоканские занесены на Русь с протестантского Запада; они проникли к нам еще в то отдаленное от нас время, когда в Западной Европе происходило сильное движение умов по случаю реформации[3]; усилились же в XVIII столетии сначала под влиянием лютеранства, которому покровительствовал Бирон, а потом, по отзыву самих молоканов, вследствие пропаганды крестьян, отданных в военную службу и долго находившихся в плену между протестантами за границей, во время войн за австрийское наследство и семилетней. Что касается хлыстовщины и подобных ей сект, то они, как я уже сказал, занесены в Россию из Византии, или, вернее сказать, из Болгарии, занесены очень давно, современно с принятием христианства св. Влади-

---

[1] Читайте наоборот: выйдет *русса*. Толкование молокан.

[2] Предания хлыстов об их старых христах, богородицах и пророках, заключающиеся в песнях, употребляемых ими во время радений, не имеют никакой связи вообще с преданиями русского народа.

[3] Еретики новгородские: Бакшин, Висковатов, Артемий и т. д.

миром[1]; но и в течение стольких веков эти секты не успели сродниться с русским народом, доселе представляются они большинству его чуждым, несообразным с обычной русской жизнью явлением.

Ко второму чину, т. е. *раскольникам,* или схизматикам, относятся те разномыслящие, которые, по выражению «Кормчей книги», «от церкви себе оставльше»[2]. Сюда относится весь беспоповщинский отдел русского раскола, отвергающий священство и церковь, хотя и не по принципу, а по факту. В смысле каноническом они находятся в таком же отношении к православию, как лютеране и другие протестанты, отвергающие духовную иерархию, преемственную от времен апостольских.

---

[1] Через шестнадцать лет по крещении киевлян в Киеве был уже обличен богомил-скопец Андриан (Руднева «Рассуждение о ересях и расколах», 29—38). Хлыстовщина имеет много общего с богомилами. Оставляя до другого письма более подробное разъяснение хлыстовщины с приличными указаниями на летописи, акты и факты действительной жизни, замечу здесь, что успеху богомильства во времена св. Владимира и его преемников много способствовала готовая к восприятию этого учения почва: вероучение финских племен, вошедших в состав первоначальной Руси. Финские кудесники и волхвы, о которых говорит летописец («Несторова летопись. Пол. собрание русских летописей», 1, стр. 75—78), поразительно сходны, с одной стороны, с современными мордовскими возатями, окруженными тремя парандиатами, тремя туросторами, тремя янбедами и тремя кошангородами (итого 12), а с другой стороны, с христами и пророками разных эпох — богомильскими, хлыстовскими и даже скопческими. Везде учитель, находящийся в непосредственном соотношении с божеством, и почти всегда при нем 12 апостолов, как и у истинного Христа. И у силезского лже-Христа 1507 года, по летописи Густынской, и у Ивана Тимофеевича, лже-Христа, упоминаемого в «Розыске» Дмитрия Ростовского, и у Лупкина, и у Радаева, и у мордовского бога Кузьки, сосланного в 1808 году, и пр. и пр., всегда 12 учеников, или апостолов. Летописное сказание о волхве, говорившем, что человек создан дьяволом, отражается и в религии, например, чуваш, и в веровании богомилов, и в мнении хлыстов. Резание волхвами плеч у женщин и вынимание оттуда меду, жита и скоры, упоминаемое у Нестора, как две капли воды похожи на обряд, совершаемый и поныне у мордвы кошангородом и янбедом пред общественным моляном, и сходны с некоторыми приемами при хлыстовских радениях. Впоследствии надеюсь разъяснить все это в надлежащей подробности.

[2] «Кормчая книга». Московское издание 1652 г., при патриархе Никоне, л. 225.

К третьему чину, т. е. к «*подцерковникам*», относится поповщинский отдел русского раскола. В «Кормчей книге» значение подцерковников определяется следующими словами: «иже осуждены бывше от службы и неповинувшиеся правилом, но себе господски отметивши и епископы нарицаются и служат и церковь, создавшие другую и в своей воли быти пения указаша и соборную оставиша церковь»[1]. Эти раскольники по каноническому смыслу относятся к православию гораздо ближе, чем другие, даже правильно организованные церкви, как, например, римско-католическая, армяно-грегорианская, армяно-католическая, греко-униатская.

И беспоповщинская и поповщинская секты возникли на русской земле. В них нет ни малейшей примеси чего-либо чужеземного. Они сложились из народных элементов. Это в полном смысле *русский раскол.*

В самом начале, т. е. во второй половине XVII века, этот раскол был голосом консерватизма, протестом русского народа против иноземного влияния, против наплыва нововведений в русскую гражданскую жизнь, а главное, против самоуправства Никона. Церковное разномыслие на первых порах было только личиной консерваторов, которых было немало при самом дворе Алексея Михайловича. Этот раскол зародился в кремлевском дворце, на половине царицы Марьи Ильиничны. Оттуда он пошел по Москве и по областям, преимущественно поволжским и заонежским, и сначала имел чисто религиозный характер. Впоследствии, когда раскол уже развился, существенными, характеристическими чертами его сделались: безграничное, возведенное на степень догмата, уважение к старине, к преданию, а особенно к внешним религиозным обрядам, стремление подчинить этому преданию все условия гражданского, общественного и семейного быта, неподвижность жизни общественной, отвержение всякого прогресса, холодность ко всем успехам развития народной жизни, нелюбовь ко всему новому, а в особенности к иноземному, и наконец глубокая, ничем непоколебимая вера в святость и непогрешимость всякого внешнего обряда, всякого предания, которые носят на себе печать дониконовской старины и старой народности.

---

[1] Там же.

Идеал гражданской жизни, по понятиям раскольников, состоит в той жизни, какая была на Руси в первой половине XVII и в XVI столетии. Благочестивый царь с бородой, молящийся, как Федор Иванович, беспрестанно в церквах и келейно, одетый в парчу и жемчуг, медленно водимый под руки боярами, тоже бородатыми, не пьющими треклятого зелья — табаку и т. п. По приказам — брадатые бояре, по городам — благочестивые и бородатые же воеводы, и те, и другие, и третьи строго соблюдают посты, по субботам ходят в баню, по воскресеньям — за крестными ходами, часто ездят по святым обителям на богомолья, отнюдь не дозволяют народу бесовских игр и ристалищ «яже от бога отводят, к бесом же на пагубу приводят», истребляют театры, запрещают танцы, музыку, маскарады, воздвигают гонения на общечеловеческое, истинное просвещение, как на богохульное, святыми отцами не заповеданное и притом еще заморское, и пр. и пр. Суд и расправу они совершают по «Кормчей книге», то есть по градскому закону [1]. Все люди строго исполняют уставы о постах и поклонах, строго соблюдают старые обычаи и вполне подчиняют всю жизнь неподвижному обряду и клерикальному влиянию. Вот идеал политической и общественной жизни по понятиям раскольников.

Для доказательства, что это показание не голословно, я мог бы исписать несколько листов фактами из действительной современной жизни раскольников и множество выписок из их сочинений. Но это слишком далеко отвлекло бы меня. Ограничусь одной выпиской из «Барнаульских ответов» [2]. Это сочинение беспоповщинское, составленное в сороковых годах нынешнего столетия. Нарочно выбираю сочинение новое, как выражающее взгляд на предмет современных раскольников, беспоповщинское, потому что беспоповщина, как многие говорят (хотя и не совсем основательно), гораздо развитее поповщины. Вот что говорят «Барнаульские ответы», например, о гражданском суде существующем и таком, какого *хотелось бы вместо него* раскольникам:

---

[1] Градским законом называются некоторые гражданские законоположения византийских императоров, вошедшие в «Кормчую» и «Номо-канон».

[2] Иначе «Сибирские ответы», иначе «Тюменский странник».

«Иносказательный, духоборный суд! Сидят судии духоборные, бритые жиды, губы жареныя (от сигар), и табаком носы набитые, и табакерки лежат перед ними, и на стене у них поставлен крыж латинский, или Димитрий Ростовский, сущий табачник, Иннокентий Иркутский, сущий бритоус, или Митрофаний Воронежский — только у них мощей своих. А на престоле промежду их (судей) стоит богоотчужденное некое зерцало и прочия богом ненавидимыя иносказательныя духоборные книги... И в них («Свод законов») и в зерцале написан богопротивный человек, сиречь Петр Первый, их законодавец, и пастырь, и новый Христос, сиречь антихрист. Так иные судят и распоряжают по своей похоти, сиречь по злату, и по сребру, и по мешкам, и по штофам, и промежду их пребывает и распоряжает противник божий, отец их диавол, т. е. смущенное жидовское собрание их церковь. Зрите опасно!.. При сем поступаю показати от святаго писания, каковы прежде были благочестивые суды и присутственныя места *и каким порядком и по закону судить и распоряжать должно.* Как прийдешь в присутственное место, во-первых узриши на показанном месте крест животворящий или святую икону. А судии сидят в порядке, и по образу и по подобию божию [1], хотя и князь, или судия, или боярин, а все в бородах и промежду их закон божий, сиречь вечное евангелие и седмью вселенскими соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сиречь книга Кормчая и прочия богом вдохновенныя: св. Кирилла, Иоанна Златоустого или преподобнаго Ефрема [2] и прочия. Так судили по закону, сиречь по небесному, т. е. по писанию, *и так право судили и так подобает быти суду праву.* И аще кои попротивятся сему праведному суду, яко самому Христу и святым его противятся, и повинен будет вечному суду».

---

[1] В другом раскольническом сочинении, «Оглашение Бондарева», писанном около 1830 года, сказано: «образ божий в бороде, а подобие в усах». Это мнение весьма распространено у раскольников всех толков.

[2] Здесь упоминаются те книги, которые, будучи напечатаны при патриархе Иосифе, особенно уважаются раскольниками: «Кириллова книга», составленная Стефаном Зизанием, «Маргарит» Иоанна Златоустого и «Книга Ефрема Сирина». «Кириллова книга» и «Ефрем Сирин» были перепечатаны, сходно с московскими старопечатными изданиями, в польских типографиях, в конце XVIII столетия (книги *переводные*). «Маргарит», сколько мне помнится, перепечатан не был.

Вот еще место из тех же «Барнаульских ответов», характеризующее взгляд раскольников на гражданские отношения:

«Аще у колеса спица повредится, или укрепа спицы, сиречь закрепа, в опасении или в сумнении пребывает; или дорого ценные часы повредятся, тако же ненадежны пребывают... Зрите опасно! Хотя един шуруп или зубчик у колеса повредится и то все вредно; тако есть писано... солнце на земли благочестивый царь и патриарх... аще благочестивый царь согрешит, то весь мир не умолит, потому что ему дана от бога власть устрояти и управляти от всяких неподобных дел кои богопротивны. Как царь, так и патриарх,— оба лица сильны и пишутся *христовы наместницы*,— во-первых как от пианства и от бесовских песен и в воскресенье торговать запрещают и прочия богу неугодные дела. Такожде де и звезды на лице земли были: сиречь митрополиты, архиепископы и епископы, и священницы, и благие учители, как наричут их и облаки, что они апостольское благовестие истинно учили и толковали и изливали яко дождь на иссохшую землю, сиречь на сердца человеческия».

Таков взгляд раскольников по «Барнаульским ответам», написанным в таком толке, который, хотя несправедливо и без всякого основания, но считается не признающим властей. Заметим при этом, что в идеале государства, представляемом «Барнаульскими ответами», рядом с царем находится патриарх; оба они солнце, оба они *наместники христовы*. Здесь раскольники зашли чересчур далеко и уклонились в чисто латинское воззрение, противное догматам православия, по которым Христос не имеет на земле никакого наместника, ни светского, ни духовного, и нет видимой главы церкви, ибо сам Христос есть глава церкви.

Таковы раскольники вообще. Само собой разумеется, что в разных толках поповщины и беспоповщины есть свои оттенки, но разницу между ними нельзя назвать слишком резкой. Идеал гражданского устройства, существующий для них в отдаленном, невозвратимом прошедшем, не существует в будущем. Впереди — антихрист, который должен пасть, *но не от руки людей*, а от десницы самого Иисуса Христа, как сказано в апокалипсисе, а за падением антихриста немедленно настает воскресение мертвых, страшный суд, райские утехи для

верных и вечный огонь, вечный скрежет зубов для неверных.

Торжества своих общин ни раскольники, ни подцерковники не ожидают; такое торжество было бы противно их религиозным верованиям. Таким образом *у них нет никакого политического будущего*... Поэтому рассчитывать в будущем на какую-либо политическую деятельность раскольников, как гражданской партии, как status in statu, значит не понимать ни бывшего ни тем еще менее современного духа раскола... Что бы ни предстояло России в будущем, раскольники, по духу своих верований, не только неспособны быть политическими деятелями, но даже и орудием таких деятелей... Они слепо и не размышляя благоговеют только перед внешностью, перед обрядом давно умершей старины. Симпатии их только в ней одной, и оттого на современное состояние общества они смотрят, как на состояние упадка, и вместе с тем, как на отвержение русской народности, а на будущее, как на еще больший упадок. Это Лотова жена, обернувшаяся назад и оставшаяся неподвижной.

Уже по одному воззрению на современную гражданскую жизнь те и другие сектаторы, свои и чужие, еретики и раскольники с подцерковниками, резко отличаются друг от друга. Для последователей ересей, занесенных на русскую землю из чужих краев, все совершенство — в будущем; для последователей же сект, образовавшихся на Руси самобытно, все — в прошедшем. Воображение одних видит впереди счастливое, золотое время и торжество своей секты; воображению других представляется в будущем грозный призрак антихриста с казнями, с гонениями и кровопролитием. Побороть его, восторжествовать над врагом божьим нет возможности, ибо торжество его предопределено самим богом и предсказано словом божьим. Он падет, но не от людей, а от бога, и затем немедленно наступит кончина века, разрушение мира. Будущего, таким образом, нет.

Еретики, живя надеждой, раскольники — воспоминаниями, равно не сочувствуют настоящему. И те и другие на современную русскую жизнь прежде смотрели даже враждебно; теперь, вследствие ослабления фанатизма и прекращения преследований, смотрят на все с самым холодным равнодушием. Индифферентизм в делах чужой и даже своей веры, вообще столь свойственный природе

русского человека[1], в последнее время в раскольниках чрезвычайно усилился... по отношению к православию...

Но, смотря столь одинаково на современное развитие русской гражданской жизни, еретики и раскольники с подцерковниками на господствующую церковь смотрят совершенно различно. Раскольники и подцерковники взирают на нее более или менее неприязненно, а еретики совершенно равнодушно. Некоторые из последних, как, например, хлысты, фарисеи, скопцы, лазаревщина, без всякого принуждения ходят в православную церковь и исполняют все христианские обязанности еще гораздо усерднее православных, считая это, впрочем, ничего не значащим обрядом и поступая так единственно с целью отвлечь от себя подозрение в сектаторстве. Было много примеров, что опытные и по действиям своим вполне достойные полного уважения священники чрез несколько десятков лет так искусно были обманываемы наружным благочестием этих еретиков, что считали их самыми усерднейшими сынами православной церкви.

Разница в воззрении еретиков и раскольников на православие объясняется тем, что последние, как отделившиеся от церкви, смотрят на нее с горьким, враждебным чувством, как на изменившую, по их мнению, древним своим уставам, как на бывшую когда-то с ними в единении, а потом разорвавшую связи общения. Между тем еретики видят в учении господствующей церкви совершенно чуждое для них учение, столь же чуждое, как римско-католичество, протестантство и пр. Некоторые еретики (скопцы, а по иным местам и хлысты) смотрят на нашу церковь даже совершенно одинаково, как на иудейство, магометанство и идолопоклонство.

Чтобы сколько-нибудь уяснить темную область раскола, постараюсь набросать исторические очерки развития каждого религиозного разномыслия, его догматику и обрядность.

Очерки эти будут кратки, беглы, без строгой систематики, которая потребовала бы много времени и труда, У меня накопилось довольно значительное количество материалов по части раскола. Бог знает, успею ли когда-ли-

---

[1] Индифферентизм в делах веры преимущественно свойствен великоруссам; в малоруссах и белоруссах его гораздо менее. Но и раскол свойствен только великоруссам: между малоруссами раскольников нет.

бо составить систематическое описание раскола, и потому, чтобы не совсем пропали собираемые долгое время факты из действительной жизни и письменные материалы, буду печатать их в полуобработанном виде. Постараюсь, чтобы в дальнейших «Письмах» моих было меньше рассуждений, но как можно больше фактов. Анализировать раскол, как я уже заметил, теперь еще преждевременно. Прежде всего нужны факты, факты и факты. Пускаться же в пышные разглагольствования о расколе по отношению его к земству и пр. и пр., искажая на каждом шагу исторические факты, пускаясь в неудержимые фантазии и для красного словца жертвуя чуть не на каждой странице истиной и уважением к науке, считаю делом нечистым и недобросовестным, для какой бы цели это ни было делано. Правило — «цель оправдывает средства» — дурное правило, правило иезуитизма. Тем более недобросовестно умышленное искажение фактов по такому мало исследованному и вовсе почти не известному публике предмету, как раскол... В дальнейших моих письмах вы не найдете, читатель, блесток игривой фантазии и остроумия, но факты, факты и факты. Конечно, в этих письмах будет много недостатков и всякого рода несовершенств, но...*господа отцы и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправливая бога для, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дотел*,— скажу я с древним нашим летописцем, мнихом Лаврентием.

ТАЙНЫЕ СЕКТЫ

I

Кроме раскольников-старообрядцев, отделившихся от господствующей церкви из-за буквы и обряда, есть немало русских людей, уклоняющихся от православия несравненно далее, чем разнообразные толки старообрядства. Разумеем здесь принадлежащих к так называемым *тайным сектам*.

«Тайными» зовутся они потому, что как учение их, так и внутреннее устройство общины по возможности сохраняются сектаторами в строгой тайне. При вступлении в некоторые из тайных сект принимаемый, приводя самого бога во свидетели, с известными обрядами, клянется строго и нерушимо хранить все тайны, которые ему будут открыты. Торжественно перед всею общиной он обещается: «не сказать про тайну отцу, матери; не сказать про святое дело попу на духу, судье на суде; кнутом будут бить, огнем станут жечь: все претерпеть, тело отдать на раздробление, без рассуждения, только святого дела не выдавать». Нового члена не вдруг посвящают во все таинства, но постепенно, переводя его со степени на степень звания, как это делалось в масонских ложах и других религиозно-политических тайных обществах, состоявших из людей, получивших более или менее достаточное образование и принадлежавших к высшим слоям общественного строя.

Впрочем, и к «тайным сектам», о которых мы намерены говорить, принадлежали не одни простолюдины. Представляя их исторический очерк, странное учение и еще более странные обряды, мы встретимся не с одними крестьянами и солдатами, но и с лицами высшего православного духовенства, с генералами, с министрами, с членами государственного совета, с великосветскими дамами

и девицами, с литераторами и журналистами. Мы увидим, что, как в старые годы, так и в позднейшее время, к «тайным сектам» принадлежали богатые помещики из знатных фамилий, к которым для совершения таинственных обрядов собирались их односектаторы, а в числе их и собственные крепостные их люди. Мы встретимся с поэтами, правда, незаметными в истории русской литературы, которые сочиняли для тайных сектаторских собраний песни. Чтоб ознакомиться с тайными обрядами этих сект, мы поведем читателя не в одни мужичьи избы да келейные ряды, что ставятся на задворицах больших селений, но и в дома значительных помещиков, в монастыри, даже в один из петербургских дворцов.

К «тайным сектам» относится так называемая *хлыстовщина*, со всеми ее видоизменениями и отраслями. Слово *хлыстовщина* есть искаженное *христовщина* — название, встречаемое в сочинениях первой четверти прошлого столетия у св. Дмитрия Ростовского и Феофилакта Лопатинского, архиепископа тверского[1]. Так названа эта секта потому, что в среде ее постоянно являлись люди, слывшие за одаренных высшими дарами благодати, которых они считали христами. В конце прошлого или в самом начале настоящего столетия эту секту, вместо христовщины, стали называть *хлыстовщиной*. Некоторые думают, что это наименование произошло от слова «хлыстать» и дано секте потому, что последователи ее, во время совершения своих религиозных обрядов, бичуются, «хлыщут» друг друга под слова песни, начинающейся словами:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу,—

но это едва ли может считаться основательным. Бичеванье или хлыстанье — обряд нововводный и усвоен не всеми «кораблями» (общинами). В тех, например, кораблях, где участвовали люди образованные, кроме «корабля» князя Мещерского, существовавшего в конце царствования Петра I, кажется, никогда не было обычая хлыстать себя или других. Сколько нам известно, слова «хлыстовщина», «хлысты» изобретены уже в нынешнем столетии

---

[1] «Розыск» святого Дмитрия Ростовского. «Обличение неправды раскольнической», Феофилакта Лопатинского. Последнее сочинение написано в двадцатых годах прошлого столетия, когда автор был членом новоучрежденного тогда святейшего синода.

некоторыми духовными лицами, считавшими неприличным при названии секты употреблять священное имя Спасителя.

Святой Дмитрий упоминает еще о двух сектах, составляющих отрасли христовщины: о *подрешетниках*, или *капитонах*, и о другой, которой не дает особого названия [1]. Феофилакт Лопатинский, кроме христовщины, упоминает о *богомилах, мсселианах и акулиновщине:* это та же христовщина. Первые два названия даны секте духовенством, может быть, самим Феофилактом, по сходству их учений, впрочем, весьма мало ему известных, с учением ересей богомилов и меселиан, бывших в Византийской империи. Из христовщины в прошлом столетии образовалась секта *скопцов*. Это те же самые хлысты, с их учением и обрядами, но ради умерщвления плоти ведшие у себя оскопление. Кроме того, к тайным сектам относятся *фарисеи, богомолы, ляды, купидоны* (искажение слова «капитоны», о которых упоминает Дмитрий Ростовский), *лазаревщина, монтане, милютинские* или *алатырские, адамиты, общество Татариновой, ползуны* или *холстовщина, шелапуты, духовные скопцы, наполеоновцы* [2], *сусленики, светосновцы, Дробышевская или Седовичева секта, маранские* [3], *скакуны, прыгуны, трясуны, божьи, духовники, духовные христиане* и пр. [4]. Все это одна и та же хлыстовщина, с некоторыми, часто самыми незначительными отличиями в обрядах. Только скопцы, совершающие над собой известные операции, да наполеоновцы (секта очень мало исследованная), признающие за пришедшего во второй раз сына божия импе-

---

[1] «Розыск», часть III, глава 12.

[2] Эти секты перечислены нами в «Письмах о расколе», изданных в 1862 году.

[3] Это скопцы, сосланные в Закавказье и в 1825 году поселенные генералом Ермоловым в селении Марань, Кутаисской губернии, по берегу речки Цхенис-Цхали, впадающей тут в Рион. Ермолов образовал из скопцов 96-ю инвалидную роту, известную более под именем Мараньской или скопческой роты.

[4] Из архивных дел видно, что хлыстовщину сверх того называли несвойственными ей именами: *субботников* (в Жиздринском уезде, Калужской губернии, в Мценском, Кромском и Дмитровском, Орловской, в Белгородском, Фатежском и Щигровском уездах, Курской губернии), *иконоборцев* (в Якутской области), *молоканов* (в Осинском уезде, Пермской губернии) и *квакеров* (в прошлом столетии при императрице Елизавете Петровне в Москве и в нынешнем столетии в Екатеринбургском уезде, Пермской губернии).

ратора французов Наполеона I, резко отличаются от прочих.

Независимо от хлыстовщины, хотя и в некотором соприкосновении с нею, существуют тайные секты «мистические», как, например, *сионская церковь, десные христиане, лабзинцы* и секты рационалистов или «молоканские», имеющие начало совсем не там, где кроется источник сект хлыстовских, но нередко сливающиеся с ними. Так, во времена Петра I открытые около 1715 года секты иконоборцев (что̀ ныне молокане) и Настасьи Зимихи находились в близких сношениях с хлыстовщиной, тогда уже значительно распространенною в Москве и других городах. Так в наше время, лет шесть-семь тому назад, в Таврической губернии и в других местах южной России произошло взаимное соглашение и отчасти даже слияние тайной секты хлыстовской с молоканством и духоборчеством.

В ряду уклонений от православия, свойственных русскому народу, хлыстовские секты представляют вид совершенно особый, существенно отличающийся от прочих не только по своему содержанию, но еще более по отношению к церкви. Всякий раскол, всякая ересь потому собственно и называются расколом или ересью, что они *отрывают* себя не только от внутреннего единомыслия, но и от внешнего общения с церковью. Считая только себя единственно и исключительно правыми по вере, раскольники и еретики поставляют долгом совести выказывать это расторжением всех связей с пребывающими верными церкви: не покорствуют и не воздают чести установленным духовным властям, не ходят на общественное богослужение, не сообщаются с верными в церковных таинствах и других религиозных обрядах, не сообщаются даже в частной, домашней молитве. В самых житейских сношениях они стараются держать себя как можно дальше от них; даже не пьют и не едят вместе с ними. Таковы более или менее последователи всех толков так называемого старообрядства. Совершенно иначе поступают принадлежащие к тайным сектам хлыстовщины. Хотя по внутренней сущности своего учения они и удаляются от церкви несравненно далее, чем какой бы то ни было толк раскольничий, хотя они отрывают себя не только от православия, но и вообще от христианской веры, отрицая или изменяя существеннейшие ее догматы, но в наруж-

ных действиях не показывают себя чуждающимися православия. Они строго исполняют все обряды и христианские обязанности церкви, даже строже, чем многие настоящие православные. И это делают не по принужденной стачке с своею совестью (как некоторые из старообрядцев, когда боятся ответственности и взыскания), но потому, что по самому их учению не только не воспрещается, но, напротив, предписывается всячески везде и всегда скрывать себя и для того с самою строгою точностью исполнять все внешние постановления и обычаи господствующей церкви. Оттого последователей тайных сект хлыстовщины узнать очень трудно; по наружности они совершенно православные, часто даже более благочестивые, более набожные, чем настоящие.

Судя по литературе прошлого и нынешнего столетий, как печатной, так и известной нам рукописной, духовные писатели весьма мало знали о тайных сектах и всегда говорили о них с крайнею неопределительностью. В недавнее лишь время в одном из духовных наших журналов стали появляться о них статьи [1] или, лучше сказать, извлечения из отчетов о состоянии раскола, составленных лет пятнадцать тому назад статистическими экспедициями и отдельно производившими исследования о расколе чиновниками министерства внутренних дел [2]. До сороковых годов не более знало о них и правительство. При отсутствии сведений о существе предмета в его общности оно смотрело на частные, по временам возникавшие дела о тайных сектах, как на странные случаи раскольничьего фанатизма, обсуживало и решало их исключительно с полицейской точки зрения, по мере обнаруженных уклонений от общественного порядка и благочиния, и затем, по заведенному порядку, сдавало дела в архив. Утверждению такого взгляда на этот род дел, по словам покойного Надеждина [3], много способствовало и то, что в тридцатых, особенно же в сороковых годах хлыстовщина преимущественно стала подпадать вниманию правительства в связи с скопчеством, которое есть только ее выро-

---

[1] «Православный Собеседник», 1858 г., № 7: «Общество людей Божьих, состав его и богослужебные собрания». Тот же журнал 1860 г., № 12: «Ученые секты людей Божиих о таинственной смерти и таинственном воскресении».

[2] Об этих исследованиях см. нашу статью: «Счисление раскольников», в «Русском Вестнике», 1868 г. № 2.

[3] Корректурные листы трактата о хлыстах.

док.. Тут материальное преступление, оскопление, до того заслоняло внутреннее начало хлыстовщины, открываемое обыкновенно и у скопцов, что когда те же самые или близкие к ним черты встречались где-нибудь не сопровождаемые оскоплением, на них смотрели как на признаки заблуждения, жалкого, но безвинного и не заслуживающего внимания. Таким образом изучение настоящей хлыстовщины, которая есть корень и самого скопчества (как секты, а не как материального уродования тела), оставалось в небрежении. Нередко при официальном производстве дел хлыстовщину смешивали с тайными сектами другого порядка, например, с молоканами, с духоборцами и даже с жидовствующими.

Народ всегда знал и знает о тайных сектах. Не проникая их тайны, он всегда предполагает в них что-то недоброе. Как православные, так и старообрядцы дичатся этих сект, называют их «темными», питают к ним отвращение и какую-то суеверную боязнь. Об них ходят в народе страшные рассказы, с примесью чудесного, как о колдунах, оборотнях, ведьмах и тому подобных пугалах робкого воображения непросвещенных простолюдинов. Во многих местах последователей тайных сект зовут фармазонами [1], считая это название синонимом волшебника, отрекшегося от бога и от всего святого. Чудесные рассказы о них простонародья не могли не казаться нелепостью в глазах людей образованных, и это послужило поводом к тому, что всю народную молву о действиях и сокровенных обрядах тайных сектаторов без всякого разбора и разъяснения стали считать басней. Такое мнение не изменилось и тогда, как некоторые из людей просвещенных и высокопоставленных сами вступали в тайные секты и в своих собраниях соединялись с хлыстами-простолюдинами. Не хотели верить, чтобы собрания, бывшие, например, вскоре после 1812 года в Михайловском дворце [2], были точно такие же, как и сборища, открытые в то же время полицией в доме рядового Юхновской инвалидной команды и между крестьянами Малоархангельского уезда, Орловской губернии. А между тем и об-

[1] Испорченное слово франк-масон. Народ, всегда зоркий и чуткий, подметил таинственные сношения некоторых масонов с последователями тайных сект хлыстовщины и назвал их этим именем.

[2] Нынешний Инженерный замок в Петербурге.

ряды, в которых участвовал тогдашний министр народного просвещения, директор его департамента и подобные лица, самые песни (конечно, не все), распеваемые ими во время собраний, оказались теми же самыми, какие употреблялись и в Юхнове и в Малоархангельском уезде. Известного рода религиозные увлечения присущи людям разных положений в обществе, разного уровня образования, разных даже стран и народностей. Положительно известно, что последователи «восторженных» сект, которых так много в Англии, а еще более в Америке, бывая в России, входили в непосредственные сношения с русскими простолюдинами, принадлежащими к тайным сектам, и участвовали в их собраниях. Некоторые даже предполагали, будто тайные секты занесены в Россию сектаторами Запада. Само правительство некогда разделяло эту мысль. Таким образом в царствование Елизаветы Петровны хлыстовщина была названа квакерскою ересью.

II

Мы начнем с исторического очерка существовавших у нас тайных сект из разряда хлыстовщины. Мы постараемся представить в некоторой связи их проявления, насколько это возможно при крайней неполноте и отрывочности сохранившихся о них сведений. Но прежде считаем нелишним указать на общие главные основания этих сект, оставляя подробности до описания учения и обрядов, которое последует вслед за историческим очерком.

Человек состоит из души и тела. Душа есть творение божье, но тело, по понятиям одних сектаторов, искажено при грехопадении первых людей, по понятиям других, создано дьяволом. Как чистый дух, заключенный в нечистую плоть, душа борется с нею чрез всю жизнь человека и, если будет побеждена,— по смерти поступает во власть духа злобы. Если же в этой борьбе душа восторжествует, то не только по смерти, но еще здесь, в земной жизни, она достигнет такого блаженного состояния, что придет в непосредственное соотношение с самим божеством. Для этого необходимы: строгий пост, воздержание от мяса, от вина и табаку, от наслаждений любви, от всяких увеселений, соблазнов, нужна самая строгая аскетическая жизнь, сопровождаемая так называемою «умною

молитвою», самоуглублением, словом, жизнь вполне созерцательная. Но и этого еще недостаточно: нужно лишить себя воли, подчинив ее уже достигшему духовного совершенства и вместившему в себя бога. Затем, при утомлении тела разными усиленными телодвижениями, «раденьем» [1], как говорят они, то есть скачками, плясками, верченьем и круженьем с распростертыми руками, дрожаньем всем телом, спираньем в груди дыхания, аскет доводит себя до состояния исступления, он приходит в состояние галлюцинации, ему представляются видения, он не помнит самого себя и говорит бессвязные, бессмысленные слова, принимаемые другими за пророчество. Под словом «пророчество» сектаторы не разумеют однако исключительно предсказаний будущего; все, что̀ говорится в состоянии восторженного исступления, называется у них пророчеством. Достигшие такого состояния называются у них «пророками» и «пророчицами». Но это еще не высшая степень совершенства. Высшая степень для мужчин — степень христа, для женщины — богородицы. Истинный Спаситель и истинная Дева Мария, по мнению тайных сектаторов, не суть единственны. Такой же высокой степени, какой достигли они, может достигнуть всякий человек. Такие люди есть, они постоянно пребывают среди последователей тайных сект. Это «христы изобретенные» [2], как они выражаются. Сам бог, уничтожив в них душу человеческую и заменив ее собою, вселился в них, и они стали «живыми богами». Изобретенных христов и богородиц в одно и то же время может быть несколько. Ближайшие к изобретенному христу пророки, обыкновенно в числе двенадцати, называются апостолами.

---

[1] Это слово употребляется не в общепринятом смысле старания, усердия, заботы, но в смысле радения к богу, то есть усердия соединиться с ним посредством особых телодвижений. В «Толковом словаре» В. И. Даля это объяснено так: «радеть» у скопцов, хлыстов и прочих — отправлять свое богослужение с верченьем; «радение» — молитва в сборе радеющих (созерцательных) толков; «радетель, радельник, радельщик» — радеющий хлыст, скопец («Словарь живого великорусского языка», III, 4).

[2] Слово «изобретенный» употребляется у них при этом не в обычном его смысле: измышленный, выдуманный, а в смысле обретенный, то есть найденный, отысканный. Мы еще не раз встретимся с хлыстовскими словами, имеющими не тот смысл, какой придается ими общим употреблением.

Но побороть плоть не легко, особенно при сближении обоих полов во время радений, когда мужчины и женщины бывают в одних рубашках, а в иных кораблях и нагишом. Отсюда скопчество, встречающееся в созерцательных толках еще в Византии. Впрочем, ревностнейшие последователи хлыстовщины с омерзением относятся к этому самоискажению, называя его малодушием. По понятиям их, надо побороть плоть духовно, не прибегая к хирургическим операциям. «Что́ за победа над врагом, когда враг умерщвлен? — говорят они:—тут нет божьего дела, одно только малодушие». Но и в иных кораблях скопчество считается тем, чем у нас монашество. Вообще же у хлыстов особой заслуги за скопцами не признается, и если некоторые скопцы уважаются ими, то не за оскопление, а в таком лишь случае, если в них «ходит дух», то есть если они способны скоро приходить в восторженное состояние и получать способность пророчества и видений.

Тайные сектаторы истинного Христа Спасителя почитают богочеловеком, но таким же, как и их «христы изобретенные». Чудеса, им сотворенные, самая крестная смерть и воскресение суть, по мнению некоторых кораблей, одно лишь иносказание. Они не поклоняются иконам и кресту, хотя и употребляют их даже при некоторых своих обрядах. Литургию и другие церковные службы отвергают, говоря, что одно и то же читать и петь во веки веков без малейшей перемены есть дело мертвое, а богу всегда надо петь «песнь нову». Поэтому они и поют свои песни, большею частью отличающиеся бессмыслицей, но не лишенные печати какого-то дикого, фанатического вдохновения. Поют их на голоса простонародных песен. Говорят, что молиться надо одной только молитвой господней, как повелел Иисус Христос, и кроме того, петь духовные песни и псалмы. Но, как сказано было прежде, все они исполняют церковные обязанности усерднее настоящих православных, бывают в церкви за каждою службой, исповедуются и причащаются по четыре раза в год, и потому считаются людьми самыми усердными и благочестивыми. К этому надо еще присовокупить, что они, основываясь на словах евангелия: «не пекитесь о завтрашнем дне», уклоняются от работ и представляют из себя общество тунеядцев.

Тайные секты держатся на Руси с древнейших времен. Они несравненно старее раскола-старообрядства, от-

делившегося от единения церковного только два столетия тому назад. Следы этих сект, правда, не совсем ясные, замечаются еще во времена святого князя Владимира. При нем пришельцы из-за Дуная принесли на Русь не одну чистую пшеницу вселенского учения, но и плевелы, которыми издавна была обильна почва Византии. С течением времени, в продолжение девяти почти веков, учение тайных сект, занесенных в Россию одновременно с христианством, видоизменялось, подвергалось разносторонним влияниям. Дохристианские понятия наших предков, языческие воззрения русевших и сливавшихся с славянским племенем народов финского племени, религиозные идеи, заносимые от времени до времени с Запада, наконец собственные измышления пытливых русских людей, все, в свою очередь, отражалось на духе и развитии этих сект. Конечно, исследователи русских тайных учений никогда не отыщут непрерывной струи от богомилов, пришедших на Русь при Владимире, до подполковницы Татариновой, скакавшей в Михайловском дворце, или до прыгуна Максима Рудометкина (он же и Комар), короновавшегося в деревне Никитиной, Александропольского уезда, Эриванской губернии, 19-го декабря 1857 года. Но тем не менее нельзя отрицать связи между этими явлениями, отстоящими друг от друга на целые восемь столетий. Письменные памятники старины не представляют нам почти никаких данных для точного и подробного определения, каким образом развивались в русском народе тайные секты, но отрывочные указания летописей, некоторые места других произведений старинной нашей письменности, наконец сказания и предания современных сектаторов могут нам дать хотя некоторые указания на то, что секты, о которых идет речь, столь же древни в России, как и само христианство.

Ересь богомилов, названная так по имени своего основателя, попа Богумила, появилась в IX или X столетии в единоплеменной нам Болгарии, тогда еще самостоятельной, имевшей своего царя и свою автокефальную церковь. Произошла она из смешения понятий павликианских с манихейскими. Павликиане, отвергавшие церковную иерархию, установленный раз навсегда порядок богослужения, не признававшие таинств и верившие в два самостоятельные начала: доброе и злое, были очень силь-

ны в Азии, откуда император Иоанн Цимисхий решился вооруженною рукой выселить их в Европу, где, по мнению его, они не могли быть так опасны для Византийской империи, как вдали от столицы, на далеких окраинах государства. Цимисхий поселил павликиан во Фракии, на границе Болгарии; с ними же переселены были и многие из последователей Манеса, известные под именем еретиков-манихеян, которые также признавали дуализм, заимствовав его из религии Зердушта. Учения тех и других проникли в иную еще тогда церковь болгарскую, и там образовалась ересь богомильская. Она соединила в себе дуализм, общий павликианам и манихейцам, с строгим аскетизмом манихеев, и до того существовавшим уже в болгарских монастырях [1]. У аскетов-манихеян нередко бывали примеры оскопления. Были они и у богомилов. Во времена святого Владимира в Россию пришло много православного духовенства, но так как богослужение должно было производиться на языке славянском, которого греки не разумели, то, конечно, пришедшие к предкам нашим попы в большинстве были болгаре. Между ними весьма легко могли попасть на Русскую землю и последователи возраставшей тогда секты богомилов. Они-то, конечно, и были первыми насадителями на русской почве учения тайных сект. Через шестнадцать лет после крещения Руси, еще при жизни Владимира, один из таких насадителей был осужден в Киеве. Это был монах, скопец Адриан, который, по известию «Никоновской летописи», в 1004 году хулил церковь, ее уставы и обряды и духовенство. Митрополит Леонтий, отлучив Адриана от церкви, посадил его в тюрьму, где скопец раскаялся [2]. В XII веке, по указанию той же «Никоновской летописи», явился в Киеве другой еретик. Дмитр. Татищев говорит, что он в 1123 году отвергал устав церковный, за что киевским митрополитом Никитой и был сослан в город Сикелец [3].

В первые времена христианства в России распространено было обличительное «слово на богомилов», сочи-

---

[1] Schmidt, «Histoire et doctrine de la secte de Cathares ou Albigeois», 1—8. Альбигойцы и вальденсы были одного происхождения с богомилами. В учении тех и других есть черты сходства с учением наших тайных сект.

[2] «Никоновская летопись», I, 112.

[3] «Никоновская летопись», II, 56. Татищева «История Российская», II, 223.

ненное Козьмою, пресвитером болгарским. Было оно распространено, конечно, с целью противодействовать этому учению. Приведем некоторые выдержки из этого слова, чтобы показать главнейшие черты богомильского учения и сличить его с учениями русских тайных сект: «Диавола нарицают творца человеком. Христа не исповедуют сотвориша чудеси, глаголюще: несть Христос слепа просветил, ни хрома исцелил, ни мертва воскресил, но притчи то суть точию... грехи бо реша целеные; народом же напитанным в пустыни пятью хлебы не веруют, глаголюще: не суть то хлебы были, но четыре евангелисты, пятое опракс [1] Апостол... Святое крещение отмещут, гнушающеся крестимых младенцев... Несть божиим повелением творимо комкание [2], ни есть тело суще Христово, но аки все и простое брашно, не бо есть Христос творил литургию, тем же мы не имамы в честь того. Несть речено о святем хлебе и о чаше, о Тетроевангелии то есть речено и опракси Апостоли, а не о святем комкании. Тело наричуть Тетроевангелие, а кровь опракс Апостол. Еретицы сами себе исповеди творят и решат, сами суще связаны диаволими узами, не точию мужи то творят, но и жены. Диавола мнят повелевша человеком жены понимати, а женящася человека и живущая в миру мамонины слуги зовут... Не многоглаголют в молитвах, но «Отче наш»... Церкви распутия мнят суща, многоглаголанныя же литургии мнят и ины молитвы, бывающая в церквах. Чины святые хулят, литургию мню и прочия молитвы. Не суть апостолы литургию предали ни комканию. О кресте господни сице блазнящеся глаголют: како ся ему есть кланяти? Сына бо божия жидове на нем распяша, да вражда есть паче богу рест, тем же исповедаши его своя си учат, а не кланятися сице глаголюще: аще бо кто царева сына убил крестом древом, может ли древо от любо быти царю? Тако же крест богу. Не по своей воли распята мнят господа, ни за спасение человеческо, но по нужде. Не кланяются иконам, но кумиры наричут я. Слышавше апостола Павла о кумирах рекши: «не подобает нам повинутися злату или сребру сотворену хитростию человеческою», еретицы мнят

[1] Следует «апракос».

[2] «Комкание» — святое причастие, от латинского «communicatio»; слово это часто встречается в старинных наших памятниках, вместо слов евхаристия или приобщение.

то о иконех речено, да от того словесе обретшу си вину, не кланяются единые иконам, но страха деля человеча и в церковь ходят, и крест и икону целуют, якоже нам поведают иже от них обратишася на нашу истинную веру, глаголюще: яко вся си творим человек деля, а не по сердцу, в тайне же скрываем свою веру. В день воскресения господня постятся и ручно дело творят, вся господские праздники и память святых мученик и отец не чтут. Вся преданныя законы святыя божия церкве похуляют, своя си учения честно творяще, бающе некаки басни. Хулят иереи и вся саны церковные, фарисеи слепые зовуще правоверные попы и много на ня лающе, яко пси на конника. Не подобает тружатися делающе земная (говорят они), господу рекше: «не пецытеся»; праздно ходят, не хотяще ничего же прияти своими руками, но преходящу от дому в дом, чужая снедая именья прельщаемых ими человек. Суть еретицы извону[1] аки овца образом, кротци и смирени, и молчаливи, бледи[2] же суть видети от лицемернаго поста, словесе сии не рекут, не смеются грохотом, не облазуют, хранятся от взора и вся творят извону, яко же не раззнати их с правоверными христианы, изнутрь же суть волцы и хищницы, яко же рече господь. Видяще бо человецы толико и таковое их смирение и мняще я правоверны суща и мощны направити на спасение приближаются к ним и вопрошают о спасении души; они же подобны волку, хотящу агня взяти, сперва поглумляются воздыхающе и со смирением отвещавают и проповедущеся творят сущая на небесех, и где узрят человека проста суща и груба, ту же сеют плевелы учения своего, хуляще преданные уставы святым церквам. Мы паче вас, глаголют еретицы, бога молим и бдим и молимся, а не живем в лености яко же вы. По плоти живут попове яве, а не по духу яко же мы»[3].

Совершенные хлысты нашего времени! Несмотря на промежуток времени в восемь с лишком столетий, отделяющих болгарских богомилов от русских тайных сек-

[1] Извне, снаружи.

[2] Бледны, худощавы, худы.

[3] Приводимые отрывки из слова Козьмы, пресвитера болгарского, мы заимствовали из сочинения г. Руднева: «Рассуждение о ересях и расколах в русской церкви со времени Владимира Великаго до Иоанна Грознаго». Москва, 1838 г., примечание, стр. 7—10. Г. Руднев печатал по рукописи, находящейся в библиотеке московской духовной академии.

таторов, сходство между ними поразительное. Читая сказание Козьмы, пресвитера болгарского, так и кажется, что не дела, совершавшиеся в Болгарии при тамошнем царе Петре, он описывает, а говорит про современные нам дела в какой-нибудь Самарской губернии, побывав в келейных рядах «духовниц».

В некоторых хлыстовских кораблях, сколько нам известно, а может быть, и во всех (чего, однако, положительно утверждать не можем), сохраняется обычай чтить пятницу вместо воскресенья. Что пятницу чтили богомилы, пресвитер Козьма не говорит, но упоминает о том, что воскресные дни ими не чествовались. Откуда произошло чествование пятницы в тайных сектах, решить не беремся, полагаем, однако, что едва ли оно могло быть заимствовано от мусульман-ордынцев, когда-то владевших нашим отечеством, как одним из своих улусов. Трудно, даже невозможно предположить, чтобы «басурманский» обычай мог быть усвоен русским народом, всегда приверженным к наружным видам богопочтения, в особенности же к чествованиям установленных церковью праздников. Тем не менее, однако, чествование пятницы (конечно, не в ущерб воскресенью) и до сих пор сильно распространено в великорусском простонародье, особенно между женщинами. Преимущественно чтутся десять пятниц после Пасхи, особенно девятая. К этим пятницам приурочены особые богомоления, большею частью вне селений, на ключах, на колодцах, крестные ходы к полевым часовням, народные сходбища, торжки, ярмарки. Пятницу отожествляют с мученицей Параскевой и называют ее Прасковьей-Пятницей [1], но в молитвах при этом обращаются не к ней, а к богородице. Имя Пятницы в некоторых хлыстовских кораблях придается их богородицам, что́, например, видно из следующих слов хлыстовской песни:

> Благослови, Пятница,
> Сударыня-матушка,
> Свет-богородица,
> Святым делом порадеть,
> Трудов своих не жалеть, и пр.

Из дела, производившегося в тридцатых годах нынешнего столетия о сектаторах села Краснопрудовки

---

[1] Παρασχενη — значит пятница.

(Орловского уезда), видно, что одна из девок тамошнего корабля (в котором были и скопцы) назывались Богородицей, а другая Пятницей». Кроме Пятницы в хлыстовских кораблях почитают еще Настасью-Воскресенье [1], но менее, чем Пятницу. О ней поется в радельных песнях:

Ты Настасья, свет Настасья,
Отверзай царски врата,
Встречай батюшку христа
С милосердьем, со прощеньем
И со светлым *воскресеньем*.

Покойный Надеждин полагал [2], что в этой песне воспоминается богородица Настасья Карповна, казненная в 1734 году. Но не относится ли это скорей к Настасье-Воскресенью, издавна чествуемой тайными сектаторами? О чествовании Настасьи (Воскресенья) и (Прасковии) Пятницы находим упоминание в «Стоглаве». Царь Иван Васильевич, в 1551 г., предлагает собору следующий вопрос: «Да по погостам и по селам ходят лживые пророки (пророки у хлыстов неразлучны с богородицей Пятницей; они ей «поют в духе»), мужики и женки, и девки, и старыя бабы, нагия и босыя, волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются, и сказывают, что им является святыя Пятница и Настасии, и велят им, чтобы оне заповедали христианам каноны завечати, оне же заповедают в среду и пяток ручного дела не делать, и женам не прясти и платья не мыти и камения не разжигати, а иныя заповедают богомерзкия дела творити, кроме божественных писаний. Что́ тем нагим, и босым, и лживым пророкам путь, чтобы не соблазняли?» [3]. Полагаем, что царский вопрос разумел последователей секты, теперь называемой «хлыстовщиной». Триста лет тому назад она не скрывалась, или по крайней мере скрывалась несравненно менее, чем теперь, если не в центрах правительственной деятельности — в Москве и главных городах, то по погостам и селам. «Лживые *пророки*, мужики, женки и девки, нагия и босыя, волосы отростив и распустя, *трясутся и убиваются* и т. д.», как увидим, чрезвычайно

---

[1] Αναστασῃ — значит воскресение. Несколько святых угодниц носили это имя.

[2] В личных с нами беседах.

[3] «Стоглав», глава 41, вопрос 21. По изданию Кожанчикова. СПб. 1863 г., стр. 138.

похожи на хлыстов нашего времени. Полагаем, что «Стоглав» говорит об их предшественниках.

В «Духовном регламенте», написанном Феофаном Прокоповичем и утвержденном в феврале 1720 года, опять встречаемся со святою Пятницей: «Могут обрестися, сказано там, пения и церемонии непотребныя, или вредныя. Слышится в Малой России, в полку Стародубском, в день уреченный праздничный, водят женку простовласую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном (если то по истине сказуют) и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы» [1].

Всенародные оказательства тайных сект в виде чествования Пятницы прекратились не тотчас после издания «Духовнаго регламента». Срубленные в 1734 году головы богородицы Настасьи Карповны, пророка Филарета, инока Петровского монастыря, сожжение костей прежних христов людей божьих, рассылка по дальним монастырям их последователей, заставили сектаторов притаиться. В нынешнем столетии мы уже не встречаем публичного оказательства хлыстовской секты. Но вера в святую Пятницу-богородицу во многих местностях до сих пор сохраняется между простолюдинами, потеряв, однако, всякие соотношения и связь с сектами, откуда, как мы убеждены, произошла она.

Из христов, являвшихся в России между последователями тайных сект, дошли до нас предания об Аверьяне, жившем во времена Дмитрия Донского, и об Иване Емельяновиче, бывшем при царе Иване Васильевиче Грозном. Об Аверьяне-христе говорится, будто он жил во времена Дмитрия Донского и убит на Куликовом поле мамаевыми татарами, стало быть участвовал в походе Донского вместе со своими приверженцами.

Об Емельянове у хлыстов сохранилось предание, что был он московский житель, Кадашевской слободы, и было у него двенадцать апостолов, с которыми он расхаживал по Москве и ее окрестностям. Царь Иван Васильевич, узнав, что Емельянов умеет предсказывать будущее, велел будто бы привести его к себе и спросил: — «Правду ли про тебя, Ванька, идет людская молва, что ты пророчишь?» На это Емельянов отвечал: — «Ванька-то ты,

---

[1] «Духовный регламент», Москва, 1856 г., стр. 19.

беспутный царишка, а не я. Я сын божий Иоанн. Ты царь земной, а я небесный». Царь разгневался, бросился на Емельянова, хотел его пронзить своим железным костылем, но Емельянов погрозил ему пальцем, и царь упал ниц. Показалось ему, что пред ним стоит истинный Иисус Христос, как он изображен на иконе в Успенском соборе с угрожающим перстом. Тогда царь Иван Васильевич с честью отпустил Ивана Емельянова и будто позволил ему идти на все четыре стороны со своими двенадцатью апостолами и с разными силами небесными. То и другое предание сохранилось в хлыстовских песнях. Вот первая из них, употреблявшаяся хлыстами Воронежской губернии при их радениях:

Благослови, господь, воспеть,
Нам «Христос воскрес» пропеть!
Полно, детушки, терпеть,
Разорви греховну сеть,
От темницы каменнóй
Выходил сам бог живой,
Выходил сударик наш,
Яко вековечный страж,
Говорил деткам Своим:
«Собирайтесь в Русалим» [1],
Мои милые дружки,
Сотворите-ка кружки [2],
На том месте на святом,
Где татарином клятом
Снята главушка с христа,
Ровно серпиком с листа».
Как ходили на Мамая,
Люди божьи [3], не хромая,
Христа бога поминая,
Христа, сударь, Аверьяна,
Аверьяна, не буяна,
Распинали же его,
Христа бога моего,
Как на поле Куликовском,
Во наездии Ростовском(?)...
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

Об Иване Емельянове у хлыстов Рязанской губернии, Зарайского уезда, Московской — Серпуховского и в дру-

[1] То есть Иерусалим. Хлысты и скопцы главнейшие места своих собраний называют «домом божьим», «Иерусалимом» и т. п.

[2] Во время своих радений хлысты и скопцы становятся друг подле друга, образуя круг. Этот круг называется «святым кругом», «святым кружком».

[3] Так называют себя хлысты.

гих местах употреблялась лет тридцать тому назад следующая песня, по всей вероятности, и теперь распеваемая на радениях:

Грозен, грозен царь Иванушка,
Грозен, грозен сын Васильевский!
Уж порол же он, порол бояр,
Уж травил же их медведями,
А не стало и в нем храбрости
Супротив царя небесного,
Свет Ивана Емельяныча.
Сходились люди божии
На святом кругу, в Кадашеве,
Сокатал на них сударь дух святой,
Возрадел с ними отец родной,
Сам отец наш, Иван Емельянович,
Сам батюшка христос истинный,
Со двенадцатью апостолы,
С херувимами, с серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною.
Спознавали людей божиих
И христа царя небеснаго
Архереи июдейские,
С патриархом волком Никоном(?)
Июдейские — московские,
Предавали христа батюшку
На святую страсть, смерть вольную
Самому царю Иванушке
Свет Васильевичу Грозному.
Возговорил царь Иванушка
Самому царю небесному:
«Вправду ль, Ванька, молва идет,
Что горазд ты пророчить стал?»
Отвещает ему сударь батюшка
Своими устами пречистыми:
«Уж ты Ванька, ты Ванька, беспутный царь,
Сам ты, Ванька, людскую кровь пьешь,
А мясом человечьим закусываешь,
Я не Ванька,— Иван, да не Предтеча,
А сам спас, христос сын божий».
Тут у царя Иванушки сердце разгорелось,
Хочет царишка спаса жезлом прободать,
Хочет Иванушка пречистую плоть растерзать,
Да не стало у Иванушки силушки,
Не стало у Васильича храбрости:
Перед ним сам спас стоит,
Перстом правыя руки грозит,
Как на той ли на иконе Мануиловой.
Упадал тут земной царь перед небесным:
«Ступай, спасе, на все на четыре стороны
Со всеми своими двенадцатью апостолы,

С херувимами, с серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною».
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

Из преданий хлыстовских, вошедших частью в их песни, частью в сказания, видно, что во времена Ивана Емельянова была богородица Марья Якимовна и что хлыстовщина содержалась кроме Москвы в Киржаче (ныне заштатный город Владимирской губернии) и на реке Андоме [1].

Появление христов с двенадцатью апостолами, столь обыкновенное ныне в тайных сектах, вероятно, бывало (как видно из приведенного об Иване Емельянове) и в XVI столетии. В первых годах того же столетия такой же христос и также с двенадцатью апостолами явился между русскими в нынешней Галиции и прошел в Силезию. Вот рассказ о том густынского летописца: «В то же лето (1507) за Краковом собрался лестцов некоих тринадесять, иже поведаху ся быти апостолами и единаго межи собою нарекоша христом, и ходиша по селам, безумных лестяше, и многа чудеса хитростью твориша: в безводных озерах пред людьми рыбы ловиша, прежде их тамо наметавши; наемши кого да ся мертвым сотворит, донели же его воскресят, тако мертвых воскрешаху и пр. На Шлионску же гостиша у единыя жены, и понеже не хоте им дати, еже у нея прошаху, тай вложиша губку зажжену во убрус, отыдоша, грозящей ей помстою от бога, она же не смотревши, вложи убрус со огнем в скрыню, и помалу возгореся ей скрыня и потом весь дом изгоре, егда же прииде муж ея и глагола: «Что̀ се есть?» она же рече: «Яко христос мя покара, ему же не дах, еже мя прошаше». Муж же, яко смысленнейший, позна, яко лестцы бяху сии и собрав соседы и гнаше по них, идеже крепко их биша, яко оттоле преста тоя лести».

Из этого должно заключить, что христовщина не ограничивалась в старые годы одним Московским государством, но что лжехристы появлялись и между русским населением, отделенным от нас политически. И одним ли русским? В Силезии жили хотя и славяне, но не русские.

---

[1] «Письма о расколе», 1862 г., стр. 58.

III

Строгий аскетизм манихеев, существовавший в болгарских монастырях, дал аскетическое направление богомилам. Аскетизм, сильно развившийся в России, особенно во времена татарского владычества, имел такое же влияние на русские тайные секты, от богомильства происшедшие. Последователи их, и прежние и современные, всегда изнуряли тело постом, веригами, сильными телодвижениями, и не одними земными поклонами, которых для них казалось недостаточно, но прыжками, скаканьем, верченьем в продолжение долгого времени, причем спирали дыхание и таким образом доходили до состояния восторженного исступления. Замечательно, что эти своего рода дервиши, как увидим в дальнейшем изложении, нередко открываемы были в православных монастырях, как мужских, так и женских. Хлыстовщина постоянно имела немало последователей между людьми набожными, богомольными, как, например, в женских общинах и в так называемых «келейных рядах» больших селений, где обыкновенно живут старые девки и вдовы, оставившие хозяйство для богомолья и чтения духовных книг. Это так называемые «духовницы», сманивающие к себе молодых девок, представляя им брачное состояние греховным и ведущим к неизбежной душевной погибели. Так называемые «блаженные» или «юродивые» — явление также самое обыкновенное в «кораблях» тайных сект.

В Костромской губернии, на правом берегу Волги, в Кинешемском уезде, около Плеса и Решмы, принадлежащих к «тайным сектам» зовут *купидонами*. Это испорченное слово *капитоны*. Известны они и под именем *подрешетников*. О тех и других упоминает еще св. Димитрий Ростовский. Название капитонов было очень известно в конце XVII столетия. Некоторые писатели того времени, например, Матвеев в своих записках о жизни своего отца и о стрелецких бунтах, даже всех вообще раскольников называют капитонами [1].

Купидоны считают основателем своей секты пустынника Капитона, жившего в XVII столетии в Колесниковой пустыни, что̀ была в Костромском уезде. О нем мы находим сведения и у церковных писателей (митрополи-

[1] «Записки русских людей», издание Сахарова, Спб. 1841, 39.

та тобольского Игнатия Римского-Корсакова и св. Дмитрия, митрополита Ростовского), и у известного раскольничьего писателя князя Семена Денисовича Мышецкого. Капитон учил еще до совершившегося в церкви раскола старообрядства, в царствование Михаила Феодоровича, которому, по уверению Семена Денисовича, был лично известен. Капитон был такой строгий постник, что даже в Светлое Воскресенье не дозволял ни себе, ни ученикам своим употребления какой-либо пищи, кроме хлеба, семян и ягод, и вместо красных пасхальных яиц христосовался луковицами. Семен Денисович, почитавший Капитона своим (то есть беспоповцем), упоминает, что он *был пророком:* «пророческих дарований преизобильно богатство почерпе, предняя яко задняя, дальная яко ближняя непогрешительно возвещаше» [1]. В состоянии самообольщения своей святости, Капитон в самом деле почитал себя необыкновенным угодником и вследствие того, по словам Дмитрия Ростовского, «начать презирати чин духовный и не хотяше принимати благословения от лиц духовных: тоже начат новое изобретати учение и веру по своему зломудрию и творити расколы и раздоры в церкви Христовой, веля чуждатися соединения церковнаго и благословения иерейскаго» [2]. Все это было еще в царствование Михаила Феодоровича, задолго до никоновского исправления богослужебных книг, послужившего поводом к открытому отпадению так называемых старообрядцев от единения с православною церковью.

Когда началась церковная смута по поводу этого исправления, Капитон объявил новые книги еретическими и богу неугодными. Правительство, узнав о том, сочло Капитона за обыкновенного раскольника-старообрядца, подобного Аввакуму, Никите и их единомышленникам, и потребовало его к суду. Узнав о том заблаговременно, Капитон бежал из Колесниковой пустыни в леса Вязниковские и там, не открытый правительством, жил долго, распространяя свою аскетическую, близкую к хлыстовщине секту, и умер не отысканный. Он не дошел до того, чтоб объявить себя христом, но проложил к этому путь ученикам своим. Заметим при этом, что «купидоны»

---

[1] Семена Денисова «Российский виноград», рукопись.

[2] Св. Дмитрия Ростовского «Розыск». Москва, издание 1855 г., стр. 571.

(равно и подрешетники) тем отличаются от прочих отраслей хлыстовщины, что уважают только старые дониконовские книги, как и старообрядцы, хотя, подобно принадлежащим к другим хлыстовским кораблям, и говорят, что все писание есть только «учение внешнее», еще недостаточное для спасения и приближения к богу, которого-де можно достичь лишь посредством чтения «книги животной», находящейся в сердце человеческом, и посредством пребывания во «внутренней церкви», которая «не в бревнах, а в ребрах». Предпочтение дониконовских книг новым, отличающее секты «купидонов» и «подрешетников» от других подобных им, можно объяснить тем, что основатель их учения вступился за старые книги во время замены их новоисправленными.

У Капитона было несколько учеников, пребывавших с ним в пустыни. В числе их был Ефим[1] Подрешетников. О нем также упоминает св. Дмитрий Ростовский. «В те же времена,— говорит он в своем «Розыске»,— в уездах Кинешемских и Решемских и на Плесе, явишася инии раскольники, глаголемые *подрешетники*, нареченные тако от учителя своего, его же имеяху некоего поселянина, прозываемаго Подрешетников, иже преследуя ересиарху Капитону, учаше людей не ходити в церковь Божию, ни отцов духовных имети, ни к благословению иерейскому приходити, и всех таинств церковных чуждатися. Тии сами в домех своих творяху некия церковныя службы по чину иерейскому, не освященни бывше, и младенцы крещаху (?), причасте же у них бяше некое волшебное, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованием напоенныя (мы встретимся с этим волшебным причастием и в других тайных сектах), их же причащахуся чином таковым: изберут от между себя едину девку (это мать-сыра-земля, как увидим впоследствии), и в подполье избы введше ю, в цветное платье нарядят, та по часе выходит из подполья, носяще на главе своей решето, покрытое чистым платом, в решете же ягоды изюм; а в избе множество собравшихся мужей, и жен, и детей. Вышедши убо из подполья девка с решетом, на главе ея носимом, глаголет по подобию иерейскому: «всех вас да

[1] Или Ефрем. В находящейся у нас рукописи о купидонах (новейшего письма и состава — сороковых годов нынешнего столетия) написано неразборчиво. В ней прозвание его не Подрешетников, а Подрешетник.

помянет господь бог во царствии своем всегда ныне и присно и во веки веков (веком?)». Они же, поклонившись, отвещают: «аминь». Сие же девка оная глаголет трижды, и они трижды «аминь» отвещевают. И потом девка та даст им то богохульное приношение, вместо причащения Святых Таин; вкусившие же от тех ягод абие желают себе смерти, аки бы за Христа, сожещися или удавитися, или в воде утопитися, аки исступльшие от ума; и многие тако сами себя погубили» [1]. О волшебном причастии в виде изюма или клюквы, в виде особых шариков, упоминает не раз св. Дмитрий Ростовский в своем «Розыске», говоря, что вследствие этого очарованного яства люди впадали в самоисступление. Так, в его епархии, в Пошехонском уезде, около 1700 года, сожглись 1920 человек в Белосельской волости, прихода Пятницкого, не считая множества людей, сожженных в окрестных селах и деревнях. Во время этих самосожигательств приехал в свою вотчину, Белосельскую волость, князь Иван Иванович Голицын уговаривать своих крестьян, чтобы перестали сожигаться. А жглись те люди, говорит святой Дмитрий, со слов местного священника Игнатия, по наущению крестьянина деревни Холма, Ивана Десятины. Когда он был приведен к князю Голицыну, у него выпали из платья «три ягоды, деланныя от некия муки, величеством подобны клюкве». Десятина стал было ногою растирать эти ягоды, но крестовый (домашний) поп князя Голицына, с ними бывший, успел поднять одну ягоду, растер ее пальцами на хлебе и бросил собаке. Собака взбесилась и бросилась в огонь, разведенный на дворе. Крестовый поп вздумал попробовать ягоду, «хотя вкус ея уведати, и абие сотворися вне ума». Его свели в поварню, где готовили князю обед, поп бросился в печь, сжег себе волосы и бороду, но был вытащен из огня. Пробыв без ума целые сутки, он потом рассказывал: «егда меня в подклет введоша, показася мне пещь, яко рай, а устие пещи яко дверь райская. В пещи же, во огне видех пресветлыя юноши, иже призываху мя к себе, глаголюще: «пойди к нам», аз же абие к ним вергохся» [2].

Все это очень похоже на известного рода сказки о волшебствах, колдунах и вообще о неестественном.

[1] «Розыск», издание 1855 г., стр. 571, 572.
[2] «Розыск», издание 1855 г., стр. 586 и 587.

Но нельзя решительно отвергать, чтобы во всех этих рассказах не было чего-нибудь и правдоподобного. Если у последователей тайных сект ближайшего к нам времени находили какие-то одуряющие снадобья, вроде опия или гашиша, почему же не допустить, что какой-нибудь дурман был в употреблении у подрешетников XVII столетия? Самый гашиш и опий, тогда уже распространенные на мусульманском Востоке, могли привозиться в Россию армянами, которых со времени царя Алексея Михайловича было уже немало, не только в Астрахани и Казани, но и в самой Москве, и которые, как известно из современных документов, постоянно торговали всякими запретными товарами.

Крестьянин Юрьевского уезда Данила Филиппов также был в числе учеников Капитона, но в которой пустыни, в Колесниковой или в Вязниковской, предания хлыстов не упоминают. Во время сильных споров о том, по старым или по новым книгам можно спастись, Данила Филиппович, уже имевший собственных учеников, решил, что ни те ни другие никуда не годятся и что для спасения души необходима одна:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная:
Сам сударь дух святой.

Он учил, что надо молиться духом и что при таком только молении в человека может вселиться дух божий. Хлысты рассказывают, что их учитель, в доказательство ненужности и старых и новых книг, собрал те и другие в один куль, положил в него для груза камней и бросил в Волгу.

Через несколько времени Данила Филиппович является в окрестностях Стародуба [1], находившегося в тогдашнем Муромском уезде. В Стародубской волости, в приходе Егорьевском, говорят хлысты, на гору Городину [2], среди ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, в огненных облаках, в огненной колеснице, сошел

---

[1] На реке Клязьме, в нынешнем Ковровском уезде, Владимирской губернии. Теперь он известен под названием Клязeмского городка.

[2] Село Егорий на реке Вязьме и деревня Городина на р. Уводи в Ковровском уезде, Владимирской губернии, близ Ивановской железной дороги.

с небес во славе своей сам господь Саваоф. Силы небесные вознеслись назад, на небо, а Саваоф остался на земле в образе человеческом, воплотясь в Даниле Филипповиче. С этого времени Данила Филиппович перестал быть человеком, а сделался «живым богом» и стал называться *верховным гостем, превышним богом, богатым гостем*. Признавшие его «живым богом» стали именоваться *людьми божьими*. Так хлысты и до сих пор называют себя.

Лжесаваоф водворился в деревне Старой, неподалеку от Костромы. Сюда сходились к нему для отправления своих обрядов «люди божьи». Дом, в котором он жил, назван был *домом божиим*. Город Кострома, неподалеку от которой поселился «верховный гость», получил от его последователей название *Горнего Иерусалима*, а также *город Кострома верховная сторона*. Через несколько времени лжесаваоф, как рассказывают хлысты, перенес «божий дом» из деревни Старой в Кострому.

Потопление Данилой Филипповичем книг в Волге, по сказаниям последователей хлыстовщины, было уже после чуда, совершившегося на горе Городине. Не имея земного начала, рассказывают они, «верховный гость Данила Филиппович» от духа святого получил наставления, чтò надо проповедовать земнородным, и творил чудеса. По наставлению святого духа, говорят они, Данила Филиппович утопил и книжное писание, не велев людям иметь книжное учение, и заповедал во всем руководствоваться единственно его словами и теми вдохновенными речами, чтò скажут на радениях пророки, пребывая в «духе» [1].

Вот двенадцать заповедей, данных, по словам хлыстов, Данилой Филипповичем ученикам своим:

1. Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.

2. Нет другого учения. Не ищите его.

3. На чем поставлены, на том и стойте.

4. Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы.

5. Хмельного не пейте, плотского греха не творите.

6. Не женитесь, а кто женат, живи с женою как с се-

[1] То есть в состоянии восторженного исступления, до которого доходят они на радениях.

строй. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверных слов и сквернословия[1] не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.

10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молите.

12. Святому духу верьте[2].

Продолжаем предания хлыстов об их «живых богах», предания, отличающиеся дикостью разгоряченного вображения, нелепостями, превосходящими одна другую своею чудовищностью, но тем не менее составляющими предмет несомненной веры последователей тайных сект. Не думаем, чтоб эти сказания были принимаемы на веру образованными людьми, которые в нынешнем уже столетии вошли в тайные секты, но что они считали христов и богородиц за людей, святою жизнью своею приобревших особенную благодать,— это сомнению не подлежит.

За пятнадцать лет до сошествия на гору Городину «господа Саваофа», рассказывают хлысты, родился сын божий, христос Иван Тимофеевич Суслов. Родился он в Муромском уезде, в селе Максакове, принадлежавшем тогда Нарышкиным, от богородицы Арины Нестеровны. Ей было сто лет, когда она родила Ивана Тимофеевича. Такое чудо указало будто бы людям на то, что родился в мир не прост человек, а сам христос, сын бога вышнего. Когда Ивану Тимофеевичу исполнилось тридцать лет, был он позван верховным гостем Данилой Филипповичем в Кострому. В деревне Старой «богатый вер-

[1] Под скверными словами хлысты разумеют известные русские ругательства, под сквернословием — упоминание слов: дьявол, черт, бес и т. п.

[2] Сказание о Даниле Филипповиче и заповеди его заимствованы из формального дела, производившегося в 1845 и 1846 годах об открытых в Москве хлыстах корабля пророка Евграфова.

ховный гость» сделал его «живым богом» и «дал ему божество». Для этого три дня сряду, при свидетелях, он возносил его с собою на небеса. После того Иван Тимофеевич, по велению отца своего, вышнего бога Данилы Филипповича, возвратился в свои места на берега Оки. Здесь одним из главнейших его притонов было село Павлов-Перевоз [1]. Переходя из села в село, из деревни в деревню, Иван Тимофеевич распространял учение верховного гостя, заключающееся в приведенных заповедях. С ним жила девица, очень красивая собой, она почиталась «дочерью живого бога» и «богородицею». По свидетельству св. Дмитрия Ростовского, она была родом из села Ландиха, посадского человека дочь [2]. Кроме богородицы, по тому же свидетельству, были у Ивана Тимофеевича и двенадцать апостолов. Как и апостолы закраковского христа 1507 года, они ходили по селам и деревням и «проповедовали христа, аки бы истиннаго, простым мужикам и бабам, и кого прельстят, приводили к нему на поклонение, а кланялись ему без крестнаго знамения» [3]. Монах Пахомий рассказывал св. Дмитрию Ростовскому, что слышал он от очевидца, приведенного одним из учеников лжехриста к нему на поклонение, следующее: «Бе тогда той христос

[1] Ныне село Павлово, Горбатовского уезда, Нижегородской губернии, на правом берегу Оки, принадлежащее графу Шереметеву и известное обширным производством стальных изделий, которые по имени села называются в торговле «павловскими изделиями».

[2] «Розыск», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Большие торговые села Верхний-Ландих и Нижний-Ландих, ныне в Гороховецком уезде, Владимирской губернии. Это бывшая вотчина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, куда приезжали к нему нижегородские послы звать в ополчение. Стародубская волость, где появился лжесаваоф, также была вотчиной князей Пожарских. В «Розыске» о богородице из Ландиха св. Дмитрий Ростовский говорит следующее: «а водит с собою (лжехристос) девицу красноличну и зовет ю материю себе, а верующие в него зовут ю богородицею, а девица та родом русская из Нижегородского уезда села Ландюха посадского человека дочь».

[3] «Розыск», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Впоследствии в большей части хлыстовских кораблей, а также в происшедших от них скопческих, стали креститься, но обеими руками вдруг. Они объясняют причину этого обряда следующим образом: «Молитва есть возношение на небо, яко мысленныя птицы, парение руки же со крестом крылья той птицы. А какая птица одним правым крылом летает? Надо летать обоими крыльями, то есть креститься обеими руками».

на реке Волге, в селе Работки, глаголемом[1] за Нижним Новгородом, верст сорок по Волге вниз. Есть же в том селе на брезе реки церковь ветха и пуста, и собрашася тогда к нему людие, верующие в онь, на мольбу к церкви оной. Изыде же христос оный из алтаря к людям в церковь и в трапезу, и зрящеся на главе его нечто велико обверчено по подобию венца на иконах пишемаго, и некия малыя лица красныя, по подобию птиц, летаху около главы его, их же глаголют быти херувимами (нам же мнится, яко или беси в подобиях таковых мечтательно людям зряхуся, или красками писаны были херувимы на пищей бумаге и окрест венца прицеплены). Седшу же ему вси люди тамо собравшиеся поклонишася тому до земли, аки истинному Христу, и кляняхуся непрестанно молящеся на мног час, дондеже изнемощи им до молитвы. В молитве же взываху к нему овии: «господи, помилуй мя!» глаголюще овии же: «о, создателю наш, помилуй нас». Он же к ним пророческая некая словеса глаголаше, сказующи, что̀ будет, каковое воздуха применение, и утверждаше их верити в онь несумненно»[2]. Это первое по времени прямое и положительное указание на существовавшую у нас издавна хлыстовщину, которую св. Дмитрий называет «христовщиной». Книга, из которой мы заимствовали сейчас приведенный рассказ, писана была между 1702 годом, когда автор ее назначен на ростовскую митрополию, и 1709, когда он скончался. «Выходит, с самых первых годов прошлаго XVIII столетия,— говорит покойный Надеждин[3],— описанная здесь секта слыла уже существующею и притом в таком виде, который предполагает некоторую продолжительность ея существования; ибо даже и в таком случае, если б упоминаемый здесь лжехристос был первый в своем роде зачинщик дела дотоле небывалаго, ему все-таки надо было время и время, чтобы приобресть влияние, какое он представляется уже имевшим, внушить к себе столь чудовищное доверие, завестись лжебогородицею и лжеапостолами. Таким образом уже то одно, что такой рассказ мог состояться и дойти до сведения святого Дмитрия, указывает на присутствие у

---

[1] Село Работки, на Волге, Макарьевского уезда, Нижегородской губернии, по-нынешнему 60 верст от Нижнего.

[2] «Розыск». Издание 1855 г., III, стр. 599—600.

[3] Корректурный лист, о котором выше сказано.

нас секты христовщины, по меньшей мере, с конца XVII столетия. Что святой Дмитрий записал этот рассказ верно, как принял его, хотя уже и из вторых рук, но со слов очевидца, в этом не может быть никакого сомнения даже и для той разборчивости, которая в святости сана и жизни писателя видела бы больше поводов подозревать, чем доверять безусловно. Собственное свое примечание «о херувимах, летавших будто бы вокруг головы лжехриста, при явлении его поклонникам», святой писатель поместил отдельно от того [1], что̀ передавал со слуха. Но до какой степени самый этот слух мог быть истинным? Конечно, крайняя осторожность потребна при оценке вероятия народной молвы, особенно, когда молва эта касается предметов веры, наиболее раздражающих народное воображение: известны нелепыя сказки и клеветы, которыя во все времена и у всех народов пропускались вследствие религиозных пристрастий. Но вот новое, весьма любопытное свидетельство, в котором нельзя не признать более или...» На этом корректурный лист покойного Надеждина прекращается, но, судя по оглавлению первой главы, здесь непосредственно должен был следовать рассказ из «Густынской летописи» о закраковском лжехристе и, конечно, тот вывод, что христовщина существовала в русском народе гораздо ранее конца XVII века.

Возвращаемся к сказаниям хлыстов. Когда «истинная вера людей божьих» от проповеди Ивана Тимофеевича Суслова, с его богородицей и двенадцатью апостолами, стала распространяться, дошло будто бы о том до ведома царя Алексея Михайловича. По его велению, Ивана Тимофеевича схватили с сорока учениками и привезли в Москву. Здесь подвергли их розыску, и самого Суслова и учеников его пытали. Одному ему было дано столько кнутов, сколько всем сорока ученикам вместе, но судьи ничего ни от него, ни от учеников не узнали, никто из них ни слова не сказал, в чем состоит их учение. Тогда будто бы царь Алексей Михайлович велел их допрашивать самому патриарху Никону, но и тот ни в чем не успел, не открыли ему своей веры Иван Тимофеевич и ученики его. Передал их царь Морозову, самому ближнему своему боярину. Морозов будто бы по-

[1] В скобках.

нял святость Ивана Тимофеевича и уклонился от дальнейшего производства дела под предлогом болезни. Оно передано было князю Одоевскому (Никите Ивановичу?), который в московском Кремле на Житном дворе, где поставлена потом церковь Благовещения, пытал Ивана Тимофеевича. Жег его князь Одоевский на малом огне, повесив на железный прут, потом жег в больших кострах. Но огонь его не касался, и с Житного двора Иван Тимофеевич вышел ничем невредим. После того пытали его на Красной площади, у Лобного места, наконец распяли на кремлевской стене, подле Спасских ворот, идя в Кремль направо, где после того была поставлена часовня. Когда Иван Тимофеевич испустил дух, приставленная стража из стрельцов сняла его со креста в четверг, а в пятницу похоронили его на Лобном месте в могиле со сводами. С субботы же на воскресенье он воскрес при свидетелях и явился ученикам своим в подмосковном селе Пахре. Здесь он по-прежнему учил людей божьих. Опять сведал про него царь Алексей Михайлович, опять велел взять в Москву на муки. Снова был предан Иван Тимофеевич страшным пыткам и снова распят на кресте, на том же самом месте, у Спасских ворот. Тут с него содрали кожу, но одна из учениц его покрыла тело чистою простыней, и произошло чудо: простыня обратилась в новую кожу, и Иван Тимофеевич опять остался ничем невредим. Однако умер во второй раз на кресте, но во второй раз и воскрес на третий день, также в воскресенье. С того времени он приобрел еще больше последователей. Они звали его «стародубским христом». Молва усилилась, и Суслов в третий раз был взят по повелению царя Алексея Михайловича и в третий раз обречен на мучения. Это случилось, говорят хлысты, в то самое время, как царице Наталье Кирилловне пришло время разрешиться от бремени царевичем Петром Алексеевичем (стало быть, в 1672 году). Царице было пророчество, что она в таком лишь случае разрешится благополучно, если освободят от мук Ивана Тимофеевича. Царь велел его освободить.

С тех пор Иван Тимофеевич, говорят хлысты, тридцать лет прожил в Москве спокойно, распространяя тайное учение людей божьих (стало быть, до 1702 г.). Московский «дом божий», устроенный им по подобию кост-

ромского горнего Иерусалима Данилы Филипповича, находился за Сухаревою башней, на месте, принадлежавшем князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и назван был Новым Иерусалимом. Сюда в 1699 году пришел из Костромы к «возлюбленному сыну своему» Ивану Тимофеевичу господь саваоф, верховный гость Данила Филиппович, на сотом году своей жизни. Здесь он много беседовал с сыном своим за столом, который до 1845 г., как святыня, сохранялся у московских хлыстов[1]. По рассказам их, из этого дома 1-го января 1700 года, в Васильев день, Данила Филиппович, после долгого радения, в виду всех собравшихся в Новый Иерусалим хлыстов, вознесся на небо. Потому, говорят они, с этого дня и стали считать новый год. Вскоре после вознесения Данилы Филипповича, Иван Тимофеевич должен был бежать из Москвы.

Таковы рассказы хлыстов про их старых «живых богов». Несмотря на их сказочность, можно однако заключить из них, что в конце XVII и в начале XVIII столетий производились об их секте розыски. Сохранились ли они в архивах — не знаем. Было бы весьма любопытно сопоставить заключающиеся в них сведения с приведенными сказаниями тайных сектаторов.

Иван Тимофеевич Суслов из Москвы ходил по разным местам, в том числе и в Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом. Здесь успел он совратить в хлыстовщину несколько монахов из самых набожных и благочестивых. Чрез них, может быть, познакомился он с соседним помещиком села Козьмодемьянского, князем Ефимом Васильевичем Мещерским. Этот князь Мещерский, по Головиным[2] родственник княгини Троекуровой и Лопухиных и заключенной в Суздале

---

[1] Он поступил в кабинет раскольничьих вещей в министерстве внутренних дел. На одной доске стола написаны были портреты Данилы Филипповича и Ивана Тимофеевича в виде образов. Там же взяты вериги Ивана Тимофеевича и другие предметы почитания хлыстов.

[2] Родная сестра князя Ефима Васильевича Мещерского, княжна Марья Васильевна была за Васильем Петровичем Головиным, двоюродным братом Авдотьи Матвеевны Головиной, бывшей за Александром Петровичем Лопухиным. Сестра царицы Авдотьи Федоровны, княгиня Настасья Федоровна Троекурова была во главе московской женской оппозиции против нововведений Петра, не надевала немецкого платья и т. п. В доме ее часто бывали юродивые и кликуши, в числе которых легко могли быть и хлысты.

царицы Авдотьи Федоровны, принадлежал к противникам Петровых преобразований. Он находился в военной службе во время несчастного похода под Нарву, счастливым случаем избежал во время всеобщего поражения смерти и, возвратясь в Москву, стал вести жизнь уединенную и созерцательную. Приписывая избавление свое от смерти висевшей у него на шее во время битвы иконе Смоленской Богородицы, князь Мещерский в своем селе Козьмодемьянском построил моленную с крестообразными окнами, подвесил к ней стеклянный колокол с таким же языком и поставил туда икону, перед которою сам отправлял службы, и кроме того, как носилась молва, занимался изгнанием духов из бесноватых посредством хлыстанья их деревянными четками и кропления водой. К нему целыми сборищами ходили хлысты. Князь был женат, жену его звали княгиней Авдотьей; из какого она рода, не знаем.

Пятнадцать лет Иван Тимофеевич не бывал в Москве, скрываясь по разным местам у своих учеников. Наконец, удостоверясь, что в Москве про хлыстов забыли и преследований больше нет, возвратился он в свой Новый Иерусалим, за Сухареву башню, и, может быть, для того, чтобы не возбуждать внимания тогдашней полиции, не поселился в том доме, где беседовал с верховным гостем Данилой Филипповичем, а выстроил против него другой маленький домик, который сделался вторым московским «божьим домом». Живя здесь, Суслов распространил свое учение в монастырях московских — женских: Вознесенском, Рождественском, Ивановском, Новодевичьем и Варсонофьевском, и в мужских: Симоновом и Высокопетровском, что̀ обнаружилось чрез несколько лет произведенными о хлыстах формальными следствиями. Прожив в Москве около трех лет, Иван Тимофеевич, по словам хлыстов, при многих свидетелях вознесся на небо. Бездыханное же тело его осталось на земле и было погребено при церкви Николы в Драчах. Он не взял на небо своего тела, как отец его Данила Филиппович, потому, говорят хлысты, что, будучи воплощенным сыном божьим, хотел показать пример благочестивого смирения и терпения на земле. Тело его недолго оставалось подле Никольской церкви. Приверженцы его вскоре исходатайствовали перенесение останков своего христа в женский Ивановский мо-

настырь, где среди иночествовавших было уже немало последовательниц хлыстовщины. Над новою могилой лжехриста поставлен был памятник, на котором надпись гласила, что тут погребен святой угодник божий. Около двадцати лет был цел этот памятник с надписью о святости лжехриста. С бренными останками Ивана Тимофеевича Суслова, как увидим, случилось еще немало происшествий и после перенесения их в обитель ивановских монахинь-хлыстовок.

IV

По смерти Ивана Тимофеевича, у московских хлыстов место его заступил нижегородский стрелец Прокопий Данилович Лупкин. Говорят, он был родным сыном Данилы Филипповича[1]. Вот что̀ известно об этом человеке из дел официальных[2]. Он был лжехристом с 1713 года до смерти своей, последовавшей в 1732 г. Сначала служил он в стрелецком полку Венедикта Андреевича или Мироновича Батурина и участвовал в двух азовских походах. После того полк Батурина перешел из Азова в Москву, откуда, по прошествии года, снова отправлен в Азов на смену четырех полков, отправлявшихся в Великие Луки. По приезде в Азов царя Петра Алексеевича в 1695 году, стрельцов Батурина полка велено было распустить по городам в посады, в какой кто пожелает. Лупкин записался в Нижний Новгород и жил там несколько лет. В поход под Нарву в начале шведской войны велено было всех стрельцов Батурина полка, годных к службе, выслать в полки. В это время Лупкин, по разбору нижегородского воеводы Нелидова, оставлен был «якобы за скорбию» на месте жительства в Нижнем. В 1710 году всем стрельцам, проживавшим в Нижнем Новгороде, велено было явиться в Москву, в приказ земских дел, куда явился и Лупкин 17-го августа 1710 г. По осмотру Кирилла Лаврентьевича Чичерина, отставлен вовсе от службы «за падучею болезнию» и отпущен обратно в Нижний с паспортом, но неизвест-

---

[1] У хлыстов есть родословная потомства Данилы Филипповича. Все потомки его были христами, пророками, богородицами и пророчицами. Последняя в роде богородица Устинья Васильевна была взята в 1848 году в Костромской губернии и заключена в Уфимский женский монастырь, где и умерла.

[2] Дело о московских хлыстах, произведенное в 1745 году.

но, остался ли он с тех пор в Москве или жил еще некоторое время в Нижнем, а потом явился в Москве. Из дел видно, что в 1714 году он был уже в Москве, но и в 1717 году еще не имел в ней собственного дома, а жил в Нижних Садовниках, на постоялом дворе оброчного крестьянина графа Бориса Петровича Шереметева, Ивана Федорова большого Соколова, содержавшего секту людей божиих. Этот Соколов доводился Лупкину племянником. В 1723 году Лупкин имел уже в Москве свой дом за Яузой в Таганке. Он умер 9-го ноября 1732 года, а 12-го того же месяца похоронен в Ивановском девичьем монастыре, рядом с Иваном Тимофеевичем Сусловым.

В первые годы XVIII столетия в Нижнем строилась Рождественская церковь, составляющая теперь одно из лучших украшений этого города. Строил ее знаменитый богач своего времени Гурьев, тот самый, что̀ строил в Москве церковь Успения на Покровке, имеющую много сходства с нижегородской. Гурьев не успел кончить строения; Рождественскую церковь достроили именитые люди Строгановы, отчего она и называется «строгановскою». Она находится на скате горы и поддерживается огромным контрфорсом, на котором перед церковью устроена обширная терраса. Церковь в два яруса, нижний никогда не был освящен, а освящение верхнего замедлилось по следующей причине. Весной 1722 года она была совершенно готова к освящению. В это время приехал в Нижний Петр I и остановился в доме Строгановых, стоявшем рядом с Рождественскою церковью. Осмотрев церковь, Петр велел ее запечатать впредь до особого его повеления. Это объясняли тем, будто Строгановы за большие деньги купили иконы Спасителя и Богородицы, что̀ подле царских дверей, у итальянского живописца Каравака, которому Петр заказал эти иконы для Петропавловского собора в Петербурге. Но причина внезапного запечатания церкви оказалась другая. До сведения Петра дошло о радениях хлыстов в нижнем ярусе долго строившейся церкви. Он не узнал, конечно, что среди них находился сам христос людей божьих, Прокопий Данилович Лупкин. Ему сказали, что тут собирались разного звания люди, особенно так называемые кликуши, что на этих собраниях пророчат, видят видения. А известно, как строго преследовал Петр и

кликуш, и пророков, и разглашающих видения, после суздальского розыска над первою женою своею Авдотьею Федоровной. Церковь была распечатана и освящена уже при Екатерине I.

Из дела о хлыстовской секте, открытой в Москве в 1733 году, видно, что до 1714 года, когда Лупкин еще жил в Нижнем, она была распространена там между дворовыми людьми Строгановых. В корабле Лупкина между прочим находились: дворник[1] дома Строгановых Иван Евдокимов Платонов и жена его Прасковья Иванова, по-видимому, пророчествовавшие, служитель Семен Дмитриев Солнцев и другие.

Жена Прокопия Лупкина, Акулина Ивановна, стрелецкая дочь, нижегородская уроженка, была богородицей еще в Нижнем, а потом и в Москве. Все семейство ее принадлежало к секте хлыстов: сестра ее, тоже Акулина, и братья: отставной стрелец Василий Иванов и Федосей Иванов — люди самые приближенные к Прокопию Лупкину и проживавшие вместе с ним в Москве с 1717 года. Оба они умерли до открытия хлыстовщины в Москве, сделанного в 1733 году. У Прокопия Даниловича и Акулины Ивановны был сын Спиридон Прокофьич, также весьма известный в хлыстовщине человек. В 1713 году он постригся в московском Симонове монастыре и принял имя Серафима. В Симонове стал он распространять учение людей божьих между тамошними монахами и вел себя так ловко, что, несмотря на сектаторство, пользовался особым расположением тогдашнего симоновского архимандрита Петра Смилянича, родом серба, который удостоил Серафима полной доверенности, не подозревая, конечно, что любимец его при-

---

[1] Слово *дворник* следует здесь принимать не в нынешнем его смысле (содержатель постоялого двора или сторож при городском доме), но в старинном: *смотритель над торговым двором* (см. В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусскаго языка», 1, 376). Торговый дом Строгановых на Нижнем Базаре в Нижнем Новгороде, близ Рождественской церкви, был складочным местом огромного количества соли, которую Строгановы вываривали в Камском Усолье и в Ленве (ныне Соликамского уезда, Пермской губернии) и привозили на ладьях водою в Нижний для развоза отсюда по разным городам. Этот двор существовал с XVI столетия и доныне существует в виде конторы и соляных амбаров. Дворник Платонов в начале XVIII столетия был, говоря по-нынешнему, «управляющий нижегородскою конторой графов Строгановых».

надлежит к тайной секте и распространяет ее в обители. В 1721 году архимандрит сделал Серафима Лупкина экономом, что доставляло ему значительное влияние на братию, а еще более на крестьян монастырских вотчин. Вскоре после назначения Серафима в экономы, архимандрит Петр был определен советником в новоучрежденный святейший синод и потому должен был отправиться в Петербург [1]. Во время его отсутствия Серафим Лупкин (остававшийся экономом до 1731 года) успел сильно распространить хлыстовщину между симоновскими монахами. Из них двое: иеромонахи Филарет (в миpe Федор Муратин) и Тихон (в миpe Тимофей Струков), оба дворяне, перейдя в монастырь Высокопетровский, распространили и там свою секту. О других московских мужских монастырях, была ли там хлыстовщина, не знаем, но о женских положительно известно, что она была распространена во многих, почти во всех. Вообще женщины гораздо восприимчивее мужчин к принятию этого исступленного учения. Это видно из многочисленных дел, производившихся в последние полтора столетия о тайных сектах.

С 1714 и 1715 года замечается в Москве умножение так называемых христа-ради-юродивых и блаженных, а с ними вместе кликуш бесноватых. Эти люди, в раздранных рубищах, босые, со всклокоченными волосами, ходили по Гостиному двору, по домам, являлись в церквах и при духовных процессиях и были чтимы невежественными москвичами, видевшими в этих шатунах людей, будто бы одаренных особенною небесною благодатью и даром пророчества. Каждый хозяин лавки или дома, куда забредал кто-либо из этих людей, считал такое посещение за знак благословения божия на его дом, семейство, дела. Остатки этого суеверного почитания юродивых и подобных им побродяг остались и в Москве и в других местах Великой России до сих пор. Юродивые бывали и в архиерейских палатах, они жили даже во дворцах не самого, конечно, Петра, не терпевшего этих тунеядцев, а, например, у царицы Прасковьи Федоровны. Живший у нее Тимоша блаженный был с особенными почестями погребен в Чудове монастыре. Умножение этих людей обратило на себя вни-

[1] Впоследствии он был архимандритом Александро-Невской лавры, а в 1736 году посвящен в епископы курские.

мание петрова правительства, за ними велено было смотреть строже. Тогда они немного притаились, скрывшись большею частью в монастырях и в домах знатных людей.

Не утверждаем, чтобы все эти юродивые, блаженные, кликуши и бесноватые, рассыпавшиеся по Москве и по ее монастырям, исключительно принадлежали к хлыстовской секте, но что многие из них к ней принадлежали и что некоторые христы, богородицы и пророки людей божьих считались юродивыми и кликушами,— это несомненно. В самом кликушестве, составляющем особого рода нервную болезнь, вроде падучей, есть много черт, сходных с исступлением последователей тайных сект,— исступлением, которое, в свою очередь, происходит также от раздражения нервной системы, возбужденной плясками, скачками, верчением, песнями и т. п. Хлыстовки, которых считали то кликушами, то обыкновенными раскольницами, распространили свою секту по московским женским монастырям.

Прежде всего, сколько известно нам, хлыстовщина появилась в монастыре Ивановском. Здесь жили еще последовательницы христа людей божьих Ивана Тимофеевича. Мы видели, что, когда он умер, его останки перенесли в этот монастырь. Ивановские монахини чествовали могилу лжехриста, как гробницу святого. В этом монастыре, с именем Анны, приняла пострижение жена Прокопия Лупкина, богородица людей божьих Акулина Ивановна, по имени которой некоторые впоследствии называли секту хлыстов акулиновщиной [1]. Сюда же поступила в монахини и родная сестра ее, тоже Акулина Ивановна, принявшая при пострижении имя Александры. В Ивановском монастыре образовался целый хлыстовский корабль, в котором были и инокини и белицы, но обе Акулины Ивановны первенства здесь не имели; они должны были уступить его инокине Анастасии (в мире Агафья Карпова). Она была богородицей не только корабля, образовавшегося в Ивановском монастыре, но признавалась такою от всех хлыстов, как живших в Москве, так и находившихся по другим местам.

---

[1] Феофилакт Лопатинский в своем «Обличении неправды раскольнической».

В монастыре Новодевичьем хлыстовщина появилась несколько позже. Там образовалось общество людей божьих из монахинь Татьяны, Стефаниды, двух Анн, Февронии, Матрены и многих белиц.

В Варсонофьевском монастыре[1] хлыстовщина появилась одновременно с Ивановским. Распространительницей секты в этом монастыре была белица Анна Михайлова, у которой года два жила в работницах девка Марья Ивановна Шигина, крестьянка из села Павлова-Перевоза, где все ее семейство и родственники уклонились в хлыстовщину еще тогда, как в том селе находился христос людей божьих Иван Тимофеевич. Два брата ее, Семен и Игнатий Шигины, с детьми, переехавшие из Павлова в Москву, жили при Прокопии Лупкине в так называемом Новом Иерусалиме, что́ за Сухаревою башней. Марья Шигина сделалась таким образом посредницей монастыря Варсонофьевского, соседнего с ним Рождественского, а также Ивановского и других с обитателями божьих домов, находившихся в Москве теперь уже в числе четырех.

В Вознесенском монастыре, что̀ в московском Кремле, хлыстовщина появилась с 1718 года. Она занесена была сюда беглою из вологодского Горицкого монастыря девкой, Марьей Кузьминичной Босой. Босая была юродивая и кликуша, ходила в рубище, босиком, отчего, конечно, и получила свое прозвание. Заподозренная в сектаторстве, она попалась на розыск Преображенского приказа и была сослана в вологодский Горецкий монастырь под начал. Оттуда бежала, пришла в Москву и была принята игуменьей Вознесенского монастыря, быть может, знавшею ее еще до высылки из Москвы. Марья Босая увлекала монахинь рассказами о своих чудесных видениях, и они мало-помалу впадали в секту людей божьих. Между тем, вследствие розысков над царевичем Алексеем Петровичем и царицей Авдотьею Федоровной, пророков и разглашающих сонные видения стали жестоко преследовать. Марья Босая убралась из Кремля в монастырь более скромный, где можно было жить с большею безопасностью — в Рождественский.

---

[1] Находился между Рождественской и Сретенкой в Белом городе. Здесь первоначально находился убогий дом. В этом монастыре, по повелению Лжедмитрия, были похоронены царь Борис Феодорович с женою и сыном. В 1764 году упразднен. Осталась на его месте приходская церковь Вознесения.

В монастыре Рождественском хлыстовщина была первоначально водворена духовником тамошних монахинь, иеромонахом Провом (мы не знаем, из какого он был монастыря). Судя по тому, что хлыст отец Пров в то же время придерживался старых книг и двуперстного сложения, удалялся в леса, полагаем, что он был из подрешетников. Его сослали за ересь в Соловки под начал. Но этою ссылкой хлыстовщина не была выведена из обители его духовных дщерей. Сама игуменья придерживалась ее учения. Накануне праздника Рождества Богородицы, 1718 года, во время всенощной, среди церкви Рождественского монастыря явилась пришедшая из Вознесенского Марья Босая, чуть не нагишом, в каких-то лохмотьях, босиком и с растрепанными волосами. Перед выносом евангелия она завизжала, стала ломать себе руки, закинула назад голову и, трясясь всем телом, начала вертеться (обыкновенный прием хлыстовских радений). Народ расступился. Марья Босая вертелась-вертелась и упала на пол в судорогах. Сторожа вынесли ее из церкви. Одна сердобольная монахиня Досифея сжалилась над кликушей,— такою почитали Босую,— и велела сторожам отнести ее к себе в келью. Марья осталась у Досифеи, а через несколько времени игуменья, быть может, узнав, что Босая одного духа с отцом Провом, дала ей особую келью. Как все принадлежавшие к тайным сектам хлыстовщины, Марья была набожна, неупустительно ходила в церковь во время богослужений, строго исполняла все монастырские правила и продолжала рассказывать про являвшиеся ей видения. Так рассказывала она, что являлся ей святой Филипп митрополит, велел креститься не двуперстно, но так, как крестятся в церквах православных. В 1719 году в келье Марьи Босой образовался уже целый хлыстовский корабль. К ней сходились шатавшиеся по Москве юродивые, кликуши и последовательницы Прокопия Лупкина. Сами жительницы Рождественского монастыря в известные дни больших собраний в Ново Иерусалиме, что̀ за Сухаревой башней, ходили туда на поклонение христу Прокопию Даниловичу, его пророкам и апостолам. Ходили туда на поклонение и из других женских монастырей. Между тем в Рождественском монастыре явилась новая хлыстовка из секты подрешетников — инокиня Евпраксия. Она была солдатка и научена секте каким-то приходившим из лесу мужи-

ком, затем постриглась в монахини в Ростове, в тамошнем Спасском монастыре, и отправилась без спросу монастырского начальства в Соловки богу молиться. Здесь она познакомилась с сосланным туда иеромонахом Провом, который дал ей рекомендательное письмо к игуменье московского Рождественского монастыря. Игуменья приняла Евпраксию с радостью и поместила ее в своей келье. Евпраксия стала ходить по Москве, была принята в домах не только низшего класса, но и у знатных людей, не говоря уже о богатых купцах и посадских. Вслед за Евпраксией, в Рождественском монастыре водворилось целое общество хлыстовок и кликуш. Из них особенно замечательны были Пелагея Ефимова и родная сестра ее Алена, жена одного из иконоборцев того времени, денежного мастера Максима Еремеева.

Здесь мы должны сделать небольшое отступление, чтобы по возможности объяснить связь тайной секты иконоборцев с тайными сектами хлыстовскими. Секты иконоборческие, известные теперь под названиями молоканов, духоборцев, общих, немоляк и пр., возникли в России давно, хотя и не так давно, как секты хлыстовские, происшедшие от богомильства. В XV столетии, во время религиозных движений на Западе, занесены были оттуда идеи рационализма в Новгород, на почву уже пред тем подготовленную стригольниками. Там явилась так названная (Иосифом Волоцким) ересь «жидовствующих», в которой однако жидовского ровно ничего не было. Вскоре эта ересь проникла в Москву, где в числе последователей ее оказались духовенство кремлевских соборов, сам митрополит, жена старшего сына великого князя Ивана Васильевича, дьяк Курицын, министр иностранных дел, говоря нынешним языком, и другие знатные люди. Ересь эта, отвергавшая обряды внешнего богопочитания, иконы, мощи, посты, службы по уставу и т. д., была подвергнута гонению, но не искоренению. В XVI столетии она по временам обнаруживалась (Башкин, Косой и пр.). По свидетельству князя Курбского, эта «ляфизма на церковные догматы», образовавшаяся как отродие лютеранства в половине XVI столетия, возникла и держалась преимущественно в монастырях заволжских [1]. Водворение в Москве иноземцев, преимущественно протестантов, во времена Годунова значительно

[1] «Сказания князя Курбскаго». Спб. 1842 г., стр. 133 и 134.

усилило эту секту, но она держалась в тайне, преимущественно между русскими, находившимися в услужении у иноземцев. Немцы, жившие в Москве, число которых особенно увеличилось во времена Петра I, поддерживали по возможности иконоборческое учение между русскими. В апреле 1713 г. секта иконоборцев формально была открыта в Москве. Последователями ее оказались лекарь Дмитрий Тверитинов, или Дерюшкин, двоюродный брат его, цирюльник Фома Иванов, ученик славяно-латинской школы Иван Максимов, торговые люди Никита Мартынов да Михайла Минин. В их учении обнаружено было направление протестантское, но с примесью и самостоятельного направления, именно хлыстовского. Это еще более оказалось заметным в учении тайной секты, открытой в мае 1717 года, в которой главную роль играла женщина (быть может, богородица), жена ходока приказа земских дел Ивана Зимы, Настасья Зимиха, дочь беглого дьячка. Она при розыске показала, что с 1713 года в церковь не ходит, не исповедуется и не причащается, что к ней в дом сходятся разного рода люди, которым она читает книгу, купленную на печатном дворе (Евангелие), и учит иконам не поклоняться, вино с хлебом за таинство не признавать, креста на себе не носить, икон не почитать, ибо они человеческое рукоделие, крестного знамения не творить, а молиться духом и истиною, церковь и предание ее отвергать. Все это потому, что в Евангелии о поклонении духом и истиной сказано, а об иконах, крестном знамении и прочих обрядах ни слова не упомянуто. В числе довольно многочисленных последователей Настасьи Зимихи был ее муж и портной Алексей, который, между прочим, сказал, что кланяться духом и истиной, а не телом ему первоначально велел встретившийся с ним на дворе неизвестный поп, сказавшийся, что он из Устюжны (не Пров ли это?). По-видимому, и здесь направление протестантское, то направление, которое сохранилось и позже, а во второй половине XVIII столетия обнаружилось в сектах молоканской и духоборческой. Но мы сейчас увидим, что как последователи Тверитинова, так и последователи Настасьи Зимихи находились в связях с московскими хлыстами. То же явление, связь молоканства, а особенно духоборства, с тайными сектами хлыстовщины, мы не раз еще заметим и впоследствии; проявившееся в шестидесятых уже годах нынешнего сто-

летия слияние молокан и духоборцев с хлыстами в южной России окончательно подтверждает существование связи между теми и другими тайными сектами. Источник тех и других заключается в одном и том же искании лучшего образа богослужения. Искание это происходит вследствие усердия к богу, усердия, положим, не просвещенного, заблуждающегося, но все-таки усердия. Неусердный, равнодушный к делу религии никогда не попадет ни в какую секту, разве только по какому-нибудь житейскому расчету. Думая, что поклонение божеству заключается не во внешних знаках богопочитания, но в поклонении ему духом и истиной, искатели лучшего богослужения отвергают все внешнее и даже презирают его. Но одни, впадая в заблуждения, подобные лютеранским и другим протестантским, ограничиваются отвержением церковных преданий и обрядов, другие, вследствие усердия к богу, не ограничиваясь лютеранским головерием, к которому русский человек по самой природе своей сочувствия питать не может, стремятся к жизни духовной, к созерцанию небесного, к соединению с божеством духом. Отсюда секты мистические (сионская церковь, десные христиане и пр.), отсюда целый ряд сект хлыстовщины, отсюда духоборцы, столь близкие уже с молоканами. Провести между тою, другою и третьею сектой резкую раздельную черту едва ли, кажется, возможно, особенно при настоящем малом еще знакомстве с ними. Мы имели некоторые случаи лицом к лицу познакомиться с разными тайными сектами, имели некоторые случаи пользоваться полною доверенностью сектаторов и узнавать от них много такого, чего никогда не узнаешь ни посредством чтения их книг, ни посредством формальных следствий; мы наконец имеем такое количество письменных материалов о тайных русских сектах, какое, смеем думать, едва ли у кого другого до сих пор было под руками, но при всем том отказываемся решить, где кончается одна секта и где начинается другая.

В 1721 году в тайной канцелярии началось дело о хлыстах, показавшее связь этой секты с последователями Тверитинова и Настасьи Зимихи. Коломенского уезда, села Борисова, крестьянин Данила Васильев, как видится, хлыст, пошел к попу на исповедь, и когда поп спросил его, как он крестится, Васильев показал ему двуперстие. При тогдашнем фанатическом преследовании дву-

перстия и других знаков старообрядства, попу Никите было этого весьма достаточно для подачи доношения в церковный приказ о «новоявившемся раскольнике». Крестьянин Васильев в приказе высказал более чем приверженность к внешним обрядам старообрядства, но незнакомые с тайными сектами судьи, искавшие только «раскольников-двуперстников», не могли понять Данилу Васильева. Он сказал, что двуперстного сложения он не покинет до смерти, потому что он удостоивается видения святого духа, если же отринет двуперстие, дух святой ему являться более не будет. От Данилы Васильева требовали, чтоб он объяснил подробно свое учение; он этого не мог сделать, но для состязания о вере указал на «человека богомудреннаго, зарайскаго подьячаго Федора Григорьева», который наставил его самого в своем учении. Этот подьячий оказался принадлежавшим к «секте христовщины», а введен был в нее денежным мастером Максимом Еремеевым, мужем хлыстовки Алены Ефимовой, что̀ жила в Рождественском монастыре. Денежный мастер Максим Еремеев *наедине* иконам не поклонялся, а при людях поклонялся, чтобы скрыть принадлежность к тайной секте. Он был хлыст, но близок был и к учению Тверитинова и к учению Настасьи Зимихи. Когда цирюльника Фому Иванова жгли на костре [1], Максим с гордостью говорил: «Вот как *наши* страждут! Не жалеют себя,— и сожгли, не перекрестился!» Настасья Зимиха была коротко знакома с Максимом, и когда ее взяли, он испугался, бежал на Волгу и пропал... Ясное указание на связь, существовавшую и в начале XVIII столетия между хлыстами и иконоборцами, которых впоследствии стали называть молоканами.

При исследовании этого дела [2] тайная канцелярия открыла существование хлыстовщины в Рождественском монастыре, где хлыстовки, под именем кликуш, собирались у Марьи Босой и ходили целым обществом в Сергиев посад, в Коломну, в Зарайск к подьячему Федору Григорьевичу и в село Козьмодемьянское к князю Ефи-

---

[1] Он, несмотря на увещания, упорно держался иконоборства и был посажен в Чудов монастырь. Там косарем изрубил резной образ Алексея митрополита. За это и сожжен. Тверитинов и другие его соучастники повинились, принесли покаяние и были избавлены от смертной казни.

[2] Извлечение из него напечатано Г. В. Есиповым во II томе «Раскольничьих дел XVIII столетия», под заглавием «Кликуши».

му Васильевичу Мещерскому. О посещении сборищем Марьи Кузьминичны Босой, вместе с зарайским подьячим Григорьевым, князя Мещерского, в деле тайной канцелярии находятся любопытные подробности. Про князя ходила молва, что он очень богат и подает много милостыни, принимает странников, больных, бесноватых, читает в своей часовне над ними молитвы. В часовне у него и мощи [1], и святая вода, и чудотворный образ Смоленской Богородицы, и с диковинным звоном какой-то таинственный колокол [2]. Ходили по народу толки, что князь Мещерский изгоняет бесов молитвами, которые читает по книге, и деревянными четками, которыми хлещет бесноватого, что верующих (то есть принадлежащих к содержимой им тайной секте), он причащает каким-то особым, святым хлебом. Когда общество Марьи Босой, взяв с собой какую-то бесноватую Арину, которую звали верижницей, так как она носила вериги, и побывав в Новом Иерусалиме, пришло в село Козьмодемьянское, князь Ефим Васильевич радушно встретил странствующий хлыстовский корабль и прямо повел его к себе в моленную. Три раза ударил он там в диковинный колокол. Пришедшие изумились, услыша необычайный, таинственный звон. Князь стал читать утреню, но вскоре началось совсем иное служение в княжеской моленной. Арина верижница застонала, стоны ее превратились в дикие крики, ее корчило, она вспрыгивала кверху, потом падала наземь, произнося бессмысленные речи, прерываемые собачьим лаем и свиным хрюканьем. Прочие хлысты стали охать, бить себя руками в грудь и учащенно кланяться в землю. Очень обыкновенный прием, употребляемый и теперь при радениях. Князь подошел к Арине верижнице, стал хлыстать ее четками по голове, по плечам и по груди, приговаривая: «изыди, нечисты душе». Арина стихла, а князь пришел в восторженное состояние. Тогда вышел на середину зарайский подьячий Федор Григорьев и начал «радеть». Радение его, как оно описано в деле 1721 года, совершенно такое же, какое и доныне

---

[1] Мощи действительно были найдены у князя Мещерского в его часовне. Он сказал, что они даны ему вкладом сестрой царицы Авдотьи Федоровны, княгиней Настасьей Федоровной Троекуровой и Варварой Головиной.

[2] О стеклянном колоколе со стеклянным же языком князь Мещерский сказал, что он дан в его часовню вкладом стеклянного завода мастером Сидором Белильниковым, расслабленным.

употребляется в хлыстовских и скопческих кораблях: он начал кружиться, потом с распростертыми руками понесся по всей часовне. Он кружился-кружился и, как мертвый, упал на землю. Восторженный князь Мещерский и его хлыстал четками. В заключение князь роздал всем кусочки хлеба, как бы причастие (тоже хлыстовский обряд) [1].

Открытые таким образом хлысты были разосланы по монастырям. Князь Мещерский отправлен в Соловки, но по вступлении на престол Анны Ивановны его жена княгиня Авдотья упросила государыню освободить мужа ее из заточения [2].

В деле тайной канцелярии 1721 года сохранились две молитвы, по характеру своему совершенно похожие на молитвы и пророчества хлыстов позднейшего времени и даже современных. Местами даже слово в слово. Нам кажется, что молитва Алены Ефимовны, видоизменяясь постепенно, превратилась в нынешнюю хлыстовскую песню: «Церковь моя, церковь золотая!», которую мы приводим ниже. Знакомый сколько-нибудь с тайными сектами по одним этим молитвам мог бы заключить, что̀ за люди были принадлежавшие к обществу Марьи Босой. Одна из них, молитва Алены Ефимовой, писана четырнадцатилетним ее племянником, сыном Пелагеи Ефимовой, Иваном Михайловым, под диктовку тетки. Вот она:

«Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всем херувимским престолом и с Евангелием! И сколько в том Евангелии святых слов! Все вспомяните о нашем

---

[1] При производстве следствия тайной канцелярии, взяты у князя Мещерского в часовне два большие белые хлеба и несколько сухарей. Князь сказал, что это артосы с Нового Иерусалима, а в сухари сушены всенощные хлебы, которые он раздавал богомольцам.

[2] Марья Босая была отправлена во Владимир в тамошний Успенский монастырь; Евпраксия — в Горицкий-Воскресенский, находящийся в Новгородской губернии, в шести верстах от Кирилло-Белозерского монастыря; Пелагея Ефимова — в Суздальский-Покровский; сестра ее Алена Ефимова — в Горний-Успенский, что̀ в Вологде; брат их родной, денежного двора сторож Григорий Ефимов, тоже хлыст,— в Кириллов-Белозерский, а Данила Васильев — в Спасо-Каменный Духов монастырь, находящийся в Вологде. Четырнадцатилетний сын Пелагеи Ефимовой Иван Михайлов, писавший под диктовку тетки хлыстовскую молитву, за малолетством бит батогами, а потом отдан в матросы. Что̀ сталось с подьячим Федором Григорьевым, который также взят к розыску — не знаем.

царе Петре Алексеевиче. Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всеми местными иконами и с честными мелкими образа̀ми! Со всеми апостольскими книгами и с паникадилами, с местными свечами, со святыми пеленами и с честными ризами, с каменными стенами, с железными плитами и со всеми плодоносными древами. О, молю и красное солнце, возмолись Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче! О, млад светел месяц со звездами! О, небо с облаками! О, грозные тучи с буйными ветрами и вихрями! О, птицы небесные и поднебесные! О, синее море с реками и с мелкими источниками и с малыми озерами! Возмолитесь Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче! И рыбы морския, и скоты польские, и звери дубровные, и поля, и все земнородные! Возмолитесь к Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче!»

И здесь уже является рифма, непременная принадлежность новейших песен или «распевцев» тайных сектаторов. Частое повторение *о!* — также признак хлыстовской песни. У них *о!* или *ох!* или *ой!* вставляются в распевцы пророков и пророчиц, когда на них «накатило», как выражаются хлысты, то есть когда пророки и пророчицы приходят в то исступленное состояние, которое ими признается за сошествие святого духа. Они в это время задыхаются, дрожат и часто с тяжелым вздохом произносят приведенные восклицания. Молитва Алены Ефимовой, как увидит читатель, во многом сходна со следующей хлыстовской песней, употребляемой при радениях и скопцами:

Церковь моя, церковь золотая,
Соборная матушка моя трисвятая!
Уж и кто ж это церковь мою красил?
Уж и кто ж ее голубушку изукрасил?
Херувимским престолом, Евангелием,
И всяким архангельским ставленьем:
Царскими дверями,
Местными свечами,
Коностасом, книгами
Да паникадилами,
Шелковыми пеленами,
Воску ярого свечами,
Каменны стенами,
Чугунны плитами,
Белокаменной оградой —
Духу нашему отрадой.
Я на церкву погляжу,
Вокруг нея похожу,

Духа свята поищу,
К апостолам поспешу.
Кругом церкви дерева,
Не руби их на дрова:
Перво древо кипарис,
Друго дерево анис,
Третье древо барбарис;
Ты древам тем поклонись
Да на церкву помолись.
Я в той церкви порадею,
Трудов своих не жалею,
Накатила благодать,
Стала духом обладать!
Накати-ка, накати,
Мою душу обнови,
Дух свят, дух!
Кати, кати. Ух!

Что касается до обращений к небесным светилам и к земле, со всем на ней находящимся, мы увидим эти обращения в песнях, употребляемых тайными сектаторами при радениях и особенно при обрядах, совершаемых во время приема в секту нового члена [1].

У брата Анны и Пелагеи, сторожа денежного двора Григория Ефимова, нашли «заговорное письмо», как назвали его в тайной канцелярии. Оно носит на себе также хлыстовский характер. Пророчества хлыстов и скопцов, бывающие после радения, все в этом же бессмысленном роде, кроме разве того, что позднейшие хлысты ни в каком случае не употребляют имени дьявола. Вот заговорное письмо денежного мастера:

«От веры, от великия кузни, от льстиваго изменения, от великаго падения! О, како прельстихомся! О, како приведохомся! Како слышавше писание не вразумихося, како слышавше проповедника ругахомся! Те бо и тогда связанны вещми житейскими, желаючи века сего, и те бо удобь преступят к диаволу, знаменуется приемшее начертание сквернаго. Бога богоборца, место животворящаго креста Спасова и те бо удобь вложены будут со диаволом в тьму кромешну» [2].

---

[1] Замечательно, что Алена Ефимовна сшила пелену под образ в Большой Успенский собор, зашила между ее верхом и подкладкой переписанную ее племянником молитву и отдала одному из соборных священников, прося его шесть недель читать акафист за здравие царя Петра. За это она дала священнику ефимок и шесть алтын.

[2] Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия». Т. II, стр. 202.

Мы видели, что хлыстовщина, кроме Москвы, распространена была в конце XVII и в начале XVIII столетий в нынешних Костромской, Владимирской и Нижегородской губерниях. Кроме того, около 1720 года хлысты встречаются в Зарайске, в Серпухове, в Коломне и в Сергиевом посаде, куда ходила и Марья Босая с своим обществом. Наконец, мы встречаем хлыстов на Дону и около Углича.

Из дел святейшего синода видно, что в 1725 году воронежский архиерей доносил синоду о появлении лжехриста в Яминской станице войска Донского. Это был казак Агафон, именовавший себя «атаманом-христом», при нем было двенадцать рядовых казаков, называвшихся «атаманами, высшими пророками и апостолами», а казачья дочь, девка, называлась «богородицей». К сожалению, это дело нам вполне неизвестно; оно считалось (не знаем, как теперь) в числе совершенно секретных и было запечатано. Что̀ сейчас приведено нами, то заимствовано из описи дел.

В окрестности Углича хлыстовщина была принесена Прокопием Лупкиным. Водворившись в Москве за Сухаревою башней, этот христос людей божьих бывал в Воскресенском монастыре, именуемом Новым Иерусалимом, куда хлыстовщина занесена была еще предшественником его Иваном Тимофеевичем. Здесь познакомился Лупкин с некоторыми крестьянами угличской вотчины Нового Иерусалима, приезжавшими в монастырь, отправился к ним на родину и совратил в свою секту. Это было прежде 1715 года.

В 1715 году стали ходить по народу слухи о появившейся тайной секте в вотчине Нового Иерусалима, что̀ близ Углича, преимущественно же в селениях, расположенных по течению Волги и реки Улеймы. Слухи эти дошли до местного духовенства. Священник Дмитриевской церкви в городе Угличе довел об этом до сведения судии духовных дел Покровского Углицкого монастыря архимандрита Андроника. Архимандрит принял свои меры, и 13-го июня 1716 г., ночью, в деревне Харитоновой, в доме крестьянина Еремея Бурдаева поймал хлыстов на радении и успел захватить одиннадцать мужчин и десять женщин. В числе захваченных был и сам христос людей божьих, Прокопий Лупкин. Всех их привезли в Углич, и в тамошнем духовном правлении было производимо след-

ствие. Вот что̀ известно об открытиях, сделанных при этом архимандритом Андроником:

«Оный Лупкин производил в богомерзких своих сонмищах злое свое учение, а именно: называл себя яко христа, а учеников своих яко апостолы. И во время-де бывшаго у них с теми учениками пения молитв, якобы на некоторых из них сходил дух святой, овогда на двух, овогда же на трех человек, и подымало-де их с лавки, и ходили-де они скачучи в круг, по получасу и больше, а в то-де время клали на стол колач ломтиками и, отпев молитвы, тем причащались, и прочих-де приходящих к нему (Лупкину) всех учил той же богомерзкой противности, которые-де ему в том и последовали, и притом же-де говорил им, якобы тогда уже последнее время, и есть-де антихрист на земли от монашеского чина. Да о последнем же-де времени последовавшие ему (Лупкину) ученики слышали еще и от *другого такого же еретика*, котораго по сыску не явилось, что-де антихрист народился от монашескаго чина, и как-де он будет на море и возьмет Царьград и тогда-де наречется богом».

При производстве следствия архимандритом Андроником открылось еще новое указание на местопребывание хлыстов. Крестьянин Еремей Бурдаев, хозяин дома, где захвачен был корабль христа Прокопия Даниловича, сказал, что тому же учению следуют крестьяне вотчины Симонова монастыря, Ярославского уезда, Череможской волости, деревни Данильцевой [1], Никита Сахарников да Иван Васильев. Словом, из произведенных архимандритом допросов открылось, «что те, чинившие вышеписанныя богомерзкия противности, люди явились жители не одного Углицкаго, но и других разных мест, и иные злое свое плевелосеяние рассевали не в одном, но во многих местах» [2].

Архимандрит Андроник, производя следствие, 16-го июня 1716 г. донес своему епархиальному начальнику Досифею, епископу ростовскому и ярославскому. Досифей

---

[1] Теперь в Рыбинском уезде. Череможская волость называется по реке Черемхе, впадающей в Волгу с правой стороны под самым Рыбинском. Данильцево — теперь деревня в 40 верстах от Рыбинска. В ней девять дворов, 30 мужского и 36 женского населения. «Списки населенных местностей Российской Империи», часть I, стр. 292.

[2] «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

пренебрег открытиями Андроника. Он не дал хода делу. Этот Досифей, впоследствии лишенный сана и казненный по участию в деле царицы Авдотьи Федоровны, сам пророчествовал, сам видал видения. В нем можно подозревать потворство к хлыстам. Но как бы то ни было, по его приказанию все арестованные в деревне Харитоновой и сам христос людей божьих были отпущены. Прокопий Лупкин воротился в Москву.

Он, по сказаньям хлыстов, умер в 1733 году в Москве, в божьем доме, в Новом Иерусалиме. Хлысты говорят, что в этот день у христа Прокопья Даниловича находились в собрании все его последователи, и что во время радения в их «святые круги» с небесных кругов слетели бесплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и вознесли христа Лупкина при множестве свидетелей на небо. Попросту сказать, Лупкин умер во время радения. И тогда настало, продолжают хлысты, «древнее молчание», прекратилось пророчество по случаю наставшего гонительного времени.

Лупкина похоронили в Ивановском монастыре, близ Ивана Тимофеевича Суслова. На могиле его соорудили каменное надгробное строение (памятник) и на гробнице написали похвалу святости погребенного[1]. Но недолго оставались в покое кости Прокопья Даниловича. Пред самою смертью его разразилась гроза над его последователями, кончившаяся казнями ближайших к нему людей, ссылкой в отдаленные сибирские монастыри жены, сына, свояченицы и — сожженьем его тела через палача.

В 1732 году к начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову добровольно явился некто Семен Караулов, промышлявший в Москве разбоем и имевший с шайкой своею главное пребывание под Каменным мостом через Москву-реку. Повинившись перед графом в производимых им с товарищами разбоях, Караулов сказал, что есть в Москве четыре дома, где чинятся великие непотребности. Собираются-де туда по ночам на праздники разных чинов люди, старцы, старицы и прочие. Из них некоторые-де выбираются в начальники сборищ и садятся в переднем углу, а прочие по лавкам. Как приходят в дом, то старшим своим, сидящим в переднем углу, кла-

---

[1] «Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшаго синода», I, 315.

няются и целуют у них руки, и, собирая деньги, им отдают, а другие-де из них пророчествуют.

Дело было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени смерти казненного ростовского епископа Досифея, пророчествовавшего заточенной в Суздале царице Авдотье Федоровне. Салтыков сделал нужные распоряжения, и, по указаниям Караулова, на хлыстовских радениях захвачено было семьдесят восемь человек; в числе их были монахи и монахини разных московских монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановского монастыря Анастасия (в мире Агафья Карпова). Открылось, что она и еще две старицы и старец пророчествовали и вместо причастия святых таин подавали резанный кусками хлеб, а из стакана давали пить квас, а иногда воду.

Христа людей божьих, Прокопья Даниловича, в то время не было уже в живых. Его место заступил родной сын его, симоновский монах Серафим. Он был захвачен.

Салтыков об открытии «богомерзкой ереси» донес сенату, а сенат 15-го января 1733 года сообщил о том святейшему синоду. Синод для исследования дела назначил особенную следственную комиссию из лиц духовных и светских. Эта комиссия, кроме захваченных по распоряжению Салтыкова семидесяти восьми человек, сыскала еще множество разного звания людей, принадлежавших к хлыстовщине. Замечательно, что некоторые из них сами добровольно являлись в комиссию и объявляли себя принадлежавшими к секте. Но многие бежали из Москвы, убоясь розысков, как, например, семейство Шигиных, живших при Прокопье Лупкине, пророк Иван Иванович Белый или Чечеткин; они убежали в нынешний Горбатовский уезд, Нижегородской губернии, в села Павлово и Ворсму. Кончив розыски, следственныя комиссия представила дело в синод, вместе со всеми арестованными, которых под крепкою стражей отвезли в Петербург. Там утверждена была высшая комиссия для исследования о «богомерзкой ереси». Членами ее были архиепископы: новгородский Феофан Прокопович, сарский и подонский Леонид [1], заведовавший московскою церковью, и нижегородский Питирим; кроме этих духовных особ, в комис-

[1] Леонид до 1722 года был архимандритом Высокопетровского монастыря, куда в то время уже проникла хлыстовщина, но он, вероятно, не знал о том.

сии находились: граф Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский и известный Ушаков, начальник тайной канцелярии.

Из подсудимых замечательнее других были:

Инокиня московского Ивановского монастыря Анастасия (в мире Агафья Карпова), хлыстовская богородица. Собрания хлыстов бывали в ее келье, а над кельей стояли кровати, которые и были найдены московскою следственною комиссией. Здесь совершался разврат, который хлысты богохульно называют «христовою любовью». У Анастасии найдено было денег 191 руб. 20 коп.— сумма значительная для того времени, и девять образов, украшенных драгоценными окладами.

Инокиня Анна, вдова Прокопия Лупкина, Акулина Ивановна, нижегородская богородица, с сестрой Акулиной же Ивановною, в иночестве Александрой.

Сын ее, бывший симоновский эконом, иеромонах Серафим. Он был христом, преемником своего отца, как сохранилось у хлыстов предание, но следственная комиссия этого не открыла.

Высокопетровского монастыря иеромонахи: Филарет (Федор Муратин) и Тихон (Тимофей Струков), оказавшиеся пророками людей божьих.

Из других более значительны, как пророчествовавшие, были: Катерина Ларионова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, до открытия монахинями Ивановского монастыря.

Вот что̀ открыла московская комиссия: «1) Собирались мужский и женский пол с прилежным укрывательством в одно некое место и, обедав в обществе, садились по лавкам, по одну сторону мужский, а по другую женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель, муж или жена, яко бы по чину пастырскому. 2) Потом, взяв благословение у оной предводительной особы с низким наклонением и целованием руки, по две и по три пары, или и большим числом, иный муж с мужем, а иный муж с женой, плясали кругом по избе как кто мог, высоко подскакивая, и сказывали, что на такое плясание или паче шатание поднимал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у пророка слово Божие: «вселюся в них и похожду», что̀ глаголал Бог, обещая верным Своим Свое неотступное присутствие, ведуще их на путь спасения, а не к так шаленому

движению. 3) Между тем некия из них палками и цепами бивали себя. 4) А по таковом бешеном беганий, некии же из них иногда мужеска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духом Божиим движимыя, нечто и прорицали, или паче буесловные и смеха достойные враки и рассказы произносили. 5) Хулили брак законный, установленный и благословенный от самого Бога, вменяя ложе брачное, нескверным от апостола, или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех. И того ради приходящим в собрание их приказывали не женатым никогда впредь не жениться, а кто женат разводиться с женами. 6) Создали же себе весьма богомерзкою продерзостию и некое проклятое таинство; а именно, принимали и ели из рук предводительных, мужика или женщины, куски хлеба и пили квас, иногда же и воду, вменяя то, окаянные, за святое причастие, с явственным святых Христовых в евхаристии таин ругательством и отвержением. 7) Они же твердили между собой, яко бы такия их собрания и действия есть крещение, бываемое духом, а христианское наше крещение водою, во имя Святой Троицы совершаемое, которое в себе и дух заключает, раздирая едино таинство надвое, нарицая простым водным и к спасению не довольным крещением, хулительне б..... словя, якобы никто крещенный преданным в Спасителя нашего крещением, если не воприимет и вымышленнаго от них, безумных мужиков, крещения, отнюдь спасения не получит. 8) Во утверждение же столь злосоставнаго своего и душевреднаго суеверия врали прельщаемым от себя человеком, будто бы и все древние святые отцы не иным только от них употребляемым спасалися образом, шкаредную свою новость древним спасения путем нарицания. 9) А когда в таковыя собрания сходились, мало когда в тот же день, и с места того расход им бывал, но всегда, почитай, вси там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блуднаго их смешения, наипаче, когда и одну с числа их старицу обличено, и сама в великоучрежденной комиссии винилась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконнаго совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные соборы созывала, многия кровати во время следования над келиею ея под кровлею найдены, и тако же

они, окаянные, весьма дивным развратом в неискусный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконнаго смешения не отстая. 10) Таковое же по всему скверное свое учение и действие не устрашились злочестивии и призыванием имени Божия клятвенно утверждать, ибо всякаго к ним приходящаго, выставив икону, приводили к присяге, дабы клялся, что он предание их яко благочестивое и богоугодное приемлет и никогда от того не отступит, також что он тайнаго их сего злодеяния никому отнюдь не откроет, ниже духовному отцу. 11) Исповедоваться у духовных отцов и вне их сословия сущих, только бы никто тайны их не изъявлял, також и святого причастия не запрещали, каков обычай был и у древних манихеев для вящшаго ереси своей укрывательства. 12) Всего же того столь богопротивнаго их вымысла не иное у начальников и начальниц намерение было, только, как сами винилися, хитрый воровских прибылей промысл, которые они от прельщаемых грубых человек и получали» [1].

Октября 11-го 1733 года состоялся приговор о последователях хлыстовщины. Он подписан графом Остерманом, князем Черкасским и Ушаковым. Архиереи, как обычно при смертных приговорах, уклонились от подписания. Императрица Анна Ивановна утвердила, что̀ постановили три «светския персоны высокоучрежденной комиссии». Инокиню Анастасию расстригли и под именем Агафьи Карповой возвели на эшафот на Сытном рынке в Петербурге, где и отрубили ей голову. Той же участи подверглись иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет и Тихон, предварительно в синоде лишенные сана и монашества. Симоновского эконома, иеромонаха Серафима, расстригли и под именем расстриги Спиридона Лупкина наказали публично кнутом и назначили в вечную ссылку в Охотский острог. Он после приговора содержался в синоде и лишь через четыре года, то есть в 1737 году, отправлен в Сибирь. По привозе его в Екатеринбург, канцелярия главного управления екатеринбургских заводов, вместо отсылки в Охотск, определила его в бобыли на поселение в Екатеринбурге, где он и оставался до 1744 года. В январе этого года он поехал с данным ему паспортом в Москву, для испрошения себе помилования, на основании милостивого манифеста им-

[1] «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

ператрицы Елизаветы Петровны. Апреля 4-го того же года он явился в Москву, в канцелярию святейшего синода. Вскоре после того в Москве снова была открыта хлыстовщина, и начались новые розыски. Спиридон Лупкин испугался и бежал неизвестно куда. По делам о нем более ничего неизвестно. Но предания хлыстовские говорят о действиях его после 1744 года, о чем будет сказано в своем месте.

Мать его, вдова христа людей божьих, нижегородская богородица, которую в Москве, когда она уступила первенство Анастасии, звали «мироносицей», инокиня Ивановского монастыря Анна была расстрижена и под именем Акулины Ивановой Лупкиной наказана в Петербурге кнутом и сослана вечно на неисходное житие Тобольской епархии во Введенский девичий Далматов монастырь [1]. В 1740 году она еще была жива. Ее, равно как и Анастасию, хлысты причли в святые мученицы. Мироносице Анне они совершают память 26-го июня [2].

Другая Акулина Ивановна, в иночестве Александра, наказана кнутом и сослана на вечную работу в Сибирь, в Ильинский девичий монастырь. Мы не знаем, где он находился.

Во Введенский Далматов монастырь сосланы были расстриги Ивановского монастыря Катерина Ларионова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, после наказания кнутом, «для определения в том монастыре в тяжелую работу вечно, по рассмотрении онаго монастыря игуменьи, и из того монастыря никуда, никогда не выпускать их и писем ни к кому писать не давать и с ними никого, також и их между собою видеться отнюдь не допускать» [3].

Святейший синод «в предостерегательство, по довольном рассуждении, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того ведатели, ни едина персона вне ведения не осталась, и от того оная ересь не возросла бы в великое,

---

[1] Ныне в Пермской губернии. Он находился в 25 саженях от Далматовского Успенского мужского монастыря, при речке Тече, в заштатном ныне городе Далматове, на урочище, называемом Теченское Поселье. Упразднен в 1764 году при учреждении штатов.

[2] Есть рукописные святцы (у меня есть один экземпляр) нынешнего и прошлого столетий, где под 26-го июня записано: «святыя мироносицы Анны, иже в Нижнем-Новеграде».

[3] «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

ибо не нечаятельно есть, что и еще оная останки своя имеет (как о том и по обстоятельству самого дела онаго видно есть), что оное злодеяние начало произрастать уже из давних лет, и не в одном, но во многих местах плевелорассеяние свое имело, докладывал императрице о необходимости выдать во всенародное сведение особые указы синода, в которых бы было объявлено об открытой ереси с тем, чтобы принадлежащие к ней, но правительству неизвестные, без всякого опасения являлись в синод в Петербурге и Москве, а в дальних местах к местным епархиальным архиереям. Сроком для явки назначено было 1-е января 1735 года с тем, что открытые после этого срока будут наказываемы»[1]. Являлись ли хлысты в синод и к архиереям после всенародно объявленного синодского указа, не знаем.

Дело было уже кончено, как до сведения Феофана Прокоповича дошло о могилах христов людей божьих, Суслова и Лупкина, в Ивановском монастыре. Он написал в Москву письмо к советнику Ивану Топильскому, который до того был судьею при следствии розыскных раскольничьих дел, чтоб он осмотрел надгробные памятники и сообщил ему о них подробные сведения. Топильский нашел над могилой Лупкина новопостроенный памятник (честное гробовое здание) с надписью об его святости, близ которого нашел и могилу Суслова. Над нею камень был уже сравнен с землею и около него посажены были яблони и другие деревья. Этот надмогильный садик огорожен был решеткой с дверцами. Прежде, сказывали Топильскому, была тут «гробница с немалым украшением», но когда последовало распоряжение, чтобы в монастыре и у приходских церквей гробницы и надгробные камни были снесены, тогда и с могилы Суслова снесен был воздвигнутый ему памятник и на месте его разведен садик. Надпись же с того памятника, свидетельствовавшая о святости Ивана Тимофеевича, была стесана и вделана в стену церковной трапезы, неподалеку от могилы.

Феофан Прокопович заявил в присутствии синода о сведениях, собранных им посредством Топильского в Москве. Члены синода полагали, что похоронение тел ересеначальников при церквах сделано последователями их

---

[1] Там же.

не иначе, как с целью распространить убеждение, что они были не только не суеверны, но и «святости некоей общники». Затем, приведя в основание первую статью уложения царя Алексея Михайловича, по которой богохульникам назначается смертная казнь сожжением, решили передать дело в правительствующий сенат для исполнения, с тем, чтобы в Ивановском монастыре надгробный памятник над Лупкиным, садик над Сусловым и надпись на стене церковной трапезы были уничтожены. Решение это в синоде состоялось 31-го мая 1736 года [1]. Сенат решил (не ранее однако 1739 г.) «закопанные в московском Ивановском монастыре трупы богопротивных ересеучителей и еретиков Прокопия Лупкина и Ивана Суслова, выкопав через палачей и вывезши в поле, учинить с ними по указам», то есть сжечь [2].

Трупы сожгли. Но чьи? Впоследствии увидим, что в маленькой церкви, построенной хлыстами в Новом Иерусалиме, за Сухаревою башней, были *мощи* Ивана Тимофеевича. Если труп Лупкина и был сожжен, то останки Ивана Тимофеевича были подменены останками другого покойника. Может быть, хлысты сумели сделать то же и с трупом Лупкина, так что палачи выкопали и сожгли на кострах за городом трупы каких-нибудь людей, вовсе не причастных хлыстовскому учению.

Тем «дело о богомерзкой ереси» и кончилось. Хлысты до сих пор помнят этот розыск и о страданиях «святой мученицы Настасьи Карповны» грустным голосом поют песни на радениях. При открытии хлыстовских сборищ в Москве, в сороковых годах нынешнего столетия, в Басманной части, июня 12-го 1846 года, частному приставу Лисицыну, московская мещанка Гостиной слободы, Арина Максимовна, содержавшая хлыстовскую секту, сказала эту песню. Она записана вместе с другими в снятом с нее допросе [3]. Вот песня о Настасье Карповне:

В конюшенке государевой
Тут стояли да все коничкп.
Уж один конь не пьет не есть,
Он почуял дорожку дальнюю,

---

[1] «Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшаго синода», т. I, стр. 312—316.

[2] Там же, т. I, стр. 360.

[3] «Дело об открытых в Москве, в доме Василья Евграфова хлыстах 1844—46 года».

От Москвы было до Питера
Пролегала путь-дороженька.
Уж по той ли по дороженьке
Тут ведут красную девицу,
Свет Настасьюшку Карповну [1],
У ней ноженьки были скованы,
Белы рученьки назад связаны,
Очи ясныя платком завязаны.
Уж ведут ее два полка солдат
Ко тому дворцу государеву,
К государыне Анне Ивановне.
«Государыня Анна Ивановна,
Возьмите эту невольницу во палатушки».
Уж стала у ней спрашивать:
«Ты которую веру веруешь,
Уж которому Богу молишься?»
«Изволь выслать своих верных слуг,
Я тебе скажу правду-истину».
Государыня Анна Ивановна испугалася
И вскричала громким голосом:
«Уж вы слуги мои верные,
Возьмите эту невольницу,
Посадите в темну темницу
Под красное окошечко,
Которое на Неву реку».
Взглянула Настасьюшка Карповна
В то красное окошечко:
«Уж ты матушка Нева-река,
Ты теки в каменну Москву,
Ты скажи поклон верным-праведным
И отцу с матерью,
Что хотят меня казнить, мучить,
Топором острым, еще плахою,
Еще площадью, красною рубахою.
Ты прости-прощай верны-праведны,
Ты прости-прощай отец с матерью,
Ты прости-прощай весь мир-народ,
Ты прости-прощай два полка солдат,
Ты прости-прощай млад грозен палач,
Не прощаю одну государыню Анну Ивановну».

Не простила Настасья Карповна государыню, говорят хлысты, и Анна Ивановна умерла чрез три дня после казни «верных-праведных». Хлысты и тут, как и в большей части своих сказаний, путаются в хронологии. Императрица Анна Ивановна скончалась не чрез три дня, а чрез семь лет после казни хлыстов.

---

[1] В подлинном деле написано Поликарповну. Но Настасья была по отце Карпова, а не Поликарпова.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

«Белыми голубями» называют себя сектаторы, о которых, по случаю плотицынского дела, так много говорят теперь. О таинственном учении хлыстов и скопцов до сих пор напечатано было очень немного [1]. Мы сочли благовременным напечатать о скопцах кое-что нам известное, не вдаваясь в большие подробности, которые со временем надеемся представить в большом трактате «Тайные секты». Начало этого трактата было помещено в пятой книжке «Русского Вестника» за 1868 год.

Источниками для представляемого исследования служили: 1) Выписки из дел о квакерской ереси, производившихся в Москве в 1734 и 1745—1752 годах. 2) Выписки из 180 дел о хлыстах и скопцах, производившихся в разных местах в 1774—1861 годах. Они сделаны в архивах министерства внутренних дел, генерал-аудиториата, московского старых дел, канцелярии московского генерал-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородского губернского правления, канцелярии тамбовского губернатора, канцелярии кавказского наместника и др.

---

[1] В 1819 году была напечатана в Петербурге книжка: «О скопцах». Едва ли она не писана кем-нибудь из сочувствовавших этой секте. Автор, представив скопцов людьми совершенно невинными, не указывает на тайное их учение. В 1845 году, по распоряжению бывшего министра внутренних дел графа Л. А. Перовского, напечатано было «Исследование о скопческой ереси» покойного Надеждина в самом ограниченном числе экземпляров. Оно перепечатано г. Кельсиевым в Лондоне. Пред тем приготовлялось к печати, по распоряжению того же министра, «Исследование о скопцах» В. И. Даля, вошедшее в книгу Надеждина. От исследования г. Даля сохранилась одна только корректура, пожертвованная автором в Чертковскую библиотеку в Москве. Любопытные сведения о скопцах находятся в «Истории Министерства внутренних дел» г. Варадинова, том VIII, в статьях г. Кельсиева, напечатанных в «Отечественных записках» 1867 года, под заглавием: «Великорусские двоеверы» и в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей» (статьи В. С. Толстого и И. П. Липранди).

3) Напечатанное в ограниченном числе экземпляров покойного Надеждина «Исследование о скопческой ереси», Спб. 1845 г., и «Исследование о скопцах» В. И. Даля (единственный экземпляр этого сочинения в Чертковской библиотеке). 4) Корректурные листы «Исследования о хлыстовской ереси» покойного Надеждина. 5) «Сведения о разных раскольнических сектах и их заблуждениях», собранные в Соловецком монастыре. Рукопись. 6) «Два донесения императору Александру Павловичу, поданные в феврале 1825 года крестьянином Костромской губернии Иваном Андреяновым». Рукопись. 7) Архимандрита Досифея «О тайностях скопческой ереси». Рукопись. 8) «Объяснение Ивана Кудимова». Рукопись. 9) «Объяснение скопца штабс-капитана Созоновича». Рукопись. 10) «Объяснение скопца Овчинникова». Рукопись. 11) Полковника князя Голицына «О скопцах, открытых в Москве в 1835 году». Рукопись. 12) Преосвященного Иакова, архиепископа нижегородского «О хлыстах в Саратовской губернии». Рукопись. 13) Священника Алексея Зайцева «Описание скопческой секты, ее обряды и проч.». Рукопись. 14) «О скопцах Бобровского уезда». Рукопись. 15) «О раскольниках и в особенности о скопцах» (записка, представленная графом Л. А. Перовским императору Николаю Павловичу в августе 1844 года). 16) «О скопцах и скопческой ереси» (две записки, представленные императору Николаю Павловичу в 1845 году). 17) «О скопцах, открытых в Москве по доносу крестьянина Матусова». Рукопись. 18) «Военно-судебное дело о скопцах при Кронштадтском порте». Рукопись. 19) «О движении скопцов на Кавказе в 1842 году». Рукопись. 20) «Маранские скопцы». Рукопись. 21) «Хлысты Мышкинского и Углицкого уездов, открытые в 1851 году». Рукопись. 22) «Рижские скопцы». Рукопись. 23) «О прыгунках в Таврической губернии». Рукопись. 24) «О московских хлыстах». Рукопись. 25) «О богородице Устинье, последней в роде Данилы Филипповича». Рукопись. 26) «Монтане в Самарской губернии». Рукопись. 27) «Письма пророка Василия Радаева к священнику села Мотовилова, Арзамасского уезда, в 1850 году». Рукопись. 28) «О секте фарисеев». Рукопись. 29) «Арина Лазаревна, ее учение и последователи». Рукопись. 30) «Сведения о богомолах в Тамбовской губернии». Рукопись. 31) «Известия о

хлыстах Тульской губернии». Рукопись. 32) Священника города Калуги Ивана Сергеева «Изъяснение раскола, именуемого хлыстовщина или христовщина, представленное им святейшему синоду в 1809 году». Рукопись. 33) «Страды, или Послание отца искупителя» (Кондратья Селиванова). Рукопись. Напечатана в 4-й книжке «Чтений Московского Общества Истории и Древностей» на 1864 год. 34) «Сто шестьдесят четыре песни хлыстов и скопцов». В разных рукописях и отдельно. 35) «Скопчество между лютеран С.-Петербургской губернии». Рукопись. 36) «Две песни скопческие на чухонском языке». Рукопись.

I

Русские скопцы, равно как и совершенно одинаковые с ними, как по верованиям, так и по обрядам, хлысты, или «божьи люди» [1],— не раскольники. Согласно каноническому распределению всех разномыслящих со вселенской церковью, они должны быть отнесены к так называемому «первому чину», то есть к еретикам. Несмотря на то, что скопцы постоянно представляются самыми усердными православными, часто бывают в церкви и благоговейно там молятся, говеют по нескольку раз в год, делают значительные приношения в пользу церквей и духовенства, строят храмы, золотят на них куполы, льют большие колокола,— их нельзя признавать не только православными, но и христианами. Вполне ошибались некоторые лица из православного духовенства (даже из высшего), считая скопцов и хлыстов усердными православными. Впрочем, история хлыстовской и скопческой ересей представляет немало примеров не только тайного, но даже и явного уклонения в эти ереси самих лиц духовного сана. Колыбель скопчества — в одном из православных монастырей Москвы.

Не говоря уже об изуверном уродовании, подрывающем самые основы человеческого общежития, секта «белых голубей» и по верованиям своим отличается дикой уродливостью извращенных понятий о боге и Спасителе мира. Истинный сын божий, называемый у них «старым Христом», далеко не так уважается, как новые христы, от времени до времени являющиеся в их «ко-

[1] Так хлысты называют сами себя; нередко «божьими людьми» называют себя и скопцы.

раблях» (общинах). Как и хлысты, белые голуби веруют в «живых богов» и «богинь» и воздают им божеские почести.

Оскопление не составляет непременного условия принадлежности к сектам «белых голубей» и «людей божьих» (хлыстов). В секте белых голубей не только иные «братцы», но даже самые «кормщики корабля», то есть начальники общины, не подвергаются иногда оскоплению, хотя и считаются даже пророками и христами. Это так называемые «духовные скопцы». С другой стороны, несмотря на то, что иные хлысты с презрением относятся о белых голубях, говоря: «невеликое дело бороться с врагом зарезанным, а ты поборись с живым», сами нередко имеют в своей среде скопцов, а еще чаще скопчих. О том, почему и для чего они имеют в своих кораблях скопчих, будет сказано в своем месте.

Начало скопчества относится к глубокой древности. Еще в книгах Ветхого завета говорится о скопцах, например, у пророка Исаии в 56 главе. При дворце израильских царей, по обычаю древнего Востока, бывали евнухи. «В Деяниях апостольских» упоминается о скопце, казначее эфиопской царицы Кандакии, которого окрестил апостол Филипп. Русские белые голуби уверены, что сам Иисус Христос и апостолы были оскоплены, и что учение Спасителя мира, ныне будто сохранившееся только в их кораблях, состояло в учении «огненного крещения», то есть оскопления, в противоположность «водному крещению», проповеданному Иоанном Крестителем.

В первые времена христианства скопцы действительно бывали в среде верных, но апостолы строго относились к ним. В «Правилах апостольских» сказано: «кто сделался скопцом от человеческого насилия, или во время гонений от варваров, или от врачей по болезни, или так родился, тот может быть в клире и, ежели достоин, даже епископом, но кто скопил сам себя, тот, ежели клирик, извергается, самоубийца бо есть и враг божия создания», а если мирянин — отлучается от св. таин, «ибо наветник есть своея жизни». Впоследствии Константинопольский собор, именуемый двукратным, тех, которые скопят собственноручно, или отдают приказание произвести над кем-либо оскопление, сравнял с убийцами.

«БЕЛЫЕ ГОЛУБИ»

«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ». (Гл. IX)

Говорят, что обычай оскопления первоначально возник в Вавилоне. Семирамида, по известию церковных писателей, влюбившись в родного своего сына, склоняла его вступить с нею в связь, но когда юноша отказался, царица в наказание велела его оскопить. Евнухи находились при дворах восточных деспотов, а потом при дворе православных византийских императоров. Но это скопчество не было, как теперь, следствием религиозного фанатизма. Оскопление у древних не представлялось добровольной жертвой, приносимой в убеждении, что она угодна богу. Варварский обычай древних был последствием многоженства. Никто лучше евнуха не может оберегать гарема, не возбуждая ревности в душе своего повелителя. При дворах мусульманских государей и доныне держат евнухов.

Ложное толкование слов Спасителя: «Суть же скопцы, иже исказиша сами себя царствия ради небесного; могий вместити да вместит», породило скопчество в христианстве. Приняв иносказание Спасителя в смысле буквальном, иные стали скопить себя, но мы уже заметили, как отнеслись к таким людям апостолы и их преемники.

В православной Византии, при дворе императорском, находились евнухи — обычай, заимствованный у восточных государей Сирии и Ирана. Кубикуларии (постельничьи) византийского двора обыкновенно бывали из евнухов. Будучи чужды других страстей, кроме честолюбия и алчности к богатствам, они были чрезвычайно искусны в придворных интригах и нередко достигали звания людей государственных. Это была сущая язва константинопольского двора; высокомерие евнухов, достигавших высших степеней, не знало пределов. Так, евнух Антоний, воспитатель императора Феодосия младшего, оскорблял своим высокомерием даже самого государя, который до того наконец разгневался на бывшего своего учителя, что, лишив его звания патриция, узаконил, чтобы впредь никто из евнухов не был возводим в это достоинство. Но постановление Феодосия вскоре было забыто, и при дворе императрицы Ирины являются евнухи Ставрикий и Лев Клок, пользовавшиеся огромным значением в государстве.

В восточных государствах, как языческих (персидские Арсакиды и Сассаниды), так и христианских (армянское), видим несколько случаев оскопления царских род-

ственников или сильных вельмож, которых царствующий государь считал для себя опасным. То же было и в Византии: император Лев Армянин, овладев престолом, оскопил Феофилакта, сына своего предшественника; Михаил, отняв корону у Льва Армянина, оскопил четырех его сыновей. Из оскопленных насильственно, в силу этого обычая, были даже цареградские патриархи, например Герман, сын патриция Юстина, Игнатий, сын императора Михаила.

Скопчество, как религиозная секта, появилось в VI столетии. Известный церковный писатель Ориген был скопец, самовольно оскопившийся. Хотя по «Правилам апостольским» он не мог быть рукоположен, но, во внимание к его учености, к его трудам на пользу церкви и ревности к вере, сделано было исключение, и Ориген поставлен во священника. Впоследствии учение его было осуждено на пятом вселенском соборе. Сто шестьдесят пять святых отцов, бывших на сем соборе, постановили: Оригена и других «возобновивших еллинские басни, прехождения и превращение некоторых тел и душ паки нам представивших на позор, в сонных мечтаниях блуждающего ума, и противу воскресения мертвых нечестиво и нездравомысленно восстававших» — отринуть и соборно предать проклятию.

Ученик Оригена, философ Валезий образовал общество скопцов и постепенно его увеличивал, то привлекая в свою секту убеждениями, то прибегая к обманам или к насилию, преимущественно же секта его полнилась оскопленными рабами, которые, получив от господ свободу, не могли жить в обществе по неспособности к жизни общественной и по всеобщему к ним презрению. Секта Валезия обратила на себя внимание императора Юстиниана Великого, он издал строгий декрет, по которому скопителей велено казнить смертью, а имение их предавать разграблению. Но и такая строгость не уничтожила секты. Валезиане впали потом в другие ереси. Таким образом и в секте павликиан и в секте богомилов встречаются скопцы, которые, конечно, произошли от Валезия.

Богомил-скопец, монах Адриан, явился в Киеве чрез пятнадцать лет после крещения Русской земли (1004). Он хулил православную церковь, был обличен митрополитом Леонтием, отлучен и посажен в темницу[1].

---

[1] «Никоновская летопись», 1—112.

С тех пор до XVIII столетия ничего не знаем о скопческой ереси в России. Но тождественная с нею ересь хлыстовская существовала почти постоянно, как мы показали в начале своего трактата «Тайные секты» [1].

II

По связи хлыстовской ереси со скопческой, выделившеюся из нее и отличающеюся от своей родоначальницы единственно уродованием тела, нелишним считаем предварительно упомянуть о главнейших догматах и обрядах «людей божьих» (хлыстов). Для этого припомним кое-что из сказанного нами в пятой книжке «Русского Вестника» за 1868 год.

Хлысты рассказывают, что крестьянин нынешнего Юрьевецкого уезда Данила Филиппович (бывший прежде в числе учеников расколоучителя Капитона), во время споров о том, по старым или по новым книгам можно спастись, решил, что ни те, ни другие книги никуда не годятся, и что для спасения необходима одна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная —
Сам сударь дух святой [2].

Он учил, что надо молиться духом, и что при таком только молении в человека может вселиться дух божий. Хлысты рассказывают, что учитель их, в доказательство ненужности и старых и новых книг, собрал те и другие в один куль, положил в него для груза камней и бросил в Волгу. Чрез несколько времени после потопления книг Данила Филиппович явился в окрестностях Стародуба Кляземского [3]. В Стародубской волости, в приходе Егорьевском, говорят хлысты, на гору Городину [4], среди ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, в огненных облаках, на огненной колеснице, сошел с небес во всей славе своей сам «господь Саваоф». Силы небесные

---

[1] «Русский Вестник» № 5, 1868 г.

[2] Из песни, употребляемой хлыстами и скопцами при радениях.

[3] Кляземский городок — село Ковровского уезда, Владимирской губернии.

[4] Село Егорий на реке Клязьме и деревня Городина на реке Уводи находятся в Ковровском уезде, близ Ивановской железной дороги.

вознеслись назад в небо, а «Саваоф» остался на земле, в образе человеческом, воплотясь в Даниле Филипповиче. С того времени Данила Филиппович перестал быть человеком, а сделался «живым богом». Он стал называться «верховным гостем», «превышним богом», «богатым гостем». Признававшие его живым богом стали именоваться «людьми божьими». Так называют себя хлысты; так называют себя нередко и белые голуби.

«Господь Саваоф» Данила Филиппович водворился в деревне Старой неподалеку от Костромы. Сюда сходились к нему для отправления своих обрядов люди божьи. Дом, где жил он, назван «домом божьим». Город Кострома, близ которой поселился «верховный гость», получил от его последователей название «Горняго Иерусалима», а также «город Кострома — верховная сторона». Через несколько времени «Саваоф» Данила Филиппович перенес свой дом, то есть дом божий, из деревни Старой в город Кострому.

Потопление Данилой Филипповичем книг в Волге, по сказаниям некоторых хлыстов, было после чуда, совершившего на горе Городине. Не имея земного начала, рассказывают они, «верховный гость Данила Филиппович» от святого духа получал наставления о том, что надо проповедовать земнородным, и творил чудеса. По наставлению святого духа, говорят они, Данила Филиппович утопил и книжное писание, не велев людям брать книги в руки и заповедав всем руководствоваться единственно его словами и теми вдохновенными речами, что будут «выпевать» пророки, «пребывая в духе», то есть в состоянии восторженного исступления, до которого доходят после кружения и скачек на «радениях» [1].

«Господь Саваоф» Данила Филиппович дал людям божьим двенадцать заповедей:

---

[1] Слово «радение» у хлыстов и скопцов употребляется не в общепринятом смысле старания, усердия, заботы, но в смысле радения к богу, то есть усердия соединиться с ним посредством особых телодвижений, о которых будет речь впереди. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (III—4) это слово объяснено так: «радеть» у скопцов, хлыстов и прочих — отправлять свое богослужение с верченьем; «радение» — молитва в сборе радеющих (созерцательных) толков; «радетель», «радельник», «радельщик» — радеющий хлыст, скопец».

1. Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.

2. Нет другого учения. Не ищите его.

3. На чем поставлены, на том и стойте.

4. Храните божьи заповеди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмельного не пейте, плотского греха не творите.

6. Не женитесь, а кто женат, живи с женою как с сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверных слов и сквернословия[1] не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.

10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молите.

12. Святому духу верьте.

Эти заповеди «Саваофа» Данилы Филипповича послужили, как видим, основанием и скопческого учения. «Отец искупитель, царь израильский, христос Петр Федорович» (так зовут белые голуби основателя секты своей, крестьянина Кондратья Селиванова) говорил, что пришел он не старые законы разорять, но забытые восстановить и восполнить их учением «огненного крещения», то есть оскопления.

За пятнадцать лет до сошествия «господа Саваофа» на гору Городину, рассказывают хлысты, родился сын божий, христос Иван Тимофеевич Суслов[2]. Родился он

---

[1] Под «скверными словами» хлысты разумеют известные русские ругательства, под «сквернословием» — упоминание слов: дьявол, черт, бес и т. п.

[2] Когда хлыстам или скопцам говорят, что Христос был и есть один, они отвечают, что вечный бог постоянно воплощается между людьми, и христы часто рождаются. И волхвы спрашивали, гово-

в тогдашнем Муромском уезде, в селе Максакове, от богородицы Арины Нестеровны («родился духовно», то есть обращен ею в секту людей божьих). Ей было уже сто лет, как она родила, то есть обратила в секту, христа Ивана Тимофеевича. Ему же было тогда тридцать лет. Он был позван верховным гостем Данилой Филипповичем в Кострому. В деревне Старой верховный гость «дал ему божество», сделал Суслова «живым богом». Для того он три дня сряду, при свидетелях, возносил Ивана Тимофеевича с собой на небеса. После того, по велению отца своего, превышнего бога Данилы Филипповича, сын божий христос Иван Тимофеевич возвратился в свои места на берега Оки. Одним из главнейших притонов его было село Павлов-Перевоз (ныне известное своею слесарной и ножевой промышленностью село Павлово, Горбатовского уезда). Переходя из села в село, из деревни в деревню, христос Иван Тимофеевич распространял учение отца своего верховного гостя, заключающееся в двенадцати заповедях. С ним жила девица, очень красивая собой, она почиталась «богиней», дочерью «живого бога» и «богородицей». По свидетельству святого Дмитрия Ростовского, она была родом из села Ландеха, посадского человека дочь [1]. Кроме богородицы, по свидетельству того же святителя, были у Ивана Тимофеевича и двенадцать апостолов.

Когда «истинная вера людей божьих» от проповеди христа Ивана Тимофеевича с его богородицей и апостолами стала распространяться, дошло о том, по сказаниям хлыстов, до ведома царя Алексея Михайловича. По его велению, Ивана Тимофеевича схватили и с сорока учениками привезли в Москву. Здесь подвергли их розыску, и самого Суслова и учеников его пытали. Одному-де ему было дано столько ударов кнутом, сколько всем сорока ученикам вместе. Но судьи ни от него, ни от учеников ничего не узнали. Никто из них слова не проронил о том, в чем состоит их учение. Тогда будто бы царь Алексей Михайлович велел их допрашивать самому патриарху Никону, но и тот ни в чем не успел,

---

рят они, не где родился, а где он *рождается*» («Евангелие Матфея», II—4), и в церкви поется, продолжают они, «Христос *рождается* — славите», а не «Христос родился». Значит, говорят хлысты и скопцы, Христос всегда рождается, а не однажды родился.

[1] Села Верхний и Нижний Ландихи в Гороховском уезде, Владимирской губернии.

и ему не открыли тайны ни христос Иван Тимофеевич, ни ученики его. Передал их царь Морозову, самому ближнему своему боярину. Морозов будто бы понял святость Ивана Тимофеевича и уклонился от производства над ним розыскного дела под предлогом болезни. Оно передано было князю Одоевскому (Никите Ивановичу?). Он в московском Кремле на Житном дворе, где поставлена потом церковь Благовещения, пытал Ивана Тимофеевича. Жег-де его князь Одоевский на малом огне, повесив на железный прут, потом жег в больших кострах. Но огонь не касался христа, и с Житного двора Иван Тимофеевич вышел ничем невредим. После того стали будто бы его пытать на Красной площади, у Лобного места, и распяли на кремлевской стене, возле Спасских ворот, идя в Кремль направо, где после того поставлена была часовня. Когда Иван Тимофеевич испустил дух, приставленная стража из стрельцов сняла его со креста. Это было в четверг, а в пятницу схоронили его на Лобном месте, в могиле со сводами. С субботы на воскресенье он воскрес при свидетелях и явился ученикам в подмосковном селе Пахре. Здесь по-прежнему он учил людей божьих. Опять сведал-де про то царь Алексей Михайлович, опять велел взять Ивана Тимофеевича в Москву на муки. Снова был предан христос страшным пыткам, снова распят на кресте, на том же самом месте, у Спасских ворот. Тут содрали с него кожу, но одна из учениц покрыла его тело чистой простыней, и произошло-де чудо: простыня обратилась в новую кожу, и сын божий Иван Тимофеевич остался ничем невредим. Однако умер и во второй раз на кресте, и во второй раз воскрес на третий день, также в воскресенье. С того времени он приобрел еще более последователей. Они звали его «стародубским христом». Молва усилилась, и Суслов в третий раз был взят, по повелению царя Алексея Михайловича, и в третий раз обречен на мучения.

Это случилось, говорят хлысты, в то самое время, как царице Наталье Кирилловне пришло время разрешиться от бремени царевичем Петром Алексеевичем (стало быть, в 1672 году). Царице было пророчество, что она в таком лишь случае разрешится благополучно, если царь освободит от мук Ивана Тимофеевича. Царь велел освободить его.

С тех пор сын божий, христос Иван Тимофеевич, говорят хлысты, тридцать лет спокойно проживал в Москве, тайно распространяя учение людей божьих (стало быть, до 1702 года). Московский «дом божий», устроенный им по подобию костромского «Горняго Иерусалима», находился за Сухаревой башней, на месте, принадлежавшем князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и был назван «Новым Иерусалимом». Сюда-то в 1699 году пришел из Костромы к «возлюбленному сыну своему» Ивану Тимофеевичу «господь Саваоф», верховный гость Данила Филиппович, на сотом году своей жизни. Здесь он много беседовал с сыном своим за столом, который до 1846 года, как святыня, сохранялся у московских хлыстов. По рассказам их, из этого дома 1 января 1700 года, в Васильев день, Данила Филиппович, после долгого радения, в виду всех собравшихся в Новый Иерусалим хлыстов, вознесся на небо. Потому, говорят они, с этого дня и стали считать новый год. Вскоре после вознесения Данилы Филипповича Иван Тимофеевич должен был бежать из Москвы, ибо на хлыстов обратило внимание правительство.

Пятнадцать лет Суслов не бывал в Москве, скрываясь по разным местам у своих учеников. Удостоверясь, наконец, что в Москве про хлыстов забыли и преследований больше нет, возвратился он в свой Новый Иерусалим, за Сухареву башню, и, может быть, для того, чтобы не возбуждать внимания тогдашней полиции, не поселился в том доме, где беседовал с верховным гостем Данилой Филипповичем, а выстроил против него другой маленький домик, который сделался вторым московским «божьим домом». Живя здесь, Суслов распространил свое учение в московских монастырях, женских: Вознесенском, Рождественском, Ивановском, Новодевичьем и Варсонофьевском; в мужских: Симоновом и Высокопетровском. Прожив в Москве около трех лет, христос Иван Тимофеевич, по словам хлыстов, при многих свидетелях вознесся на небо. Бездыханное же тело его осталось на земле и было погребено при церкви Николы в Драчах. Он не взял на небо тела своего, как отец его, «Саваоф» Данила Филиппович, потому, говорят хлысты, что, будучи воплощенным сыном божьим, хотел показать пример благочестивого смирения и терпения на земле. Тело его недолго оставалось на погосте Николь-

ской церкви. Приверженцы Суслова вскоре исходатайствовали перенесение останков своего христа в женский Ивановский монастырь, где в среде инокинь было уже немало последовательниц хлыстовщины. Над новою могилой Суслова поставлен был памятник, надпись на нем гласила, что тут погребен святой угодник божий. Около двадцати лет был цел этот памятник.

По смерти Ивана Тимофеевича место христа, сына божья, заступил нижегородский стрелец Прокофий Данилович Лупкин. Некоторые хлысты утверждают, что он был родным сыном «Саваофа» Данилы Филипповича. Лупкин был христом людей божьих с 1713 года до своей смерти, случившейся в 1732 году, похоронен в Ивановском девичьем монастыре, в Москве, рядом с христом Иваном Тимофеевичем. Жена Прокофья Лупкина, нижегородская стрелецкая дочь Акулина Ивановна была хлыстовской богородицей. Сын их Спиридон Прокофьевич, во иночестве (пострижен в Симоновском монастыре) Серафим, равно как монахи Петровского монастыря Филарет Муратин и Тихон Струков (оба из дворянских фамилий), были пророками. В женских монастырях города Москвы: Рождественском, Новодевичьем, Вознесенском, а особенно в Ивановском, было много приверженец христов Суслова и Лупкина. Божий дом был на прежнем месте, неподалеку от Сухаревой башни. В числе хлыстов был один из князей Мещерских.

По сказаниям хлыстов, христос Прокофий Лупкин умер в 1773 году, в Москве, в божьем доме в Новом Иерусалиме. Они говорят, что в день смерти Прокофия Даниловича находились у него в собрании все его последователи, что во время «корабельного» (общего) их радения в их «святый круг» с небесных кругов слетели бесплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и что они вознесли христа Лупкина при множестве свидетелей на небо. Попросту сказать, Лупкин умер во время радения. И тогда настало, продолжают хлысты, «древнее молчание», прекратилось пророчество по случаю наставшего гонительного времени.

Лупкина похоронили в Ивановском монастыре, близ Ивана Тимофеевича Суслова. На могиле его соорудили каменное надгробное строение (памятник) и на нем написали похвалу святости погребенного. Недолго, однако, оставались в покое кости Прокофья Даниловича. Перед

самой смертью его разразилась над его последователями буря, кончившаяся казнями ближайших к нему людей, ссылкой в отдаленные сибирские монастыри жены, сына и свояченицы и сожжением его уже полуистлевшего тела через палачей.

Дело было так. В 1732 году к начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, явился добровольно некто Семен Караулов, промышлявший в Москве разбоем и имевший с шайкой своей главный притон под Каменным мостом через Москву-реку. Повинившись перед графом в разбоях, Караулов объявил, что есть в Москве четыре дома, где чинятся великие непотребности. Собираются-де туда по ночам на праздники разных чинов люди, старцы, старицы и прочие. Из них некоторые-де выбираются в начальники сборищ и садятся в переднем углу, а прочие по лавкам. Как приходят в дом, то старшим своим, сидящим в переднем углу, кланяются, целуют у них руки и, собирая деньги, им отдают, и другие-де из них пророчествуют.

Дело было казусное, пророчествовать было строго запрещено со времени казни ростовского епископа Досифея, пророчествовавшего заточенной в Суздале царице Авдотье Федоровне. Салтыков сделал нужные распоряжения, и, по указаниям разбойника Караулова, на хлыстовских радениях было захвачено семьдесят восемь человек. В числе их были монахи и монахини разных московских монастырей. Главной руководительницей секты оказалась монахиня Ивановского монастыря Анастасия (в мире Агафья Карпова). Открылось, что она и еще две старицы и старец пророчествовали и, вместо причастия святых тайн, подавали резанный кусками хлеб, а из стакана давали пить квас, иногда воду.

Впоследствии открылось (собственные признания скопцов), что сия благочестивая московская инокиня была первоначальной основательницей секты «белых голубей». Русское скопчество вышло из келий не совсем целомудренных черниц одного из знаменитейших монастырей Москвы. «Убеление», то есть оскопление, было сочувственно принято духовными особами мужского пола: иеромонахи Филарет и Тихон сделались пособниками честной старицы Анастасии, а симоновский архимандрит, впоследствии курский архиерей Петр, имел своим наперсником инока — хлыста Серафима, кандидата в

христы и родного сына христа Прокофья и богородицы Акулины Лупкиных. Странное явление представляет наше духовенство того времени: гоняясь за двуперстием, как за страшной, от бога отводящей ересью, оно держало под своим крылышком секты изуверные. Мало того, сами духовные лица увлекались в эти секты, за что иногда и расплачивались головами, как, например, иеромонахи Высокопетровского московского монастыря Филарет и Тихон.

Христа людей божьих Прокофья Даниловича во время розысков по доносу Караулова уже не было в живых. Место его заступил сын его, симоновский монах Серафим. Он был захвачен.

Богородица Настасья Карпова была казнена в Петербурге на Сытном рынке в октябре 1733 года. Той же участи подверглись иноки Петровского монастыря Филарет и Тихон. Остальные публично наказаны кнутом и разосланы на вечное житье в Сибирь и по монастырям. Трупы христов Суслова и Лупкина, по распоряжению святейшего синода, были выкопаны из могил, находившихся в Ивановском монастыре, и сожжены за городом рукой палача. Но хлысты успели подменить останки первого христа Ивана Тимофеевича.

III

Хлысты и скопцы все вышеизложенное объясняют третьей книгой Эздры. Господь Саваоф, говорят они, обещался сам воплотиться «и рече: се дние грядут внегда приближатися начну, да посещу обитающих на земле». И исполнилось это, продолжают они, пришел бог Саваоф на землю в лице верховного гостя Данилы Филипповича и дал людям правое учение. Хотя оно и было дано при старом Христе (то есть во время воплощения истинного сына божья), но в течение времени забылось и исказилось. Затем, говорят хлысты, сбылось пророчество: «явится невеста и являющися покажется, иже ныне крыется от земли»: явилась богородица Арина Нестеровна и чудесно родила иисуса христа Ивана Тимофеевича, по писанию: «Открыетбося сын мой Иисус». В первый раз, продолжают хлысты, Иисус Христос *родился* от девы Марии, во второй раз он *открылся* от

девы Арины Нестеровны[1]. Слова Эздры: «открыетбося сын мой Иисус с теми же с ним суть и насладятся в летех четырех стех» означают, по толкованию их, что «люди божьи» наслаждались учением Иисуса на 200 радениях, бывших с Иваном Тимофеевичем Сусловым, и на 200 бывших с Прокофьем Даниловичем Лупкиным. О телесной смерти последнего по понятиям сектаторов предсказано Эздрою так: «и будет по летех сих (то есть после 400 радений), и умрет сын мой Христос, и вси иже дыхание имуть человецы, и обратится век в древнее молчание дний седмь, якоже в прежних судех, тако яко да никто останется». Это означает, что по смерти Прокофья Лупкина «все иже дыхание имуть», то есть все таинственно воскресшие, имеющие в себе дух святой и пророчествующие, будут изгнаны: замолкнет пророчество, и настанет *древнее молчание*, какое было до пришествия на землю «Саваофа» Данилы Филипповича. Согласно с пророчествами Эздры, сие «древнее молчание» продолжалось только семь лет, по прошествии которых «разрешил уста» третий христос, без таинственной смерти таинственно воскресший, а за ним стали пророчествовать и после таинственной смерти воскресшие пророки[2].

Этот разрешивший уста, во всем подобный Суслову и Лупкину, воскресший без таинственной смерти христос был притворявшийся юродивым помещичий крестьянин Севского уезда, села Брасова, Андрей Петров, живший в Москве и принадлежавший к хлыстовскому кораблю, что был в Ивановском монастыре[3]. Он, по по-

---

[1] Это имеет таинственный смысл, говорят хлысты, и означает, что Суслов не родился от девы, но в том «корабле» (обществе хлыстов, божьем доме), где была Арина Нестеровна богородицей, не умирая таинственной смертью, прямо родился духовно и открылся людям божьим.

[2] Казнь и ссылка хлыстов были в 1734 году, а через семь лет, по словам хлыстов и скопцов, в Москве *разрешил уста* новый христос. Значит, в 1742 году снова начались в Москве сборища «людей божьих» и их радения. Так оказывается и по следственному делу о квакерской ереси (хлыстов), открытой в 1745 году в Москве, по доносу сыщика Ваньки Каина.

[3] О нем упоминается в песне, сочиненной в XVIII ст. основателем русского театра Ф. Г. Волковым для маскарада, устроенного на московских улицах императрицей Екатериной II. Она начинается словами: «Бес проклятый дело нам затеял». В ней поется:

нятиям хлыстов, был христос сын божий, рожденный от богородицы Настасьи Карповны, то есть принятый ею в секту. Он имел дом (все тот же «божий дом», что был при Суслове и Лупкине) за Сухаревой башней, о шести светлицах (то есть комнатах), на дворе его была церковь, где лежали останки Ивана Тимофеевича, вырытые из могилы Ивановского монастыря прежде, чем палачи коснулись ее. С христом Андреем жили хлысты: Иван Иванович Чечеткин или Белый из крестьян села Ворсмы, Семен и Игнатий Ивановичи Шигины из села Павлова (оба села Горбатовского уезда), да сын старшего Шигина, Василий Семенов. Дом юрода был богато отделан; так, например, в одной комнате, что пред спальней, стены были обиты обоями фабрики Затрапезного. Конечно, христос Андрей, бывший всегда нищим, не мог купить этого дома, и он достался ему другим каким-либо образом. Из следственного дела 1745—1752 годов о квакерской ереси, открытой в Москве, видно, что этот христос был принимаемым в качестве «святого» и «блаженного» в некоторых домах тогдашнего высшего московского общества, и что некоторые знатные барыни[1], по избытку благочестивой набожности, ни в чем не отказывали «блаженному юроду». Можно полагать, что поклонницы юрода Андрея, из благодарности за его душеспасительные пророчения, доставляли ему средства к безбедной жизни и даже к роскошному по тому времени убранству комнат «божья дома» у Сухаревой башни.

Когда хлысты были открыты (в 1745 году), в приворотной светелке, где жили Чечеткин и Шигины, по указанию Ваньки Каина, найден был труп, незадолго перед тем зарытый в землю возле печки. При осмотре трупа нельзя было заключить, к какому полу он принадлежит, но по обстоятельствам стало ясно, что это

Ванька Каин и лжехристос Андрюшка!
Дайте нам карты, здесь олухи есть.

Ванька Каин, подражая разбойнику Семену Караулову, предал хлыстов в руки правосудия. В обществе того времени много было говора о Ваньке Каине и об открытом им лжехристе Андрюшке: Волков воспользовался этим.

[1] Большей частью старушки; но были и молодые, которым пришлась по вкусу любовь юрода. Обходим молчанием их родословные имена.

был труп Ивана Тимофеевича Суслова, похищенный хлыстами из могилы в Ивановском монастыре, когда вследствие синодального распоряжения трупы обоих христов велено было вырыть и сжечь через палача. При доме христа Андрея Петрова, как мы сказали, была построена деревянная церковь; утварь, иконы и книги были конфискованы в 1745 году при арестовании христа Андрея и переданы в московскую контору святейшего синода. В доме юрода Андрея вместе с ним жил капитан Смуригин, тоже хлыст, который в 1745 году ездил вместе с Андреем в Петербург и там заказал семь парчовых покровов на мощи святых. Он показал, будто заказывал эти покровы на мощи новгородских угодников, почивающих в Софийском соборе и в монастырях Хутынском и Антоньеве, но на самом деле эти покровы были деланы для тела Ивана Тимофеевича, стоявшего в церкви, построенной на дворе христа Андрея. Покровы у капитана Смуригина были отобраны в канцелярии тайных розыскных дел при его аресте.

Дело продолжалось долго: не ранее 1752 года Шигины и другие хлысты, по наказании кнутом, сосланы были в Сибирь, в Рогервик и иные места. Что касается христа Андрея, о нем разнеслась молва, будто он умер еще во время производства следствия о «квакерской ереси». Но впоследствии это оказалось несправедливым. Вероятно, знатные и сильные своим богатством, родственными связями и положением в обществе почитательницы Андрея Петровича похлопотали о сохранении драгоценной для них жизни. Не знали они, каким ремеслом через несколько лет займется их милый дружок «святой-блаженный юрод».

Через несколько лет между хлыстами явился начальник и отец секты скопцов. Стали его называть императором Петром Федоровичем. Таким образом, говорят хлысты и особенно скопцы, «открылся вышний на престоле суда», т. е. без таинственной смерти, подобно Суслову, Лупкину и Андрею Петрову, таинственно воскрес «сидящий на престоле царского суда», государь Петр Федорович. Он не родился, говорят скопцы, но подобно Ивану Тимофеевичу, открылся духовно от пренепорочные девы императрицы Елизаветы Петровны, оставившей престол и жившей в Орловской губернии под именем Акулины Ивановны. Петр III, по мнению

скопцов и некоторых хлыстов, живет и поныне в Иркутской стране, на море, где солнце восходит. Они иногда зовут его *иркутским искупителем* (оскопителем [1]). Теперь никто не может его видеть, говорят они, до грозного дня страшного суда, для совершения которого он вскоре явится. О невозможности теперь его видеть сказано было, говорят скопцы, и в св. писании: «не может кийждо видети на земли сына моего или тех, иже с ним суть, токмо во время дне», то есть когда придет

Он со страшным судом,
Со решеньем, со прощеньем,
Со небесными дарами,

когда взойдет в Москву и зазвонит в царь-колокол, что на колокольне Ивана Великого... Тогда пойдут за ним люди полки полками, и придет он в Петербург и, воззсев на царском престоле, сотворит страшный суд над всеми земными племенами. Тогда-то наступит нескончаемое царство Христа по духу, «тогда пройдут беды и долготерпение соберется, суд же един пребудет, истина станет, и вера возможет, и дело последовати будет, и мзда покажется, и правды воспрянут, и неправды не возобладают».

IV

Чем более было собираемо сведений о верованиях и обрядах хлыстов, тем более было находимо в них до того резких противоречий, что нельзя было не прийти к убеждению, что ересь людей божьих с течением времени распалась на многие разнообразные толки. Иначе и быть не могло в секте фанатической, где все зависит от повеления людей, пользующихся безусловной покорностью приверженцев и находящихся в восторженном состоянии, весьма недалеком от сумасшествия. Если квакерское учение, систематически изложенное и содержимое людьми более или менее образованными, распалось на секты, как же было не распасться нашей доморощенной хлыстовщине, содержимой преимущественно безграмотными мужиками и не имеющей не только систематического изложения, но даже ничего почти писанного? Пророк людей

---

[1] Некоторые хлысты говорят, что он находится в Турции.

божьих Василий Радаев (лично мне известный), после родоначальника скопцов Кондратья Селиванова, был едва ли не первым и не единственным хлыстовским писателем.

Никакой раскольничий толк не узнается с такими затруднениями, как ересь людей божьих и происшедшие из нее скопческая и лазаревщинская. Содержащие которое-либо из этих учений, вступая в ересь, дают страшные клятвы никогда никому не открывать ее таинств и скорее тело свое отдать на раздробление, чем постороннему человеку сообщить что-либо из слышанного или виденного в «корабле», собирающемся где-нибудь в глухом, уединенном месте, в час полуночный. Притом не всякий сектатор и допускается на все таинственные собрания, не всякому известно все относящееся до обрядов и верований его общины. Долго испытывают новобранца, пока наконец, уверившись, не начнут мало-помалу раскрывать пред ним таинственную завесу, под которой старшины общества тщательно стараются скрыть внутреннее устройство своего «корабля».

Представляю обозрение хлыстовской ереси без различия сект. Обозрение мое нестройно, в нем встретятся, может быть, и противоречия, но, представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения или ради избежания противоречий, что-либо переиначивать.

Говоря о тайных сектах, надо указать источники, на которых основываются представляемые публике сведения. Письменные источники перечислены в предисловии к этой статье, но мне приводилось изучать хлыстовскую и скопческую ереси не по одним бумагам. Я имел случай познакомиться с сектаторами лицом к лицу и притом в двояком положении: и в качестве лица официального и частным человеком, приобретшим до некоторой степени доверие некоторых из людей божьих. Первый раз я узнал хлыстов в 1850 году. Тогда были открыты они в селах Мотовилове и Волчихе, Арзамасского уезда. Я был тогда в Арзамасе, ревизуя городское хозяйство Нижегородской губернии по поручению министра внутренних дел. Желая поближе ознакомиться с хлыстами, испросил я у тогдашнего губернатора, князя М. А. Урусова, дозволение находиться при допросах, производимых в особой следственной комиссии. Тут я

имел возможность познакомиться с сочинениями *таинственно воскресшего* Василия Радаева, с его письмами к священнику села Мотовилова Минервину, имел случай говорить с самим Радаевым, тридцатипятилетним, красивой наружности крестьянином, выдававшим себя за вместилище святого духа, а также и с другими хлыстами. Радаев был в то время до того самообольщен, что писал к священнику Минервину: «Не можешь ты понимать премудрости св. духа, во мне находящегося, так призови меня к себе, давай беседовати сутки, мало — двое, трое». Глядя на Радаева, и покорные воле его ученики говорили не скрываясь. Но острог, это училище правоведения для простонародья, где на первых же порах объяснят туда попавшемуся, за какое преступление какое полагается наказание, и всякого научат, что самое верное средство (при старом судопроизводстве) для избежания наказания состоит в словах: «знать не знаю, ведать не ведаю»,— острог в короткое время научил Радаева и учеников его обратиться, говоря хлыстовским языком, в *древнее молчание*. Я успел, однако, поговорить с ними, пока еще они «разрешали уста», и обо всем виденном и слышанном вел подробные записки. Незадолго перед тем, именно в декабре 1849 года, была открыта хлыстовская ересь в Макарьевском уезде, Нижегородской губернии. Преосвященный нижегородский Иаков, получив об этом донесение перед самым отъездом своим в Петербург, послал для собрания сведений об этих сектаторах одно доверенное лицо, меня же просил составить из его показаний записку и прислать ее в Петербург. Но посланный воротился в Нижний, когда преосвященного уже не было на свете. Составленная записка осталась у меня. Впоследствии имел я случай покороче узнать некоторых лиц, принадлежавших к ересям хлыстовской и скопческой. Скопцы скрытны, но хлыст, если уверится, что беседующий с ним «в понятии состоит», как он выражается, бывает довольно откровенен. Вот каким образом удалось мне в продолжение многих лет проникнуть в некоторые «тайности» ересей хлыстовской и скопческой. Архивные бумаги и разные записки дополнили мой запас сведений [1].

---

[1] В то время, когда я занимался исследованиями о хлыстах и скопцах в России, не имея никакого понятия о хлыстах и скопцах заграничных, с сими последними находился в близких сноше-

V

Так назывемые «пророчествующие» или «созерцательные» ереси (хлысты, скопцы и другие) основаны на учении о *таинственной смерти и таинственном воскресении*. Под именем таинственной смерти они разумеют состояние полного бесстрастия и святости. Хлысты, составляющие первоначальный толк пророчествующих ересей, так излагают свое учение:

Назначение человека состоит в том, чтобы умереть, воскреснуть и сделаться ангелом, ибо все ангелы суть не что иное, как отжившие люди, сподобившиеся таинственного воскресения. Есть смерть о Адаме и есть смерть о Христе, есть мертвые о Адаме и есть мертвые о Христе. Смерть о Адаме есть последствие греха прародительского, исполнение божеского приговора над первым преступником: «Земля еси и в землю отыдеши». Смерть о Христе есть смерть таинственная, состоящая в умерщвлении своей воли, себялюбия и гордости, в умерщвлении плоти, в полнейшем бесстрастии и святости. За сею смертью следует «погребение о Христе», то есть отвлечение мыслей от всего внешнего и углубление в самого себя как в могилу. В тайнике всякой души есть «начаток духа божия», говорят хлысты, и если кто таинственно умрет и «спогребется Христу крещением в смерть», то есть по предуготовительном умерщвлении воли и плоти низойдет в самого себя, тот услышит в себе внутреннее слово духа божия, говорящее в нем, и в глубине души своей найдет царствие божие, которое «внутрь нас есть». Кто услышит в себе этот голос «внутреннего Евангелия», тот таинственно воскрес. С той минуты он делается «храмом божьим, и дух божий живет в нем», с той минуты он, «умерший (таинственно), оправдится от греха», сделается безгрешным, и тогда ему как «праведнику закон не лежит», тогда он «несть во плоти, но в дусе, понеже дух божий живет в нем» [1].

ниях В. И. Кельсиев, когда, оставив Герцена, жил он в Молдавии. В прошлом 1868 году г. Кельсиев был в Москве, и у нас с ним было немало разговоров о раскольниках, хлыстах и скопцах. Оказалось, что, не зная друг друга и исследуя хлыстовщину и скопчество в разных местностях, мы пришли совершенно к одним и тем же выводам.

[1] Так учила принадлежавшая к хлыстовщине и считающаяся основательницей секты «лазаревщина» Арина Лазаревна, настоя-

Вот основные начала учения «людей божьих», сходные с началами учения квакерского. Это-то учение, свободное от безобразной примеси изуверства, до которого дошли некоторые хлыстовские «корабли» (общины), и увлекает от времени до времени в хлыстовщину людей набожных и благочестивых, но недальних разумом, увлекает даже людей образованных, склонных к мистицизму, как, например, лет пятьдесят тому назад увлекло оно министра народного просвещения и обер-прокурора синода князя А. Н. Голицына, тайного советника В. М. Попова, Тургенева, генерала-от-инфантерии Головина с его женою, статского советника Пилецкого, князя Енгалычева, инженер-капитана Буксгевдена, коллежского асессора Родионова, камергера Еленского, баронессу Буксгевден, статскую советницу Татаринову, помещика Дубовицкого и многих лиц петербургского образованного общества. Но мистическое учение о таинственной смерти, перешедшее в толпу людей необразованных, большею частью даже неграмотных, поддерживаемое юродивыми

тельница Зеленогорской общины (в Нижегородском уезде), умершая в 1841 году (на самом деле первым проповедником этой секты, называемой также «фарисейскою» и «богомолами», был крестьянин деревни Черетева, Муромского уезда, Дмитрий Бодростин, умерший лет сорок тому назад). Арина Лазаревна была из Мордвы, ее считали святой. Слушать ее пророчества и за советами приезжали к ней многие православные, и она успевала увлекать за собой не только крестьян, но даже некоторых лиц из дворянства и духовенства. Советник нижегородского губернского правления Ларионов, помощник управляющего удельной конторы Виноградов, благочинный села Ревезени священник Афанасий и архиерейский духовник инок Дамаскин в конце тридцатых годов сделались последователями учения Арины Лазаревны. Из них благочинный до такой степени уверовал в святость ее воли, что когда она, умирая, завещала гроб со своим телом вынести из кельи не в дверь, а в окошко, он в ризах полез пред гробом в окно, но, будучи тучен, завяз. В 1842 году, уже по смерти Арины Лазаревны, секта была открыта. Учение ее изложено в особой рукописи. Последователи этой секты не верят в христов и в иркутского искупителя. Они не признают и того, что в таинственно воскресшего вселяется сам бог, но говорят, что такой человек озаряется особенной благодатью божьей, которая дарует ему силу творить чудеса и пророчествовать, но что эта благодать тотчас же оставляет человека, как скоро он подвергнется греху, особенно же если он нарушит целомудрие. Верования их о бесплотных духах такие же, как и у хлыстов; они говорят, что ангелы не были сотворены бесплотными, но суть души отживших людей (то же говорит и шведский мистик и духовидец Сведенборг). Ангелы — души людей праведных, дьяволы — души людей грешных, и те и другие имеют сношения с здешним миром.

и блаженными, содержимое изуверами и суеверами, не могло не усвоить диких форм бешеного фанатизма, противных истинной религии, здравому смыслу и доброй нравственности.

Для объяснения чудовищности ереси «людей божьих» достаточно изобразить *таинственно-воскресшего пророка*, этой степени, к достижению которой стремится все принадлежащее к так называемым пророчествующим ересям.

Таинственно воскресший, взамен умерщвленной им воли, получает волю божественную. В него вселяется святой дух, и с этой минуты, что он ни делает, что ни говорит, не он делает, не он говорит, но сам живущий в нем бог. Поэтому все веления такого человека исполняются прочими с безусловной покорностью, со слепой верой, как веления самого бога. Если он, как это часто бывает у хлыстов, дурачится, прикидывается юродивым, во всех его дурачествах, во всех его соблазнах видят какую-то особенную премудрость божию, которая хотя не умершим еще о Христе и непонятна, но во всяком случае требует благоговейного подражания и исполнения,

---

Как на земле люди двух полов, так и ангелы и дьяволы двух полов. Ангел женского пола есть тайная милостыня, дьяволы женского пола приносят людям болезни, старшая из них Иродиада, падчерица царя Ирода, наносит самые мучительные лихорадки. Православную церковь последователи лазаревщины, так же как скопцы и хлысты, признают *внешней*, а свою — внутренней или *апостольской*. Для спасения нужно пребывать и в той и в другой, говорят последователи Арины Лазаревны. Милостыни должны быть непременно тайными. Позволительно украсть у богатого, чтобы помочь бедняку. На беседах *внутренней* церкви последователи Арины Лазаревны читают и толкуют книги духовного содержания, поют псалмы, читают поучения и, приходя в исступленное состояние (без плясок или радений), пророчествуют и рассказывают про разные видения. О таинственной смерти и таинственном воскресении думают одинаково с хлыстами. Из дела об арзамасских хлыстах видна связь с ними Арины Лазаревны. Пророк Никифор Майданский показал: «Благочинный села Ревезени отец Афанасий и Арина Лазаревна еще прежде Радаева делали мне такие же наставления. Учение Арины Лазаревны состояло в учении о тайной милостыне, она говорила, что это ангел женского пола. Она (Арина Лазаревна) показывала мне семь небес, на которые восходит тайная милостыня через трубочку. Арина Лазаревна учила и тому, что явная милостыня до бога не доходит, и что в случае неимения чего подать, должно украсть у богатого и подать. Вследствие сих учений сделалось доступно и мне видеть эти небеса и трубочку, через которую доходит тайная милостыня». Никифор Майданский был на похоронах Арины Лазаревны и тоже лез за нею в окошко.

«зане буее божие — премудрее человек есть». Делает таинственно воскресший пророк самый безнравственный поступок, противный правилам самой ереси, и в таком случае смотрят на него с благоговением, и в таком случае в поступке его видят особые, неведомые простому смертному тайны божественного смотрения. «Хотя Радаев и прелюбодей,— говорили арзамасские хлысты при допросах,— но от того соблазна другим не бывало, ибо он в этот грех впадал не по своей воле, а по воле святого духа». Велит он сделать преступление, какого бы рода оно ни было, без размышления оно совершается, как повеление самого бога. Никто не смеет подумать, что совершено преступление, ибо не пророк повелел совершить его, а сам бог, не преступление совершено, но исполнена святая воля божья.

Состояние таинственно воскресшего, по понятиям хлыстов, исполнено высочайшей степени блаженства, так что ни на земле, ни на небесах нет ничего ему подобного. Но, как вместивший в себя духа святого и сделавшийся богочеловеком, наслаждается тем блаженством, которым наслаждается само божество; сила его равна силе самого бога. «Если бы послали меня во ад,— писал Радаев: — и там никакая сила не может меня коснуться, хотя бы и в рай, и там больше радости не встречу». Эта сила всемогущества, которую получает таинственно воскресший, не знает никаких преград и препон, для нее нет ничего невозможного. «Душа моя поставлена в состояние апостольское,— говорил Радаев в письме своем к священнику Минервину,— заменяет место Христово; сия-то душа наделяется властию столь великою, что и поверить вам даже сомнительно, потому что она творит то же, что и Христос. Я могу свидетельствовать о себе, и свидетельство мое истинно есть». Он творит чудеса и предсказывает будущее посредством живущего в нем духа. Он проникает своим взором в седьмое небо. Он влечет к себе людей не только словом, но и таинственной силой, ему данной. На людей он низводит дух святой и по своему усмотрению одному дает златые венцы, другого вселяет в небесный горный Иерусалим, третьего делает серафимом и дает ему шесть огненных крыл. Он властен возводить души из ада в рай, и когда придет из Иркутска искупитель со страшным судом, таинственно воскресший раздвинет всех близких к нему, сядет

подле Христа и станет судить свой «корабль», кого куда. Земной власти над ним не существует. «Дух святой,— писал Радаев,— поставил меня выше всякого начала и власти» [1]. Как будто истинный богочеловек, он, входя в православную церковь, изгоняет оттуда тех, которые, по его мнению, недостойны стоять пред богом. Все правители, все цари земные — рабы его. Не он подлежит их суду, но они его, ибо он бог, а они его создания. Этого мало, даже на небе нет над ним власти. «Бог на меня не гневается,— писал Радаев,— я все равно как верный и любимый сын, уже исполнивший волю отца и за то имеющий во всем свою волю. На мне отец уже взыскать ничего не хочет, да и не может».

Таково состояние таинственно воскресшего. Непогрешимость папы, божественность далай-ламы, хутухт и хубильханов ничто в сравнении с непогрешимостью и божественностью хлыстовского или скопческого христа или пророка! Это нечто вроде «старца горы», начальника секты ассасинов, бывших в Сирии во времена крестовых походов. Если бы кормчий какого-нибудь «корабля», в припадке бешеного самообольщения, вздумал отринуть все доселе содержимые хлыстами правила и самые пророчества, сейчас на радениях сказанные, самую так называемую «книгу животную», сказав, что все это больше не спасительно, ученики его в ту же минуту признали бы это за «волю божью».

Такова власть, находящаяся в руках «кормщиков» хлыстовских и скопческих кораблей. Так беспредельна покорность пред ними верующих в божественность их духа. Было бы излишне доказывать, что такие сектаторы не могут быть терпимы в государстве благоустроенном.

Вся цель людей, принадлежащих к пророчествующим сектам, состоит в достижении апотеозы таинственно воскресшего: каждый хлыст, каждый скопец стремится к тому, чтобы еще в здешнем мире сподобиться таинственного воскресения, но если кто из них не достигает на

[1] Радаев говорил своим односельчанам: «Я имею власть вязать и решать, возводить грешныя души из ада и давать им царство небесное, и если вы попросите меня придти на кладбище и поклонитесь всем селом, то всех покойников, во аде находящихся, введу в царство небесное, а когда настанет страшный суд, то я раздвину всех близких ко Христу, сяду около него и стану судить вас, то есть собранных на радении, кого куда». Показания хлыста Лобанова и других в «Следственном деле об арзамасских хлыстах».

земле такого состояния, тот умирает в полной надежде на будущее блаженство. Скопец и хлыст верят, что телесная смерть есть освобождение «духовного тела из тела душевного, этих риз кожаных», в которые облек бог Адама, в наказание за его гордость, и которые в сей жизни надобно поэтому умерщвлять смирением, постом, целомудрием, оскоплением. Как скоро человек освободится от этих оков, он в душевном теле, еще не воскресший, является уже «в сонме людей божьих», которых собирает иркутский христос отец-искупитель на Востоке. Таким образом, по смерти он переходит в состояние «умерших о Христе», которые, так же, как и здесь, составляют на небе «круги» или «корабли» и совершают такие же, как и здесь, радения. Эти круги называются «восточным сонмом», или «дольними небесами». Воскресшие таинственно здесь, после телесной смерти, не идут с умершими о Христе в «дольния небеса», но тела их духовные переносятся прямо в высшие селения блаженства, на седьмое небо, где они составляют свои «круги», в которых также производятся радения. Это те самые «небесные круги», говорят хлысты, с которых для благовещения деве Марии слетел архангел Гавриил. Эти круги населены ангелами, то есть хлыстами, в земной жизни своей таинственно воскресшими после таинственной смерти [1].

---

[1] Понятия арзамасских хлыстов об ангелах заимствованы из лжеучения лазаревщины, утверждающей, будто ангелы суть души отживших людей, сподобившихся на земле таинственного воскресения. Радаев, при разговорах со мной в 1850 году, говорил, что ангелы на небесах совершают радения, но без телодвижений, ибо дрожь и корчи происходят от совершающейся внутри пророка борьбы св. духа с темными силами, которым на небеса доступу нет, оттого там и радеют без дрожи и без корчи, но сидят или лежат. В здешнем свете «на кругах» учат простых людей таинственно воскресшие, а на небесах таинственно воскресших, то есть ангелов, поучает сам Христос. На вопрос: сколько же там кругов, Радаев сказал: «счету нет», а когда, желая навести его на разговор об Иване Тимофеевиче, о Лупкине и других христах, я спросил: «Как же Христос успевает на всех кругах бывать»,— Радаев отвечал: «Много там христов-то». Не знал ли о Суслове и других хлыстовских христах Радаев, не хотел ли говорить о них, но всегда уклонялся он от разговоров, если они касались этого предмета. Только один раз проговорился он об иркутском искупителе, и то уже в 1852 году. В августе этого года был я у него в тюрьме и на вопрос: «что, скучно в остроге?» — Радаев отвечал: «Что делать? Держут вот третий год,— и потом сквозь зубы, тоном угрозы, примолвил:— Когда Петр придет, что скажут». «Про какого Петра го-

Скоро, думают хлысты и скопцы, наступит время торжества людей божьих. Раздастся глас архангела, воскликнет к людям божьим христос Иван Тимофеевич [1]. Вслед за гласом его раздастся «труба божья». Величиной та труба от земли до седьмого неба, затрубит в нее сам «господь Саваоф» Данила Филиппович. И снидет с кругов небесных на дольние небеса — в восточный сонм людей божьих — отец-искупитель иркутский Петр Федорович. И все жители дольних небес, то есть «мертвии о Христе» (хлысты и скопцы), еще не достигшие на земле таинственного воскресения, в это время воскреснут. Тогда дольние небеса, теперь нами видимые и собственно для жилища «мертвых о Христе» созданные, как более ненужные, распадутся, над землей же явится «небо ново», и сама земля обновится, и пойдет отец-искупитель с умершими о Христе и теперь воскресшими от восток солнца до запада и навстречу ему, по воздуху, на облаках полетят все хлысты и скопцы, еще в живых на земле оставшиеся. И придет отец-искупитель в Москву и зазвонит в царь-колокол. По этому «третьему гласу» [2] пойдут с отцом-искупителем в Петербург люди полки полками, а с небес слетит вся сила небесная, то есть все в земной жизни таинственно воскресшие. И сядет сила небесная кругом отца-искупителя, и каждый ангел начнет судить корабль, в котором, живши на земле, был кормщиком. Затем начнется общий страшный суд над всеми мертвыми о Адаме, то есть не хлыстами и не скопцами, после чего настанет блаженное царство людей божьих: «пройдут беды, и долготерпение соберется, суд же един пребудет, истина станет, и вера возможет, и дело последовати будет, и мзда покажется, и правды воспрянут, и неправды не возобладают».

Таковы верования хлыстов и происшедших от них скопцов относительно будущей жизни, таковы надежды их на жизнь загробную. Конечно, ни одно человеческое

воришь ты?» — спросил я его.— «Нет, это я про приятеля одного вспоминаю,— сказал Радаев,— про Петра из Крутого Майдана (село Арзамасского уезда); ушел на золотые прииски, так и не знаю, воротился или нет». И затем ни слова не отвечал на мои вопросы.

[1] То есть Суслов, первый Христос людей божьих, а теперь «пророк над пророками в кругах небесных», как говорят хлысты.

[2] Первый глас — глас архангела, второй — труба божья, третий — звон царь-колокола.

верование не представляет своим последователям столь обольстительных надежд, столь полного торжества в будущем. Не одни таинственно воскресшие, всякий вошедший в общество «людей божьих», всякий наконец оскопившийся имеет полную уверенность в неотъемлемом блаженстве, его ожидающем. Ничто не ограничивает его в здешней жизни, он не боится осуждения в будущей, не страшится правосудия небесного. В фанатическом ослеплении хлыст или скопец принимает слова исступленных изуверов за волю божью, и нет закона, нет правила, которые бы удержали житейскую нравственность его в постоянных и непреложных границах.

VI

Условия, при которых, по учению хлыстов, человек может достигнуть таинственного воскресения, состоят: а) в самоотвержении, преданности и уничижении, б) в погребении самого себя и в) в умерщвлении плоти.

Самоотвержение, преданность и уничижение составляют главнейшее правило людей божьих. Радаев, указывая на себя, говорил ученикам своим: «и вы того достигнуть можете, и будете то же, что и я, пройдите лишь все степени самоотвержения, преданности и уничижения». Поэтому хлысты, безусловно, подчиняют волю свою воле таинственно воскресших, думая, что подчиняются самому богу, пребывающему с ними в лице тех людей. Они до такой степени послушны своим «кормщикам», что невозможно представить подчинение другому лицу, которое бы превосходило подчинение им людей божьих или скопцов. «Иди за мной,— говорит Радаев,— и куда я пошлю, и велю что делать, делай без размышлений, что требую от твоей собственности — без жаления подавай, и отнюдь своей воли не смей иметь, ты не должен ничего делать без моей воли и без моего благословения». Если таинственно воскресший велит ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишить жизни, хлыст или скопец исполнит это без думы, без сожаления, и никогда не придет ему в голову, что он совершил преступление; он останется в полной уверенности, что исполнил святую волю самого господа. Что хлыстовские и скопческие старшины отдают такие повеления, может служить доказательством показание пророка Никифора

Майданского, который при допросе говорил, что он свято исполняет повеление Арины Лазаревны, объявившей ему, что явная милостыня до бога не доходит, а только одна тайная, и что если для сотворения тайной милостыни нет у него ничего, то должен он украсть у богатого и подать нищему тайно. Чистота и безбрачие составляют, по понятиям хлыстов, самую высокую добродетель, без которой нельзя достигнуть таинственного воскресения. Чистота и безбрачие заповеданы самим «Саваофом» Данилой Филипповичем, но если пророк велит нарушить чистоту, это исполнится, как веление бога. Так, Радаев в посланиях своих хотя и завещал «хранить чистоту яко зеницу ока», хотя на беседах беспрестанно твердил: «пребудьте в чистоте, так велит бог», но иногда с последним звуком подобных речей обращался к шестнадцатилетней ученице, говоря: «не я, но дух святой велит тебе идти со мною», и девушка, без стыда, без размышления, спешила повиноваться, с глубоким убеждением, что она исполняет волю божью, что она обязана исполнить ее. По произведенному следствию оказалось, что Радаев был в связи с тринадцатью женщинами и девушками. Все эти женщины единогласно показали при допросах: «сказал он мне, что это надо сделать по воле божьей, а не по его, ибо в нем своей воли нет, чему веруя, я согласилась». Радаев не отрекся в этом пред судом. «Я делаю это,— сказал он пред следственной комиссией,— не по своей воле, а по воле святого духа, во мне действующего». По учению хлыстов и скопцов, самый тяжкий грех — гордость, уничижение же себя телом и духом составляет первейшее условие для достижения таинственного воскресения [1]. На этом основании Радаев учил, что самое целомудрие девицы или чистая жизнь вдовы не что иное, как смертный грех гордыни, что девушка не должна хранить девства, дабы не было ей чем гордиться пред потерявшими себя подругами.

Другое условие для достижения таинственного воскресения состоит в отвлечении мыслей от всего внешнего. В каждом человеке, говорят хлысты и скопцы, есть

---

[1] Священник Иван Сергеев в своем «Изъяснении раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина» говорит, что учители хлыстовские на беседах дают иногда друг другу оплеухи. Получившие ее подставляют другую щеку, и кто терпеливее сносит заушения, тому приписывается больше святости.

царствие божье, то есть откровение бога, «внутреннее Евангелие», по выражению Радаева. Нисходи в самого себя, опускайся в самого себя как в могилу, то есть «спогребайся Христу крещением в смерть», и ты услышишь говорящий в тебе дух божий, говорят люди божьи. Когда заговорит внутри тебя этот голос духа божья, ты таинственно воскрес.

Третье условие, необходимое, по учению ереси людей божьих и скопческой, для достижения таинственного воскресения, состоит в умерщвлении плоти. В доказательство тому они приводят слова апостола: «да упразднится тело греховное, да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле во еже послушати его в похотех его, аще ли духом деяния плотские умерщвляете — живы будете», то есть таинственно воскреснете,— прибавляют они. Образ умерщвления плоти у хлыстов различен: одни держат строгие посты во дни, определенные православной церковью, и даже прибавляют к ним еженедельный пост по понедельникам; другие, говоря, что «брашно не поставляет нас пред богом», совершенно отвергают постничество в определенные дни; некоторые хлысты едят всякую пищу, кроме мясной, без разбора, но в малом лишь количестве, другие питаются только хлебом, рыбой и медом, как яствами, об употреблении которых Иисусом Христом говорится в Евангелии. Вообще собранные в разных губерниях сведения об умерщвлении хлыстами плоти, особенно же в постах, до такой степени разнообразны, что нет возможности определить, каждый ли «корабль», каждый ли даже сектатор держится особенных правил, или же постепенно переходит от одной степени воздержания к другой, подобно тому, как они, по словам Радаева, должны переходить различные степени самоотвержения, преданности и уничижения. Вероятнее всего, что правила последователей ереси людей божьих, до умерщвления плоти относящиеся, зависят от повеления таинственно воскресших, которые в одном корабле повелевают одно, в другом — другое. В большей части кораблей хлыстовских и у всех белых голубей возбранено употребление мяса, вина, пива и табаку.

Безбрачие и чистота составляют непременное условие нравственности хлыстов. Вступающий в их секту, если женат, должен прекратить супружеские отношения с же-

ной. Гласного расторжения брака при этом не бывает; живя в одном доме и одним хозяйством, супруги должны жить в братском согласии, но не более. Вообще собранные в разных губерниях сведения о безбрачии и чистоте хлыстов оказываются до крайности противоречивыми. Хлысты представляются то достигшими высшей степени бесстрастия, то предающимися иногда грубому развращению; то поставляющими себе в главную заслугу сохраняемое целомудрие, то признающими, что сохранение девства есть смертный грех, равный гордости. Все эти противоречия можно объяснить лишь тем, что каждый корабль людей божьих держится правил, предписываемых кормщиком, и что повеления сих исступленных людей не подлежат никаким обязательным для них правилам или уставам.

Каким образом происходит таинственное воскресение, Радаев в показании, данном следственной комиссии, рассказывает так: «Сначала я сомневался, не ошибочно ли я думаю, что во мне дух божий, полно, не вражий ли, но когда в сердце моем сказал дух: «молись божьей матери», и я исполнил, молившись целую неделю, то дух святой стал мною «водить», и когда случалось, что противился я духу, за это страдал недель по шести... Я стал жить в келье — в лесу, на пчельнике, куда перетаскал и книги свои,— вдруг меня сильно двинуло и стало захватывать дыхание, и стал я умирать таинственно. После того ходил я исповедываться к священнику, но дух к причастию меня не допустил. Я сделался болен, а потом через неделю почувствовал в себе духа божья, говорящего: «вставай, иди причащаться». Я встал и был весь здрав, но воли своей во мне уже не было. Я причастился и ободрился, начало меня «гонять» и «водить» духом божьим. С тех пор своей воли не имею, во всем во мне действует святой дух».

Достигший таинственного воскресения делается учителем своей общины и получает звание «кормщика корабля» [1]. Власть его безгранична, самые безнравственные поступки его объясняются, как сказано выше, не иначе как таинственной волей самого бога. Сомневаться

[1] Пророк Никифор Майданский в показании своем сказал: «каждое общество (хлыстовское) имеет значение корабля, а на нашем золотом корабле кормщиком Василий (Радаев), который и на меня низвел святой дух».

в святости кормщика все равно, что сомневаться в святости и всемогуществе бога [1]. Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нередко в самом деле оказываются страдающими черной немочью или падучей болезнью [2]. Под такой личиной они почти всегда остаются незаметными как для полиции, так и для духовенства, народ же обыкновенно считает их так называемыми блаженными.

VII

До сих пор мы представляли на первом плане арзамасского учителя хлыстов Василия Максимовича Радаева, замечательного особенно тем, что после него осталось письменное изложение его верований. Обратимся теперь к современникам его — христам Тамбовской губернии: отцу и сыну Копыловым, Немцову и другим.

Хлыстовщина в Тамбовской губернии была распространена в прошлом XVIII столетии, тогда она особенно была распространена в нынешних уездах Моршанском, Кирсановском, Борисоглебском, Усманском и Там-

---

[1] Так хлыст Федор Матрешкин о Радаеве показал: «та женщина, которая, по-видимому, с ним (Радаевым) поступает хуже, лучше поступает для души своей». Сам Радаев пишет в своем послании: «С которой я, по-видимому, хуже поступаю, та лучше устоит, потому что я сам за нее молиться стану; которая же опасается и бережется — не устоит. О, сколь велико безумие делают те, которые себя берегут! Разве он умнее бога? Коль себе великий убыток делают и душам: ведь это оне бога безрассудным почитают; не верят богу. Человек бренный учит бога, как его спасати! О, слепости! О, безумие! Ты ли умнее бога? Его рассуждаеши и его уставляеши, как тебя спасати? Его поступок самый скверный лучше твоей чистоты в миллион раз. Бог-то во едины сутки устроит в такую степень святости, что ты своими добрыми делами в двадцать лет до того не достигнешь. О, маловеры!»

[2] Василий Радаев в своем показании говорит: «с Никифором Майданским случается то же самое, что и со мною, только он прикидывается больше меня дурящим». Из сообщения священника Минервина г. Хотяинцову видно, что арзамасские хлысты по взятии Радаева под стражу стали юродствовать. «И столько сильны действия его (Радаева) обольщения,— говорит священник Минервин,— что оными пораженное сердце впадает в крепкое страдание тоски, и не могут они с ним переносить разлуки, в особенности же женский пол. Если они удерживаются страхом наказания или какой бы то ни было строгостью воспрещения от свидания с ним, то впадают в какое-то безумие и начинают юродствовать».

бовском. Вообще ни в одной из русских губерний нет столько хлыстов, как в Тамбовской и Орловской губерниях. В этих же губерниях была и колыбель секты белых голубей.

В начале нынешнего столетия в селе Перевозе, Кирсановского уезда, явился христос людей божьих Аввакум Иванович Копылов. В сороковых годах он был уже стариком. Был он вдовец и жил в особой келье на усадьбе сыновей своих. Церковную печать читал Аввакум Копылов хорошо и все свое время посвящал чтению духовных книг и молитве. Вместе с тем он беспрерывно постился. Однажды, еще в молодости его, рассказывали тамбовские хлысты на следствии после сорокадневного поста, в течение которого Копылов не ел ни крошки хлеба и даже не пил воды, поддерживая себя одной молитвой, он был взят на седьмое небо двумя ангелами, оставившими плоть его на земле, а душу представившими к богу. Таким образом был он взят на седьмое небо живым. На седьмом небе Аввакум говорил с богом из уст в уста, и был о нем глас от бога: «сей есть сын мой возлюбленный, о нем же благоволите». В беседе этой бог повелел Аввакуму доходить по книгам (то есть священным) о том, как избавиться от греха и как спасать душу, а потом научить сему и ближних своих. Возвратясь с седьмого неба на землю, Аввакум отправляется будто бы к тогдашнему тамбовскому преосвященному Афанасию, которому рассказал про свою жизнь и про бывшее ему видение. Преосвященный Афанасий, выслушав Аввакума, сказал будто бы, что это очень хорошо, и что ему самому было подобное видение, что и он получил частицу благодати божьей; но впоследствии не соблюл по жизни, и та благодать от него отпала. Для облегчения же Аввакуму пути к собственному и ближних его спасению, епископ Афанасий подарил будто бы ему две книги, одну: «О истинных каждого христианина должностях», соч. св. Тихона Задонского, а другую «Чиновник», по которому архиереи служат обедню. В последователях Аввакум Иванович недостатка не имел, учение его в течение двадцати лет распространилось по уездам: Кирсановскому, Тамбовскому и Борисоглебскому — Тамбовской, Аткарскому — Саратовской, Ростовскому — Екатеринославской и Бузулукскому — Самарской губер-

ний. Первой последовательницей его была подвизавшаяся с ним вместе в постах и молитвах крестьянка того же села Перевоза, Татьяна Макарова Черносвитова, по народному прозванию Ремизова. Она, по рассказам тамбовских хлыстов, хотя и не удостоилась быть взятой на небо, но после сорокадневного поста получила благодать святого духа: не зная до того грамоте, вдруг начала пророчествовать, читать священное писание и обличать людей в скрытых грехах и тайных помышлениях. Спустя почти двадцать лет после видения, бывшего Копылову, слух об его рассказах и о пророчествах Ремизовой дошел до сведения начальства; их призвали к следствию, и они объявили себя на суде посланниками бога и рассказали, что с ними было. В кирсановском тюремном замке Аввакум Копылов умер, а Ремизова отправлена была на поселение.

После смерти Аввакума, случившейся в самое светлое воскресенье, и ссылки Татьяны, последователи их, видя в них мучеников за истинную веру, еще сильнее привязались к проповеданному ими хлыстовскому учению. Они стали всех уверять, что преосвященный Афанасий будто бы дал Копылову охранную грамоту к земским властям и духовенству, которою приказывал Аввакума и последователей его не тревожить и в постнической жизни не стеснять; но что когда начались гонения от земских и духовных властей, то Аввакум будто бы изорвал эту грамоту, говоря: «все святые за веру терпели, и мне, святому, надо пострадать с ними наравне».

Незадолго до арестования Аввакума родной сын его Филипп Копылов (который, как показывали сами хлысты, вел дотоле жизнь разгульную, предаваясь пьянству), вместе с таким же гулякой крестьянином села Перевоза, Перфилом Петровичем Кутасоновым, последовал учению отца своего. Невзирая на прежнюю жизнь Филиппа и Перфила, и они вскоре удостоились будто бы особой благодати святого духа, а Филипп, по преемству от отца, по смерти его сделался главой собранного им корабля. И Филипп Копылов и Кутасонов знали грамоте; первый из них научился самоучкой. Кутасонов, бывший в работниках у Копыловых, захотел по примеру их сделаться главою корабля и завел с Филиппом споры о каких-то правилах своей веры. Следствием этих

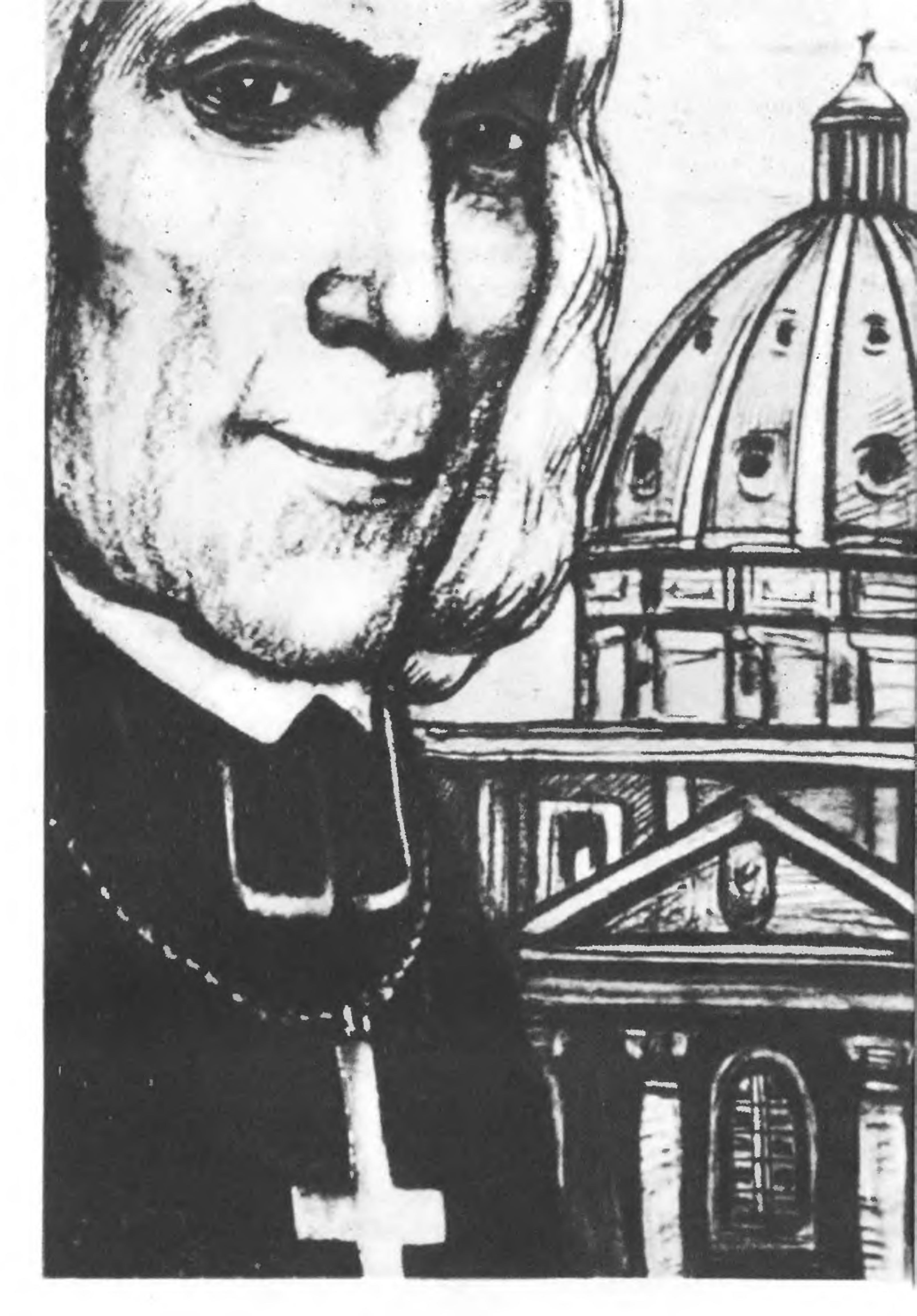
споров было разделение хлыстов села Перевоза на два корабля. При Филиппе место богородицы Татьяны заменила теща его, крестьянка села Перевоза, Меланья Захаровна Хованская; она пророчествовала, обличала людей в грехах и сокровенных мыслях, и на нее смотрели как на мученицу, потому что ее муж бил и истязал ее всячески. Но богородица Меланья вскоре привлекла к своей секте мужа и старшего своего сына Фому. Отец и сын Хованские переселились в Бузулукский уезд, Самарской губернии (в деревню Андреевку), оставив богородицу Меланью в Перевозе. В Самарской губернии они распространили хлыстовское учение, известное там более под названием «монтанской секты».

В корабле Перфила богородицей и пророчицей явилась крестьянка Тамбовского уезда, села Туголукова, Лукерья Астаховна Камбарова, а пророком — крестьянин Тамбовского уезда, деревни Афанасьевки, Ефим Кузьмин. Им обоим, как и Аввакуму, были посланы, по сказанию хлыстов, от бога разные видения. Лукерье, как сама она показала на допросе, было видение во время припадка, нередко случавшегося с женщинами, известными в народе под именем «кликуш», к каким и она принадлежала. По рассказам хлыстов, она в это время тоже была взята к богу на седьмое небо, а потом неизвестные ей существа показывали ей муки грешников в аду и водили ее по раскаленным плитам. Тут бог обещал ей за святую и чистую жизнь вечное блаженство в будущей жизни. Пастух Ефим Кузьмин не был взят на небо, но, пася овец, видал неоднократно небо отверстым и слыхал ангелов, поющих что-то вроде псалмов. И Лукерье и Ефиму было дано от бога творить все, что творили богородицы Татьяна Ремизова и Меланья Хованская.

Такими же главами особых кораблей, отделившихся от единого Аввакумова корабля, и христами были: в деревне Березовке[1] Василий Лукьянович Манаенков, а в селе Уварове Софрон Иванович Немцов. При Манаенкове были три пророка: Федор Наумович Нехорошев, Карп Григорьевич Милосердов и Алексей Алексе-

---

[1] Выселок села Уварова, Борисоглебского уезда.

«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ». (Гл. XXIII)

«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ». (Гл. XXVII)

свич Осипов. У Софрона Немцова пророком был сын его Меркул. По смерти христа Филиппа Копылова и богородицы Меланьи корабль их вместе с кораблями Манаенкова и Немцова поступил над начало жены Филипповой, богородицы Анисьи Ивановой Копыловой, при которой пророчицей состояла крестьянка села Ржаксы, Кирсановского уезда, Мавра Галактионовна Немцова.

Учение Аввакума Копылова состояло в следующем: все обыкновенные православные христиане живут по вере ветхого Адама и суть дети ветхого рождения; человек во грехе зачинается и во грехе рождается для избавления от греха надо отрешиться от мира, что достигается постом, молитвой и удалением от женщин. Сообщение с женщинами, по учению Аввакума Копылова и по мнению всех хлыстов, самый тяжкий из всех грехов. Запрещается есть мясо, рыбу, лук, чеснок, картофель и пить вино, «в нем же есть блуд», по словам апостола Павла. Запрещается ходить на игрища, ругаться скверными словами, а женщинам не позволяется носить нарядов и украшений, для скромности же повелевается им повязывать платки на голове как можно ниже на глаза. Кто все это соблюдает во всей строгости, тот не только достигнет в будущей жизни вечного блаженства, но и здесь на земле сподобится благодати святого духа и даже удостоится сделаться сыном или дщерью божьею, равными Иисусу Христу и пречистой деве Марии. Сказано (?), говорят тамбовские хлысты, в писании, «кто от кого рожден, тот того именем и называется»; мы же все родились через отречение от греха к новой жизни, обновились духом, а потому и стали обновленными и первенствующими христианами, рожденными от бога-слова, от Христа, который сам есть воплощенное слово божье. Сказано также в писании, говорят они: «кто заповеди мои соблюдает и пути мои сохраняет, тот во мне пребывает, и аз в нем». Оттого, продолжают они, все строго исполняющие заповеди нашей веры удостоиваются вселения в них бога-слова и святого духа. Мужчины, удостоившиеся сего, суть христы, женщины — богородицы. В Тамбовской губернии удостоивались от хлыстов божеского почитания и поклонения: сам Аввакум и сын его Филипп Копылов, Софрон Немцов, Василий Манаенков и Перфил

Кутасонов Богородицами и пророчицами были Татьяна Ремизова, Меланья Хованская, ее дочь (жена Филиппа Копылова) Анисья Иванова и Лукерья Камбарова.

Власть хлыстов и богородиц только духовная: они отпускают грехи, разрешают принятие в общину новых лиц и совершают разные обряды. Все сектанты составляют один союз братьев и сестер, в котором заповедуется почитать себя друг другу равными, жить в тесной братской любви и помогать друг другу во всех нуждах. .На основании учения Аввакума Копылова, сказавшего, что можно спастись только по образу жизни, им заповеданному, тамбовские хлысты утверждают, что все находящиеся вне их союза, то есть все не-хлысты, погибнут в вечных муках. На том же основании они не признают ни православного духовенства, ни святости таинств, ими совершаемых. «Мы почитаем священников, как богословов,— говорят они,— но примеру жизни их следовать не можем, потому что они имеют жен и рождают детей. Ежели бы священники жили как должно, они были бы столпами церкви и солью земли, чего на деле нет. Священники пьют вино, а в вине блуд, священники едят мясо, а оно рождает похоти. Поэтому священник и не может отпустить грехов и в благословении своем передать духа святого, ибо сам его лишен». Хлысты своими обрядами заменили церковные таинства, не гнушаясь, впрочем, ими и видя в них напоминания божественного учения, только пользы от них для души не предполагают. Ходят они постоянно в церковь и священников ко всем требам православной веры призывают, так повелел христос Аввакум Копылов, дабы строго сохранить свою веру в тайне, ибо еще не пришли времена торжества ее, говорят хлысты, но со временем она восторжествует. Для сохранения этой веры Аввакум завещал ученикам своим терпеливо сносить гонения и муки, так как истинная вера их должна быть гонима до скончания века. Заменяются таинства православной церкви в секте Аввакума Копылова следующим образом: крещение совершается не при рождении, а в совершенные годы, когда человек через пост и молитву достигнет благодати святого духа и таким образом крестится духом. Другое же крещение, совершаемое над ним в то же время, есть телесное или плотское. Совершается оно посредством поставления образа на голову

и поливания водой без всяких особых молитв[1]. Таинство евхаристии изображается у них раздачей хлеба и воды; хлеб изображает слово божье, вода — слезы кающихся грешников. Покаяние совершают они пред своими христами, богородицами и пророками по нескольку раз в год, на основании повеления христа Аввакума, сказавшего: «первенствующему христианину надлежит приносить покаяние еженедельно, а внешнему мирянину (то есть не-хлысту) только один раз в году». Так как они считают себя первенствующими христианами, то и каются как можно чаще. Все эти таинства совершаются на собраниях христами, богородицами или пророками. На тех же собраниях бывают у них: плач о грехах, поклонение в ноги христу и богородице, а равно и друг другу, смирения ради. Грехов на собрании таить нельзя, ибо пророки изобличают их. Эти же пророки на собраниях предсказывают будущее, читают писание, не зная грамоте, «по гласу», как они выражаются, творят и другие чудеса, например, кладут образа, кому в ноги, кому на голову, кому к сердцу, означая тем, кто как почитает бога; одевают некоторых из присутствующих в особую одежду, иных в светлую и новую, других в дрянную и ветхую, означая тем, как кто одет, так у того и душа украшена добродетелями или помрачена пороками. Надевают также некоторым из присутствующих на голову венки из соломы или из ветвей, означая тем избранных и венчанных постников. Все эти обряды совершаются, как сказано, христами, богородицами и пророками; особых молитв при этом не читается. Писанного устава или закона у хлыстов нет. Пляски и кружения, или, как называют их тамбовские хлысты, «хождения», ввел христос Филипп Копылов, при отце его не кружились. Хлысты уверяют, что эти хождения делаются невольно, от какой-то неизъяснимой радости, бывающей после усиленных постов. Пляска эта продолжается нередко до тех пор, пока от усталости не взмокнут рубахи, которые тогда скидают и пляшут нагими до упада. Сектанты называют себя «богомолами», «постниками», «обновленными» и «первенствующими христианами».

---

[1] В других кораблях, сколько нам известно, водного крещения у хлыстов вовсе не бывает.

VIII

Хлысты и скопцы, как было уже сказано, наружно исполняют все обряды православной церкви, ходят часто в церковь, исповедуются, причащаются и слывут за самых благочестивых людей. Привлекаемых в свою ересь они сначала в продолжение некоторого времени держат в полной уверенности, что они истинные православные христиане. «Попы нас не поучают, так надо самим книги читать»,— говорят они соблазняемым и сначала учат их: непрестанно творить молитву Иисусу, ходить как можно чаще в церковь, чтить православных священников и проч. После того хлысты внушают им, что «есть на свете праведные люди, в которых пребывает благодать святого духа, а в иных и сам бог живет; такой человек, говорят они, может вязать и решать, выводить грешные души из ада в царство небесное», но кто именно эти люди и где они находятся — пока умалчивают. Затем хлысты поучают, что должно «терпеть все беды, все напасти и скорби, вести жизнь воздержанную, всячески уничижать себя, служить всем и у всех быть в повиновении, не есть мяса, не пить вина и пива, не употреблять табаку, не поминать имени дьявола, в случае же крайности называть его «врагом», или «нехорошим», не петь мирских песен, не плясать, не сказывать и не слушать сказок и всегда пребывать в целомудрии. Завлекая постепенно в свои сети не знающего их настоящего учения, хлысты приглашают наконец его на свои беседы, но в это время ничего противного православию не делают и не говорят, а только читают церковные книги, толкуют их и поют иногда псалмы Давидовы. Доведя завлекаемого до того, что он станет во всем им верить, начинают ему открывать, что люди, в которых пребывает дух святой, находятся между ними, что истинная христова вера погибла на земле и сохранилась только в их обществе, что никаких книг не нужно, кроме единой «Книги Голубиной», «Книги Животной», то есть живущего внутри человека и поучающего его духа. Наконец они объявляют совращаемому, что бог всегда пребывает с ними, и если кто поступит в их общество, на того снидет святой дух так точно, как древле сошел он на апостолов.

Когда совращенный изъявит согласие на вступление в секту, ему велят несколько дней поститься и пребы-

вать в уединении. В назначенное время приходит за ним старшина общины, или же сам кормщик корабля. В одной руке держит он икону (обыкновенно нерукотворенного образа или же другую какую-либо), а в другой зажженную свечу. Он вводит совращенного в собрание («беседа», «святой круг», «собор», «корабль»), где сидят на лавках с одной стороны мужчины, с другой женщины, все босые, или в одних чулках, одетые в длинные белые рубахи особого покроя, а в переднем углу под образами отдельно сидит женщина (богородица или пророчица), также вся одетая в белом. Комната ярко освещена восковыми свечами и лампадами.

— Зачем пришел ты? — спрашивает приведенного богородица.

— Душу спасать,— отвечает наученный заранее неофит.

— Хорошо душу спасать,— замечает ему богородица.—А кого даешь за себя порукой?

— Самого Христа, царя небесного,— отвечает тот.

— Смотри же, чтоб Христос от тебя поруган не был,— говорит богородица.

Затем обращаемого приводят к присяге пред иконой, которую нес перед ним кормщик. Присяга состоит в следующем:

1. Святую веру приняв, от нее никогда не отступать.

2. Чаще в церковь ходить, исповедоваться и причащаться в церкви, но священнику на исповеди про свою веру ни слова не говорить.

3. Если случится за святую веру пострадать, не бояться ни тюрьмы, ни ссылки в Сибирь, ни самой смерти, тело свое отдать на раздробление, а про веру свою никому ничего никогда не открывать. «Никому не сказать, какое божье дело будет открыто: ни отцу, ни матери, ни роду, ни подродку, ни попу отцу духовному, ни другу своему мирскому, хотя бы огонь принять, хотя бы кнут принять, хотя бы топор принять, а если божия дела не сохраню, на пути божьем не устою, то да победит меня господь в сем свете и в будущем веке».

— В сие время ангел божий сходит с неба,— говорит богородица неофиту,— и пишет твою душу в том, что она обещала служить богу до конца жизни верно.

После того кормщик велит приходящему просить весь корабль молиться за него. Тогда все садятся в «круг» и напевом простонародной песни начинают петь так называемую ими «молитву господню», которою начинаются все хлыстовские и скопческие моления. Во время пения ее все правою рукой бьют такт по коленкам, на которых разостлан платок или белое полотенце («знамя»).

Дай нам, господи, к нам Иисуса Христа,
Дай нам, сударь, сына божия и помилуй, сударь, нас.
Сошли к нам духа святого, утешителя!
Пресвятая богородица, попроси, мой свет, за нас
Света сына своего Иисуса Христа!..
Свет тобой спасен, государыня.
Без тебя, мой свет, много грешных на земле,
На сырой на земле, свет, на матушке,
На матушке, на кормилице [1].

После того трое или четверо мужчин или женщин входят в круг, спускают с плеч рубахи по пояс и, взяв длинные холщовые или полотняные белые полотенца («знамена»), развешивают их себе на плечи, затыкают концы за пояс и начинают, припрыгивая, кружиться посолонь. Это называется *радением*. Во время радения поют песни. Таких песен у нас под руками сто шестьдесят четыре. Вот некоторые из них:

I

Наша матушка родная
В полку пребывала,
В полку она пребывала,
Чудеса творила.
Чудеса она творила,
С нами говорила:
«Уж вы, девушки, девицы,
Духовны сестрицы,
И вы богу назвалися,
Служить ему отдалися,
Вы служите, не робейте,
Живу воду пейте,
Внутреннего змея
Вы в себе убейте,
На вас платьицо-то бело
Сама матушка надела,
Она о вас порадела,

[1] Хлыстовской «молитвы господней» есть несколько редакций. Это варианты одной и той же песни.

Вами завладела».
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь[1].

II

Ай у нас на Дону[2]
Сам Спаситель во дому
Со ангелами, со архангелами,
С херувимами, государь, с серафимами
И со всею силою с небесною.
Ай, дух, святой дух!
Эка милость благодать
Стала духом овладать!
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь[3].

III

Бог, бог с нами,
Сам бог над богами,
Дух святой с нами,
Сам дух над духами,
Агнец наш спаситель,
Вземляй грехи мира!
Твоя, сыне божий,
Власть над нами, воля
Над нашими сердцами,
Душами, телами...
Гусли, вы, гусли
Пророка Давыда!
Сам лился слезами,
Остальными силами,
Славил Саваофа:
«Помилуй мя, боже,
Излей на мя милость» и т. д.

IV

Прочь лесть, прочь ложь,
хитросплетенность,
Порочность, сладость красных слов,
Утеха сердцу, развращенность —
Пою небесную любовь.
Пою источник благодати,
Святую истину пою... и т. д.

---

[1] Эта песня пророчиц поется женщинами, обращаясь к женщинам же.

[2] Рекою Доном хлысты, по удостоверению священника Ивана Сергеева, называют иногда своего христа (Сергеева «Изъяснение раскола, именуемого христовщиной или хлыстовщиной»).

[3] Эта песня поется во время радений, совершаемых женщинами.

V

В яслях — колыбель Исуса,
Дева — мать, отец — тектон!
Жизнь его — позор и иго
От рожденья до конца!
Не имел себе покрова,
Где главу бы преклонить,
Как злодей и богохульник,
Ядца, винопийца, льстец,
Меж разбойников повешен
И к злодеям сопричтен,
Испущает дух в мученьи;
«Совершилося»,— он рек,
Дело важное спасенья
Совершил презренный крест.

Последние две песни по складу и по приемам своим не похожи на другие хлыстовские и скопческие песни. Они сочинены помещиком А. П. Дубовицким, бывшим кормщиком корабля, находившегося в его весьма значительном имении Орловской губернии, Елецкого уезда. В этом корабле находились и крепостные его люди, в том числе ближайший помощник его и наперсник, пророк Ермилушка. Были в корабле Дубовицкого и некоторые дворяне. У хлыстов не много песен, составленных по правилам версификации, вроде приведенных песен Дубовицкого (писали их, сколько нам известно, петербургские хлысты: Лабзин, редактор журнала «Сионский Вестник», тайный советник В. М. Попов и князь Енгалычев). Простонародные хлыстовские песни — большею частью импровизация, всегда почти бессмысленная, нелепая. Вот несколько песен, вылившихся из уст простолюдинов на хлыстовских радениях:

VI

Ай кто пиво варил [1]?
Ай кто затирал?
Варил пивушко сам бог,
Затирал святой дух,

[1] «Пивом» хлысты называют кружение, производимое ими на радениях. Священник Иван Сергеев в своем «Изъяснении раскола, именуемого христовщиной или хлыстовщиной» говорит: «Оное кружение свое именуют они по действию «пивом духовным, чувствительным» и, похваляя сие, говорят: «То-то пивушко! Человек плотскими устами не пьет, а пьян живет». Песня «Ай кто пиво варил» находится при его «Изъяснении».

Сама матушка сливала,
Вкупе с богом пребывала,
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили (bis),
Серафимы подносили.
Скажи, батюшка родной [1],
Скажи, гость дорогой,
Отчего пиво не пьяно,
Али я гостям не рада?
Рада, батюшка родной,
Рада, гость дорогой,
На святом кругу гулять,
Бога света прославлять,
В золоту трубу играть,
В живогласну возносить [2].
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

VII

Саваоф чудо творил,
С сыном божьим говорил:
«Уж ты, сын ли мой, сынок,
Ты мой ясный соколок,
Ты Сионская гора,
С неба на землю пора —
Живописный ты Спаситель,
Живой агнец искупитель,
Дух — вселенный утешитель,
Изволь вселенну утешать,
На Алгоф гору поспешать;
На Алгоф тебя пошлю,
Ризы белые сошью —
Изволь ризы надевать,
Пречисту кровь проливать».
На кресте солнышко светит,
За всех верных ответит.
Сокол ясный наш летит —
Искупитель не стерпел,
Золот орел полетел,
Всю вселенную исходил,
Темну стену победил,
Жало — лепость умертвил,
А страданием своим
Вереи вечны сломил.
Очищает грех и мир,
Агнец божий наречеся...
Агнец ты животворящий
И жених происходящий!
На всех верных оглянулся,
На кресте бог встрепенулся,

---

[1] «Батюшка родной, гость дорогой» — христос людей божьих.
[2] «Живогласная, золотая труба» — пророчество.

Страшный гром загремел,
Земля, небо ужаснулись.
Море кровью зачерпнулось,
В лучах солнце померкает,
Месяц свету не давает,
Темной тучей закрывает,
Зори светом засветились,
Звезды с неба сокатились,
Все престолы подвигнулись,
Архангелы ужаснулись,
А архангел Михаил
В золотых крылах предстал,
Страху трепету достоин,
И в сенате он сенатор
И на небе губернатор,
Много разума имеет,—
Доложить Христу не смеет;
Судьбу божью исполняет,
Архангелов собирает,
Христа на крест убирает,
И сосуды подставляет,
Пречисту кровь проливает.
А Илья пророк пророчит,
Что воскреснуть Христос хочет;
Давид в гусли заиграл,
Заскакал он, заплясал,
Ковчег божий пред ним скачет;
Петр апостол горько плачет,
Много ревности имеет,—
Доложить Христу не смеет,
Востру саблю свою точит,
Распинаться с Христом хочет,—
Дух святой накатил,
Петру ревность прекратил.
А Кузьма, сударь, Демьян
С Христом в страстях ликовал,
Кандалы всем расковал,
У Христа в гостях гостил,
С темниц верных отпустил.
А и Флор, сударь, Лавёр
И коней своих подвел,
Колесницы закладает,
Христа на крест убирает,
А Егорий-то святой
Темну ночь не усыпает,
Горьки слезы проливает,
Христа на крест убирает;
Огонь-пламя утушил,
Змея люта победил.
Николай-то чудотворец,
Чудеса он тут творил,
Седьмо небо отворил,
Ко Христу часто ходил,
Христа на крест снарядил.

Сама матушка царица
Прилетела, райска птица,
Христа на крест убирала,
Сама смертью умирала,
Саваофа упросила,
Сына божья воскресила.
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

Таково в большей части хлыстовских и скопческих песен дикое смешение священных имен и предметов с чудовищными представлениями пришедших в исступление «людей божьих».

Приведенные песни поются напевом, совершенно отличным от церковного, они скорей приближаются к народным песням: одни поются протяжно, другие скоро, наподобие плясовых. Но нельзя сказать, чтобы они по напеву своему были совершенно сходны с песнями народными.

Когда поют эти «радельные песни»,— а поют их на каждом собрании по нескольку десятков,— сидящие хлысты или скопцы бьют в такт правою рукой по коленке, а радеющие хлысты хлопают в ладоши и самый топот ногами приноравливают в такт песни. Об этих песнях хлысты и скопцы говорят, что они те самые, о которых сказано в Апокалипсисе: «и слышах поющих *песнь нову* пред престолом, и никто же можаше навыкнути песни, токмо сии».

После «радельных» песен выводят приходящего на средину круга, опоясывают его «знаменами» и водят кругом под песню:

Благодатный бог,
Попусти нам, бог,
С нами пребудь, бог,
До скончания века. Аминь.
Елицы от Христа (sic) во Христа крестистеся,
во Христа облекостеся. Аллилуйя.

После того дают принятому в корабль приложиться к образу (иногда к медному кресту), надевают на него *радельную рубаху* и подпоясывают ее «знаменем». Затем все целуют нового хлыста и поздравляют друг друга с новорожденною духом душою. У девки же, сидящей в углу (богородицы), как обращенный, так и прочие целуют коленку или другую часть ее «святого и животворящего тела». В то время, когда целует ее

тело обращенный, в иных кораблях богородица три раза осеняет его крестообразно зажженною свечой. Хлысты говорят, что на пляску их сходит святой дух, и приходящий, введенный во «святой круг», крестится духом, когда же богородица крестит его свечкой, он крестится огнем. Тогда-то, говорят хлысты, принимает он истинное крещение «духом святым и огнем».

IX

Обыкновенные моления хлыстов («радения») совершаются следующим образом. Часов в шесть вечера они собираются в один дом [1], где в особой комнате [2], в углу, сидит богородица, а по лавкам с одной стороны мужчины, а с другой женщины, все в особого покроя длинных белых рубахах [3]. В иных, немногих, впрочем, кораблях, моление начинается чтением священных книг: толкового Евангелия нового завета, писаний отцов, особенно аскетических житий святых и пр., а потом поется всенощная или одни стихеры праздников. После того встают, становятся в круг и начинают свои радения. Это бывает обыкновенно в самую полночь. Мужчины становятся хороводом, вокруг их хоровода составляется другой, из женщин [4]. В этих хороводах (*святых кругах*)

---

[1] Из следственного дела об арзамасских хлыстах видно, что они собирались по 30 и по 40 человек обоего пола. По свидетельству священника Ивана Сергеева, в Калуге собирались по сту и более человек. В Петербурге у Кондратья Селиванова бывало на радениях по шестисот человек хлыстов и скопцов. У хлыстов, а также и у скопцов иногда, как видно из следственных дел, устраивались особые укромные помещения для радений. Священник Иван Сергеев говорит: «для безопасности достаточные люди, особенно в городах, роют подземные, потаенные ходы, а иные на чердаках устраивают внутренние горницы, чтобы топанья не слышно было». Почти везде на время радения ставятся снаружи караульные, которые при малейшей опасности дают знать радеющим, чтоб их не застали врасплох.

[2] Дом, где бывают радения, зовется «монастырем», «Иерусалимом», «домом божьим». Комната, где совершаются радения и другие обряды,— «Сионскою горницей».

[3] В иных кораблях и мужчины и женщины сидят вместе.

[4] Очень во многих кораблях круг составляется из мужчин и женщин общий. Вообще у хлыстов и скопцов оба пола почитаются равными и безразличными. Они говорят: «Павел, апостол «старого Христа» (то есть истинного спасителя мира), говорит: «несть мужеск пол, несть женский: все бо едины во Христе», а у нас и подавно так».

хлысты, а также и скопцы, ходят или, лучше сказать бегают посолонь с припрыжкой, под песню: «Дай нам, господи, Иисуса Христа!» По окончании радения каждый подходит к богородице и целует у ней голую коленку.

Калужский священник Иван Сергеев, бывавший на хлыстовских радениях, говорит о них следующее. У хлыстов бывают праздники большие и малые. Большие бывают в определенные дни, и на них собирается человек по пятидесяти, по сту и более; малые же бывают случайно, например, по случаю приезда гостей, на них собирается от трех до десяти человек. Большие праздники продолжаются нередко по неделе, и все это время хлысты проводят в беспрестанном кружении по солнцу; перестают только на время обеда, каждый день радеют. Когда поют начальную молитву («Дай нам, господи, Иисуса Христа»), бывают вместе мужчины и женщины, а потом в иных кораблях кружатся и слушают пророчества мужчины в одних комнатах, а женщины в других [1]. «А когда «ходят в слове» пророки (то есть пророчествуют),— продолжает священник Иван Сергеев: — то некоторые из них вертятся по одному на одном месте, как жернов, так быстро, что и глаз их не видно. От такого быстрого стремления волосы на голове поднимаются кверху. На мужчинах рубахи, а на женщинах платы раздуваются, как трубы, и происходит от них чувствительный вихрь. Иногда все вообще кружатся, по их выражению, в «стенку», составляют большой круг, и если посмотреть на сию их живую сцену, когда хорошо сладят, то представится совершенно, как бы и подлинно плавающий по воздуху или воде круг, колеблющийся и из тиха поднимающийся как бы единой машиной. Оный круг знаменует у них чан или «купель духовную», как и молва в народе гласит, будто бы они в чане купаются. Но сей чан у них не из чувственных досок,

[1] В Петербургском «Новом Иерусалиме» Кондратья Селиванова, что в Литейной части близ Лиговки, была устроена зала, где могло радеть более шестисот человек. Она была устроена в два света и разделена на две части глухою перегородкой в один этаж. Над этою перегородкой была устроена ложа (вроде кафедры в протестантских молитвенных домах) под балдахином, где сидел христос Петр Федорович, царь израильский (то есть Кондратий Селиванов). В одной половине залы радели мужчины, в другой — женщины. И те и другие в это время видели своего «живого бога».

но из плотей человеческих состоит. В сем-то чане, или, по их выражению, «духовной купели», то есть в кровавом своем поту, они крестятся, будучи уверены, что тут на них сходит, или, по их выражению, «скатает» дух святой, и кружатся (радеют, по их выражению) дотоле, что в некоторых местах, где случится собрание весьма многонародно, принуждены бывают даже пол от поту их подтирать ветошками, и рубахи на них сделаются как в воде обмоченные. И до такого изнеможения они искружатся и измучатся, что уже будут бессильны, как мухи, и обессилев, падают, а в лице белы, как полотно, почему легко можно узнать их по лицу, когда идут с богомолья домой. Оное кружение свое именуют они «пивом духовным, чувствительным» и, похваляя сие, говорят: «То-то пивушко! Человек плотскими устами не пьет, а пьян живет». В продолжение кружения и скакания поют сочиненные ими песни со всхлипыванием и перерывистыми духа трелями, производят гоготание и какой-то необыкновенный тихий свист, повторяя беспрестанно: «ой дух, ой дух, ой бог, ой бог, царь бог, царь бог, царь дух, царь дух», а иные «о ега, о ега, о ега!», чем наводят на слушающих даже некоторый ужас. И если подслушать их гоготанье из-за стены, то представится совершенно, якобы чем секутся или хлещутся. Может быть, не от того ли и молва в народе носится, будто бы они, ходя вокруг чана, хлыщутся, приговаривая:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу,
Выйди к нам наружу,
Дай денег на нужу.

Не удалось ли кому-нибудь из посторонних подслушать их действие и заключить, что, верно, они чем-нибудь секутся, и прочим в народе так разгласили. При кружении они всячески дурачатся и бесятся, иные из них трясутся, кривляются, ломаются, как бесноватые, другие топают ногами, приседают к земле и вдруг как неистовые вскрикивают, приходят в энтузиазм, нечто пересказывают и говорят иными языки. А какими? Татарскими ли, тарабарскими ли? Думаю, и сами не понимают, кольми, паче другие ни одного слова не знают, да и понимать нечего.

Действительно, на радения вокруг чана с водой и на бичевания или хлыстания во всех ста восьмидесяти из-

вестных нам следственных делах нет ни одного указания кого-либо из хлыстов или скопцов, хотя иные весьма подробно и с полною откровенностью рассказывали про свои тайны. Некоторые из них показывали при допросах так: «носится слух в народе, что хлысты кружатся вокруг чана и хлыщутся, но при мне этого никогда не случалось, разве что бывает это в других кораблях».

О хлыстаньи вокруг чана письменное известие находится только у покойного нижегородского преосвященного Иакова в его статье «О хлыстах в Саратовской губернии». Там сказано, что в 1828 г. в тюремном замке города Вольска содержалась девка Анна Федоровна Скачкова из села Давыдовки (Николаевского уезда, Самарской губернии), бывшая у хлыстов богородицей. Она, говорит преосвященный Иаков, по некоторым обстоятельствам вверившись одному из содержавшихся с ней в тюрьме, за глубочайший секрет открыла ему тайны своей ереси, причем сказала, что обряды их моления будто бы писаны в книгах «грамотою никому неизвестною, печатною», что грамоте той учатся лишь те, которые продолжительным временем утвердятся неизменно в секте. Эта Анна Федорова рассказывала и о чане, а о бичеваньи весьма подробно. В моей записке, составленной со слов посланного в 1849 году покойным преосвященным Иаковом разведать о хлыстах в Макарьевском уезде, Нижегородской губернии, также говорится о бичеваньи. Там сказано, что богородица или пророчица, когда другие радеют, сидит в углу на возвышении под образами и из тесемок или нарезанного полосками холста вьет так называемые «святые жгутики», или же свивает по три прута вербы в один. Когда прикладываются к ее коленке, она ударяет тем жгутиком или вербой и дает то или другое подходящему. Составляется новый круг: бегают друг за другом, бьют себя и других жгутиками и вербами по голым плечам и поют:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу.
Сниди к нам, Христе,
Со седьмого небесе,
Походи с нами, Христе,
Во святом кругу,
Сокати с небеси,
Сударь дух святой.

Но доверенный покойного архиепископа Иакова хотя и вступил в хлыстовский корабль, но сам тоже никогда не видал радений вокруг чана и видений «золотого христа». Он только слышал о том и другом от посторонних. Я внес, однако, его рассказ в трактат мой «О современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» (в тринадцати больших тетрадях), писанный в 1854 году по высочайшему повелению. Он бывшим министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым был передан на рассмотрение покойному петербургскому митрополиту Григорию, который, будучи тогда казанским архиепископом, передал список с моего трактата в казанскую духовную академию. Там из него взяли целиком немало статей для «Православного Собеседника», не ссылаясь на источник. Таким образом и сказание о радениях хлыстов вокруг чана с водой вошло (слово в слово) в трактат «О людях божьих» г. Добротворского, напечатанный в «Православном Собеседнике». По дальнейшим моим исследованиям, все написанное мною о чане и о бичеваньи хлыстов и затем перешедшее целиком на страницы «Православного Собеседника» оказалось неверным.

Радения у хлыстов и скопцов совершаются тремя способами. Первый называется *круговым*. Составя круг вроде хоровода, они ходят друг за другом, повертываясь направо, то есть по солнцу [1], под такт радельных песен. Под это пение они вертятся сильней и сильней, пока не дойдут до исступления. Песня поется с более и более учащенным тактом; рубашки от верчения раздуваются, а пророк или богородица приговаривает радеющим:

Радейте, радейте,
Плотей не жалейте,
Марфу не щадите,
Богу поскачите.
Царь Давид с ковчегом
Скакаше, играя.
Людие божьи, святые,
Богу порадейте,
Трудов не жалейте... и т. д.

Или:

Ей вы, нуте-ка, други, порадейте-ка,
Меня, христа бога, поутешьте-ка,
Мою матерь богородицу порадуйте, и пр.

---

[1] Даже не при радениях ни хлыст, ни скопец никогда не повернется налево.

Продолжается это до тех пор, пока рубашки взмокнут от пота. Это у хлыстов называется *банею пакибытия, духовною купелию.*

Отдохнувши, они начинают радеть *корабельным радением.* Становятся в круг друг к другу лицом, молятся друг на друга (на образ и подобие божье), а потом прыгают вверх, подскакивая как можно выше, хлопая в ладоши, бия себя в грудь и голову и беспрестанно приговаривая: «Ой дух! Святой дух! Накати, накати!»

Третье радение *крестное* (радеть на крестик) делается так: по углам комнаты становятся по одному, по два или по нескольку человек и перебегают из угла в угол как можно скорее. Во время этого перебеганья притоптывают ногами и кричат под такт песни: «Ой дух! Святой дух! Накати, накати!»

Крестьянин Костромской губернии, Галицкого уезда, Иван Андреянов, в своем донесении, поданном в феврале 1825 года императору Александру Павловичу, рассказывает о радениях следующее: «По отпетии молитв их собственного сочинения учитель садится впереди, а прочие по достоинствам их, поют разные духовные песни, сложенные ими же самими, иногда бьют сильно руками по коленям в один мах все. При начале пения крестятся и просят благословения: «благослови, государь-батюшка». Потом учитель приказывает радеть или вертеться по солнцу. Иногда радение начинает сам учитель, за ним следуют другие, и таким образом составляется большой круг: скоро ходят кругом по солнцу, приподымаясь понемногу, сильно топают ногами в один шаг, машут руками, дышат сильно и отрывисто враз с топанием ног, а когда почувствуют в себе дух, то начинают бегать все скорей и скорей, как скорость коней, бегущих рысью. Это радение называют они «радение кораблем». Потом поворачиваются боком, ходят скоро кругом, скачут притом вдруг обеими ногами, весь круг разом, и машут руками. Это радение называется «стенкою». После чего становятся на четыре угла по одному и по два, одни против других, и бегают парами на крест. Это «радение на крестик». Затем становятся в ряд от передней к задней стене, бегают скоро, топая ногами и помахивая руками, у стены оборачиваются по солнцу все вдруг и начинают «радения на кругу», которое заключается в том, что они вертятся по солнцу на одном месте весьма проворно,

сильно топают ногами и отрывисто и тяжело дышат. В этом радении от скорости оборотов едва бывает видно лицо человека вертящегося, и скорость оборотов подобна вихрю. Другие при этом поют в такт «Сей дух, сей дух, царь дух, царь дух, благодать, благодать». При этом они крестятся, наблюдают за вертящимися, и когда заметят «сильное и удивительно скорое действие радения их», то говорят: «На него благодать накатила». Во время таких действий их вселяется в человека дух, и выходят пророки. Женщины делают то же, что и мужчины, и из них выходят пророчицы. Те и другие имеют к радению большую охоту и чувствуют в сердце радость. Учитель мой говорил, что при радении надо молчать и ни о чем не помышлять, иначе дух не может вселиться в радеющего. Он уговаривал меня непременно радеть на кругу, объясняя, что иначе благодать в меня не вселится... Они радеют больше «кораблем» и «на кругу», но если есть время, то и на все манеры. По окончании радения все садятся, поют разные песни и хлопают в такт руками по коленям; потом становятся пред учителем на колени, крестятся, кланяются ему в землю и просят сотворить милость, чтобы дух святой просветил их чрез уста пророка. Учитель выбирает пророчицу для женщин, а сам пророчествует мужчинам. Избранные становятся лицом к народу, с плетками в руках, разом пророчествуют с небольшим движением тела и громко выговаривают речи стихами. И сперва бывает «слово» (то есть пророчество) всему собранию, и тогда все собрание стоит на коленях перед пророками, все крестятся и кланяются в землю... Потом бывает слово каждому порознь. Этот, стоя на коленях, молится и кланяется пророку, кланяется в землю, иногда со слезами, ибо тогда они каются пред пророками в грехах, и пророки обличают их. Прочие из собрания при этом встают... Пророчество всему собранию продолжается иногда беспрестанно до четырех часов. По окончании пророчеств учитель и все остальные поют «Христос воскресе», потом учитель кладет на лавку, под святые образа, крест господень и покровы (платки) отца искупителя. Присутствующие покорно поклоняются в землю и прикладываются ко кресту и к покрову, и кладут деньги по усердию, крестятся, попарно кланяются учителю в землю. После толкуют иногда пророчество, кому что вышло в слове».

Из других источников, имеющихся у нас под руками, видно, что если во время радения кто-нибудь из хлыстов начнет приходить в исступленный восторг, почувствует, что ему захватывает дух (это называется: «заблажил в нем дух свят»), он тяжело дышит и начинает вскрикивать: «Вот катит! Вот катит!.. Дух свят!.. Дух свят!.. Накатил!.. Накатил!..» И начинает снова кружиться, кружится, как дервиши, до беспамятства и после того, не помня себя, произносит скороговоркой или нараспев несвязные речи. Эти речи и считаются *пророчествами*.

У хлыстов и у скопцов нет установленных песен, которые бы пелись при известном случае. Один запоет какую-либо известную всем песню, другие тотчас же ее подхватывают и начинают петь хором. Иногда из одной песни переходят в другую, иногда кто-нибудь поет песню импровизованную. Поэтому и нельзя определительно указать на то, какие именно песни поют они, приходя в исступленное состояние. Вот, например, одна песня. Начинают ее хором, протяжно, заунывно и, постепенно возвышая голоса, поют скорей и скорей. Песня из largo и pianissimo мало-помалу переходит в vivace allegro и fortissimo. Под конец поющие задыхаются, всхлипывают, гогочут и взвизгивают:

Как не золотая трубушка жалобненько вострубила,
Ой да жалобненько, жалобненько,
Восставали, восставали духи бурные,
Заходили, заходили тучи грозные...

Соберемтесь-ка мы, братцы, во един во собор,
Мы посудимте, порядимте такую радость:

Уж вы верные, вы изобрàнные,
Вы не знаете про то, вы не ведаете,
Что у нас ныне на сырой земле понаделалось:

Катает у нас в раю птица,
Она летит,
Во ту сторону глядит,
Да где трубушка трубит,
Где сам бог говорит:
Ой бог! Ой бог! Ой бог!
Ой дух! Ой дух!

Накати, накати, накати!
Ой ега́, ой ега́, ой ега́!

Накатил, накатил,
Дух свят, дух свят!
Царь дух, царь дух!
Разблажился,

Разблажился
Дух свят, дух свят!

Ой горю, ой горю,
Дух горит, бог горит,
Свет во мне, свет во мне,
Свят дух, свят дух,
Ой горю, горю, горю,
Дух! Ой егà!
Ой егà, ой егà, ой егà,
Евое!
Дух евой, дух евой, дух евой...

Пророки и богородицы людей божьих пророчествуют или от своего лица, или в виде слов, идущих от бога, иногда же в виде разговоров с Иисусом Христом, с духом святым, с божиею матерью и пр.

Если кто, придя в исступленное состояние (это называется «быть в духе»), начнет пророчествовать («ходить в слове»), все умолкает. Все с благоговением слушают пророка или пророчицу, принимая их слова за слова самого бога. Пророчества говорятся в рифму и нередко бывают совершенно бессмысленны. Вот для примера одно общее ко всем, ко всему собору или кораблю, а другое к одному лицу:

«Уж вы, батюшки, братцы и духовные сестрицы, вы не извольте на земле жить и унывать, а извольте твердо на бога уповать, а я буду вам драгоценного товару раздавать, а вы извольте на земле им торговать, царство и блаженный рай в седьмом небе доставать».

«Слушай, брат, Саваоф тебе рад. Я тебя не оставлю, сорок ангелов к тебе приставлю; буду тебя стеречь, от всякого зла беречь. Я, бог, тебя награжу — хлеба вволю урожу, будешь есть, пить, меня, бога, хвалить; станешь хлебец кушать, Евангелье слушать. Вот тебе бога сказ, от святого духа указ. Оставайся, бог с тобою, покров божий над тобою». После пророчеств все садятся по местам, и начинается общая трапеза: едят молочную кашу, блины, молоко, калачи, у богатых пьют чай. Это делается на складчину [1]. Главное, годовое радение бывает

[1] Священник Иван Сергеев в своем «Изъяснении раскола, именуемого хлыстовщиной» говорит: «Учители строго запрещают ходить в другие корабли к другим учителям и праздновать на чужих праздниках, разве в превеликой нужде, дабы не развлекались сердцами и не разделялись любовию ко иным учителям и братии иных скопищей... Между учителями и няньками (пророчицы, ухаживающие за больными, особенно за вновь оскопленными) бывают

в должайшие июньские дни около Троицына дня. В то время в иных, весьма, впрочем, немногих кораблях, хлысты, радея, поют песни, обращенные к «матушке сырой земле», которую отожествляют с богородицей. Через несколько времени богородица, одетая в цветное платье, выходит из подполья, вынося на голове чашку с изюмом или другими сладкими ягодами. Это сама «мать сыра земля» со своими дарами. Она причащает хлыстов изюмом, приговаривая: «даром земным питайтесь, духом святым услаждайтесь, в вере не колебайтесь», потом помазывает их водою, приговаривая: «даром божьим помазайтесь, духом святым наслаждайтесь и в вере не колебайтесь». Говорят, будто во время радения, бывающего в этот день, хлысты радеют более, чем в другие дни, и что в это время исступленным представляется какой-то дым, и в нем будто видят они младенца, сияющего золотым блеском. Это называют они явлением «золотого христа». Как скоро покажется это видение, хлысты падают ниц.

Во время тех радений, на которых совершается причащение хлыстов, они после пророчества, по обыкновению, садятся за стол, христос, пророк или богородица режет белый хлеб и, раздавая куски людям божьим, произносит слова: «примите, ядите» и пр. Вместо вина, которого хлысты ни в каком случае не пьют, христос, богородица или пророк причащают их водою, иногда квасом.

X

Кроме изложенных обрядов, совершаемых последователями хлыстовщины во время их обыкновенных и чрезвычайных радений, их больших и малых праздников, в некоторых «кораблях», но далеко не во всех, изредка (может быть, лет через десять и более) совершаются отвратительные обряды «христовой любви» и «причащения телу и крови». Повторяем, совершается это далеко не во всех кораблях и чрезвычайно редко.

«Христовою любовью» называется общий разврат корабля, происходящий после радения, когда и мужчины

между собой ссоры. Ссорятся промеж себя из-за того, которую больше любят, у кого чаще сборища бывают, и при этом случае, *кому более гостинцев приносят*, у кого больше народу бывает». У людей достаточных угощение бывает на их счет, а не на складчину.

и женщины находятся в исступленном состоянии. Этот разврат, не разбирающий ни возраста, ни уз родства, объясняется двояко. Одни хлысты говорят, что они, поступая так, *«грехом грех истребляют»*. Но есть, кроме того, сведения, что хлысты от времени до времени делают это с тем, чтоб иметь детей, рожденных, как они говорят, от духа свята (так называемых «христосиков»). Если какая женщина сделается беременною, она принимает сан богородицы, и рожденный ею считается «не от крове, не от похоти плотския, не от похоти мужеския, но от бога родившимся».

Дикий обряд «христовой любви» в иных, немногих, конечно, хлыстовских кораблях соединяется с другими, еще более отвратительными, еще более ужасными обрядами: приобщения телу и крови.

Барон Гакстгаузен, путешествовавший по России в начале сороковых годов, которому нашим правительством предоставлены были все способы, как вещественные, так и невещественные, к собранию всевозможных сведений, так передает откровенный рассказ одного хлыста Ярославской губернии: «Во время моления, в чан, наполненный теплою водой, сажают пятнадцатилетнюю или шестнадцатилетнюю девушку, которую успели склонить к оскоплению. Когда она усядется в чане, к ней подходят старухи, делают глубокий надрез на ее груди, потом отрезывают один из сосцов, левый, и с удивительною ловкостью останавливают течение крови. Во время этой операции девушке дают в руки икону святого духа, чтоб она, углубившись в благоговейное созерцание, легче переносила страшную боль. Потом отрезывают часть тела, кладут на блюдо, разрезывают на мелкие куски и раздают присутствующим, которые и едят их. Когда кончается это людоедство, ту девушку сажают на возвышенное место, особо для нее устроенное, и все собрание начинает вокруг нее плясать, припевая:

Поплясахом, погорахом
На Сионскую гору [1].

Барон Гакстгаузен не принадлежит к числу тех легковерных иностранных путешественников, которые, гово-

[1] «Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie». T. I, стр. 308; примечание.

ря о России, допускают в рассказах своих всевозможные нелепости. Его свидетельство достоверно. Мне самому случалось слышать от некоторых лиц, хорошо знавших хлыстовские корабли, рассказ о гнусном людоедстве, равно как и о заклании младенцев мужского пола, рождаемых богородицей. То же самое слышал г. Кельсиев за Дунаем от одной богородицы Авдотьи Ивановны, бежавшей из Курской губернии, у которой хлысты съели левую грудь и выпили кровь ее восьмидневного ребенка.

Вот рассказ, записанный мною лет пятнадцать тому назад со слов одного крестьянина, бывшего в хлыстовской ереси.

В христы, в богородицы, в пророки, как у хлыстов, так и у скопцов, поступают не по выбору, а, так сказать, по вдохновению. Привлекается в корабль молодая девушка чистой жизни. Если замечают, что на нее сильно действуют телодвижения, употребляемые при радениях, а еще лучше и без радений случаются с нею припадки, вроде истерики, причем она впадает в беспамятное исступление («кликуша», по народному названию), то на нее начинают смотреть с уважением, как на избранный сосуд. То же самое и относительно мужчин. Через несколько времени, когда молодая девушка участвует в «беседе», подходит к ней пророчица и начинает выпевать вроде следующего:

Молодая ты юница,
Богу милая певица,
Чистая отроковица,
Красная девица,
Полюбил тебя бог,
Сам «господь Саваоф»,
Благословенна ты в женах,
Родишь спаса в пеленах,
Во святых во знаменах,
В золотых во теремах.
Люди божьи тебе помолятся,
Все цари, короли поклонятся;
Будешь ты святая юродица,
Матушка пресвятая богородица,
От тебя христос народится,
Дай нам пречистым телом твоим причаститься.

Девушка сначала и сама не знает, что это означает, но через несколько времени начинает понимать, что ее возводят в величайший для женщины сан хлыстов, в сан богородицы.

Старые пророчицы снимают с нее одежды и раздетую сажают на возвышенное место под образа. Начинается обожание. Новой богородице с крестным знамением кланяются в землю и прикладываются кто к ноге, кто к руке, кто к груди и пр. Называют ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. Молятся ей и просят сподобить причаститься пречистого тела ее, а когда от духа свята от нее «христосик» родится, причаститься и его животворящей кровью...

Новая богородица на этой же «беседе», или через несколько времени, на другой, радеет (в белой полотняной рубашке), припевая:

Я люблю, люблю дружка,
Савоафа в небесах.
Ей-ей, люблю!
Ей-ей, люблю!

Радение продолжается... Быстрей и быстрей все вертятся... Все оканчивается «христовой любовью»...

С той поры корабль, воздавая избранной девушке божеские почести, поет, обращаясь к ней, на радениях «похвалу богородицы»:

В чистом поле, при дорожке, стояла светлица,
Эта светлая светлица — девственное тело;
Красней солнца, светлей света, белей она снегу, и пр.

Ее дарят разными вещами, а когда прислуживающие ей «пророчицы» и «праведные» заметят, что она беременна, собирают корабль и совершают обряд причащения телом богородицы, о котором упоминает барон Гакстгаузен.

Для этого ставят среди горницы чан с теплою водой. Богородица сначала радеет, как и другие, потом ее раздевают и сажают на престол под иконы. После обожания пророчицы ведут ее к чану, сажают туда и дают в руки икону нерукотворенного Спаса, которую она держит над головой. Вокруг чана весь корабль радеет при громких песнях, в которых величают богородицу и просят ее сподобить людей божьих причаститься ее пречистого тела. Наконец одна из старых богородиц или пророчица отрезывает у ней левую грудь и прижигает рану раскаленным железом. Отрезанную часть тела режут на деревянном кружке в кусочки и причащаются ими.

Делают это в иных случаях с девушками непорочными, но такие не называются богородицами, а только про-

рочицами или же богинями. Богинями зовут, впрочем, и богородиц.

Если от изуродованной таким образом девушки родится дочь, ее отдают матери, и эта девочка впоследствии обыкновенно сама делается богородицей или пророчицей. Но если родился мальчик, он считается сыном божьим и называется «христосиком». На восьмой день его закалают в левый бок таким же копием, какое употребляется в церквах, пронзают ему сердце и причащаются горячею кровью. Тело сушат и превращают в порошок, с которым после пекут калачи, коими и причащаются вместе с водою.

Об этом ужасном изуверстве рассказывает св. Дмитрий Ростовский в своем «Розыске». Он пишет, что между Вологдой и Каргополем жил в его время изувер, считавшийся святым и преподобным, и с ним жило много учеников и учениц, «учением бо его лестным и лицемерным житием влекомы бяху к нему, аки к великому угоднику божью. Учаше же той славимый мнимый святец тайно, еже всем жити блудно безо всякого зазора, глаголя яко несть грех плотское совокупление по согласию, но любовь есть». Однажды к нему пришли два человека и сказали, что такая-то девица родила мальчика: «Той же окаянный мнимый святой пустынник рече им: «Не рех ли вам прежде сего, да егда та девица родит отроча, абие у новорожденного младенца ножом, подняв груди, измете сердце и да принесете на блюде ко мне? Идите убо и сотворите якоже рех вам». Они же абие отшедше, по малом часце принесоша на блюде древяном оного новорожденного младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и вдадоша ему. Он же взем нож, своими руками разреза е на четыре части и рече им: «примите сие, и в печи иссушив, истолките». Скверные же тии слуги окаянного оного пустынника, шедше сотвориша повеленное им и паки принесоша к нему истолченное в муку младенческое сердце. Пустынник же взем лист писчия бумаги и на малыя бумажки раздробив, вложи по малой части истолченного сердца в те бумажки, и призвав некия послушники своя, рече им: «возьмите бумажки сии со святынею» и пр.

О таких детоубийцах в прошлом столетии говорил и Феофилакт Лопатинский в своем «Обличении неправды раскольнической». В нынешнем столетии, в состав-

ленном, по приказанию рязанского епископа Симона, «Наставлении состязаться с раскольниками», тоже о них упоминается.

Бумажки с порошком, в котором подозревался тот порошок, о котором здесь идет речь, находимы были при обысках у хлыстов и скопцов, но не было случая, чтоб изуверное преступление было вполне обнаружено и юридически доказано.

Изуверы, извращенно толкуя святое Евангелие, полагают, что дева Мария также отдала на восьмой день обрезать Иисуса Христа, то есть заклать его для причащения верных его телом и кровью. Обрезание (то есть заклание) совершено было, говорят они, пророком Симеоном и пророчицею Анною. Через тридцать лет после того, продолжают они, дева Мария родила *духовно*, то есть обратила в веру людей божьих, Иисуса, сына плотника Иосифа, который и сделался Христом. Точно так же, говорят они, столетняя богородица Арина Нестеровна, в молодости отдавшая рожденного ею христосика в «снедь верным», духовно родила христа Ивана Тимофеевича; богородица Акулина Ивановна — христа Петра Федоровича, основателя скопчества, и т. д.

XI

Секта белых голубей выделилась из хлыстовщины, как выделились из нее, с одной стороны — монтане, духовники, а с другой — секты Татариновой и адамистов, существовавшие в образованном обществе Петербурга. В сущности же все эти секты как по верованиям, так и по обрядам одно и то же. *Скопцы отличаются от хлыстов единственно физическим изуродованием тела, составляя с ними одну и ту же секту.*

Из некоторых дел видно, что скопчество началось в хлыстовских кораблях еще при богородице Настасье Карповне, казненной в 1733 году. Сыном богородицы Настасьи Карповны, то есть родившимся или открывшимся от нее духовно, был христос Андрей Петрович, юродивый, в доме которого, как сказано выше, в 1745 году были открыты хлыстовские сборища, по указанию сыщика Ваньки Каина. Куда девался Андрей юродивый по окончании дела в 1752 году, неизвестно. Но вот его следы, отысканные в делах позднейшего времени.

В семидесятых годах прошлого столетия в Тульской провинции появилось двое бродяг: скопцы Андрей и Кондратий, называвшие себя монахами и киевскими затворниками. Первый из них, старший годами, был, почти бесспорно, можно сказать, тот самый христос Андрей юродивый, что успел скрыться от преследований правительства в 1752 году, вероятно, при содействии своих покровительниц из высшего московского общества. Другой, помоложе его, Кондратий Иванович Селиванов, был лицом не менее загадочным. Впоследствии оказалось, что это был крестьянин Орловской губернии, села Столбова. Затворники Андрей и Кондратий пришли в нынешний Алексинский уезд. В доме фабриканта купца Лугинина нашли они крестьянина Емельяна Ретивова, принадлежавшего к хлыстовской секте, уговорили его «убелиться» (принять оскопление), доказывая, что он должен это сделать, если желает чисто и свято соблюсти истинную веру «людей божьих». Кроме Ретивова, они «убелили» еще несколько других фабричных крестьян.

Ретивов поехал в Тамбов для покупки кож и проездом, в селе Сосновке, что близ Моршанска, вовлек в свою секту дворового крестьянина этого села, хлыста Софона Авдеева Попова. Этот Попов, согласясь с сыном своим Ульяном, с крестьянами Иваном Прокудиным, Пименом Плотицыным и с приходским своего села дьяконом Семеном Алексеевым, поехали в Алексинский уезд к Ретивову, где бродяга Андрей и убелил их всех. После того еще несколько крестьян из Сосновки ездили с тою же целью к Ретивову. В его доме бродяги Андрей и Кондратий и их убелили. Наконец, в начале 1774 года, Андрей и Кондратий с каким-то мальчиком сами ездили в Сосновку, прожили у Софона Попова две недели, масленую и первую великого поста, убелили еще многих сосновских крестьян и в доме Софона Попова завели дом божий, куда все сосновские «белые голуби» собирались на раденья, отдельно от хлыстов, которых было тогда довольно много в селе Сосновке. Всего Андреем и Кондратьем в две недели убелено в Сосновке до шестидесяти человек.

Священники села Сосновки Герасим Лазарев и Иван Емельянов, узнав о сборищах в доме Софона Попова и о том, что в общество новоявившихся белых голубей вступили церкви их дьякон Семен Алексеев и дьячок Алексей Савельев, 16 марта того же 1774 года донесли о том

тамбовскому епископу Феодосию. Архиерей о сосновских крестьянах сообщил тамбовской провинциальной канцелярии, а принадлежавших к духовному сословию сам допросил в консистории и 25 мая 1774 года представил о них в святейший синод.

Тамбовская провинциальная канцелярия и духовная консистория еще не кончили следственных дел о сосновских скопцах, как в Моршанск приехал статский советник Александр Волков для производства следствия.

Это было первое дело о скопцах. Волкову императрица предоставила право не только произвести следствие, но и положить решение над виновными. Августа 16-го он объявил приговор: бродяга Андрей был наказан кнутом и сослан в каторжную работу, Кондратий Селиванов приговорен к такому же наказанию, но так как во время следствия он успел бежать из тюрьмы, то на некоторое время и избавился от наказания. Вскоре, однако, он был отыскан и через месяц после наказания Андрея, 15 сентября 1774 года, высечен кнутом в Сосновке и сослан в Иркутскую губернию в вечную ссылку. Первые вступившие в секту белых голубей и склонявшие в нее других были на торгу биты батогами и сосланы в крепостную работу в Динаминд. Этой участи подверглись: Софон Попов, Пимен Плотицын, Иван Прокудин, Кузьма, неизвестный по прозванию, дьякон Семен Алексеев и дьячок Алексей Савельев. Остальные без наказания оставлены на месте жительства. Им только подтвердили, чтоб они не уклонялись от православной церкви и не склоняли в скопчество других.

Следствие производилось не в одной Сосновке. Над белыми голубями, обнаруженными в нынешних губерниях Орловской и Тульской, производили следствия особые комиссии, действовавшие под руководством того же Волкова. Так, в Туле был публично наказан и потом сослан в Динаминдскую крепость ближайший ученик Селиванова и главнейший его помощник, крестьянин деревни Масловой, Алексинского уезда, Александр Иванов Шилов, признаваемый скопцами за Иоанна Предтечу.

Таковы сведения, извлеченные из официальных дел. Обратимся теперь к скопческим сказаниям.

Из «Страд», или «Послания отца-искупителя», и из показаний, данных скопцами при производстве раз-

ных следствий, о Кондратье Селиванове известно следующее:

Он был родом из села Столбова, Орловской провинции, принадлежал к хлыстовской секте и находился в корабле богородицы Акулины Ивановны. По словам Селиванова, в этом корабле было тысяча человек, и между ними первою и главною пророчицей была Анна Родионовна. «Она узнавала в море и реках,— рассказывает Селиванов,— когда будет рыбе лов, а в полях хлебу урожай, почему и по явности она прославлялась. Знавши об оном, многие из миру (то есть не хлысты) приходили к ней и спрашивали: сеять ли нынешний год хлеб? также о рыбе, ездить ли ловить или нет? И если она велит кому сеять хлеб или ловить рыбу, то много в тот год уродится хлеба и рыбы поймают, а в который год не прикажет, то ничего не поймают, не уродится хлеб».

В тот день, когда Селиванов вступал в корабль Акулины Ивановны, «ходила в слове», то есть прорицала, Анна Родионовна. На радении было восемьдесят человек. Когда он пришел в собрание, Анна Родионовна стала радеть и, пророчествуя, сказала, обращаясь к новому члену корабля:

— Сам бог пришел! Теперь твой конь бел и смирен! [1].

Взяв крест, стала она подходить по порядку к каждому бывшему на собрании, давая его в руки. К Селиванову подошла она к последнему. Тот, будучи человеком смиренным, и теперь, как и после всегда, сидел на последнем месте, у самого порога. Он никогда ничего не говорил на собраниях, оттого и прозвали его «молчанкой». Подойдя к Селиванову, Анна Родионовна отдала ему крест и, обращаясь к пророкам, заговорила в «духе»:

— Ступайте на округу, угадайте, у кого бог живет?

Пророки пошли по кругу и стали промеж себя искать бога, искали у всех богатых, у всех первых людей, но ни у кого не нашли присутствия божества, Анна Родионовна, в исступленном восторге, сказала им от имени бога:

— Для чего ж вы меня, бога, не нашли? Где я пребываю? — И, указав на Кондратья, прибавила: — Вот где бог живет!

---

[1] Белый конь — символ скопчества, как и белый голубь.

Приказав выдвинуть на середину горницы сундук, она села на нем и, посадив возле себя Кондратья, стала ему выпевать такое пророчество:

«Ты один откупишь всех иностранных земель товары, и будут у тебя их спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крепко на своем сундуке. А теперь тебя хотят все предать, но хоть ты и будешь сослан далеко, хоть и наложат тебе оковы на руки и на ноги, но, по претерпении великих нужд, возвратишься ты в Россию и потребуешь всех пророков к себе налицо, и станешь ты судить их своим судом. Тогда тебе все цари, короли и архиереи поклонятся и отдадут великую честь, и пойдут к тебе полки полками!..»

Так был встречен Кондратий при вступлении в хлыстовский корабль. Он оставался смиренным, занимал всегда последнее место и, притворяясь немым и глухим, никогда не пророчествовал. Никто не слыхал его голоса, иные думали, что он и в самом деле глухонемой. Но «сила была в нем», как выражаются хлысты и скопцы. Раз зазвала его пророчица Анна Родионовна в особую горницу, с целью привести его в восторженное исступление, чтоб он заговорил.

— Я давно хочу с тобой побеседовать,— сказала она.— Садись возле меня.

И, посадя Селиванова, схватила крест. Желая привести его в исступление, она сказала:

— Приложись к кресту!

Но Кондратий сам взял у нее крест и проговорил:

— Дай-ка я приведу тебя самое.

— Ах, да и ты говоришь! — сказала она.—Что ж это мы никогда не слыхали, чтобы ты с кем говорил?

«И тут накатил на нее дух мой,—рассказывает Селиванов,— и она, сделавшись без чувств, упала на пол, и я было испугался того, как это бог мой ничего не знает. Взял дунул на нее своим духом, и она как от сна пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: «О, господи! Что такое со мной случилось? О, куда твой бог велик! Прости меня!» Взяла и приложилась ко кресту, и говорила: «Ах! Что я про тебя видела». Я сказал: «Что такое видела? — Скажи, так и я тебе скажу». И тогда она стала мне сказывать пророчество».

Вот оно, второе пророчество Анны Родионовны Кондратью Селиванову:

— Полетела от тебя птица по всей вселенной всем возвестить, что ты бог над богами, царь над царями, пророк над пророками.

— Это правда,— спокойно отвечал ей Селиванов.— Смотри же, никому про то не сказывай.

Но и после того Кондратий Селиванов по-прежнему молчал на радениях. В то время поступил в корабль Акулины Ивановны новый хлыст, Александр Иванович Шилов. «Это был,— говорит Селиванов,— мне друг и наперсник, родился он с благодатью. Еще в мире (то есть до поступления в хлысты) бога узнал, произошел все меры, был перекрещенец и во всех верах был учителем, а сам говорил всем: «не истинна наша вера, и постоять не за что. О, если бы нашел я истинную веру христову, не пощадил бы своей плоти, рад бы головушку за нее сложить, отдал бы плоть свою на мелкие части раздробить».

И господь, услыхавши сие его обещание,— продолжает Селиванов,— избрал его мне в помощники. Потому и говорил я через искупительские уста свои (одному из хлыстов):

— Романушка. Поди, любезный, к одному человеку, зовут его Александром Ивановичем, и объяви ему о моем спасении и истинной вере, а он давно ищет и оною желает на путь истины придти».

Роман пошел к Шилову и сказал ему:

— Александрушка! Не можно ли как получше жить?

— Нет, если бы ты самого того прислал, от кого ты сам послан, я бы с ним поговорил, а с тобой говорить мне нечего. Знаю, что нет его больше на свете, и что только он один может греховный наш узел развязать.

Селиванов сам пошел к Шилову. И только что подошел к его дому, как тот встретил его словами:

— Вот кого надо. Кого сорок лет я ждал, тот идет, ты наш истинный свет, ты просветишь всю тьму, ты осветишь всю вселенную, тобою все грешные души просветятся и от греховных узлов развяжутся, и тебе я с крестом поклонюсь (то есть перекрестившись, и даже обеими руками). Ты один, а нас много, и рад я за тебя головушку сложить и на мелкие части плоть свою раздробить. Кто как хочет, а я *почитаю тебя за сына божья*. И ты поживи на земле, а я прежде тебя сойду. Тебе еще много дел надо на земле сделать, чистоту свою утвердить

и всю лепость истребить, всех пророков сократить и всю гордость и грех искоренить.

Так исповедовал «сына божья» Кондратья Ивановича Селиванова Александр Иванович Шилов. За это исповедание он признается белыми голубями за Иоанна Предтечу.

Кондратий благословил его, дал ему крест, свечу и меч (то есть нож, который потом употреблялся при операциях) и сказал:

— Вот тебе мой меч, будешь у многих деревьев сучья сечь.

И много с ним беседовал «молчанка» Кондратий, как ни с кем еще не беседовал, и послал он его к богородице Акулине Ивановне, чтоб она приняла его в корабль свой, и велел он Шилову поклониться ей со крестом. А до тех пор с крестным знамением у хлыстов не кланялись.

Когда Шилов вошел в собор и, крестясь, три раза поклонился Акулине Ивановне, а потом на все четыре стороны, все удивились. Стали говорить: «никак он уж давно приведен (обращен в хлыстовскую секту)? Да кто его научил с крестом кланяться?» И сказал Шилов про Селиванова, что он научил его. Тут вышел на середину пророк, стал радеть и такое пророчество выпевать Александру Ивановичу:

— Подь-ка, брат, молодец! Давно тебя дожидал, ты мне, богу и духу святому, надобен. Благословляю тебя крестом, ты виделся с самим христом; вот тебе от самого божьего сына меч, им много будешь грехов сечь, и дастся тебе «Книга Голубина» от божьего сына. Ты сам о том знаешь, с кем беседовал, и от вас много народу народится; знать, опять старинка хочет явиться.

Богородица Акулина Ивановна позвала Александра Ивановича к себе и стала расспрашивать:

— Кто тебя сюда прислал? Никак ты приведен?

— Вы, матушка, сами изволите знать,— отвечал предтеча богородице: — что мы все от одного приведены, от сына божья да от владычицы.

— Знаю, знаю,— отвечала Акулина Ивановна,— поди же теперь, поклонись ему от меня.

До сих пор сношения с начальницей корабля Акулиной Ивановной молчавшего при всех Кондратья Селиванова бывали лишь тайные. Тайно обратили они Шилова в хлыстовщину, тайно и утверждали его в вере. Ког-

да Александр Иванович пришел от богородицы к Селиванову, то рассказал ему про всю свою беседу с ней.

— О, государь батюшка! — сказал он.— Что вы изволили говорить, то и пророки пели [1], а матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мной, что «это-де мой сыночек, что все пророки мне поют, будто от меня сын божий народится, а я этому и сама дивлюсь».

— Ну, любезный мой сыночек,— отвечал своему предтече христос Селиванов, говоря в «духе», нараспев:

Даст тебе отец и сын,
Святой дух и я, отец-искупитель, много сил,
И порубишь ты много осин...
Коли ты сына божьего просил,
Жалует тебя бог Ригой да тюрьмою [2],
И благодарит тебя отец, сын и святой дух
За верное обещанье головушку за меня сложить,
Хочешь живот и сердце надсадить,
Да и сады мне насадить,
Так благословляю я тебя идти в ночь,
А господь пойдет на восток [3].
И будет у нас меж собой истекать один исток,
Дух мой будет в тебе вовек пребывать
И обо мне возвещать,
И мы с тобой будем хоть плотями и врозь,
Но духом пребудем неразлучно вместе,
Кому будет ночь, а тебе день,
И не возьмет тебя никакая лень, и т. д.

Сильно негодовал Селиванов на хлыстов за то, что не соблюдают они заповеданной им чистоты и вместо того, чтобы проводить жизнь не только в безбрачии, но и в целомудрии, как требовалось правилами секты и самими заповедями саваофа Данилы Филипповича, предаются разврату. Ходя из одного хлыстовского корабля в другой, напрасно Селиванов искал в них чистоты и целомудрия. «Исходил я по всем кораблям,— говорит он в своем «Послании»,— но все лепостью перевязаны, только того и глядят, где бы с сестрой в одном месте посидеть». И вздумал Селиванов истребить разврат у людей божьих. В самообольщении полагал он, что свыше предназна-

[1] Скопцы считают великим чудом, что пророк на беседе от имени бога пропел Шилову то самое, что пред тем говорил ему Селиванов.

[2] Намек на то, что Шилов после был сослан в город Ригу.

[3] Намек на то, что Шилов был послан на *север* от Орловской губернии, в Ригу, а сам Селиванов на *восток*, в Сибирь.

чено ему «освятить всю вселенную, истребить в божьих людях всю лепость и победить змея лютого, поедающего всех на пути идущих».

Сначала Селиванов стал обличать людей божьих. «Лепость весь свет поедает,— говорил он,— и от бога отвращает, и идти к богу не допускает, и потому многие в пагубной лепости учители учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своих подвигов лишились, не доходили до царства небесного, променяли вечное сокровище на пагубное житие. Единые девственники предстоят у престола господня... Храните девство и чистоту. Не заглядывайтесь братья на сестер, а сестры на братьев, и не имейте праздных разговоров и смехов... И празднословия не чините, от сего рождается злая лепость, которую не без труда искоренить можно... Удаляйтесь злой лепости и не имейте с сестрами, а сестры с братьями праздных разговоров и смехов, от чего происходит лепость, ибо оная как магнит, камень, имеющий свойство привлекать к себе близ находящееся железо, так и женская лепость, по врожденному свойству своему, каждого близко обращающегося брата с сестрою привлекает к себе и неприметно вкладывается в сердца человеческие, и яко моль точит и поедает всю добродетель и изгоняет благодать божью».

Хлысты не могли равнодушно слушать обличений Селиванова. Они возненавидели обличителя и несколько раз покушались даже на жизнь его. Во всех кораблях пророки восстановили против него людей божьих, говоря, что он хочет закон изменить, но Селиванов отвечал на то: «Я пришел к вам не разорять вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрепить, да про чистоту свою объявить». И действительно, он не коснулся ни единого из хлыстовских верований; ввел одно лишь обыкновение кланяться на радениях друг другу с крестным знамением. Пророки поносили Селиванова. Особенно один пророк, Филимон, ненавидел его, но в «Страдах» упоминается, что сам он, когда «ходил в слове», выпевал «про чистоту Селиванова».

Неуспешна была устная проповедь Селиванова. Обратился он к другому средству.

В одной беседе с наперсником своим Шиловым Селиванов сказал ему: «Все лепостью перевязаны, то и норовят себе, где бы с сестрой в одном месте посидеть.

Уж бить змею, так бей поскорее до смерти, покуда на шею не вспрыгнула да не укусила».

И стал он учить людей божьих: сказано в писании: «аще рука твоя или нога твоя соблазняет тя, отсецы ю и верзи от себя, а аще око твое соблазняет тя, изми е и верзи от себя». По сему и в прочем следует поступать. Что соблазняет, то и отсеки.

Шилов первый исполнил оскопление над собой, потом над Селивановым. Пристал к ним третий христос Андрей юродивый, затем другие... Но никто не был так ревностен к делу «убеления», никто так много не выпустил на свет «белых голубей», как предтеча и креститель Александр Иванович Шилов.

Божьи люди, не любившие Селиванова, еще больше невзлюбили его за проповедь «убеления». Однажды на хлыстовской беседе особенно за что-то ненавидевшая его пророчица стала у дверей с камнем, чтоб убить его, когда он станет вон выходить, но поднятая рука ее, по словам «Страд», окаменела. Селиванов пошел из беседы, лег в ясли и пролежал в них трое суток, не пил, не ел, плакал и молился. Пророчица между тем увидала во сне, что ангелы наказывают ее жезлами и велят просить у Селиванова прощения. Она испросила прощения, но брат ее хотел застрелить Кондратья, когда тот ходил на праздник в Тулу. Каждый праздник выходил он на дорогу и шесть раз стрелял, но каждый раз не попадал в отца-искупителя.

Божьи люди жаловались на Селиванова своему учителю, пророку Филимону. Призвал тот к себе Кондратья Ивановича и говорит:

— На тебя все жалуются, ты людей от меня отвращаешь.

Селиванов ни слова ему не ответил.

— Вишь ты какой,— сказал пророк,— даром что молчишь. Смотри, берегись.

В то время Селиванову нигде не было пристанища. Все божьи люди прогнали его от себя. Пришел он к одному хлысту Аверьяну, говорит ему:

— Любезный Аверьянушка! Не оставь ты меня, сироту, призри и утай от семейства и от посестрии твоей [1],

---

[1] Посестрия — жена, с которою прекращены супружеские отношения.

чтобы никто не знал, пусти ты меня к себе в житницу, за то бог тебя не оставит.

«И он меня призрел и ходил ко мне потихоньку от своих. И объявил я ему о «чистоте»,— говорит в своем «Послании» Селиванов (то есть предложил оскопление).

— Боюсь, чтобы не умереть,— отвечал Аверьян.

— Не бойся, не умрешь, а паче душу свою воскресишь,— сказал ему на это отец-искупитель Кондратий Иванович: — и будет тебе легко и радостно, станешь ты как на крыльях летать, дух в тебя переселится, душа твоя обновится. Поди к учителю твоему, пророку Филимону, он сам тебе то же пропоет и скажет, что в доме твоем сам бог втайне живет, и никто о том не знает, кроме тебя.

Пророк Филимон действительно выпел Аверьяну все, что ни сказывал ему Селиванов, Аверьян поверил, пришел домой, поклонился отцу-искупителю и — *принял чистоту*...

Когда Кондратий Селиванов попался под суд, враждебные ему хлысты Филимонова корабля не переставали его преследовать. Ходил он в нищенском образе (вместе с Андреем) и прошел в Тулу, а оттуда отправился в Тифин[1]. Преданный ему скопец Мартын уговаривал отца-искупителя не ходить, но тот не послушался и пошел. Судя по словам «Страд», в это время Селиванов продолжал свою проповедь и многих хлыстов превращал в «белых голубей». «У меня было три сумки,— говорит он своим иносказательным языком: — две я набрал да хотел набрать и третью, и пошел к солдатам просить милостыню[2], но они меня схватили и под палатку к себе взяли, и за телегу меня привязали, и крепко караулили». Как арестанту, обрили ему голову. Но Селиванов ночью бежал из-под караула и пришел к своему ученику Мартыну.

«На крест (т. е. под кнут) отдали меня божьи люди (хлысты)»,— говорит Селиванов. Скрывался он у одной женщины, не принадлежавшей ни к хлыстовщине, ни к кораблю «белых голубей»; звали ее Федосьей Иевлевой. Враждебные Селиванову хлысты указали полиции, где

---

[1] Место нам неизвестное. Во всяком случае не город Тихвин: это место где-нибудь поближе к Туле.

[2] То есть и их уговаривать к принятию «чистоты».

скрывается отыскиваемый колодник. Два раза приходили солдаты с обыском к Федосье, но не могли найти спрятанного в подполье Кондратья. Пошли в третий раз вместе с солдатами сами доказчики из божьих людей, разломали пол в избе Федосьиной, вытащили оттуда за волосы Селиванова, избили его и отдали солдатам. «И тут меня били все чем попало безо всякой пощады,— рассказывает Селиванов в своем «Послании»: — поясок и крест с меня сняли, а руки назад связали и назади гирю привязали, и повели меня с великим конвоем, шпаги обнаживши и со всех сторон ружьями примкнувши, один ружьем в грудь, другим сзади и с обоих боков, так что чуть не закололи. И привели меня в Тулу и посадили на стул[1], подпоясали поясом железным фунтов в пятнадцать и приковали меня к стенам за шею, за руки и за ноги, и хотели меня уморить; на часах стояли четыре драгуна, а в другой комнате сидели мои детушки трое, которые на меня доказали и которых поутру хотели бить плетьми». После допросов, снятых в Туле (по делу в имении Лугинина), повезли Селиванова в Тамбов. В тамошней тюрьме содержался он два месяца. Когда вышло решение наказать Селиванова, повезли его за конвоем на место преступления, в Сосновку. «И тогда за мною шли полки полками,— рассказывает Селиванов в своем «Послании»: — у солдат были шпаги наголо, а у деревенских мужиков палки в руках. И тут меня сосновские детушки встречали, плакали и рыдали, и говорили: «ведут нашего родного батюшку!». И в самое то время поднялась великая буря, сделался в воздухе такой шум, что за тридцать саженей никого не было видно и никого не можно было разглядеть. И привезли меня в Сосновку, стали наказывать кнутом и секли долгое время, так что не родись человек на свет, и было мне весьма тошно...»

В то время, при наказании кнутом, иногда взваливали преступника на плечи первому попавшемуся дюжему мужику. Иван Прокудин держал Селиванова («был заместо крестного древа»), а Ульян, сын Софона Попова, держал его за голову. После наказания сняли с Селиванова окровавленную рубашку и надели новую. Окровавленная рубашка впоследствии сохранялась в корабле

[1] Тяжелый стул с цепью, к которому приковывали в старину важных арестантов или же бегавших из тюрьмы.

рижских скопцов, как святыня, и была известна под названием «крестной ризы».

Селиванова секли кнутом 15 сентября 1774 года. Белые голуби постятся в этот день страданий своего искупителя. На том месте, где его наказывали, по словам белых голубей, была построена ими церковь, но это, по справкам, деланным в сороковых годах, оказалось несправедливым. В иных кораблях скопцы говорят и поют в «страстных песнях» о том, что Селиванов был наказан не в Сосновке, а в Моршанске. Выстроенный скопцами Плотицыными и другими в этом городе великолепный собор находится, говорят, на том самом месте, где наказывали основателя их секты.

Когда Селиванова погнали в Сибирь, на дороге он встретился с Пугачевым, которого везли тогда в Москву на казнь. Не тут ли пришла ему мысль назваться императором Петром III?

XII

Ссылка Селиванова и его ближайших помощников зла не уничтожила. Там, где были до того времени хлысты, теперь стали появляться и белые голуби. Так было в Орловской губернии, на родине скопчества, так было в Моршанске и Сосновке, его колыбели, так было в губерниях Курской, Тульской, Калужской, Смоленской, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тверской и Новгородской. Белые голуби появились и в обеих столицах.

В это время кем-то распущен был слух, что под именем сосланного в Иркутскую губернию Кондратья Селиванова скрывается император Петр III. В царствование Екатерины не один Пугачев принимал имя этого государя. Самозванцев было много, и мысль, что бывший император скрывается, сильно была тогда распространена в простом народе.

В «Послании» своем, по всей вероятности, писанном уже по возвращении Селиванова из ссылки, он, именуясь царем израильским, нигде не называет себя императором Петром III; называет богородицу Акулину Ивановну «матушкою-государынею», но никогда Елизаветою Петровною. Тем не менее по всем сведениям, имеющимся в

делах о скопцах, видно, что мысль назваться императором Петром III принадлежит самому Селиванову и что он стал называться этим именем в Сибири.

Белые голуби рассказывают и поют в своих песнях следующее: отец-искупитель воплотился от святого духа и родился от пренепорочныя девы Елизаветы Петровны, по благовествованию ей Иоанна Богослова. Будучи предызбрана богом к святому житию, императрица Елизавета Петровна царствовала всего только два года. Отдав правление любимой фрейлине, очень похожей на нее лицом, она будто бы «отложила царские одежды, надела нищенское платье и пошла пешком в Киев на богомолье». На пути, в Орловской губернии познала она истинную веру людей божьих и осталась с ними жить под именем Акулины Ивановны [1].

Еще в Петербурге будто бы родила она сына Петра Федоровича и отправила его в Голштинию на воспитание, где, достигнув отроческих лет, сделался он «белым голубем». Возвратясь вскоре после того в Петербург, был он объявлен наследником престола и женился. Супруга Петра, продолжают скопцы, возненавидела его за то, что он был «убелен», и, когда принял он правление, склонила на свою сторону некоторых вельмож, которые решились убить его в Ропше. Но Петр, сведав о том, переменился платьем с караульным солдатом, также белым голубем, и скрылся. Трое суток, скрываясь от поисков, он не пил, не ел, потом будто бы сидел в каком-то каменном столбе, укрывался у колонистов, живших под Петербургом, и наконец успел скрыться в Москве. Солдата между тем убили и похоронили в Невской лавре. В Москве Петр начал свою проповедь «чистоты», затем ушел в Орловскую губернию к Акулине Ивановне, принял имя Кондратия Ивановича Селиванова, а ушедший с ним вместе граф Чернышев (по другим, князь Дашков) назвался Александром Ивановичем Шиловым. Оба они исходили всю Россию и разные иностранные госу-

---

[1] Может быть, это была одна из двух сестер, называвшихся Акулинами Ивановнами, которые были сосланы по делу о московских хлыстах 1734 года. Одна была женой христа Прокофья Лупкина и нижегородскою богородицей, а потом московского Ивановского монастыря старицей Анной, другая, ее родная сестра, была в том же монастыре в монахинях под именем Александры. В 1774 году старшей могло быть лет 85, а младшей не более 60.

дарства, «проповедуя чистоту», были наконец взяты в Туле, наказаны в Сосновке кнутом и сосланы: отец-искупитель Петр Федорович на восток, в землю Иркутскую, предтеча его Шилов на север, в Ригу (то есть в Динаминдскую крепость).

Эта сказка ходила по простонародью и достигла до сведения правительства в последние годы царствования императрицы Екатерины. Жил тогда в Москве купец Федор Евсеевич Колесников из белых голубей, и был он известен государыне, называвшей его в шутку «масоном». Ему, как рассказывают скопцы, поручено было съездить в Сибирь и разведать про ссыльного Селиванова. Колесников воротился в Петербург уже по кончине государыни и будто бы объявил новому государю, что Петр действительно жив. Император Павел велел привезти Селиванова в Петербург [1]. Вероятнее всего, что

[1] В царствование императора Павла являлось несколько лже-Петров. Так, например, месяца через три по вступлении Павла Петровича на престол, прислан был Архаровым из Москвы один трудник, молчальник, в веригах, называвший себя Петром III, и был посажен в Петропавловскую крепость. Объявивший о нем и также посаженный в Петропавловскую крепость крестьянин бывшего Никитского уезда Московской губернии, деревни Дурнова (ныне Бронницкого уезда), Иван Гаврилов, 16 февраля 1797 года в собственноручном показании писал: «Близ нашего селения, в вотчине г. Измайлова, в селе Быкове, под колокольнею жил человек трудник, как безъязычен, более двух годов, который имел на себе железные вериги на животе и на ногах. Видя его к богу великие труды и подвиги, имел и я с прочими приверженность к нему, несколько раз ходил и почитал его труд за свято, и просил его, чтоб он сказал про себя, какого он звания человек, и проговорил бы языком, и происходило этого времени с год, однако он мне не открылся, а стал меня просить письмом, чтоб для него нанял подводу отвезти его в Стародуб, в старообрядский монастырь для пострижения в монахи. Я на его просьбу сначала долго не склонялся, а потом согласился. Потом стали мы его просить усердно, и в ноги ему кланялись, и слезно плакали, чтобы он нам объявил, кто он такой. Но он мнением, а не языком рассуждая, все пальцами: «потерпите немного, скажуся». Прожив недели две у меня, стал он на себе воображать пальцем на груди как кресты или звезды, и делал будто артикул руками и вынимал будто шпагу. Мы по этому примеру не поняли, стали еще больше просить его, приговаривая при том: «по твоему труду, неужели ты у господа бога не упросишь языком с нами проглаголати?» И так он при отъезде в Стародуб у меня в доме объявил себя государем Петром Федоровичем и тут завещал нам с клятвою, чтобы мы, до того времени, когда государь примет коронацию, никому этого не сказывали. Отпустя его в Стародуб на наемных подводах, я, усомняся, как бы чрез сие не последовало в России какого неустройства, для совета сказал московско-

скопческий отец-искупитель, при содействии и помощи разбогатевших во время его ссылки скопцов, бежал из Сибири и, отысканный, был посажен в Петропавловскую крепость [1].

«Белые голуби» в одной из своих «воскресных песен» поют, что купец Федор Колесников

Святым духом разблажил,
Отца царю доложил:
«Он не умер ведь, а жив,
Во Иркутске все блажил,
Сорок лет в страдах он жил».
Тут царь сердцем встрепенулся,
На отца он ужаснулся,
И заплакал, затужил,
Все собранье нарушил,
Послал скорого гонца
Отыскать своего отца,
Чтоб представил бы в столицу
Со Иркутской со границы.
Скоро это сотворил,
Отцу двери растворил.
Он вошел со бурным духом,
А сам гордо говорил:
«Сотвори мою ты волю,
Я имею власть теперь,
Отдам скипетр и венец,
Коль ты мне родной отец».
Наш батюшка-искупитель

му жителю Илье Алексеевичу (известный основатель Преображенского кладбища, Ковылин), а он сказал нам, что непременно оного человека надобно искать, и объявили бы мы о сем Ивану Петровичу Архарову. И по поводу оного мы, обще с братом моим Николаем Алексеевым и с определенным от Архарова офицером, поехали в Стародубские монастыри секретно его искать, но там не отыскали, а приехавши в Москву обратно, отыскали его в Москве уже в съезжем доме. И тот трудник Архаровым представлен вместе со мною в Петербург» («Дело департамента общих дел министерства внутренних дел», 1827 г., № 3). Крестьянин Гаврилов, вскоре по вступлении на престол императора Николая Павловича, подавал в 1826 году всеподданнейшее прошение, в котором подтверждал написанное им в феврале 1797 года (то же «Дело»). Не был ли этот трудник и молчальник бежавший из Сибири Селиванов?

[1] Указания на побег Селиванова из Сибири, а не на возвращение его по распоряжению высшей власти, находим и в свидетельствах самих скопцов. Таким образом, Костромской губернии крестьянин Иван Андреянов, в поданном императору Александру Павловичу донесении, говорит: «Учитель мой, отставной солдат, скопец Алексей Иванов рассказывал, что искупитель «из царского рода, царь», бежавши с каким-то молодым генералом из Иркутска, проживал где-то в деревне, у одной женки, под полом, скрываясь от ищущих».

Проглаголал с высоты:
«Ты послушай, молодец,
Что греху я не отец.
Я за тем сошел с небес,
Разорить грехи в конец,
Чистоту буду любить,
Хочу грех весь погубить,
А и в праведной семье
Буду в трубушку трубить,
Всех поставить, утвердить».
Тут царь крепко осерчал.
Забыл первый свой начал,
Пошел, очень закричал.
Затворил он крепко двери:
«Не хочу в твоей быть вере,
А за этот за смешок
Пошлю в каменный мешок».
Наш батюшка-искупитель
Кротким гласом провестил:
«Я бы Павлушку простил:
Воротись ко мне ты, Павел,
Я бы жизнь твою исправил».
А царь гордо отвечал,
Божества не замечал,
Не стал слушать и ушел.
Наш батюшка-искупитель
Своим сердцем воздохнул,
Правой рученькой махнул:
«О земная клеветина!
Вечером твоя кончина;
Изберу себе слугу,
Царя бога на кругу,
А земную царску справу
Отдам кроткому царю:
Я всем троном и дворцами
Александра благословлю,
Будет верно управлять,
Властям воли не давать;
Я вам истинный Христос,
Учители, не слабейте,
А пророки не робейте...» и т. д.

Представляем еще два рассказа скопцов о возвращении Селиванова в Петербург: унтер-офицера Архипова, которому сам Селиванов рассказывал про свидание свое с императором Павлом, и штабс-капитана Созоновича, знавшего все тайны скопческого общества.

Из записки полковника князя Голицына «О скопцах, открытых в Москве в 1835 году» и из следственного дела о них, тогда производившегося, видно, что скопец отставной унтер-офицер Денис Архипов, служа в Ноте-

бургском пехотном полку, квартировавшем в 1789 году в Риге, стоя на часах в Динаминдской крепости, был совращен в скопческую ересь содержавшимся там крестьянином Александром Ивановым Шиловым и тут же «убелен» инженерным унтер-офицером Казуткиным. В Риге белые голуби собирались на радения в доме мещанина Дегтярева, куда приходил и кормщик рижского корабля Иоанн предтеча Шилов, отпускаемый для того каждый раз из-под караула из Динаминдской крепости, благодаря слабости надзора за арестантами и тому, что многие из карауливших его сами принадлежали к обществу белых голубей. «Когда воцарился император Павел Петрович,— рассказывал Архипов,— то возникли в народе разные толки про императора Петра III. Узнали мы, что учитель наш Александр Иванович Шилов и сосланные с ним в крепостные работы скопцы Софон Авдеевич Попов, дьякон Семен Алексеев, Иван Прокудин, Емельян Ретивов, Иван Семикин и еще Кузьма, присланные из Моршанска, рассказывают, будто старейший скопческий наш учитель есть император Петр Федорович, что он жив и находится в Сибири в ссылке». Вследствие таких их разговоров все они были отправлены по высочайшему повелению из Риги в Шлиссельбургскую крепость, и тогда же, по словам их вытребован был из Сибири отец-искупитель Петр Федорович. «Я, бывши в 1805 году в Петербурге, во время уже своей отставки, по надобностям,— говорил Архипов: — видал его в доме скопца, тамошнего купца Сидора Яковлевича Ненастьева, беседовал с ним и изустно от него слышал, что по возвращении его из Сибири представляли его императору Павлу Петровичу, который спросил его: «почему ты именуешься по народной молве отцом моим?» На сии слова батюшка отец-искупитель,— продолжал Архипов,— отозвался, что «когда ты (то есть государь Павел Петрович) согласишься «принять чистоту» и поступить в нашу истинную веру, то и будешь моим сыном». Разгневавшись за такой ответ, государь отправил отца-искупителя в какую-то богадельню под надзор, откуда он был освобожден уже императором Александром Павловичем».

В таком же роде рассказывает другой скопец, штабс-капитан 34 егерского полка (из дворян Смоленской губернии, воспитанник С.-Петербургского дворянского

корпуса) Борис Петрович Созонович, убелившийся на 24 году от рождения. «По вступлении на престол императора Павла Петровича (говорит он в «Объяснении», которое, раскаявшись в своих заблуждениях, писал он в Соловецком монастыре, куда был сослан), по доносу некоторого московского купца Масонова (то есть Колесникова), освобожденного оным государем из заточения, что якобы отец его, бывший император Петр Федорович, находится в живых, тот самозванец был возвращен из Сибири в Петербург. Когда государь спросил его, точно ли он его отец, то он якобы ответствовал, что когда-де примешь мое дело, то есть оскопление, то я почту тебя за сына. А равно и помянутый предтеча того лжехриста (Шилов) в оное же время из заключения освобожден. Но как государь Павел Петрович не почел их теми особами, коими они от купца Масонова были названы, то якобы государь самозванца Петра из секретного заключения определил в некую богадельню с пенсией, а означенный лжепредтеча сослан в Шлиссельбургскую крепость».

В действительности император Павел, не зная тайн скопческой ереси и считая уродующих себя сумасшедшими, облегчил наказания, которым подверглись они в царствовании Екатерины по суду статского советника Волкова. Привезенный в Петербург Кондратий Селиванов был по высочайшему повелению помещен в смирительный дом, находившийся при Обуховской больнице, под именем «секретного арестанта». Шилов из крепостных работ в Динаминде переведен в Шлиссельбургскую крепость, где получал хорошее содержание с разными удобствами в жизни, а Софон Авдеевич Попов помещен в Зеленецкий монастырь, Петербургской епархии, где постригся и наречен в монашестве Савватием. Другие скопцы также получили облегчение. Многие из моршанских и орловских белых голубей переселились уже в это время в Петербург, приписались в тамошнее городское общество и завели большие торговые дела.

Император Александр Павлович через год по вступлении на престол (6 марта 1802 года), в сопровождении молодого своего советника графа Строгонова, посетив Обуховскую больницу и находившиеся при ней заведения, разговаривал с Селивановым и приказал освободить его и поместить в богадельню.

В тот же день петербургский камеральный департамент писал надзирателю богадельни, находившейся при Смольном монастыре, коллежскому советнику Белкину, следующее: «во исполнении высочайшего именного его императорского величества повеления, здешний военный губернатор генерал-от-инфантерии Голенищев-Кутузов сему департаменту предложил: содержащегося в смирительном доме под именем «секретного арестанта», крестьянина Орловской губернии, села Столбова, Кондратия Селиванова освободив, определить в богадельню».

В тот же день надзиратель городской больницы Солодовников уведомил Белкина о высочайшей воле и, препровождая Селиванова, предписал принять его в богадельню *в первый сорт*.

В богадельне Смольного монастыря Селиванов ходил по церкви с кружкою для сбора в пользу бедных. Через три с половиной месяца он, по прошению жившего в Александро-Невской лавре поляка, статского советника Еленского, был уволен, уже без высочайшего повеления.

Белые голуби, называя наказание кнутом Кондратья Селиванова «крестною смертью» и «распятием», а ссылку его в Сибирь «погребением», считают возвращение его в Петербург и получение им свободы «воскресением». Со времени этого «воскресения» на радениях белых голубей, как в Петербурге, в присутствии самого обоготворяемого Селиванова, так и по другим местам, скопцы стали петь пасхальную песнь православной церкви «Христос воскрес». Этими же словами начинает Селиванов и свое «Послание» к детушкам, которое писал он, бесспорно, в Петербурге. У скопцов есть следующая «воскресная песнь» о возвращении свободы их отцу-искупителю:

Со восточной со сторонушки
На западную, на западную
Провезли древо кипарисовое,
На том древе пятьсот золотых ветвей.
Эти ветви
Израильски дети [1],
А везли то древо на пятистах конях,
А на всяком коне по пятисот ковров,
А на всяком ковре по пятисот ангелов.
Еще ангелов, да архангелов.
Привезли то древо-кипарис во Питер град.
Становили древо от земли до неба:

---

[1] Израильские дети — скопцы.

Будут строить град Иерусалим
С отцом, сыном и святым духом с самим,
И со троицей, с богородицей,
И великие дома строятся [1],
Клад великий откроется,
Источник протечет,
Сын божий на всю землю проречет:
«Кто хочет живой воды напиться,
Изволь в Питер прикатиться,
То душам вечно годится.
Чтобы телу не потакать,
А живому богу работать,
Души в царство привлекать,
На плеча белы ризы надевать,
Будет весь Израиль доставать
И этому делу не миновать».

По выходе из богадельни Смольного монастыря отец-искупитель белых голубей поселился в доме купца Сидора Ненастьева, где собирался тогда петербургский хлыстовско-скопческий корабль, в то время уже многочисленный и поддерживаемый лицами, принадлежавшими к высшему, образованному обществу. Живал Селиванов и в других домах скопческих, у Красниковых, у Добрецова, Артамонова, Васильева и у купчихи Афросиньи Софоновны Поповой, дочери сосновского скопца Софона Авдеевича, теперь инока Савватия, бывшей, для виду, замужем за купцом Андреем Костровым, тоже скопцом. Эта Афросинья, очень красивая собой, хотя уже немолодая женщина, была в петербургском корабле пророчицей. Наконец купец Солодовников в 1816 году построил в Литейной части, близ Лиговки, «Новый Иерусалим», где водворился отец-искупитель и жил до 1820 года, то есть до ссылки его в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь.

Заключим эту главу сохранившимися известиями о скопческом Иоанне предтече, Александре Ивановиче Шилове, которого называли то графом Чернышевым, то князем Дашковым, заключенным будто бы в темницу по повелению императрицы Екатерины. В редкой рукописи «Рижские скопцы», экземпляр которой находится у нас, говорится о нем следующее:

Скопцы с какою-то таинственностью и благоговением рассказывают, будто бы император Павел Петрович, бу-

[1] Это относится до построения скопцами Солодовниковыми дома Кондратью Селиванову, который назывался «Новым Иерусалимом»; о нем подробно будет рассказано далее.

дучи еще великим князем, в 1776 году два раза один-на-один разговаривал с Шиловым в Динаминдской крепости. Овдовевший в этом году (15-го апреля) великий князь через восемь недель по кончине супруги своей Наталии Алексеевны (13-го июня) поехал в Берлин свататься к принцессе Софии-Доротее Вюртемберг-Штутгартской (императрица Мария Феодоровна) и воротился в Петербург 14-го августа. Находясь в Риге в конце июня, в первых числах августа 1776 года, он действительно обозревал казематы Динаминдской крепости и, конечно, видел Шилова и других скопцов, незадолго пред тем присланных из Сосновки и Моршанска. Вступив на престол, он отдал повеление президенту города Риги Егору Егоровичу Гене прислать Шилова в Петербург, а остальных скопцов разослать по монастырям. Шилова привезли в Петербург и в продолжении полутора месяца содержали у Обольянинова, в угловом доме, выходившем на набережную Невы из Мошкова переулка. В то же время взяли шестерых скопцов, живших в Петербурге, и в конце 1796 года всех их отправили в Шлиссельбург[1]. Вскоре после того, именно 6-го января 1799 года, рано утром приехал в Шлиссельбург нарочный курьер (камергер, ибо имел на заднем кармане ключ) с повеле-

---

[1] Из числа этих скопцов, лично знавших Шилова, в сороковых годах были еще живы в Петербурге: купец Агеев и бывший купец, а потом мещанин, Савельев. Последний был одарен большим умом и удивительною по его летам памятью. Он рассказал, между прочим, о смерти императора Ивана Антоновича, содержавшегося в том самом каземате, в котором впоследствии сидел Савельев, и слышал об обстоятельствах его смерти от сторожей. Савельев, Агеев и другие рассказывали, что в числе посаженных с ними в Шлиссельбургскую крепость был и московский купец Федор Евсеевич Колесников. Они говорили, что этот Колесников пользовался милостью императрицы Екатерины II, что она употребляла его по разным делам и прозвала в шутку «масоном», название, которое, из подражения государыне, и все давали в то время скопцам. Будучи послан Екатериною по каким-то делам в Сибирь, Колесников, возвратясь, нашел на престоле уже Павла Петровича, также знавшего его и осыпавшего милостями, когда был великим князем. Приняв бумаги от Колесникова и полный отчет по поручению, данному Екатериной, император Павел будто бы рассердился на него за то, что тот явился к нему в сибирской одежде, и как в то самое время отправляли Шилова и шестерых петербургских скопцов в Шлиссельбург, то он велел отправить с ними и его, но через два года возвратил, и тогда как сам, так и императрица Мария Федоровна снова осыпали будто бы Колесникова своими милостями.

нием привезти в Петербург для освобождения Шилова с другими скопцами. Но посланный не застал Шилова в живых: он умер в то самое утро, как тот приехал. Это поставило камергера в недоумение: он недоумевал, везти ли ему других скопцов, которых предписано было ему представить вместе с умершим. По совещании с комендантом крепости, генерал-майором Плуталовым, он решился пока оставить их в крепости, а Шилова не предавать земле до разрешения государева. Через двенадцать дней последовало повеление Павла Петровича предать тело Шилова земле, со всеми христианскими обрядами [1], а заключенных одновременно с ним скопцов допустить проститься с его телом. Они нашли при гробе коменданта и священника. Из них Савельев и Агеев чрез сорок пять лет после того утверждали, что тело Шилова не только не было испорчено, но и не имело дурного запаха. В этом нет, впрочем, удивительного: дело было зимою. Шилова похоронили при подошве Преображенской горы, близ берега Невы, куда будто бы сопровождали гроб его: комендант генерал-майор Плуталов, плац-майор Юхарев, множество чиновников, народ и все духовенство. По восшествии на престол императора Александра Павловича, бывшие в заточении спутники Шилова освобождены и возвращены в экипажах в Петербург. В 1802 году, при коменданте Плуталове, плац-майоре Юхареве, разных чиновниках, священстве и множестве народа, стекшегося как из Шлиссельбурга, так и из Петербурга, гроб Шилова был вырыт, и тело будто бы найдено неповрежденным, и, по словам плац-майора Юхарева, передававшего это скопцу унтер-офицеру Трусову, оказался один только ноготь на пальце ноги почерневшим, но и то Юхарев относил к тесноте гроба. Мертвого Шилова причесали, потом, закрыв, положили в тот же гроб и, в сопровождении всех чинов Шлиссельбурга и посторонних лиц, перенесли выше на той же горе, туда, где

---

[1] Савельев утверждал, что Александр Иванович был первый, которого разрешено было вывезти для погребения из крепости, но что обыкновенно умиравших до него шлиссельбургских арестантов хоронили на том же месте, где они содержались, что даже император Иван Антонович так же был похоронен. К этому Савельев присовокуплял, что император Александр Павлович по вступлении на престол два раза приезжал в Шлиссельбург и приказывал отыскать тело Ивана Антоновича. Поэтому перерыли все под мусором и другим хламом, но ничего не нашли.

оно и теперь находится. Здесь сначала была построена над могилой обширная деревянная часовня (будто бы иждивением коменданта, который был с покойным в дружбе). Могила скопческого предтечи сделалась предметом обожания с того времени, как Кондратий Селиванов стал свободно проповедывать учение свое в Петербурге. Белые голуби со всех сторон стали стекаться на поклонение этой могиле. Петербургские скопцы купцы Борисов и Шеметов сделали над нею прочный свод, а в 1829 году поставили существующий доныне памятник.

XIII

Еще в Сибири Кондратий Селиванов сказал своим детушкам, пришедшим к нему на поклонение из Сосновки: «когда вы чан слез наплачете, тогда отец мой небесный меня к вам отпустит; теперь еще не время, я должен исполнить приказ отца моего небесного». Это было не ранее восьмидесятых годов прошлого столетия.

Чан слез не был наплакан, как Селиванов другим ученикам, приходившим к нему в Иркутск, по словам одной скопческой песни, сказал:

Буду, буду я в Москву,
Разгоню вашу тоску;
Буду в Питере во граде,
Утвержу вас во ограде.
Мне в столицах поселиться,
Чтобы с вами веселиться
На святых божьих кругах,
Во столичных во трудах.

Веруя в непреложность обещаний отца-искупителя, стаями поднялись белые голуби из сел, из деревень и провинциальных городов во сретение грядущему

Из восточныя страны
Из Иркутския.

Они селились в Москве, а еще больше в Петербурге, стали заниматься торговлей, преимущественно золотыми и серебряными вещами, и разменом денег. При строгой бережливости, при скромном образе жизни скопцы скоро разбогатели, и некоторые из них сделались значительными столичными капиталистами.

В Москву белые голуби переселились преимущественно из Тульской и Орловской губерний, а в Петербург

из Сосновки, Моршанска и других мест Тамбовской губернии.

В Москве белые голуби нашли готовые корабли. Обнаруженная в царствовании Анны Ивановны и Елизаветы Петровны хлыстовщина (квакерская ересь) не была искоренена. У Сухаревой башни продолжал существовать дом божий, основанный христом Иваном Тимофеевичем; в Ивановском и других монастырях оставались последовательницы учения людей божьих.

Сначала купец, потом капитан, Иван Максимович Лугинин (на Тульском заводе которого скопили Кондратий Селиванов вместе с Андреем юродивым) из своего московского дома сделал скопческую «сионскую горницу». Здесь белые голуби собирались для совершения радений, здесь производились и оскопления. Приказчик Лугинина считался главою московских белых голубей. Сам Лугинин подозревался в принадлежности к скопческой секте, и не без основания. Действительно, он был «скопец неоскопленный», то есть хлыст. Весь дом его был наполнен хлыстами и скопцами. Чтобы избавиться от подозрения, капитан Лугинин открыто содержал любовницу, которую знала вся Москва. Хитрость удалась: она избавила его от преследований главнокомандующего в Москве фельдмаршала князя Прозоровского.

Способ, употребленный коноводом московских скопцов капитаном Лугининым с целью отвести глаза фельдмаршала, зорко смотревшего за мартинистами и другими тайными обществами в Москве, послужил уроком «неоскопленным скопцам» позднейшего времени. Главными распорядителями скопческого братства нередко бывали и теперь бывают не подвергнувшиеся уродованию. Их иногда называли «духовными скопцами». В случае открытия скопческого корабля эти люди, чтобы отвлечь от себя подозрение, ссылались на то, что имели любовниц; являлись женщины и не по одной, а по две и по три, признававшиеся в связи с руководителем скопческого корабля; являлись даже дети, рожденные будто бы от незаконной их связи. Другие венчались в церквах и «для видимости» жили в одном доме со своими женами да кроме того держали по квартирам на своем содержании женщин единственно ради отвлечения от себя подозрений правительства. Это самая обыкновенная уловка неоскопленных скопцов.

Разыскивая в 1792 году в Москве мартинистов, князь Прозоровский узнал о скопческом корабле Лугинина. Собрав сведения, впрочем, весьма поверхностные, он написал ко всесильному тогда Платону Александровичу Зубову, прося его доложить императрице и просить ее разрешения, как поступить: «приказать ли следствие произвесть, или в тайной экспедиции, и что с виновными в том делать, так как в законах о сем точного нет положения». Зубов не отвечал. По крайней мере ответа его князю Прозоровскому в деле не сохранилось.

Кроме дома Лугинина, московские скопцы в конце прошлого и в начале нынешнего столетия собирались в следующих домах:

1. Купца Федора Евсеевича Колесникова, жившего с братом своим, тоже скопцом, в собственном доме, в Мещанской части, в приходе Троицы, что́ в Троицком.

2. Купца Василья Жигарева, жившего в Рогожской части на Таганской улице, у которого все находившиеся в услужении были оскоплены.

3. Купца Андрея Тимофеева, жившего за Серпуховскими воротами.

4. Отставного солдата Александра Иванова, жившего в подмосковном селе Черкизове.

Во всех этих домах производились оскопления, почему названные домохозяева и назывались в среде белых голубей «мастерами». У Колесникова была главная моленная. Она была устроена под полом, и дневного света в ней никогда не бывало. Над этой моленной устроен был горн, или большая печь, в которой раскаляли скопческий нож, называемый «булатным мечом»; в ней же сжигали тела тех, которые, не перенеся оскопления, умирали. Колесников был очень богатый купец, он торговал преимущественно пушным товаром. Его знали наследник престола Павел Петрович и Мария Федоровна, знала и сама императрица. Находился ли он в каких-либо сношениях с мартинистами, не знаем, но князь Прозоровский в 1792 году доносил, что он из числа масонов и придерживается правилам, близким к масонству. Екатерина поэтому и называла Колесникова масоном. Название это так и осталось за ним. Впоследствии его даже в официальных бумагах называли Масоновым. Выше было сказано, что этот Колесников ездил в Сибирь и, возвратясь оттуда, сказал Павлу Петровичу, уже импе-

ратору, о Селиванове, которого называют Петром III. Сказано было и о том, как Колесников попал в Шлиссельбургскую крепость. По освобождении он поселился в Москве и жил в ней безвыездно, с каждым годом наполняя свой корабль новыми «убеленными», для чего прибегал даже к насилиям [1].

---

[1] В 1806 году коллежский советник Александр Сухово-Кобылин представил при объявлении в московскую полицию крестьянина своего, Ярославской губернии, Романовского уезда, деревни Грязновки, Сергея Михайловича Салтыкова, назначенного им за дурное поведение к отдаче в военную службу. Салтыков оказался оскопленным. Ему было тогда 27 лет, он был женат, имел сына и дочь. Он рассказал московскому военному губернатору Беклешову следующее: «По торговле познакомился он в Москве с купцом Федором Евсеевым Масоном. Приехав в 1803 году из Петербурга с пушным товаром от своего хозяина, петербургского купца Григория Алексеева, Салтыков был у Масона, и этот стал уговаривать его «убелиться». На вопросы Салтыкова, что значит «убелиться», Масон, обещая изъяснить это, пригласил его к себе в дом. Это было около Успеньева дня (15 августа) 1803 года. Масон всегда произносил духовные слова, говоря Салтыкову: «надобно уподобиться ангелам бесплотным и для того умертвить свою плоть и очистить чувствия». Поэтому я и обольстился, рассказывал Салтыков, тем более, что прежде от родителей был всегда водим в набожности. Поэтому я с охотою пошел к Масону. Масон, когда пришел к нему Салтыков, как человека заезжего, уговаривал его остаться у него ночевать. Салтыков согласился. Весь вечер хозяин уговаривал своего гостя убелиться, говорил много из священного писания и, по словам Салтыкова, «пророчествовал неудобопонятное, что меня весьма смущало». После того они пили кофе и ужинали. В самую полночь, продолжал Салтыков, Масон повел меня в так называемую моленную, которая у него под полом в земле и в которой дневного света не бывает. Тут было в собрании мужчин и женщин человек до пятидесяти, все в длинных белых рубашках. Масон совершил обряд своего служения, вертясь один по середине комнаты до усталости, между тем как другие сидели вокруг на стульях, ударяя в то же время ногами по полу, а руками по коленям, «в означение первым пребывания Христа вездесущего, а прочих окружающих его топанием и плесканьем летания ангелов и святого духа вокруг него. Причем он, упоясь якобы святым духом, паки пророчествовал». После того женщины и некоторые мужчины вышли из моленной, осталось в ней восемь человек. Масон стал повторять Салтыкову, что ему надо убелиться, а Салтыков опять спрашивал: что это значит? Масон сказал: «теперь-то и настало время узнать» и велел ему раздеться. Салтыков едва успел спросить: для чего? — как его схватили, один схватил его сзади, другой завязал платком глаза, а рот зажал подушкой. Тут его и оскопили раскаленным ножом... «Я был без чувств около трех часов и затем был болен восемь дней,— продолжал рассказывать Салтыков.— В это время Масон и брат его Тимофей уговорили меня дать присягу, принять их веру и никому об них не откры-

В Риге скопческий корабль, основанный Александром Шиловым во время заключения его в Динаминдской крепости, состоял преимущественно из солдат местного гарнизона и квартировавших в городе войск. Он собирался в доме скопца чиновника 14 класса Михаила Антоновича Пищулина. Этот Пищулин, служивший в рижской полиции надсмотрщиком за дорогами и мостами, по переводе Шилова в Шлиссельбург, сделался кормщиком рижского корабля. Дом Пищулина находился в Московском форштате, на Каменной улице, у Каменного столба. Кроме его в Риге скопцы собирались в доме тамошнего купца Ивана Васильевича Мацкова, на улице Романовке, и у богатых мещан: Емельяна Пахомова и Якова Яковлева.

Это были самые большие скопческие корабли того времени, но главнейший находился в Петербурге. Он образовался в последних годах прошлого столетия, преимущественно из сосновских и моршанских выходцев. Петербургский корабль особенно усилился с 1797 года, когда скопцы, заключенные в крепостях и сосланные в Сибирь, по повелению императора Павла Петровича получили свободу, кроме повредившихся в рассудке. Они собрались в Петербурге, ожидая обетованного пришествия отца-искупителя. Искупитель, как мы знаем, не замедлил.

Во главе петербургского корабля стояли Сидор Яковлевич Ненастьев и брат его Иван. Не знаем, откуда они родом, но в начале нынешнего столетия принадлежали они к купеческому сословию Выборгской губернии, тогда входившей еще в состав империи. Сидор Ненастьев, его жена, особенно же дочь его, девица Вера Сидоровна, были люди благочестивые и чрезвычайно набожные, уси-

---

вать. В таком только случае, говорили они, рана заживет, иначе ты умрешь. Быв в несносной тоске и сильном страхе, я принял их присягу...» Салтыков упомянул, что он не раз бывал свидетелем скоплений. «Во всякое воскресенье и торжественные праздники,— говорил он,— товарищество сходится в моленную, и по большей части бывает всякий раз скопление, не только одному, но нередко двум и трем человекам. При мне оскопляли в Москве у Масона одного, в Петербурге у Кострова дважды, в Риге у Пищулина одного». Сказал Салтыков и про отца-искупителя: «в Петербурге, говорил он, находится первый или глава их секты, под именем Петра Федоровича, называющегося государем, Иисусом, сыном божьим, который иногда живет у скопцов Ненастьевых, Кострова и Огородникова, а временем неизвестно где».

ленно искавшие духовного света, возрождения и спасения и дошедшие до хлыстовщины. Семейство Ненастьевых дошло и до скопчества. Не знаем наверное, был ли убелен Сидор Яковлевич, но в его доме происходили радения с участием белых голубей, в его доме долго жил Кондратий Селиванов, в его доме производились оскопления. «Благочестивое» семейство Ненастьевых находилось в близких сношениях с набожными монахами Александро-Невской лавры, Зеленецкого и других монастырей, где также появилась хлыстовщина и даже скопчество. Имело это семейство короткие знакомства и с набожными людьми высшего сословия. Вера Сидоровна впоследствии сделалась пророчицей в хлыстовском корабле, образовавшемся в Михайловском дворце, что ныне Инженерный за́мок. Самый корабль г-жи Татариновой, по свидетельству г. Сушкова, писавшего по словам Филарета, митрополита московского, произошел из корабля Ненастьевых.

Корабль Ненастьевых находился в собственном доме Сидора Яковлевича в Староконюшенной улице (ныне Басков переулок) близ артиллерийских казарм. После Ненастьевых дом этот принадлежал Брилину. Кому теперь принадлежит, не знаем.

Скопческий корабль в Петербурге собирался еще в доме купца из белых голубей Андрея Ивановича Кострова. Костров был женат (для вида) на Афросинье Софоновне, меньшой дочери «Андрея Первозванного» (так скопцы величали первооскопившегося сосновского крестьянина Софона Авдеева Попова, по освобождении из заточения сделавшегося иноком православного Зеленецкого монастыря). На ее имя и дом был записан. Он петербургскими хлыстами и скопцами назывался «Рождественским монастырем». Сюда нередко приезжала из Моршанска переселившаяся туда после ссылки отца старшая сестра ее Анна Софоновна, считавшаяся богородицей.

Кроме того, в Петербурге бывали собрания людей божьих и белых голубей в домах Алексея Даниловича Огородникова, Красниковых, Артамонова и Добрецова. Все они сами были скопцы.

В то время скопцов, только известных крестьянину Салтыкову в Москве, Петербурге и Риге, было тысяч до пяти. А сколько было ему неизвестных? Сколько было

их по другим местам: в Кронштадте, в Тамбовской губернии, в Орловской, в Тульской, в Калужской и в других?

XIV

С петербургскими хлыстами и скопцами в последних годах прошлого столетия сблизился Алексей Михайлович Еленский. Родом поляк, камергер последнего польского короля Станислава Понятовского, он после третьего раздела Польши был, в 1794 году, переименован в статские советники русской службы и получил пенсию в пятьсот рублей из кабинета. Сумма по тому времени довольно значительная. Не знаем, был ли он до того православным или принял наше исповедание, сделавшись уже русским статским советником, но к началу нынешнего столетия находим его не только уже православным, но и живущим в Александро-Невской лавре, в особой квартире, отведенной ему митрополитом Амвросием. Русским языком владел он совершенно, как увидим из приведенных ниже отрывков его сочинений. Когда и при каких обстоятельствах поступил Еленский в скопчество, не знаем, но в начале нынешнего столетия он был уже самым видным, самым почетным и самым влиятельным членом петербургского корабля [1].

Когда Селиванова привезли в Петербург, скопцы ободрились и пришли в сильное движение. Обетование отца-искупителя исполнилось, он воскрес. В цухтгаузе Обуховского дома Селиванов принимал их посещения,

---

[1] Катерина Филипповна Татаринова, урожденная Буксгевден, основательница хлыстовского корабля в Михайловском дворце, совратилась в хлыстовщину из лютеранства в западных губерниях (Гродненской и Виленской), где муж ее, служивший в военной службе, стоял с полком. Племянник ее мужа (сын его сестры), поляк, майор, а потом статский советник Мартын Степанович Урбанович-Пилецкий, находившийся в корабле своей тетки, был из Гродненской губернии. Вдова майора польской службы Анна Франц, находившаяся в том же корабле, была из Виленской губернии. Еленский был оттуда же: ближайшие его родственники владели имениями Гнилушки и Великий-Двор в Виленском, Окнисты в Вилькомирском, Резге в Ковенском уездах и другими. Может быть, Еленский еще на своей родине вступил в сектаторское общение с названными лицами и одновременно переселился с ними в Петербург, где сошелся с Ненастьевыми, а посредством их и с Кондратьем Селивановым, и затем сблизил Веру Сидоровну Ненастьеву со своею теткой Татариновой.

здесь познакомился с ним Еленский, уверовал в его божественность и, оскопившись, сам стал скопить членов петербургского корабля. Его стараниям, его проискам Кондратий Селиванов был обязан освобождением из богадельни Смольного монастыря.

Селиванов жил сначала в доме Ненастьева. Здесь на радениях стали отдавать ему божеские почести. Настало «златое время воскресения», говорили белые голуби.

Полиция знала обо всем, что̀ делается в доме Ненастьева, знала, что там живет прощенный ссыльно-каторжный, которого считают живым богом и императором Петром III. Она знала, что число белых голубей с каждым годом значительно умножается в Петербурге, что в Кронштадте образовался другой корабль, находившийся в зависимости от петербургского и считавший в числе своих членов не только матросов, но даже офицеров. Никаких однако мер для пресечения распространяющегося зла предпринимаемо не было. В то время еще не существовало никаких узаконений против скопчества, на эту секту смотрели снисходительно, на основании принципа веротерпимости в самых широких размерах. Император Александр Павлович, в начале своего царствования, желал религиозные заблуждения устранять единственно мерами кротости, мерами церковного назидания, убеждения, вразумления, и предоставил это дело духовенству. Но духовенство оказалось деятельным и строгим лишь в отношении поповщины, секты самой близкой к церкви, не хотевшей только зависимости своих попов от православных архиереев. Чем более удалялась от православного учения какая-либо религиозная секта, тем большею снисходительностью она пользовалась. Хлысты и скопцы, как усердно исполняющие обряды православной церкви, как щедрые прихожане, украшавшие церкви иконостасами и колоколами и платившие священникам за требы большими суммами, считались усердными сынами православия. В духовенстве, особенно из высших лиц, они постоянно находили защиту. Хлыстовщина и даже скопчество процветали в самих монастырях. В разных местах России священники и иеромонахи уклонялись в хлыстовщину, иные даже скопились [1]. Ско-

[1] Не далее как в 1867 году все иноки Святогорского монастыря Харьковской епархии, считавшиеся самыми благочестивыми и набожными, оскопились.

пец и скопитель камергер Еленский пользовался квартирой и содержанием в Александро-Невской лавре и, живя под самыми митрополичьими покоями, писал свой проект об учреждении в России феократического правления, с тем, чтобы скопческие пророки возвещали императору и правительственным лицам волю самого бога. При таком положении дел нечего было и думать о решительных мерах к пресечению зла, распространявшегося с каждым годом... «Как уже по многим опытам известно,— писал в июне 1806 года министр внутренних дел, граф Кочубей, московскому военному губернатору Беклешову,— что заблуждения сего рода формальными следствиями и публичными наказаниями не только не пресекаются, но и более еще усиливаются, то и найдено более удобнейшим употребить прежде всего кроткие средства: убеждения и вразумления».

Такое снисхождение правительства белые голуби объясняли особым покровительством их секте императора Александра Павловича. В одной скопческой рукописи так говорится о царствовании этого государя: «Во славной России красно солнышко появилось, и вся вселенная удивилась, что благоволит тайный синод до своих верных сирот, что оно (солнышко, то есть император Александр Павлович) чудо творило, с сыном божьим говорило (в Обуховском доме). Скоро радость нам сотворится со восточной стороны... Скоро нам другая такая радость сотворится: со восточной стороны сын божий прикатится в златой колеснице, а вокруг райские птицы распевают гостю дорогому песнь нову».

XV

Злоупотребляя снисходительностью правительства, петербургские скопцы затеяли такое дело, перед которым бледнеют все дикие вымыслы их о сыне божьем Петре III. До сих пор сказки их о Кондратье Селиванове не выходили из их кораблей, сохранялись в большой тайне, так что вновь поступающие в их общество не вдруг их узнавали. Теперь скопцы замыслили поставить своего отца-искупителя во главе правительства Русской империи, с тем, чтоб император Александр Павлович, оставаясь в сане верховного правителя, действовал не иначе, как по велениям самого бога, который будет про-

рекать волю свою устами скопческого «настоятеля, боговдохновенного сосуда, в котором полный дух небесный отцом и сыном присутствует» (то есть Кондратья Селиванова).

Первые годы нынешнего столетия были годами внутренних преобразований. Старые учреждения петровские и екатерининские упразднялись, на места их являлись новые министерства, советы, канцелярии. Сам государь принимал личное участие в преобразовательных работах, разделяя труды с молодыми любимцами своими: гр. П. А. Строгановым, Н. Н. Новосильцевым и князем Адамом Чарторыйским; главным деятелем был Сперанский. Было общее убеждение, что на этом деле не остановится, что будут изменены самые основные законы государства. Новосильцев, живший перед тем долгое время в Англии и изучивший тамошнее государственное устройство, стремился ко введению его в России. Император Александр Павлович разделял его мнения, но желал, чтоб изменение государственного строя произошло постепенно. Об этом знали в Петербурге и по провинциям, и разными лицами присылаемы были Новосильцеву проекты о новом государственном устройстве. И вот, в числе таких проектов, в марте 1804 года он получил проект Еленского об учреждении «божественной канцелярии» и об установлении в России феократического правления, причем бы скопческие и хлыстовские пророки, как пророки дней Израиля, были посредниками между богом и русским императором. При проекте представлена была особая рукопись под заглавием: «Известие, на чем скопчество утверждается».

Мысль введения в России скопческо-феократического правления едва ли принадлежала самому Селиванову. Ему в то время было уже семьдесят пять лет, он был старик вялый, неповоротливый, больной, лежал больше в постели, ни на сколько не имел энергии и притом был близок к помешательству. Ему ли быть изобретателем такого проекта? Вероятно, эта затея принадлежала Еленскому. Человек образованный, начитанный, знавший, как видно из его сочинений, священное писание, имевший по своему камергерству довольно видное положение в высшем обществе, проведя с Селивановым более полутора года в постоянных, ежедневных почти сношениях, Еленский уверовал в его святость, в его божест-

венное происхождение и вздумал поставить его во главе правления. Селиванов и теперь, как и впоследствии, был только игралищем в руках ловких людей. Впрочем, нельзя полагать, чтоб Еленский писал свое «Извещение» с какою-нибудь лукавой целью. Искренность его трактата не подлежит сомнению. Увлекшись мистицизмом и дойдя до хлыстовщины, даже до скопчества, он был убежден в божественности Селиванова, и что́ ни писал, писал искренно. На его проект надо смотреть, как на плод расстроенного мистицизмом духа, а не как на обман.

Как бы то ни было, в начале 1804 года проект был написан, а в марте, через Новосильцева, представлен императору Александру Павловичу.

Еленский имел в Петербурге связи с некоторыми лицами тогдашнего высшего общества, особенно с теми, что̀ подпали влиянию бывшего тогда в моде и с каждым годом усиливавшегося мистицизма. Он близок был и с масонами. Кажется, были люди, и не принадлежавшие к хлыстовщине или к скопчеству, которые смотрели на затею Еленского не как на сумасбродство. В письмах мистиков того времени, вовсе не причастных к хлыстовско-скопческим кораблям, встречаются мысли о феократическом образе правления.

В «Известии, на чем скопчество утверждается» Еленский старается доказать, что хлысты и скопцы суть истинные христиане, сохранившие все преподанное Иисусом Христом, между тем как прочие, называющие себя христианами, отверглись живого бога, отверглись духа и все основывают на мертвых книгах, на преданиях и обрядах. Мысль та же, что́ была высказана еще «Саваофом» Данилой Филипповичем.

В проекте об учреждении в России феократического правления и об образовании «божественной канцелярии» Еленский обращается к императору Александру Павловичу тоном еврейского пророка, пришедшего к какому-нибудь Езекии или Охозии. «Церковь таинственная, управляемая святым духом [1],— говорит он,— подвергнувшись воле отца светов, получила небесное повеление, дабы вышла на службу отечества, прославилась бы; яко с нею воистину бог есть, и тем подвигом увенчала

[1] То есть хлыстовско-скопческое общество.

бы новым лавром всероссийского монарха...» «Так во истине и в правде содействуется слава божия,— продолжает Еленский,— как было при Иисусе Навине, который гласом небесным управлялся и все царства языческие покорил». Здесь нельзя не понять, на что намекал Еленский. В 1804 году уже предвиделась неизбежность борьбы с Наполеоном. Преклоняясь пред величием военного гения первого консула Франции, только что надевшего императорскую корону, лучшие люди нашей земли не надеялись на успешный исход этой борьбы. Совершенное поражение Наполеона почиталось делом невозможным, это было бы, по мнению большинства, сверхъестественным чудом. Вращаясь иногда в сферах образованного петербургского общества, Еленский не мог не знать такого настроения. И вот он, именем бога, говорит об Иисусе Навине, при котором от звука труб левитов сами собой пали стены крепкого Иерихона. «Егда придет дело на исполнение,— говорит он,— уповаем на помощь отца светов. Но без великих сил военных победит господь всех врагов и силою своею защитит свою Россию, которая великими трудами и изобильным пролитием крови человеческой собрана, распространена и прославлена». И в самом деле, если от труб еврейских левитов пали стены Иерихонские, отчего же не пасть стенам какого-нибудь Парижа от гласа «живогласных труб», то есть хлыстовско-скопческих пророков? По логике скопцов выходит так.

«В сей век,— писал Еленский,— сильное и славное действие Россия воздвигнет и всему миру даст почувствовать, яко воистину с нами бог». Для этого стоит лишь учредить «божественную канцелярию». «Как таинственной церкви люди, вкусившие дара небесного, и причастницы животворящим и бессмертным тайнам христовым [1], питаясь от сокровенной премудрости, довольно все богом учены, а притом есть некакое число и грамотных людей [2], то из грамотных, которых святый дух назнаменует своим судом небесным [3], *должен я буду в сию кан-*

[1] Здесь разумеются не таинства церковные, но тайны хлыстовско-скопческих кораблей.

[2] Стало быть, большинство в хлыстовско-скопческих кораблях было безграмотно.

[3] Хлыстовско-скопческое выражение, означающее людей, приходящих в восторженное состояние и пророчествующих на радениях.

целярию представлять, а правительство, имея именное высочайшее повеление, будет обязано таковых людей препровождать к архиереям, ради пострижения в монахи, произведения в иеромонахи и обучения церковной службе».

Живя в Александро-Невской лавре и общаясь с монахами, Еленский знал, что по церковным правилам скопца нельзя рукополагать в священство, а потому и предложил обманывать архиереев: «сие производство дабы не было известно никому, даже и архиереям, чтобы не знали, каковые люди и с каковым намерением таковое основание правительство производит, ежели случится в числе таковых избранных людей найдутся скопцы [1], то архиереи неведением произведут их в священнодействие...»

Божественная канцелярия, по проекту Еленского, должна была действовать так:

«Наш настоятель, боговдохновенный сосуд, в котором дух небесный отцом и сыном присутствует (Кондратий Селиванов), обязан быть при лице самого государя императора, и как он есть вся сила пророков, то все тайные советы, по воле небесной премудрости, будет апробовать и нам благословение и «покровы небесные» посылать и молитвы изливать, яко кадило на всех ищущих бога... Он, путеводитель наш, всегда своими святыми молитвами умилостивит бога, если его совет небесный будем наблюдать. А что́ он из уст своих скажет, то действительно дух святый устами его возвещает, ибо великая сила божья в нем есть».

Из хлыстов и скопцов, поставленных в иеромонахи, правительство стало бы определять на военные корабли, «присоединив ко всякому иеромонаху по одному пророку на каждый корабль. Иеромонах, занимаясь из уст пророческих гласом небесным, должен будет секретно командиру того корабля совет предлагать как к сражению, так и во всех случаях, что́ господь возвестит о благополучии или о скорбии. А командир должен иметь секретное повеление заниматься у иеромонаха благопристойным и полезным советом, не уповая на свой разум и знания. Иеромонах с пророком пребудут всегда в истин-

---

[1] Явно что Еленский разумел не одних оскопленных, но вообще хлыстов.

ной молитве, яко очищенные сосуды, а где таковых избранных будет два человека, то и господь посреди их. Затем град, корабль и полк сохранит господь от всякого вреда и неприятельских нашествий или повреждения».

Себе Еленский предполагал следующее положение: «На меня возложена должность от непостижимого отца светов как грамотных в иеромонахи, так и простачков, в духе пророческом находящихся, истинных и сильных, собрать не только на корабли, но даже и в сухопутную армию. Я, с двенадцатью пророками, обязан буду находиться всегда при главной армии правителя, ради небесного совета и воли божией, которая будет нам открываться при делах нужных на месте... Я, слыша глас пророческий, и если бы что́ недоведомо (непонятно) было, то на рассуждение и апробацию должен буду письменно представлять, на чье имя повелено будет, ради растолкования боговдохновенному нашему настоятелю и путеводителю, а иногда и сам лично предстать (к государю) для исполнения совета небесного».

Еленскому не прошел даром его проект. На него взглянули как на сумасшедшего, и он, по высочайшему повелению, отправлен был в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь, где и умер в марте 1813 года. Скопцы уверяли, что он сослан за разглашение их тайн.

Сумасбродный проект Еленского повредил только ему одному. Братьев петербургского корабля, самого даже Кондратья Селиванова оставили в покое. Некоторые полагают, что ни государь, ни лица, поставленные во главе правительства, еще не знали в то время тайн скопческой ереси, не знали, что глава петербургского корабля почитается сыном божиим и императором Петром III. Это несправедливо. Сам Еленский писал о своем настоятеле, как о боговдохновенном сосуде, в котором присутствует святой дух с отцом и сыном. В то же время как государю, так и высшим лицам государственного управления было известно, что Кондратий Селиванов приверженцами своими почитается за императора Петра Федоровича. О том доносили государю и министру внутренних дел из Москвы.

Император Александр Павлович смотрел на скопческую ересь, как на заблуждение жалкое, но не опасное,

и приказывал относительно ее последователей держаться мер терпимости, иметь только секретный полицейский присмотр для предупреждения новых оскоплений. Государь не желал даже, чтобы дела о скопцах производились посредством бумажной переписки. Таким образом еще в 1801 году, когда московским военным губернатором, фельдмаршалом графом Салтыковым доведено было до его сведения, что скопчество в Москве распространяется и что во главе его стоит купец Колесников, прозванный Масоном, государь ограничился приказанием, чтобы московский обер-полицеймейстер Эртель имел за скопцами секретный присмотр, стараясь только о том, чтобы они не умножались. Это повеление объявлено было на словах. Никакого письменного производства не было. Эртель, в свою очередь, ограничился тем, что поручил наблюдение за Масоном и другими скопцами полицеймейстеру Ивашкину. А о полицеймейстере Ивашкине и доселе сохранилось предание, что это был человек расторопный, но приношениями не брезговал. «Таковые (скопцы) и здесь в Петербурге появились было третьего года [1],— писал Эртель, будучи уже петербургским обер-полицеймейстером, к Беклешову,— но также письменного производства не имелось, а под рукой приказано было (государем) за ними иметь присмотр, дабы не размножались, что́ и выполнялось, но ныне более уже об них не слыхать». Между тем с разных концов России приходили в Петербург известия о распространении скопческой ереси.

В 1805 году скопцы были открыты в Ольвиопольском уезде Херсонской губернии. Дело кончилось объявлением Херсонскому губернатору министром внутренних дел графом Кочубеем следующего высочайшего повеления: «по принятым вообще на людей сего рода правилам, не должно вмешиваться в образ их вероисповеданий, предоставляя духовной власти обращение заблуждающихся, не должно и подвергать их взысканию собственно за раскол, но лишь за нарушение порядка, за явный соблазн, ежели бывает, и за покушение на оскопление себя». Но духовные власти, видя в скопцах и хлыстах самых усердных прихожан, исполнявших все христианские обязанности, щедро награждавших духо-

---

[1] То есть 1804 года, когда Еленский подал свой проект.

венство и щедро дававших деньги на украшение церквей, никогда не представляли вероучения их противным христианству.

Взгляд тогдашнего правительства на скопцов выразился еще яснее в отношении графа Кочубея к московскому военному губернатору Беклешову, в ответе на всеподданнейший рапорт его об открытиях, сделанных крестьянином Салтыковым. «Государь император высочайше повелеть соизволил,— писал граф Кочубей,— сообщить вам, милостивый государь, следующее: «Тому два года, как таковая же секта учинилась известною здесь в Петербурге. По точным об ней разведываниям открылось, что в существе своем она имеет два различные вида, или, так сказать, две степени. Первая из них состоит в мысленном только заблуждении, поставляющем святость в плотской чистоте, другая в практическом поведении людей сего рода, или в скоплении.

По различию сих степеней, различные приняты и правила в поведении с ними со стороны правительства.

Оставляя первый из сих степеней под общим правилом терпимости, признано было нужным изыскать способы, чтобы остановить распространение второго.

Способы сии состояли в следующем: как уже по многим опытам известно, что заблуждения сего рода формальными следствиями и публичными наказаниями не только не пресекаются, но и более еще усиливаются: то и найдено было удобнейшим употребить прежде всего кроткие средства убеждения и вразумления. Для сего предположено было привлечь доверие и откровенность главных секты сей начальников и посредством их внушений действовать на прочих. Мера сия столь успешное имела здесь действие, что начальники сей секты, удостоверясь, что правительство не желает их преследовать, допустили людей к сему употребленных в их моленную, и убеждениями и кротким с ними обхождением приведены были к тому, что не только дали обещание впредь не дозволять оскопления, но и другим внушали, что время к сему уже прошло и что сие средство не должно быть более употребляемо. Последствием сего было то, что в продолжении двух лет, по всем наблюдениям, действительно здесь оскоплений более не происходило.

Применяясь к сему образу поведения, коего успешное действие самым опытом уже удостоверено, государь император полагать изволит, что и в Москве должно в сем случае распорядиться на том же самом основании, а именно: 1) Посредством неприметных разведываний открыв людей, кои в секте сей наиболее имеют важности, должно прежде всего привести их кротким с ними обхождением к доверию и откровенности. 2) Получив их доверие, должно склонять их к тому, чтоб они не только сами не дозволяли и не привлекали других к оскоплению, но и внушали бы своим единоверцам, чтоб оного ни под каким видом не производили. 3) За сим, оставляя им свободу совести, мысленных их заблуждениях и не входя с ними о сем в состязание, наблюдать только, чтобы практического действия не было, а если бы, после всех убеждений, оно открылось, то и в сем случае, не производя гласного и формального следствия, предварительно доносить о сем его величеству».

Кто же такие были люди, имевшие полномочие удостоверить начальников скопческой секты, что правительство не желает их преследовать, проникшие внутрь скопческого корабля и кротким убеждением доведшие старшин его до того, что те дали обещание никого не скопить более и даже уговаривали других этого больше не делать? Когда могло это случиться?

Это было летом 1804 года, как видно из отношения графа Кочубея к Беклешову, значит, тотчас после отправления камергера Еленского в Суздаль, между мартом и июнем того года.

Узнав из представленного Еленским «Известия» сущность скопческого учения и взгляд скопцов на православную церковь и ее духовенство, образумление заблудших не могли поручить кому-либо из лиц духовных. В глазах скопцов, все архиереи, все священники — книжники и фарисеи, поставляющие веру в одних внешних обрядах и из служения церкви составившие доходное для себя ремесло. Таких людей, как бы они учены ни были, какую бы нравственную жизнь ни вели, ни хлыст, ни скопец никогда не послушают, разве из лицемерия, разве из-за так называемого «страха иудейского». Употребить на образумление скопцов полицию — дело немыслимое: обер-полицеймейстеры и другие полицейские чины плохие увещатели в делах совести. Избран

был на это дело человек, близкий к государю, склонный к созерцательной жизни и притом заведовавший с 1803 года духовными делами. Это был князь Александр Николаевич Голицын, обер-прокурор святейшего синода. В годы первой молодости поклонник французских энциклопедистов, особенно Вольтера, остроумный царедворец, поклонник женской красоты, он, не достигнув еще тридцатилетнего возраста, круто поворотил на набожность, мистицизм, стал читать Бема, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Сен-Мартера и Сведенборга. Он окружил себя такими же мистиками и более всех сблизился с Василием Михайловичем Поповым, кротким изувером, которого, однако ж, по словам Вигеля, именем веры можно было подвигнуть на злодеяние [1]. Это был самый приближенный к Голицыну человек из всех его подчиненных.

Князь Голицын вместе с Поповым был в доме Ненастьева и говорил с Селивановым. Глава скопцов произвел благоприятное впечатление на набожного обер-прокурора и на его наперсника. Впоследствии, уже в сороковых годах, когда в Петербурге производились исследования о тамошних скопцах, один из них, Хорошкеев, сказывал, что он был свидетелем посещения Селиванова князем Голицыным и Поповым. «Это было часу в одиннадцатом дня,— говорил он: — приехали два лица: один Попов, Василий Михайлович, другой не знаю кто. Поговорив с Селивановым, они пожали плечами и шли от него задом, всплескивая руками и приговаривая: «Господи! Если бы не скопчество, за таким человеком пошли бы полќи полк̀ами». Из других показаний видно, что тот, кого не узнал Хорошкеев, был князь Александр Николаевич Голицын.

Селиванов действительно обещал ему впредь никого не скопить, но не сдержал обещания. Оскопления продолжались в доме, где он жил и принимал поклонения обожавших его последователей. Пользуясь благосклонным расположением князя Голицына, он оставался безнаказанным. Государя уверяли, что скопцы не вредны и что не следует принимать против них никаких решительных мер.

---

[1] «Воспоминания Ф. Ф. Вигеля» в «Русском Вестнике» 1865 г., № 2, стр. 447.

XVII

В 1806 году крестьянином Салтыковым, как уже было сказано, указаны Беклешову московские скопческие соборы Колесникова (Масона), Жигарева и других. В том же году открыты скопческие корабли под самым Петербургом: в городе Павловске, в Графской Славянке, в слободах Покровской и Большой и в посаде Федоровском.

Во главе их стоял живший в Павловске купец Яков Фролов; у него в доме бывали сходбища, называемые «соборами». Назначенная для того большая комната не имела окон, выходивших на улицу; все были обращены во двор и в огород. Пол в той комнате был устлан холстом, в углу висел большой образ в киоте красного дерева, обложенной бронзою; кругом по стенам стояло много стульев. На чердаке устроена была особая комната, в ней висел портрет красивой и богато одетой женщины, которому скопцы и хлысты поклонялись, называя нарисованную на нем своею «матушкой». Следствием не открыто, какая именно женщина была изображена на этом портрете. Впоследствии говорили, что это был портрет богородицы Анны Софоновны Поповой, жившей в Моршанске, но часто приезжавшей в Петербург. В углу комнаты на чердаке дома Якова Фролова нашли ящик с крышкой и в нем высушенные части человеческого тела.

Сбирались на радения еще в двухэтажном доме крестьянина Алексея Фролова, в Покровской слободе Графской Славянки. Там, во время совершения богослужения, скопцы кружились, вертясь на пятках, пели песни, поклонялись портрету «матушки», кланялись в землю «перед своим старшиной, сидевшим на подушках, целовали его руки и одежды». По всей вероятности, это был Кондратий Селиванов, как известно из других сведений, иногда уезжавший из Петербурга на недолгое время. Скопцы мяса не ели, даже и в светлое воскресенье, не пили никаких крепких напитков. Всех было открыто 23 человека, кроме детей. В радениях принимали участие и не оскопленные (то есть хлысты).

Против скопческого корабля в Павловске и Графской Славянке местным начальством были приняты строгие меры, чтобы уничтожить вредную секту. При этом затронуты были скопцы петербургские. Обер-полицеймей-

стер Эртель встревожился. Но друзья скопцов и на этот раз успели внушить государю, что заблуждение их нисколько не вредно. Последовало высочайшее повеление: «иметь за вновь открытыми скопцами секретный надзор и предупреждать лишь новые оскопления».

В том же 1806 году открыто большое общество скопцов и хлыстов в Симбирской Губернии, в городе Алатыре и в селениях Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов[1]. Центр их был в Алатыре, в доме тамошних купцов братьев Милютиных. Оба Милютина были оскоплены, а сестра их считалась богородицей и пророчицей и называлась «животною книгой». В алатырском корабле хлыстов было гораздо больше, чем скопцов. Они не признавали Кондратья Селиванова за императора Петра III и за сына божия. Впрочем, как обряды их, так и верования были тожественны с другими хлыстами и скопцами. Но все-таки они стояли особняком, называясь «алатырскими людьми божьими», или «милютинскими». Против них также не приказано было принимать строгих мер; придерживаясь прежних высочайших повелений, и на этот раз велено было заботиться лишь о том, чтобы не происходило новых оскоплений.

В том же 1806 году открыты были скопцы в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Там, на родине скопчества, «убеление» приняло такие огромные размеры, что орловский губернатор Яковлев энергически настаивал пред высшим правительством на строгости мер относительно скопцов.

Яковлев представил, что оскопление взрослых и детей производится с целью избавления их от поступления в военную службу. Мнение неосновательное, но имевшее последствием перемену правительственного взгляда на скопцов. И правительство, и лица, стоявшие во главе правительства, в качестве помещиков, увидели в усиливающейся секте нарушение собственных интересов. Это было поводом к первому строгому отношению русского законодательства к скопчеству. Чтобы разрушить надежды скопцов на избавление от военной службы, велено всех их отдавать в солдаты...

В день Нового 1807 года усердно защищавший скоп-

[1] Талызине, Стемасе, Ичикове, Карталеевском, Гарте, Шерапулине и Борисовом.

цов пред государем граф Кочубей оставил портфель министерства внутренних дел, и чрез восемь дней после того новый министр князь Куракин объявил орловскому губернатору следующее высочайшее повеление: «Министр внутренних дел (граф Кочубей) донес мне по представлению вашему о явившихся в Малоархангельском округе скопцах, кои палатой уголовного суда приговорены к наказанию и оставлению при прежнем жительстве. Находя, что таковым наказанием соблазн, от людей сих происходящий, не прекратится, и что, напротив, пример их может вовлечь и других в заблуждение, повелеваю: 1) всех вышепомянутых скопцов, согласно объявленному вам прежде о скопце Егурнове повелению, отдать в военную службу, зачтя помещикам их и селениям в рекрут; 2) в случае открытия впредь скопцов, действительно себя оскопивших, поступать с ними на сем же основании». Об этом высочайшем повелении было объявлено повсеместно «для единообразного по всем губерниям поступления» сенатскими указами 18 февраля 1807 года.

Еще решительнее сказано было в высочайшем повелении, объявленном около того же времени министром юстиции князем Лопухиным одесскому генерал-губернатору герцогу де-Ришелье относительно скопцов, появившихся в Одессе. Велено было: «впредь поступать со скопцами, *как с врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов духовных и гражданских*». Столь важное постановление не было однако же распубликовано и осталось безгласным, хотя впоследствии и делались на него ссылки.

Что было причиной столь быстрой и крутой перемены взгляда правительства на скопцов? Можно предполагать, что виною тому был московский митрополит Платон. Император Александр Павлович поручил ему составить записку о скопцах, и знаменитый Платон дряхлеющей рукой начертал «Разъяснение хлыстовско-скопческого вероучения» в двенадцати главах. Митрополит представил скопцов врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов духовных и гражданских. Это его выражения. Под влиянием Платоновой записки и было объявлено высочайшее повеление герцогу де-Ришелье 25 июля 1806 года. Друзья скопцов успели однако вскоре убедить государя, что

Платон написал на скопцов сущую напраслину, легковерно поверив дошедшим до него ложным сведениям об их обрядах и верованиях. Дело пошло по-прежнему.

В указе 8 января 1807 года сказано: «а в случае открытия впредь скопцов, действительно себя оскопивших, поступать с ними на сем же основании», то есть отдавать в солдаты. С этим первым общим о скопцах постановлением возникло и недоумение: как понимать выражение *всех, действительно себя оскопивших*. Всех ли действительно оскопленных, или одних самооскопителей? Если принять первый смысл, нельзя объяснить последующих узаконений; если же второй, то все скопцы, оскопившие себя *не своими руками*, не подлежат наказанию, чего нельзя согласовать с высочайшим повелением поступать со скопцами, как с «врагами человечества».

В следующем 1808 году, октября 8-го, последовало пояснение: «всех *оскопивших себя*, кроме тех, кои имеют от роду менее четырнадцати лет, отдавать в военную службу, а оскопившихся малолетних оставлять у помещиков и в селениях до семнадцатилетнего возраста, по прошествии же оного и их туда же отдавать, зачитая помещикам и селениям тех из них, кои окажутся годными к военной службе, за целых, а малорослых и имеющих более тридцати пяти лет — за половину рекрута; старее же пятидесяти лет совсем не зачитать».

Здесь представляется прежняя неясность или двусмысленность в выражениях: «оскопивших себя» и «оскопленных». Но так как оба эти выражения встречаются на этот раз в одном указе, то это и должно было вести к тому, чтобы распутать дело и вывести истинный смысл буквы закона. Взрослых, «оскопивших себя», отдавать в солдаты, малолетних «оскопленных» подвергать тому же, когда они будут на возрасте — таков буквальный смысл, но, конечно, не разум указа. Быть не может, чтобы малолетний подвергался наказанию за то, что́ прощается взрослому, и, сверх того, за такое преступление, о котором он, по неразумению, не может еще иметь надлежащего понятия. Следовательно, выражение «оскопившие себя» должно принять в том же смысле, как и «оскопленные», или вообще скопцы; другого объяснения допустить нельзя. Это согласно и с выражениями, употреблявшимися в то время в переписке о скопцах. Дела того времени в заголовках надписывались:

«о таких-то людях, самовольно себя оскопивших», между тем как из самого дела видно, что они вовсе не сами оскопились, а были оскоплены другими. Приняв правильный смысл, закон все еще оставался несправедливым: ребенок, не будучи в состоянии понять значения оскопления, к которому его уговорили или приневолили, достигнув совершеннолетия, наказывался наравне с изувером, совершающим заведомо и с полным сознанием столь важное преступление! Как бы то ни было, но указом 1808 года повелено: «всех скопцов, не исключая и малолетних, отдавать в солдаты».

Такое распоряжение было, как мы уже заметили, следствием неосновательного мнения, представленного орловским губернатором Яковлевым, будто оскопляют себя и своих детей ради избежания военной службы. Это мнение, впоследствии вновь возникшее (в 1822 году, вследствие донесения курского вице-губернатора), доказывает, что сущность скопческой ереси тогда не была еще достаточно знакома законодателям, и что они, не зная, по всей вероятности, «Разъяснения» митрополита Платона и позабыв высочайшее повеление герцогу де-Ришелье, впали в ошибку.

С отдачей скопцов в солдаты, законодатели доставили им новое средство распространять свою ересь. И действительно, с этого именно времени начинают встречаться оскопленные солдаты сотнями, и не только солдаты, но даже штаб- и обер-офицеры, обращенные в ересь скопцами, разосланными по полкам, портам и гарнизонам. Военно-судных дел о скопцах разом возникло множество. Все открытые по этим делам скопцы из военных отличались твердостью в своих верованиях, решимостью и изуверством. Так, например, штабс-капитан Созонович, сосланный в 1819 году в Соловецкий монастырь, и там успел соблазнить и оскопить до тридцати человек из тамошней инвалидной команды. Замечателен еще следующий факт: пока скопцов не отдавали в солдаты, пока у скопцов не было единомышленников в армии между офицерами, до тех пор при всяком случае они откровенно говорили, кто был их оскопителем. Теперь они стали упорно скрывать об этом. Такое упорство было повсеместно и вызвало 14 марта 1812 года следующее высочайшее повеление, последовавшее по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о скоп-

цах, обнаруженных в Рязанской губернии: «объявить тем скопцам, которые будут скрывать, где они оскоплены, что с ними поступят как с ослушниками, а тех, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преследовать».

Только в 1816 году правительство обратило внимание на вышеуказанное обстоятельство, и комитет министров нашел, что закон 1807 года не достигает цели, так как скопцы распространяют ересь в полках и гарнизонах, приобретая там новых последователей. Поэтому комитет полагал: отдавать скопцов на службу в Сибирь и в Грузию, а неспособных ссылать в Иркутскую губернию. Император Александр Павлович повелел (4 августа 1816 года) поступать таким образом лишь с главными скопцами и с оскопителями; из чего следует, что с прочими скопцами должно было поступать на основании прежних постановлений, то есть отдавать в солдаты, с оставлением на местах.

Это положение комитета министров опять не могло соответствовать своей цели, заключая ошибку не менее важную, как постановление о рассылке скопцов по полкам. Восточная Сибирь считается скопцами обетованною землей, там, по их верованию, находится их отец-искупитель, оттуда он должен прийти для окончательного утверждения своей ереси. Потому скопцы шли в Иркутскую губернию с радостью, говоря, что промысл божий видимо и явно совершается над ними, что отец-искупитель, верный своему обетованию, собирает вокруг себя своих детушек, и проч. Сверх того петербургские скопцы посылали сибирским значительные суммы денег, собственно для распространения скопчества, о чем неоднократно производились дела. Таким образом, Восточная Сибирь сделалась новым гнездом и притоном скопчества, и эта ересь до того начала там распространяться, что правительство впоследствии принуждено было издавать особые постановления относительно оскопляющихся ссыльных поселенцев и даже каторжных.

В 1816 году (27 октября) последовал указ о том, что оскопление, как преступление, близкое к самоубийству, всемилостивейшим манифестом не прощается, ибо еще в 1806 году (июня 25) скопцов повелено признавать *врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов божьих и гражданских;* почему,

за подведение скопцов под милостивый манифест, орловской уголовной палате сделан был выговор.

Между тем отец-искупитель преспокойно жил в доме Ненастьева, принимая божеские почести от детушек, посещая «соборы» в домах других петербургских скопцов и близкие к Петербургу корабли Фроловых. С последователями, жившими в местах отдаленных, он вел обширную переписку. Со всех сторон скопцы приходили к нему просить благословения, милости и покрова. Он раздавал им сухарики, кусочки сахара, ладана, восковой свечи. Все это принималось, как великая святыня. Еще большею святыней почитались остатки пищи от стола Селиванова и части его «святых живых мощей»: обрезанные ногти, оставшиеся в гребне волосы, кусочки его одежды. Их завертывали в бумажках и держали у образов, или зашивали в ладонки и носили на кресте вместе с рублями и полтинниками, чеканенными в непродолжительное царствование Петра III. Из монет Петра III особенно уважались так называемые «крестовики», на которых четыре буквы П. вычеканены были крестообразно. С разных сторон привозили в Петербург к Кондратью Селиванову скопческих учителей, наставников, пророков и пророчиц, которых он благословлял на исполнение их должностей, махая на них платком [1], давал им по тельному кипарисному кресту, по платку (покров) и по нескольку маленьких образков (финифтевых) и сухариков для раздачи «верным-праведным» [2].

---

[1] Это называлось «подавать покров». Платок отца-искупителя скопцы называли «покровом».

[2] Крестьянин Иван Андреянов в донесении, поданном императору Александру Павловичу в 1825 году, говорит: «Когда отец-искупитель благословляет какого-либо скопца на должность учителя, то служащие отцу-искупителю дают благословенному с головы его волосы... Я привез с собой в Петербург несколько волос с головы искупителя, мне дал их учитель мой Алексей Иванов в знак великого подарка. Несколько же волосков с головы учителя моего (Алексея Иванова) дала мне крестьянка, пророчица скопцов. Люди божьи такие волоса принимают с великим уважением и называют таковые «частицами живых мощей» и хранят у себя с бережливостью». В 1827 году возникло в Суздале дело о монахине Паисии. У нее в кельс найдены были волосы и обрезки ногтей, тщательно сохраняемые. По производившемуся вследствие дела о Паисии разысканию, в Москве был обыскан дом купчихи Анны Афанасьевны Подкатовой, где бывали скопческие собрания и где перед тем жил наставник, скопец Ларион Подкатов, и цеховая Анна Ивановна пророчица, бывшие в сношениях с монахинею Паисиею. Во вре-

Крестьянин Иван Андреянов в своем донесении императору Александру Павловичу говорил: «Когда отец-искупитель новопоставленному скажет, бывало, свою милость и покров, то давал ему обе ручки так же и каждому. А люди божьи, принимая его ручки и платок, крестились, прикладывались к оным и, крестясь, кланялись искупителю в ноги. Служащие же при искупителе давали некоторым с головы его волосы и «Послание отца-искупителя», в котором описаны его страдания». По словам Андреянова, отец-искупитель спрашивал иногда у приходивших: убелен ли такой-то и умеет ли радеть,

---

мя обыска и здесь были найдены обрезки ногтей и волос. Подкатова и Иванова сказали, что волосы и ногти остались у них в воспоминание отца Лариона Андреевича Подкатова, тогда уже умершего. Тут же найдено было шесть гусиных перьев, очиненных без раскепа и загнутых крючком, коих употребление неизвестно, четыре пряжки, особого рода нож, шесть склянок с примочками («Дело департамента общих дел министерства внутренних дел» 1829 г., № 26). Дезертир Будылин в своем объявлении показал, что все почти скопцы имеют у себя полученные от отца-искупителя волосы, которые сохраняют на крестах в ладонках и в сундуках, и почитают за великую святыню («Дело того же департамента» 1829 г., № 81). Тамбовской губернии, Усманского уезда, в 1829 году, при обыске дома солдатки Дарьи Григорьевой Чулковой, принадлежавшей к скопческой секте, найдены человеческие волосы, аккуратно завернутые в бумажку и хранившиеся в деревянных небольших складнях. При осмотре же в домах живших в городе Усмани девок, Матрены Чулковой, Надежды Мартемьяновой, Авдотьи и Надежды Трубниковых (из них Надежда Ивановна Трубникова, по показанию Будылина, была наставницею или пророчицею), найден в сундуке кипарисный тельный крест, а при нем привязаны ладонки, к которым были зашиты седые волосы и два маленьких кусочка ладана («Дело того же департамента», 1829 года, № 107). У скопцов Псковской губернии, Опочецкого уезда, в 1829 году найдены были волосы и ногти, которые они носили на шее при крестах. Тамошний скопческий учитель Захар Григорьев показал, что волосы и ногти достались ему в знак памяти от бывшего наставника скопцов Селиванова, жившего в Петербурге, в доме Кострова, а потом сосланного в Суздаль. Чиновник XIV класса скопец Федор Васильев показал, что волосы и ногти дал ему петербургский скопец Андрей Костров, с тем, чтоб их носить на шее, при кресте, ибо, по уверению Кострова, они от мощей Александра Невского («Дело того же департамента», 1829 года, № 148). Воронежского уезда, у солдатки Емельяновой и у других женщин, состоявших в скопческой секте, в 1836 году найдены узелки с ладаном, воском и какими-то корешками («Дело того же департамента», 1836 г., № 270). При осмотре в начале нынешнего года дома моршанского купца Максима Плотицына, «скопца неоскопленного», найдены были завернутые в бумажку седые волосы. Калужский священник Иван Сергеев, бывший в переписке с Кондратьем Селивановым, в

и когда ему отвечали, что убелен и радеть умеет, то говорил: «Ну, дай господи, детушки: тот у меня и архиерей, кто стоит у моих дверей, тот у меня, отца, и генерал, кто плоть свою не замарал». «Однажды,— продолжал Иван Андреянов,— некая женка принесла искупителю десять копеек медью. Искупитель вынес эти деньги в собрание, положил на стол и сказал: «сия женка принесла мне только десять копеек, но от усердия, и оное мне приятнее прочих, приятнее большого приношения». У искупителя мало молятся богу, только полагают по три поклона в землю, а поклоняются ему или его портрету; но все радеют досыта, поют духовные песни, слушают от пророка слово и расходятся по своим местам; а сходятся в собор искупителя всегда в полдень. Один из пророков, провещавший в мире искупителя, выпел, что в искупителе их господь Саваоф и с ручками и с ножками... Учитель мой (Алексей Иванов) говаривал: «у небесного отца слуги бесплотные, так и у государя-батюшки слуги без плоти (то есть оскопленные); прежние святые беседовали с богом лицом к лицу, так и теперь святые божьи (то есть скопцы) беседуют с богом лицом к лицу»... Восемь лет тому назад (стало быть, в 1816 году) ездили в Петербург к искупителю две девицы-пророчицы, а по возвращении говорили, что перед святыми образами не должно возжигать масла, так как в Питере у искупителя и у хороших людей масла не возжигают перед образами. Они тогда же говорили, что не должно молиться за умерших. Все это по внушению искупителя. Девицам этим искупитель прорек: «Аннушка да Феклушка! Я, отец, растворю для вас соборы, и божьи люди вас примут и угостят, и вы не будете в нужде». Но они теперь,— замечает Иван Андреянов: — от божьих людей прогнаны и не имеют пристанища... Искупитель благосклонно отзывался об

своем «Изъяснении раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина», говорит: «Есть у них высочайший учитель, а он имени и в письмах своих никому не объявляет. Последователи его зовут «государем», «батюшкою», «богатым гостем», купцом, торгующим бесценным товаром, то есть словом божьим, «рекою Доном». От него происходят все пророки и учителя. Оный «батюшка» всегда пребывает в *одном из первых городов*, к нему со всех сторон съезжаются просить благословения. Он оделяет крестами и дарит иконами, отсутствующим же посылает сухарики, коими будто сам питается, просфоры, баранки и воду святую. Употребляют все сие как святыню».

отсутствующих его последователях. Он говаривал: «невидящие меня, отца, и верующие в меня преблаженны; иной и со мной да стоит ко мне спиной, а иной и далеко, да близко моего бока». Некоторые приходили к искупителю в веригах и просили позволения носить их; искупитель отвечал: «во иное время носите, а в другое под лавку кладите; мои детушки носят тайные вериги».

Отец-искупитель долго жил в доме Ненастьева. Ненастьевы находились в коротких отношениях с разными лицами из петербургского духовенства, из купечества и даже из образованного общества. Многие из их знакомых хотя и не принадлежали к хлыстовщине, но искали случая увидеть Селиванова и получить от него благословения. Он слыл за святого человека, об нем рассказывали много таинственного, чудесного, поговаривали, что он предсказывает будущее, а этого было достаточно для некоторых, чтобы спешить к Ненастьеву и добиваться свидания с праведником. Нередко в доме Ненастьева появлялись благочестивые монахи и монахини, как петербургские, так и приезжавшие в столицу за сборами. Нередко по нескольку карет, заложенных по тогдашнему обыкновению четвернями и шестернями, стояли на Басковом переулке, у дома Ненастьева. Это набожные петербургские барыни приезжали к праведнику принять благословение, послушать поучений, а может быть, и пророчество услышать. Не все, однако, видели «праведника», но только приводимые кем-либо из семейства Ненастьевых. Селиванов и их оделял сухариками, пряниками, баранками, иногда финифтяными образками, и им давал целовать свои руки и одежду. При этих поклонениях, разумеется, не происходило ничего оказывающего хлыстовско-скопческую ересь. Для усыпления бдительности полиции и чтобы доказать неосновательность слухов, которые не могли же не распространяться о тайном учении и обрядах скопцов, Ненастьевы, а потом Костров и Солодовников, у которых жил Селиванов, приглашали к себе и министра полиции Балашова, и петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, и графа Петра Александровича Толстого, и обер-полицеймейстеров и других. При них совершали они молитвы и слушали поучения, но тогда, конечно, не упоминалось ничего такого, что могло бы показаться предосудительным. Бывали у Селиванова и тогдашние мистики: князь А. Н. Го-

лицын, А. Ф. Лабзин, В. М. Попов и другие, почитавшие его боговдохновенным сосудом. В Михайловском дворце, у Татариновой, совершались те самые обряды, какие совершались по ночам у отца-искупителя.

О собраниях «верных праведных» у своего батюшки-царя израильского имеем свидетельства нескольких очевидцев. Приведем из них три: одно того времени, когда Селиванов жил у Ненастьева, другое — когда он жил у Кострова, третье — когда он имел пребывание уже в своем доме, построенном для него Солодовниковыми.

В сентябре 1846 года, когда в Петербурге и Кронштадте производились розыски скопцов, семидесятилетний отставной фельдфебель Николай Иванов, служивший при маяках, а после отставки живший в Кронштадте, дал весьма любопытные показания о собраниях в доме Ненастьева. Он не был оскоплен, но некоторое время находился в обществе скопцов, от которых вскоре отстал и женился.

Будучи лет тридцати с небольшим, он в 1808 году служил в Ревеле и там познакомился с унтер-офицером морского ведомства Александром Дмитриевым. Этот Дмитриев был оскоплен, и он и жена его принадлежали к скопческой ереси, чего, однако, не знал тогда Николай Иванов. В 1810 году обоих их перевели из Ревеля: Иванова в Кронштадт, где он с тремя матросами (оскопленными) жил на Толбухине маяке, а Дмитриева в Петербург, в адмиралтейские мастерские.

Зимой, когда службы на маяках не было, Николай Иванов по праздникам езжал в Петербург и посещал ревельского своего знакомца Александра Дмитриева в его квартире. Случились два праздника сряду, он поехал из Толбухина в Петербург и остановился у Дмитриева. «Рано поутру,— сказывал Николай Иванов в следственной комиссии 1846 года: — заметив, что Дмитриев сбирается идти со двора, и узнав, что он идет к заутрене, я просил его взять меня с собою, но он велел мне остаться дома, а сам ушел. Часу в десятом утра пришел ко мне молодой человек в купеческой одежде, совершенно мне незнакомый, назвал меня по имени, говорил, что он меня знает и пригласил идти с собой к обедне.

— Куда же мы пойдем, к Спасу на Сенной, что ли? — спросил я его, выходя из дому.

— Да, к спасу[1],—ответил молодой человек, и мы пошли.

Но вместо того, чтоб идти в церковь Спаса на Сенной, он привел меня в Староконюшенную улицу (Басков переулок), в дом Ненастьева.

Мы вошли в комнату нижнего этажа. Там сняли с меня бывшее на мне платье и дали надеть халат и туфли. В этой комнате было несколько оскопленных мальчиков разного возраста. По их лицам я принял их за выздоравливающих после тяжкой болезни, не зная, что они излечивались тут от оскопления. Мальчики просили моего вожатого подвести меня к ним. Вожатый сказал: «На что он вам?» Но я сам подошел к мальчикам. Они, посмотрев на меня внимательно, сказали: «Этот будет наш». После того вожатый повел меня вверх по лестнице. Ступив на третью ступень, услыхал я следующие слова, петые нараспев: «Овцы, вы овцы, белые мои!». Я остановился от удивления; но вожатый взял меня под руку и повел далее, сказав: «Какой ты любопытный!»

«Мы пришли в комнату, где нашли: Александра Дмитриева, чиновника Пищулина, до того времени мне неизвестного, и еще одного чиновника, которого я видел в Ревеле. Мы сели на диван, и они стали давать мне наставление, как должно жить на свете, на что я отвечал им, что я и сам понимаю, что хорошо, что худо. Поговорив немного, Пищулин сказал мне:

— Теперь пойдем к «богу», делай, что́ я буду делать, и молись с крестом.

В ответ на это я показал ему бывший у меня на шее крест; но Пищулин с улыбкой отвечал мне:

— Ты не понял моих слов; крестись на него.

Привели меня в комнату, устланную цельным большим ковром, на нем вытканы были лики ангелов и архангелов. Мне страшно стало ступать на святые изображения, но Пищулин дернул меня и велел идти. Я увидал кровать. Постланные на ней пуховики были в мой рост, над кроватью был полог с кисейными занавесками и золотыми кистями. На постели лежал в пуховиках старик в батистовой рубашке, которого Пищулин и со-

[1] Скопцы Кондратья Селиванова звали «спасом».

братья его называли «богом». Они помолились ему, как мы молимся истинному богу. Пищулин стал молиться на коленях и мне велел то же делать.

Бог, указывая на меня, спросил Пищулина:

— Давно ли он желает?

— Уже с год,— отвечал тот.

Тогда бог приказал Пищулину подать себе крест, взял его, поцеловал и мне дал приложиться к кресту и потом поцеловать свою руку. Затем он сказал Пищулину:

— Отведи его к пророку.

Пищулин привел меня в соседнюю комнату, где сидело четыре человека, в том числе и Дмитриев. Кроме них, тут находился еще один человек, он стоял на коленях перед пророком, а пророк, одетый в белую до пят рубашку и стоя, прорекал будущее, но слова его были для меня непонятны. И я, в свою очередь, стал перед пророком на колени, и он обещал мне золотой венец и нетленную ризу. Пророк оканчивал свои пророчества, махая платком и говоря: «Оставайся, бог с тобой и покров мой над тобой». Он велел отвести меня в «собор», и бывшие в комнате повели меня вниз, откуда раздавалось слышанное мною пение.

Комната, в которую мы вступили, была огромной величины; вокруг стены стояли стулья; тут было больше ста человек, в том числе и мои товарищи по маяку, матросы Ефим Сидоров, Аверьян Иванов и Флор Гурьев. Все были в длинных белых рубашках и, напевая, кружились в два ряда. Это они, по их выражению, «ходили кораблем». В малом пространстве, оставшемся середи круга, несколько человек вертелись на одном месте. Меня поставили на стул и заставили, так же, как и у других сидевших на стульях, разостлать на колени платок и подлаживать пению кружившихся, ударяя в такт руками и ногами. Так шло весь день до вечера. Часу в девятом вечера пение и кружение вдруг прекратилось минут на пять. Настала мертвая тишина. Потом запели:

Царство, ты царство,
Духовное царство,
Во тебе во царстве
Благодать великая,—

и после того снова все затихло.

Тут растворились двери, и бог, одетый в короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошел в комнату. Его вели под руки два человека, которых называли Иоанном предтечей и Петром апостолом. На них были темные рясы, подпоясанные ремнями. Увидя их, все пали на колени, а бог, махая белым батистовым платком, говорил: «покров мой святой над вами», и прошел на женскую половину.

Женское отделение было в смежной комнате; в стене же, разделявшей обе комнаты, было прорублено низкое, но широкое окно, которое по приходе бога открыли. На этом окне была постлана постель, на которую бог и сел. Предтеча и апостол остались на женской половине у самого ложа бога. Пророчицы начали богу пророчествовать. Засим как женщины, так и мужчины стали кружиться. Бог, пробыв тут с час времени, снова был отведен теми же, что̀ привели его. С уходом его, окно на женскую половину было закрыто, но кружения не прекращались.

Часу в двенадцатом пополуночи кружившиеся стали прыгать все в один раз, так что стены тряслись, и кричать: «Ай дух!». Это навело на меня такой страх, что я хотел выскочить в окно; но меня удержали. Вдруг шумный крик заменился тихим пением: «Царь бог, царь бог». И снова стали кружиться.

Вскоре собор прекратился, все разошлись, а я остался ночевать в том доме, но в особой комнате, вместе с человеком, который меня привел туда. На другой день повторилось то же самое, и меня отпустили уже на третьи сутки. Я с товарищами отправился в Кронштадт.

В Кронштадте меня привезли в «кронштадтское братское общество», находившееся в Нижней Широкой улице, в доме Родионова, куда я и прежде хаживал, но еще не знал о существовании общества. По приходе нашем общество радушно нас встретило, все стали молиться друг на друга, а прибывшие со мной товарищи сказали: «Батюшка и дух святый и верные праведные кланяются». Тут прочли письмо от Пищулина, в котором было написано, что я был принят в общество.

Я хаживал к ним редко. Однажды меня затащили в общество, мы стали кружиться, но у меня с непривычки закружилась голова, я упал и уронил с собою несколько человек. В этом обществе читывали страдания

их бога. Слушая, они заливались слезами, а я, чувствуя ко всему этому омерзение, оставался равнодушным. За то они называли меня истуканом. Однажды я спросил чиновника, которого видел в доме Ненастьева, кто этот старичок, которого они называют богом.

— Это государь, Петр Федорович,— отвечал он.

Бога скопцов я видывал каждый раз, как бывал в Петербурге в их обществе, в домах Ненастьева и Кострова. В сем последнем доме видел я бога, так же, как и впервые, сидевшим на богатой постели. В другом положении я его не видывал. Когда же этот бог бывал на соборе, то на ногах у него были золотом шитые туфли, на которых, как помнится, находились какие-то священные изображения».

Когда Селиванов жил у Ненастьевых, дом их представлялся чем-то вроде странноприимной обители. Скопцы так и называли его. Сюда стекались многочисленные последователи хлыстовско-скопческой ереси со всех концов России. Тут бывали из Иркутска, из Одессы, из Риги, из Алатыря, словом, отовсюду, где была распространена ересь, а распространена она была почти по всем губерниям[1]. Приходившие на поклонение в Петербург немедленно получали в обители отца-искупителя покой и пищу и были осыпаемы всевозможными ласками приближенных к богу. Под видом заботливости и участия, они старались между тем вызнавать домашние отношения пришедшего, житейские его обстоятельства и пр., а потом, передав все это пророку, к которому посылал обыкновенно Селиванов поклонников, ставили его в возможность сказать при свидании с посетителем несколько слов, которые бы в глазах пришедшего свидетельствовали, что пророк в самом деле обладает даром пророчества. Поклонники с простосердечием и верой падали перед Селивановым на землю и, получа утешение и уверение, что благодать божья всегда с ними пребывает, орошали стопы своего «батюшки» радостными слезами. Снабженный кратким наставлением для жизни и подарком на благословение: бумажным платком, финифтяным образком, сухариком, пряником или кусочком сахара, поклон-

---

[1] Кроме Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Витебской, Волынской, Минской и Архангельской; но и в этих губерниях скопцы и хлысты не были только открываемы формальными следствиями, втайне же и там находились.

ник отправлялся в свою сторону, чтоб там еще с бо́льшим рвением, еще с бо́льшим фанатизмом распространять скопческие заблуждения [1].

Вместо всей этой «святыни», дешево стоившей приближенным Селиванова, они получали от поклонников дары более существенные: деньги текли рекой и в непродолжительном времени казна «обители» в доме Ненастьева обогатилась до чрезмерности. Очевидцы, из которых многие были живы в сороковых годах, а некоторые, может быть, живы и теперь, уверяют, что сам Селиванов из этих пожертвований ничем не пользовался, зато приближенные его не упускали случая поживиться на счет легковерия ближних и дальних почитателей отца-искупителя. Многие из них нажили значительное состояние. Больше всех Солодовников, бывший чем-то вроде казначея в обители Ненастьева, а впоследствии державший отца-искупителя в своем доме.

---

[1] В. И. Даля «Исследование о скопцах». Скопческие учителя, жившие в отдаленных местах, и «страдальцы скопцы», то есть находившиеся под судом или следствием и сидевшие в тюрьмах, также получали из Петербурга подарки: кулек пряничных орехов, кренделей, сухой рыбы, равно и других предметов, остающихся от стола отца-искупителя. Эти объедки своего царя и бога принимали они как драгоценную святыню, разделяли между «верными-праведными» и употребляли не иначе, как натощак, с великим благоговением, тогда как, приобщаясь к православной церкви, перед причастием тихонько завтракали. Пузырьки с помоями, оставшимися после умывания Селиванова, также рассылали как святыню, но самою великою святыней были «части святых живых мощей», то есть волосы, обрезанные ногти и т. п. Самые нечистоты Селиванова почитаемы были за святыню.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ

I

В первой книжке «Чтений», издаваемых императорским Московским Обществом Истории и Древностей, 1867 года, помещены доставленные почетным членом этого Общества, графом В. Н. Паниным, чрезвычайно любопытные сведения о загадочной женщине, что в семидесятых годах прошлого столетия, за границей, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рожденную от законного брака ее с фельдмаршалом графом А. Г. Разумовским. Время появления самозванки весьма знаменательно: оно явилось непосредственно за первым разделом Польши и одновременно с Пугачевым. Близкие сношения ее с поляками, уехавшими за границу, особенно же с знаменитым князем Карлом Радзивилом, коронным генеральной конфедерации маршалом, палатином виленским, с этим магнатом, обладавшим несметными богатствами, идолом шляхты, известным под именем «пане коханку», не оставляют сомнения, что эта женщина была орудием польской интриги против императрицы Екатерины II.

Об этой самозванке писали иностранцы с разными, по обыкновению, прикрасами. Они-то и утвердили мнение, будто эта женщина действительно была дочерью императрицы, имевшею законное право на русский престол, что, взятая в Италии графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским, она была привезена в Петербург, заточена в Петропавловскую крепость и там, 10 сентября 1777 года, во время сильного наводнения, затоплена в каземате, из которого ее забыли или не хотели вывести.

В 1863 году в Петербурге, на художественной выставке Академии Художеств, обращала на себя внимание публики картина даровитого художника, покойного Фла-

вицкого, изображающая ужасную смерть «княжны Таракановой». Картина эта в 1867 году была отправлена на Парижскую всемирную выставку. Она изображает женщину, одетую в поношенное и уже изорванное платье из атласа и бархата, стоящую на кровати, покрытой овчинным одеялом. В окно с железною решеткой хлещет вода и наполняет комнату; крысы плавают, пробираются на кровать и на платье заключенной. Несчастная в отчаянии смотрит на неизбежную гибель. Картина г. Флавицкого, заслуживающая, по отзывам знатоков, большую похвалу в отношении художественном и удостоенная Академией заслуженной награды, еще более распространила в публике уверенность в истине небывалого происшествия, придуманного досужими иностранцами, писавшими много разнообразного вздора об Екатерине II. Самозванка (а не настоящая княжна Тараканова) действительно была заключена в Петропавловской крепости, но, как видно из опубликованных теперь и не подлежащих никакому сомнению известий,— умерла от чахотки года за два до наводнения 1777 года.

Манштейн и некоторые другие иностранные писатели говорят, что императрица Елизавета Петровна тайно вступила в законный брак с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Об этом несколько раз говорено было и в русской печати. В первый раз сделал печатный намек о браке Елизаветы г. Бантыш-Каменской в 1836 году. В его «Словаре достопамятных людей русской земли» (т. IV, биография А. Г. Разумовского) сказано: «Манштейн в своих «Записках» сохранил любопытные, но едва ли достоверные подробности об отношениях императрицы Елизаветы к графу Разумовскому». Из напечатанных в России известий о тайном браке императрицы особенно замечателен «Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны», напечатанный в третьей книжке «Чтений в Обществе Истории и Древностей» 1863 года. Это рассказ покойного графа С. С. Уварова, который женат был на последней в роде Разумовских, графине Екатерине Алексеевне (ум. 1849 г.), и слышал о таинственном браке от своего тестя, приходившегося родным племянником графу Алексею Григорьевичу. В своем месте мы передадим этот в высшей степени любопытный рассказ.

О браке императрицы Елизаветы Петровны с Разумовским и о детям, рожденных ею от этого брака, сохра-

нилось у нас немало преданий. Предания эти обращались и обращаются не в одном тесном кружке высшего общества; в простом народе из поколения в поколение передаются рассказы о браке императрицы с ее подданным и о судьбе их детей. Так, в Москве народ, указывая на церковь Воскресения в Барашах, крест на которой увенчан короной, говорит, что здесь венчалась царица Елизавета и что в память этого события брачный венец поставлен на кресте церковном. На находящийся неподалеку от этой церкви дом, строенный по проекту графа Растрелли и занимаемый теперь четвертою гимназией [1], указывают как на дом, где тихо праздновалась тайная свадьба, где некоторое время жил Разумовский с царственною своею супругой. В Пучеже сохраняются в народе предания о дочери Елизаветы, жившей будто бы в этом посаде при Пушавинской церкви, под именем Варвары Мироновны Назарьевой или инокини Аркадии, и умершей в 1839 году [2]. Подобные предания сохраняются и по другим местам: в некоторые женские монастыри, например, в Арзамасе, в Екатеринбурге, в Уфе, в Нижнем, в Костроме и других местах, с таинственностию привозили в прошлом столетии женщин, принадлежавших к высшему сословию, и они в укромных обителях доживали свои дни. То были женщины, которых, по неизвестным еще пока причинам, как «умалишенных», удаляли из общества под попечительный надзор игумений [3]. Всем почти таким заточенницам, как и пучежской Варваре Мироновне, местная молва приписывала происхождение от императрицы Елизаветы... В селе Работках, Макарьевского уезда, Нижегородской губернии, сохраняется память о бывшем тамошнем помещике Шубине, за которого будто бы императрица Елизавета желала выйти замуж,

---

[1] Дом этот принадлежит кн. Трубецкому и известен в Москве под названием «Комода».

[2] Во второй книжке «Чтений Общества Истории и Древностей» 1866 года напечатана статья г. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже». В ней сказано, что эта Варвара Мироновна была не кто иная, как дочь императрицы Елизаветы. На месте действительно ходит такой слух в народе, но Варвара Мироновна ничего общего с княжной Таракановой не имеет.

[3] Для мужчин в XVIII столетии устроены были особые казематы в монастырях Соловецком и Спасо-Евфимьевом Суздальском. Они ссылались туда под названием «умалишенных». Теперь в казематах обоих этих монастырей содержатся преимущественно духовные лица, а также разные сектаторы, признанные вредными.

но он отказался от этой чести, уступив царственную невесту Разумовскому. В Переславле-Залесском сохраняется предание о браке Елизаветы и о том, что в этом городе, в одном из тамошних монастырей, жил князь Тараканов, рожденный от этого брака. В Александровке, Владимирской губернии, где жила некоторое время Елизавета Петровна, еще бывши цесаревной, также сохраняется предание о браке ее с Разумовским. В Ярославской, Владимирской и Тверской губерниях нам случалось слышать такое же народное предание.

Все эти предания отличаются местными подробностями, но сводятся на следующее: императрица Елизавета вступила в тайный брак с Разумовским и имела детей — сына и дочь. Как рожденные от брака, хотя и законного, но тайного, они не имели права на престолонаследие и по возрасте убеждены были добровольно отказаться от света и посвятить жизнь свою служению богу, дабы не сделаться орудием честолюбцев, которые могли бы употребить их имя и мнимые права для достижения собственных своекорыстных целей, дабы не быть таким образом невольною причиной весьма возможных в прошлом столетии политических замешательств. Ни о желании детей Елизаветы занять высокое положение своей матери, ни о жалобах их на печальную судьбу свою предания не упоминают ни слова. Должно быть, Таракановы были далеки от честолюбия и оставались довольны своей скромною долей. Хотя в царствование Екатерины II и являлось немало самозванцев, принимавших на себя имя Петра III, но самозванцы Таракановы не могли явиться в России. Самозванка явилась лишь за границей.

II

Цесаревна Елизавета Петровна родилась в год Полтавской победы, и когда умерла ее мать, императрица Екатерина I, ей только что исполнилось восемнадцать лет. Она была редкой, необычайной красоты. Портреты ее, находящиеся в Романовской галерее и в галерее Гатчинского дворца, свидетельствуют, как красива, как привлекательна была она во время первой молодости. Веселый, беззаботный характер и сердечная доброта отражались на нежных чертах миловидного лица белокурой це-

цесаревны. Она была грациозна и приводила в восхищение всех знавших ее. Обе дочери Петра Великого, по справедливости, назывались первыми красавицами Севера. Берхгольц в своем «Дневнике» так описывает ее: «По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная, лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа» [1]. Елизавета не отличалась ни блестящими свойствами ума, ни политическими способностями; она любила удовольствия, любила роскошь, мир, тишину, была беспечна, ленива и, как известно, не искала престола, желая лишь одного: полной свободы действий в частной жизни. Самое вступление ее на престол совершилось почти помимо ее воли; известно, что приверженцам ее немало было труда — склонить цесаревну к решительным действиям; только страх монастырского заключения заставил беспечную, ленивую и начинавшую уже отцветать красавицу сделать желанный другими, но не ею, решительный шаг.

Еще при жизни матери Елизавета объявлена была невестой голштинского принца Карла Августа, епископа Любского; но брак не состоялся по случаю смерти жениха, последовавшей месяца через полтора по кончине Екатерины I. Через месяц после того (25 июля 1727 г.) старшая сестра Елизаветы, герцогиня голштинская Анна Петровна, с горестными слезами уехала с мужем из России в Голштинию, измученная нападками всесильного князя Меншикова. Елизавета Петровна осталась в одиночестве. Она была сирота, в полном смысле этого слова: ни отца, ни матери, ни доброго руководителя у восьмнадцатилетней девушки, пылкой, страстной, готовой пожертвовать, пренебречь всем для удовольствий и свободной, веселой жизни. Император, племянник ее, был еще очень молод, бабушка его, царица Авдотья Федоровна, не могла питать нежных чувств к дочери своей соперницы, которую считала причиною своих злоключений и плачевной кончины своего сына. К тому же она жила в монастыре, и двор был совсем чужд ей. Сестра императора, Наталья Алексеевна, была только годом старше своего брата и, кажется, не любила Ели-

---

[1] «Дневник камер-юнкера Берхгольца», 1, 54.

завету. Царевны, дочери царя Ивана Алексеевича, жили в Москве; к ним Елизавета также находилась в самых холодных отношениях; словом, в царской семье она была совершенно чужою. Она потеряла всякое значение и в глазах верховных сановников империи, особенно после падения Меншикова. Остерман предложил было обвенчать четырнадцатилетнего императора на его тетке Елизавете, чтобы таким образом соединить потомство Петра Великого от обеих жен. Но эта немецкая выдумка не могла быть приведена в исполнение: уставы православной церкви не дозволяют брака в столь близкой степени родства. Некоторое время Елизавета находилась с своим племянником-императором в самых приязненных, в самых близких, коротких отношениях и имела на него большое влияние. Остерман это хорошо понимал и потому предлагал невозможный брак. По падении Меншикова, когда двор переселился в Москву, на Петра II имела большое нравственное влияние сестра его Наталья Алексеевна, что не нравилось князьям Долгоруковым, самым близким людям к императору. Любимец государев, князь Иван Алексеевич Долгоруков, по внушению своего отца, чтобы поссорить брата с сестрой или по крайней мере охладить его к ней, всячески старался возбудить привязанность его к Елизавете. Очарованный прелестями своей тетки, Петр предался ей со всем пылом молодости, не скрывал ее на себя влияния даже во многолюдных собраниях и безусловно следовал ее внушениям. Долгоруковы не предвидели, что влияние Елизаветы будет так велико, и искали способа удалить ее. Они придумали выдать ее замуж за известного Морица Саксонского, с 1725 года домогавшегося Курляндского герцогства. Это, однако, не состоялось, и когда Елизавета Петровна своим легкомыслием сама разрушила свою силу, потеряв влияние на племянника, Долгоруковы более не заботились о сватовстве ее. Последнее время Петрова царствования и первые годы Анны Ивановны цесаревна Елизавета жила отдельно от двора, в слободе Покровской, ныне вошедшей в состав города Москвы, в Переславле-Залесском и Александровской слободе (ныне город Александровск), нуждаясь нередко в денежных средствах. По своей беспечности, склонности к удовольствиям и крайнему нерасположению к труду она была совершенно безопасна для Анны Ивановны, но духовное

завещание Екатерины I, по которому, в случае бездетной кончины Петра II, русская корона должна была перейти в руки одной из цесаревен, было всем памятно; оно беспокоило Анну и ближайших ее приверженцев. За Елизаветой учрежден был секретный, но бдительный надзор, но напрасно соглядатаи старались подметить в ней какие-либо политические замыслы. При дворе Елизаветы не было почти никого из знатных людей, в Покровском она нередко проводила время с слободскими девушками, в летние вечера водила с ними на лугу хороводы, пела песни и даже сочиняла их. Таким образом песня:

Во селе, селе Покровском,
Середь улицы большой,
Расплясались, расскакались
Красны девки меж собой —

приписывается Елизавете Петровне. В Переславле и Александровской слободе она также сближалась с простолюдинами. Это обратило на себя подозрительное внимание большого двора, уже переселившегося в Петербург. Боялись, чтобы она не приобрела такой популярности, которая могла бы сделаться опасною для императрицы. Елизавету вытребовали в Петербург, где она и поместилась в особом доме, называемом Смольным и находившемся в конце нынешней Воскресенской улицы. Впоследствии увидели, что популярность цесаревны в среде гвардейских солдат для преемника Анны была несравненно опаснее популярности между покровскими и александровскими слобожанами, переславскими посадскими и ямскими людьми.

III

Алексей Яковлевич Шубин, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, молодой человек, не знатного происхождения [1], но чрезвычайно красивой наружности, ловкий, проворный, расторопный, решительный и энергический, овладел сердцем Елизаветы Петровны [2]. Она предалась своему чувству со всем пылом молодости, со всем упоением страсти, как говорит предание, предпола-

[1] До 1600 года дворян Шубиных не было. В 1699 двое Шубиных владели поместьями.
[2] Манштейн.

гала сочетаться с Шубиным браком [1]. Пример тайного брака царевны с подданным был уже подан: родная сестра императрицы Анны Ивановны, царевна Прасковья, была замужем за Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым и умерла в 1731 году, не пережив его смерти. Если б избранный сердцем Елизаветы был такой же ничтожный человек, как муж ее двоюродной сестры Прасковьи Ивановны, по всей вероятности, тайный брак ее с Шубиным не встретил бы препятствий со стороны императрицы; но энергический прапорщик казался опасным, он был любим товарищами, имел большое влияние на солдат, через него Елизавета сблизилась с гвардейцами и вступила с ними в такие же отношения, в каких находилась прежде с слобожанами Покровской и Александровской слободы: крестила у них детей, бывала на их свадьбах; солдат-именинник приходил к ней, по старому обычаю, с именинным пирогом и получал от нее подарки и чарку анисовки, которую, как хозяйка, Елизавета и сама выпивала за здоровье именинника. Гвардейские солдаты полюбили доступную цесаревну, стали называть ее «матушкой» и говорили друг другу, по внушению Шубина, что ей, дочери Петра Великого, «не сиротой плакаться», а следовало бы на престоле сидеть. Не дождавшись брачного венца, Шубин был арестован по повелению императрицы Анны, долго томился в оковах, в так называемом «каменном мешке», где нельзя было ни сесть, ни лечь, и наконец отправлен в Камчатку и обвенчан там, против воли, с камчадалкой [2].

---

[1] Елизавета Петровна пламенно любила Шубина и выражала чувства свои в стихах, обращенных к нему. Вот одна строфа из них, приведенная г. Бантыш-Каменским в его «Словаре достопамятных людей» (второй выпуск. Спб. 1847, т. III, стр. 550):

Я не в своей мочи — огнь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить?
Что всегда разлучно и без тебя скучно —
Легче б тя не знати, нежель так страдати
Всегда по тебе.

[2] Вступив на престол, Елизавета Петровна вспомнила о своем любимце, сосланном за нее в дальнюю Камчатку. С великим трудом отыскали его не ранее 1742 года в одном камчадальском селении. Посланный объездил всю Камчатку, спрашивал везде, нет ли где Шубина, но не мог ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя кому бы то ни было под страхом смертной казни. В одной юрте посланный отыскивать ссыльного спрашивал нескольких бывших тут арестантов, не слыхали ли они чего-нибудь про Шубина;

После ссылки Шубина пылкая Елизавета Петровна обратила внимание на Разумовского. Алексей Григорьевич Разумовский родился в один год с нею, то есть в 1709 году, в маленьком селе Лемешах [1] Козелецкого уезда Черниговской губернии; отец его был простой казак Григорий Розум. У Алексея Розума был хороший голос, и он певал на клиросе приходской церкви. Для укомплектования придворной капеллы посылали из Петербурга набирать певчих обыкновенно в Малороссию, где, как известно, несравненно более хороших голосов, чем в Великой России. Полковник Вишневский, посланный с таким поручением в царствование Анны Ивановны, услыхал в Лемешовской церкви Алексея Розума, которому было тогда с небольшим двадцать лет, и взял его в придворные певчие. Во дворце увидала его Елизавета, постаралась перевести его в свой штат и поручила ему надзор за управлением своих поместий. Розум, переименованный в Разумовского, оставался при дворе цесаревны до вступления ее на престол. В тот же день, как Елизавета заняла место несчастного Ивана Антоновича, 25

никто не дал положительного ответа. Потом, разговорясь с арестантами, посланный упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. «Разве Елизавета царствует?» — спросил тогда один из ссыльных. «Да, вот уж другой год, как Елизавета Петровна восприяла родительский престол»,— отвечал посланный. «Но чем вы удостоверите в истине?» — спросил ссыльный. Офицер показал ему подорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы. «В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами»,— отвечал арестант. Его привезли в Петербург, где 2 марта 1743 года он был произведен «за невинное претерпение» прямо в генерал-майоры и лейб-гвардии Семеновского полка в майоры и получил Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, в том числе село Работки на Волге, что в нынешнем Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Шубин недолго оставался при дворе. Камчатская ссылка совершенно расстроила его здоровье, он предался набожности, дошедшей до аскетизма, и в 1774 году, уже в чине генерал-поручика, когда особенно сильно было влияние на императрицу Разумовского, просил увольнения от службы. Получив отставку, Шубин поселился в пожалованных ему Работках, где и умер. На прощание императрица Елизавета подарила ему драгоценный образ Спасителя и часть ризы господней. То и другое доселе сохраняется в церкви села Работок. В этом селе передается из поколения в поколение предание об отношениях императрицы Елизаветы Петровны к бывшему тамошнему помещику.

[1] Село Лемеши, в 10 верстах от Козельца, стоит на болоте и в настоящее время имеет всего 49 дворов с 174 жителями обоего пола.

ноября 1741 года, сделала она своего любимца действительным камергером, вскоре затем обер-егермейстером, а в день коронации своей, 25 апреля 1742 года, пожаловала ему Андреевскую ленту. В 1744 году Разумовский викарием Римской империи, курфирстом саксонским, был возведен в графское Римской империи достоинство, а через два месяца после того Елизавета Петровна возвела его в графы Российской империи. Это было 15 июня 1744 года. В этот день новопожалованный граф и обвенчался с Елизаветой Петровной в Москве в церкви Воскресения в Барашах, что на Покровской улице [1]. Затем он был произведен в генерал-фельдмаршалы, хотя никогда не бывал ни в одном походе.

IV

Разумовский умел хорошо держать себя на той высоте, на которую был возведен. Хотя отношения его к императрице и были известны, но он всячески старался скрывать их, не гордился своим положением, был со всеми приветлив, всем услужлив и тем приобрел искреннюю любовь окружавших Елизавету. Сначала жил он в одном дворце с императрицей, а потом для него был построен особый дворец, известный ныне под названием Аничкова. Богатства Разумовского были несметны, и он умел ими пользоваться. Много добра делал он бедным и несчастным, снабжая их деньгами или ходатайствуя за них пред Елизаветой. Он любил поиграть в банк, и если узнавал, что кто-нибудь нуждается в денежных средствах, приглашал его играть и нарочно проигрывал ему более или менее значительные суммы. Одно в нем было неприятно: любил иногда выпить лишнюю рюмку вина и во хмелю был неспокоен, как говорит в своих «Записках» учитель Павла Петровича, Порошин. Это было, говорят, причиной охлаждения к нему Елизаветы, последовавшего года через четыре после брака. Елизавета Петровна, любившая театральные представления, в то

---

[1] Одни говорят, что брак Елизаветы был совершен 15 июля 1748, а другие относят его к 1750 году. Но принцесса Августа Тараканова, рожденная от этого брака, скончалась 4 февраля 1810 года, 64 лет от роду. Следовательно, она родилась или в январе 1746, или в 1745 году. По этому расчету мы и относим брак Елизаветы к 1744 году.

время даваемые в сухопутном кадетском корпусе, однажды приехала туда нечаянно и, придя в театр, увидала на сцене спящего молодого человека, бывшего уже на выпуске. Это был Никита Афанасьевич Бекетов, к которому, как тогда говорили, «счастье во сне пришло». По окончании спектакля он был пожалован в сержанты, а месяца через три выпущен из корпуса прямо премьер-майором (то есть подполковником) Преображенского полка и назначен генеральс-адъютантом к Разумовскому. Разумовский был совершенно равнодушен к возвышению нового любимца и был с ним в самых приятных отношениях. Но граф Петр Иванович Шувалов, опасаясь возраставшего влияния Бекетова, сблизился с этим неопытным юношей и вкрался в его доверенность. Расхваливая его красоту, особенно же белизну его лица, он советовал для поддержания ее употреблять какое-то притиранье, которое и дал ему. Бекетов поступил по совету Шувалова, и лицо его покрылось сыпью. Жена Шувалова, Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, еще с ранней молодости Елизаветы пользовавшаяся особенною ее доверенностью и посвященная во все ее тайны, сказала ей, что Бекетов ведет распутную жизнь и заразился. Его тотчас же отправили в армию, а место его заступил Иван Иванович Шувалов, брат графа Петра Ивановича [1]. Разумовский и с Шуваловым, и с другими фаворитами находился в столь же приятных отношениях, как и с Бекетовым. Впоследствии, по вступлении на престол Екатерины II, он совершенно отказался от двора и вел жизнь уединенную, выезжая только в церковь.

Вскоре по вступлении на престол Екатерины II Григорий Григорьевич Орлов, стремившийся занять положение, подобное положению Разумовского, сказал императрице, что брак Елизаветы, о котором пишут иностранцы, действительно был совершен, и у Разумовского есть письменные на то доказательства. На другой день Екатерина велела графу Воронцову написать указ о даровании Разумовскому, как супругу покойной императрицы, титула императорского высочества и проект указа показать Разумовскому, но попросить его, чтобы он

---

[1] Бантыш-Каменский. «Словарь достопамятных людей русской земли», 1—115; Вейдемейер. «Двор и замечательные люди России», 1—3.

предварительно показал бумаги, удостоверяющие в действительности события.

«Такое приказание,— рассказывал впоследствии граф С. С. Уваров (в Варшаве за обедом у наместника, князя Паскевича),— Воронцов слушал с величайшим удивлением, на лице его изображалась готовность высказать свое мнение, но Екатерина, как бы не замечая того, подтвердила серьезно приказание и, поклонившись благосклонно, с свойственною ей улыбкой благоволения, вышла, оставя Воронцова в совершенном недоумении. Он, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поехал к себе, написал проект указа и отправился с ним к Разумовскому, которого застал сидящим в креслах у горящего камина и читающим священное писание.

После взаимных приветствий, между разговором, Воронцов объявил Разумовскому истинную причину своего приезда; последний потребовал проект указа, пробежал его глазами, встал тихо с своих кресел, медленно подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром, отыскал в комоде ключ, отпер им ларец и из потаенного ящика вынул бумаги, обвитые в розовый атлас, развернул их, атлас спрятал обратно в ящик, а бумаги начал читать с благоговейным вниманием.

Все это он делал, не прерывая молчания. Наконец, прочитав бумаги, поцеловал их, возвел глаза, орошенные слезами, к образам, перекрестился и, возвратясь с приметным волнением души к камину, у которого оставался граф Воронцов, бросил сверток в огонь, опустился в кресла и, помолчав еще несколько, сказал:

«...Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями выше заслуг моих. Никогда не забывал я, из какой доли и на какую степень возведен был десницею ее. Обожал ее, как сердолюбивую мать миллионов народа и примерную христианку, и никогда не дерзнул самою мыслию сближаться с ее царственным величием. Стократ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу в будущем, его же не прейдем, в молитвах к вседержителю. Мысленно лобызаю державные

руки ныне царствующей монархини, под скипетром коей безмятежно в остальных днях жизни вкушаю дары благодеяний, излиянных на меня от престола. Если бы было некогда то, о чем вы говорите со мною, поверьте, граф, что я не имел бы суетности признать случай, помрачающий незабвенную память монархини, моей благодетельницы. Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов, доложите обо всем этом всемилостивейшей государыне, да продлит милости свои на меня, старца, не желающего никаких земных почестей. Прощайте, ваше сиятельство! Да останется все происшедшее между нами в тайне! Пусть люди говорят, что им угодно; пусть дерзновенные простирают надежды к мнимым величиям, но мы не должны быть причиной их толков».

От Разумовского Воронцов поехал прямо к государыне и донес ей с подробностью об исполнении порученного ему. Императрица, выслушав, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую он поцеловал с чувством преданности, и вымолвила с важностью:

«Мы друг друга понимаем: тайного брака не существовало, хотя бы то для усыпления боязливой совести. Шепот о сем всегда был для меня противен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссам самоотвержения» [1].

Как иностранные писатели, так и предания, сохранившиеся в России, единогласно утверждают, что у Елизаветы от брака с Разумовским были дети. Кастера в своей «Histoire de Catherine II» говорит, что детей было трое, из них младшая — княжна Тараканова, родившаяся в 1755 году; старшие же были сыновья, из которых один был жив еще в 1800 году, а другой еще в молодых летах, приготовляясь к горной службе, учился химии у профессора Лемана и вместе с своим учителем был удушен испарениями какого-то состава, пролившегося из разбитой по неосторожности бутылки. Гельбих, живший долго в России и вообще сообщающий известия, отличающиеся истиной и подтверждаемые во многом архивными делами, в своей «Russische Günstlinge» говорит, согласно с русскими преданиями, что детей у Елизаветы Петровны было двое: сын, имевший

[1] «Чтения в импер. Общ. Истории и Древн.», 1863 г., книжка 3, статья «Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны».

фамилию Закревского, и дочь Елизавета Тараканова [1], которую считает дочерью Ивана Ивановича Шувалова, рожденною в 1753 году. Но этот год показан по соображении возраста не настоящей Таракановой, рожденной в 1745 году, а самозванки, которая в 1775 году говорила, что ей двадцать три года. Дюкло в своих «Mémoires secrets sur la France» говорит, что дети Елизаветы воспитывались у одной приближенной к императрице итальянки Иоанны и были признаваемы за собственных ее детей. Гельбих также говорит, что Тараканова отвезена итальянкой, своей воспитательницей, в Италию, еще при жизни Елизаветы, и до кончины ее жила там в полном довольстве. Он прибавляет, что отец Таракановой, Иван Иванович Шувалов (?), удалившийся по воцарении Екатерины за границу на целые пятнадцать лет, виделся с Таракановой в Италии, но не открылся ей. Из опубликованных теперь графом В. Н. Паниным сведений оказывается, что действительно Алексей Орлов намеками возводил подозрение на Шувалова в сношениях не с настоящею, но с самозванкой Таракановою (не называя, впрочем, прямо его по имени). Оказалось, однако, что захваченные нежные письма к псевдо-Таракановой писаны были хотя и похожим на шуваловский почерком, но не им, а сведенным с ума самозванкой владетельным князем Лимбургским.

Между истинною Таракановой и самозванкой, наделавшею много шума в Европе во время пугачевского бунта, общего нет ничего. Вот все, что мы знаем о действительно рожденных Елизаветою Петровною детях от тайного брака с Разумовским.

Их было двое — сын и дочь. О сыне письменных свидетельств никаких не сохранилось. По крайней мере доселе исследователи старинных архивов ничего не заявляли о нем. Известно только по преданию, что он жил до начала нынешнего столетия в одном из монастырей

[1] В статье М. Н. Лонгинова «Княжна Тараканова», помещенной в 24-й книжке «Русского вестника» 1859 года, сказано, что этот Закревский был впоследствии тайным советником и президентом медицинской коллегии и что одна из его дочерей (Прасковья Андреевна, род. 1763, ум. 1816 г.) была замужем за генералом-аншефом графом Павлом Сергеевичем Потемкиным (генерал-губернатор кавказский, умер внезапно 29 марта 1796 года в Москве, во время посещения его известным дельцом тайной полиции Шешковским).

Переславля-Залесского и горько жаловался на свою участь. Это говорил покойный граф Д. Н. Блудов, которому хорошо были известны подобные тайны [1].

Дочь Елизаветы Петровны носила имя Августы, как свидетельствует портрет ее, находящийся в настоятельских кельях Московского Новоспасского монастыря [2]. По свидетельству Г. И. Головиной, которая училась в Ивановском монастыре и через одну монахиню сблизилась с княжной Таракановой, она звала себя по отчеству Матвеевной [3]. Отчество это, конечно, вымышленное. Почему она получила фамилию Таракановой, сказать трудно, но во всяком случае не потому, что отец ее, граф Разумовский, родился в слободе Таракановке, как рассказывал покойный граф Д. Н. Блудов [4]. Такой слободы нет во всей Черниговской губернии [5]. Где воспитывалась принцесса Августа и где она находилась до 1785 года, то есть до сорокалетнего возраста, мы не знаем [6]. В этом

---

[1] «Русский архив» 1865 года, книжка I, статья М. Н. Лонгинова «Заметка о княжне Таракановой», стр. 94.

[2] Копия с этого портрета (в монашеском одеянии) приложена к одному из выпусков «Русских достопамятностей», издаваемых А. А. Мартыновым (выпуск 5-й, «Ивановский монастырь»). Портрет писан на полотне, вышина его — $10^1/_2$, ширина — $7^1/_2$ вершков, на задней стороне надпись: «Принцесса Августа Тараканова, во инокех Досифея, постриженная в Московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена в Новоспасском монастыре». Судя по портрету, принцесса Августа имела сходство с Елизаветою Петровною. В 1867 году этот портрет был выставлен публично в Москве на постоянной художественной выставке.

[3] «Современная летопись» 1865 года, № 13, статья г. Самгина.

[4] «Русский архив» 1865 г., книжка I, статья М. Н. Лонгинова «Заметка о княжне Таракановой», стр. 94.

[5] «Списки населенных местностей Российской империи», составленные и изданные центральным статистическим комитетом, т. XLXIII.

[6] В статье г. Самгина («Современная летопись» 1865 г., № 13) сказано, что бабушке его, г-же Головиной, инокиня Досифея, в минуту откровенности, взяв с нее предварительно клятву, что она до смерти ее никому не расскажет, что услышит, сказала следующее: «Это было давно: была одна девица, дочь очень, очень знатных родителей, и воспитывалась она далеко за морем, в теплой стороне, образование получила блестящее, жила она в роскоши и почете, окруженная большим штатом прислуги. Один раз у нее были гости и в числе их один русский генерал, очень известный в то время; генерал этот и предложил покататься в шлюпке по взморью; поехали с музыкой, с песнями; а как вышли в море — там стоял на-

году она привезена была по именному повелению Екатерины II в Ивановский монастырь, который, по указу императрицы Елизаветы Петровны от 20 июня 1761 года, предназначен был для призрения «вдов и сирот знатных и заслуженных людей». Принцесса Августа была здесь пострижена и получила монашеское имя Досифеи. Во все время двадцатипятилетнего пребывания своего в этом монастыре она жила в одноэтажных каменных кельях, примыкавших к восточной части монастырской ограды близ покоев игуменьи [1]. Все ее помещение, говорит г. Снегирев [2], составляли две уютные комнаты под сводами и прихожая для келейницы; их нагревала изразчатая печь с лежанкой; окна были обращены на монастырь. На содержание ее отпускалась игуменье из казначейства особенная сумма, и Досифея, никогда не бывая в общей трапезе, имела особый стол, обильный и изысканный. Иногда на ее имя присылаемы были к игуменье значительные суммы от неизвестных лиц; эти деньги Досифея употребляла преимущественно на ук-

---

готове русский корабль. Генерал и говорит ей: «Не угодно ли вам посмотреть на устройство корабля?» Она согласилась, взошла на корабль,— а как только взошла, ее уж силой отвели в каюту, заперли и приставили к ней часовых... Через несколько времени нашлись добрые люди, сжалились над несчастною — дали ей свободу и распустили слух, что она утонула... Много было труда ей укрываться... Чтобы как-нибудь не узнали ее, она испортила лицо свое, натирая его луком до того, что оно распухло и разболелось, так что не осталось и следа от ее красоты; одета она была в рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковных папертях; наконец, пошла она к одной игуменье, женщине благочестивой, открылась ей, и та из сострадания приютила ее у себя в монастыре, рискуя сама подпасть за это под ответственность». Сделавшиеся ныне известными сведения, извлеченные из архивов, совершенно лишают этот рассказ вероятия. Ясно, что в рассказе г-жи Головиной разумеется не княжна Тараканова, а самозванка, называвшая себя принцессой Владимирскою, взятая на Ливорнском рейде графом Алексеем Орловым и умершая в Петропавловской крепости. Трудно допустить, чтобы Досифея рассказывала о себе так, как передано это г. Самгиным.

[1] Сгоревший во время нашествия Наполеона Ивановский монастырь был после того упразднен, церковь обращена в приходскую, а в кельях помещались чиновники и рабочие Синодальной типографии. По ходатайству высокопреосвященного Филарета, митрополита московского, в 1859 году государь император разрешил восстановить Ивановский монастырь. Некоторые старые здания при этом случае были сломаны, в том числе и кельи, где жила Тараканова.

[2] «Русские достопамятности», изд. А. А. Мартыновым. V, 15.

ращение монастырских церквей, на пособия бедным и раздавала нищим. Кроме игуменьи, духовника, причетника и московского купца Филиппа Никифоровича Шепелева [1], торговавшего чаем и сахаром на Варварке, Досифея ни с кем не видалась. Г-жа Головина рассказывала, что по смерти Екатерины II Досифею стали посещать некоторые известные лица; так, например, митрополит Платон приезжал поздравлять ее по большим праздникам, и даже одно лицо из императорской фамилии посетило ее келью и долго беседовало с затворницей. Несмотря на то, Досифея до самой смерти не была спокойна и при всяком шорохе, при каждом стуке в дверь бледнела и тряслась всем телом. У нее был портрет императрицы Елизаветы Петровны и какие-то бумаги, которые она после долгого колебания, сожгла [2]. В церковь она ходила очень редко и то в сопровождении приставленной к ней монахини. Коридор и крытая деревянная лестница от ее келий вели прямо в церковь, устроенную под святыми воротами. Там духовник с причетниками совершал богослужение для нее одной, и в это время церковные двери запирались, чтобы не мог зайти кто-либо из посторонних и увидеть таинственную монахиню. К окнам ее келий, всегда задернутым занавесками, иногда подходили любопытные, но монастырский служитель тотчас отгонял их. Рассказывают, будто граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, доживавший свой век в Москве, никогда не ездил мимо Ивановского монастыря, и если нужно было ехать мимо, всегда делал крюк. Может быть, он и сам не знал о судьбе взятой им в Ливорне обманом самозванки Таракановой и думал, что таинственная заточенница Ивановского монастыря и красавица, называвшаяся в Италии дочерью императрицы Елизаветы, одно и то же лицо. Все время своего пребывания в Ивановском монастыре Досифея посвящала молитве, чтению душеспасительных книг и рукоделию; вырученные от работ деньги раздавала нищим через свою келейницу. Последние годы она провела в безмолвии и считалась праведною. Она была среднего роста, худощава и чрезвычайно стройна; несмотря на долговременное заключение и старость, она

[1] Не родственник ли Мавре Егоровне Шепелевой, наперснице императрицы Елизаветы Петровны?

[2] «Современная летопись» 1865 г., № 13.

сохраняла на лице остатки редкой красоты. Судя по портрету, она была похожа на Елизавету Петровну. Старый причетник, недавно умерший, сказывал (по словам г. Снегирева), что он видал каких-то важных особ, допущенных игуменьей к Досифее; с ними говорила она на иностранном языке. Имени ее в клировых монастырских ведомостях нет.

Досифея скончалась 64 лет от роду 4 февраля 1810 года, как сказано в надписи на надгробном ее памятнике, или в 1808 году, как сказано на обороте ее портрета. Первое указание вернее. Когда Досифея умерла, на пышные ее похороны явился в полном мундире и в андреевской ленте тогдашний главнокомандующий Москвы граф Иван Васильевич Гудович, женатый на графине Прасковье Кирилловне Разумовской, которая приходилась двоюродною сестрой усопшей. Сенаторы, члены опекунского совета и доживавшие свой век в Москве вельможи старого времени явились на похороны также в мундирах. За болезнию престарелого митрополита Платона отпевал Досифею викарий его, дмитровский епископ Августин, в сослужении с старшим московским духовенством. Стечение народа на похоронах было необыкновенное. Досифею похоронили не в том монастыре, где она жила, и не на общем кладбище, а в монастыре Новоспасском, в усыпальнице рода бояр Романовых, где в XVII столетии погребались родственники царственного дома. Ее могила находится у восточной ограды, по левую сторону монастырской колокольни, под № 122. На диком надгробном ее камне находится следующая надпись: «Под сим камнем положено тело усопшей о господе монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве двадцать пять лет, а скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ее жития было шестьдесят четыре года. Боже, всели ее в вечных твоих обителях!»

Монахиня Досифея, как рассказывают, была кроткого нрава и безропотно подчинялась своей участи. Говорят, она имела свидание с Екатериной и беспрекословно согласилась удалиться от света в таинственное уединение, чтобы не сделаться орудием в руках честолюбцев и не быть невинною виновницей государственных потрясений. Между ею и самозванкой, что была орудием поляков и кончила многомятежную жизнь в Алексеевском

равелине Петропавловской крепости, как уже сказали мы выше, общего нет ничего.

Сказав все, что известно доселе об истинной Таракановой, обращаемся к ловкой авантюристке, называвшейся дочерью императрицы Елизаветы и сделавшейся орудием в руках пресловутого князя Карла Радзивила.

VI

Когда, по воле Екатерины II, Станислав Понятовский вступил на древний престол Пястов, враждебная нам в Польше и поддерживаемая Францией партия, во главе которой стоял коронный великий гетман граф Браницкий, обратилась с просьбой о помощи к Версальскому кабинету. Герцог Шуазель, первый министр Людовика XV, заботясь о восстановлении прежнего влияния Франции на дела северных государств, рад был такому обстоятельству и не замедлил им воспользоваться.

Образовалась Барская конфедерация, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его России. Франция посылала конфедератам довольно значительные денежные пособия и, кроме того, искусных офицеров для распоряжений военными действиями, а чтобы отклонить Екатерину II от вооруженного вмешательства в дела Польши, склонила султана Мустафу III объявить России войну. Война началась, но для турок была несчастна. Победы Румянцева при Ларге и Кагуле, истребление графом Орловым турецкого флота при Чесме, блистательные действия князя Репнина, овладевшего Измаилом, Килеею и Аккерманом, занятие русскими войсками Молдавии, Валахии и Крыма сильно потрясли Порту: подвластные ей славяне, греки и закавказские христиане восстали, чтобы, пользуясь удобным случаем, свергнуть турецкое иго; египетский паша Алибей также поднял оружие против султана. Между тем кровопролитные междоусобия в Польше продолжались и совершенно ее обессилили. Барские конфедераты несколько раз были разбиты русскими, и будущий известный французский генерал Дюмурье, присланный на помощь противникам Станислава Понятовского, пораженный Суворовым, ушел из Польши. Австрия с беспокойством взирала на торжество русских, особенно на занятие ими Молдавии и Валахии. Опасаясь за нарушение европейского равно-

весия, она предложила прусскому королю вооруженное посредничество для примирения России с Турцией. Фридрих II согласился, тем более, что и сам неравнодушно смотрел на успехи Екатерины. Императрица сама была не прочь от мира, но потребовала от султана независимости крымских татар, свободного плавания русским кораблям по Черному морю и Архипелагу и присоединения к России Молдавии с Валахией. Это встревожило Австрию; заключив с султаном оборонительный союз, она собрала многочисленную армию для действия против России; война готова была вспыхнуть, но Фридрих II нашел средство отклонить ее. Зная, что Венский кабинет с особенною тревогой смотрит на намерение Екатерины приобресть Молдавию с Валахией, король предложил вознаградить Россию частию польских областей, причем как Австрии, так и самому миротворцу отмежевать из наследия Ягеллонов приличные части. Австрия согласилась, и летом 1772 года последовал «первый раздел Польши». В то же время открылись мирные переговоры России с Турцией в Фокшанах.

Магнаты и шляхта, составлявшие единственную причину всех злоключений Польского государства, были поражены этою вестью. Не наученные опытом, вздумали они продолжать борьбу с Екатериной II, которую считали единственною виновницей ослабления их отечества. Со множеством подручной шляхты некоторые из магнатов отправились в Западную Европу возбуждать против России тамошние правительства. Но в одной только Франции они имели некоторый успех: польская эмиграция свила в Париже теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору. Потомок русского великого князя Рюрика [1] Михаил Казимир Огинский, напольный гетман литовский, посланный Станиславом Понятовским в качестве посланника к Людовику XV с протестом против намерения трех соседних держав отнять у Польши значительные области, жил в Париже, напрасно вымаливал у Шуазеля деятельной помощи про-

[1] Огинские, вместе с князьями Одоевскими, Горчаковыми, Оболенскими, Долгоруковыми, Щербатовыми, Барятинскими, Четвертинскими и Святополк-Мирскими, происходят от князей Черниговских. Сделавшись подданными литовских великих князей, они перестали писаться князьями. До второй половины XVII столетия оставались русскими и православными, а с этого времени приняли католицизм и ополячились.

тив Екатерины и просил о поддержке султана. Как официальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть в близких и прямых сношениях с противниками своего государя — конфедератами, но в тайных сношениях с ними он находился ради одной цели — вреда России. Богатейшим из эмигрантов был князь Радзивил, живший преимущественно в прирейнском крае и приезжавший иногда в Париж. С ним посол Станислава Понятовского находился в тайных сношениях.

Между тем на востоке России в 1771 году возник так называемый «Яикский бунт». Яикские (ныне уральские) казаки, недовольные нововведениями в их внутреннем управлении, восстали открыто, но были усмирены вооруженною силой. Возмущение было подавлено, но недовольство казаков еще более усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутренних замешательств, которые могли грозить серьезною опасностью государству. Замешательства не замедлили обнаружиться: летом 1773 года явился Пугачев.

Пугачевский бунт — явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон. Дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано, и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался [1]. Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станицы с его пьяными и кровожадными сообщниками. Мы не знаем, насколько в этом деле принимали участия поляки, но не можем и отрицать, чтоб они были совершенно непричастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации.

Враждебники России и Екатерины, кто бы они ни были, устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслам их, должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины. Это дело —

---

[1] Некоторые части дела о Пугачеве, по ходатайству графа Перовского, были открыты покойному Надеждину, когда он писал свои «Исследования о скопческой ереси», начальник которой, Кондратий Селиванов, современник Пугачева, также называл себя императором Петром III.

бесспорно польское дело. Князю Радзивилу, или, вернее сказать, его приближенным, ибо у самого «пане коханку» едва ли бы достало на то смысла, пришла затейная мысль: выпустить из Западной Европы на Екатерину еще самозванного претендента на русский престол. Но под чьим же именем его выпустить на свет? Под именем Петра III уже явился Пугачев, и, кроме его, в восточной части России уже прежде того являлось несколько Петров. Императора Ивана Антоновича, незадолго перед тем убитого в Шлиссельбурге, выставить было нельзя, ибо всем было известно, что этот несчастный государь, в одиночном с самого младенчества заключении, сделался совершенным идиотом, неспособным ни к какой деятельности; притом же история покушения Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всем известна и свежа в памяти. Оставались дети Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но об их существовании знали, хотя и не знали, где они находятся. Таинственность, которою были окружены Таракановы, неизвестность об их участи и местопребывании немало способствовали успеху задумавших выставить на политическую арену нового претендента на престол, занимаемый Екатериной.

По известию, сообщаемому Кастерой[1], князь Карл Радзивил, палатин виленский, еще в 1767 году взял на свое попечение дочь Елизаветы Петровны, то есть отыскал где-то девочку, способную разыграть роль самозванки. В самом начале Барской конфедерации Радзивил удалился за границу. Трудно определить, кто именно была эта девочка. Одни считали ее дочерью султана, другие приписывали ей знатное польское происхождение, третьи полагали, что родители ее неизвестны, но что она должна была в Петербурге выйти замуж за внука принца Георга Голштинского. Впоследствии, когда она была уже привезена в Петропавловскую крепость и фельдмаршалом князем Голицыным производилось о ней следствие, английский посланник сказывал в Москве Екатерине, что она родом из Праги, дочь тамошнего трактирщика, а консул английский в Ливорно, сэр Дик, помогший графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, уверял, что она дочь нюренбергского булочника. Трудно теперь решить, которое из этих указаний более справедливо,

[1] «Histoire de Catherine II», том II, стр. 80.

и согласно ли которое-нибудь с истиной, но, принимая в соображение замечательное образование загадочной женщины, ее ловкость в политической интриге, ее короткое знакомство с дипломатическими тайнами кабинетов, ее уменье держать себя не только в среде лиц высокопоставленных, но даже в кругу владетельных немецких государей, трудно поверить, чтоб она воспитывалась в трактире или булочной. Нельзя не согласиться с составителем «Записки», напечатанной в «Чтениях»: «едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны». Но кто бы ни была эта загадочная женщина, она была созданием польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине.

Поляки — большие мастера подготовлять самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхождении. Более двух с половиной веков тому назад впустили они в Россию Лжедимитрия и даже не одного, но до сих пор никто из историков не может с положительною уверенностью сказать: кто такой был самозванец, известный у нас под именем Гришки Отрепьева, и кто был преемник его, вор Тушинский. То же самое и в деле самозванки-дочери Елизаветы Петровны. Но как несомненно участие отцов иезуитов в подготовке Лжедимитрия, так вероятно и участие их в подготовке самозванки, подставленной князем Радзивилом. Самому Карлу Радзивилу, без помощи столь искусных пособников, едва ли бы удалось выдумать «принцессу Владимирскую». Этот человек, обладавший несметными богатствами, отличавшийся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идол кормившейся вокруг него шляхты, был очень недалек. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, более на то искусные. Он только сыпал деньгами, пока они у него были, и разыгрывал в Венеции и Рагузе перед публикой комедии, обращаясь с подставною принцессой, как с действительною дочерью императрицы всероссийской.

Кто бы ни была девушка, выпущенная Радзивилом на политическую сцену, но, рассматривая все ее действия, читая переписку ее и показания, данные фельдмар-

шалу князю Голицыну в Петропавловской крепости, невольно приходишь к заключению, что не сама она вздумала сделаться самозванкой, но была вовлечена в обман и сама отчасти верила в загадочное свое происхождение. Поляки так искусно сумели опутать молоденькую девочку сетью лжи и обмана, что впоследствии она сама не могла отдать себе отчета в том, кто она такая. На краю могилы, желая примириться с совестью, призвав духовника, она сказала ему, что о месте своего рождения и о родителях она ничего не знает.

«Я помню только,— говорила она в последнем своем предсмертном показании князю Голицыну,— что старая нянька моя, Катерина, уверяла меня, что о происхождении моем знают учитель арифметики Шмидт и маршал лорд Кейт, брат которого прежде находился в русской службе и воевал против турок. Этого Кейта я видела только однажды, мельком, проездом через Швейцарию, куда меня в детстве возили на короткое время из Киля. От него я получила тогда и паспорт на обратный путь. Я помню, что Кейт держал у себя турчанку, присланную ему братом из Очакова или с Кавказа. Эта турчанка воспитывала несколько маленьких девочек, вместе с нею плененных, которые жили при ней еще в то время, когда, по смерти Кейта, я видела ее проездом через Берлин. Хотя я наверное знаю, что я не из числа этих девочек, но легко может быть, что я родилась в Черкесии». Кроме того, она объяснила, что еще в детстве жила в Киле, что из тамошних жителей помнит какого-то барона фон-Штерна и его жену, данцигского купца Шумана, платившего в Киле за ее содержание, и наконец учившего ее арифметике Шмидта. «Меня постоянно держали в неизвестности о том, кто были мои родители,— говорила она перед смертию князю Голицыну,— да и сама я мало заботилась о том, чтоб узнать, чья я дочь, потому что не ожидала от того никакой себе пользы».

Из бумаг, находившихся при ней в Ливорно и взятых графом Орловым-Чесменским, видно, что после Киля жила она в Берлине, потом в Генте и наконец в Лондоне; что сначала она известна была под именем девицы Франк, потом девицы Шель, потом г-жи Тремуйль.

Получив, как видно, хорошее воспитание, она знала языки французский и немецкий, говорила несколько по-итальянски и по-английски; по-русски и по-польски не

знала. Обладая редкою красотою [1], она была умна, всегда весела, любезна, кокетлива и владела необыкновенною способностью сводить с ума каждого мужчину и делать его покорным своим поклонником. И в самом деле, в продолжение трех-четырех лет ее похождений по Европе, одни, очарованные красотой ее, входят из угождения красавице в неоплатные долги и попадают за то в тюрьму, другие, принадлежа к хорошим фамилиям, поступают к ней в услужение; сорокалетний князь Римской империи хочет на ней жениться, вопреки всем политическим расчетам, и хотя узнает об ее неверности, однако же намеревается бросить германские свои владения и бежать с прекрасною очаровательницей в Персию. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствия и не отличалась строгостью нравов. Увлекая в свои сети и молодых и пожилых людей, красавица не отвечала им суровостью; она даже имела в одно время по нескольку любовников, которых, по-видимому, не очень печалила ветреность их подруги.

VII

Что делала девица Франк в Берлине — неизвестно. Известно только, что здесь случилась с ней какая-то неприятная история, заставившая ее уехать в Гент и даже переменить имя. В Генте жила она под именем девицы Шель и познакомилась с сыном голландского купца Вантурсом (van Toers). Вантурс влюбился в нее, и девица Шель отвечала ему взаимностью. На роскошную жизнь ее недоставало денег, получаемых из таинственного источника, от имени какого-то персидского дяди (по всей вероятности, это были польские или иезуитские деньги). Влюбившийся Вантурс, пользуясь кредитом во многих торговых домах Гента, набрал значительные суммы, а прекрасная подруга его безрасчетно их истратила. Дело кончилось тем, что кредиторы подали векселя на Вантурса ко взысканию, и ему стали грозить банкротство и тюрьма. Бросив жену и кредиторов, Вантурс бежал с своею возлюбленной в Лондон. Здесь она явилась под именем г-жи Тремуйль. Это было в 1771 году. В Лондо-

[1] Она косила на один глаз, но этот недостаток не уменьшал ее замечательной красоты.

не г-жа Тремуйль жила по обыкновению роскошно, а Вантурс должен был искать новых кредиторов, делать новые долги для удовлетворения безграничных прихотей своей очаровательницы. Пока еще не узнали об его гентских долгах и о побеге от кредиторов, лондонские капиталисты снабжали его деньгами. Но когда до лондонского торгового круга дошли слухи о поступке Вантурса, ему перестали верить и хотели начать против него преследование. Узнав об этом, Вантурс немедленно оставил Лондон и весною 1772 года бежал в Париж, где явился под вымышленным именем барона Эмбса. Положение оставленной им подруги было крайне неприятно, но она скоро нашла случай утешиться. Влюбился в нее некто, называвшийся бароном Шенком. Она сблизилась с ним и еще целые три месяца после побега Вантурса прожила в Лондоне с прежнею роскошью на деньги, добываемые новым любовником. Через три месяца и Шенку стали грозить кредиторы, но он заблаговременно успел с своею подругой уехать в Париж.

В Париже в это время, как мы уже сказали, жил посланник польского короля, Михаил Казимир Огинский, хлопотавший вокруг короля Людовика XV о деятельной помощи Франции в пользу Барских конфедератов и о подкреплении султана, доведенного победами екатерининских полководцев до крайности. Тогда же на некоторое время приезжал в столицу Франции и князь Радзивил. В то самое время, как Огинский получил известие, что в Петербурге раздел Польши решен, а в Фокшаны послан граф Григорий Орлов для ведения с турками мирных переговоров, в Париже явилась г-жа Тремуйль, сопровождаемая бароном Шенком. К ней присоединился и Вантурс, или, как теперь называли его, барон Эмбс. По приезде в Париж г-жа Тремуйль имела свидание с Огинским. Что они говорили между собой, не знаем, но известно, что женщина, жившая в разных городах Европы под разными именами и выдававшая себя то за немку, то за француженку, теперь, в Париже, стала выдавать себя за русскую и сделалась известною под именем «принцессы Владимирской» (princesse de Volodimir). Но за дочь императрицы Елизаветы Петровны она в это время себя еще не выдавала. Звали ее обыкновенно Алиною или Али-Эмете и признавали за единственную отрасль знаменитого происхождением и богат-

ствами какого-то русского рода князей Владимирских. Лишившись в младенчестве родителей, которых никогда не знала, она будто бы была воспитана своим дядей в Персии и, достигнув совершеннолетия, приехала в Европу отыскивать свое наследство, находящееся в России. Ее персидский дядя обладает несметными сокровищами, и эти сокровища к ней же должны перейти по наследству. Так рассказывала про себя принцесса в Париже. Нелепость этой сказки, имеющей следы польского происхождения, была бы очевидна для всякого русского, знающего, что никаких князей Владимирских с XIV столетия не бывало, но во Франции, где об России, ее истории и внутренней жизни знали не больше, как о каком-нибудь персидском или другом азиатском государстве, слухи о Владимирской принцессе не могли казаться нелепыми, особенно если их поддерживали если не сам польский посланник, Михаил Огинский, то такие польские знаменитости, как, например, княгиня Сангушко. Кому же, по мнению парижского общества, как не ближайшим соседям России, полякам, лучше и знать о тамошних обстоятельствах?

VIII

Беззаботно и весело, утопая в блеске и роскоши, Али-Эмете провела в Париже зиму 1772 года. Присылались ли к ней в это время мнимо-персидские деньги, не знаем, но, в надежде на азиатские ее сокровища, парижские капиталисты вверили ей значительные суммы. Самыми ближними к ней людьми были в это время бароны Шенк и Эмбс; через них-то она и доставала деньги, они занимали их или на свое имя, или за своим поручительством. Эти бароны познакомились с богатым купцом Понсе и еще с каким-то Макке, которые и доставляли им деньги на житье в Париже принцессы Владимирской. Она жила открыто, пользовалась всеми удовольствиями Парижа, свела знакомства с разными лицами тамошнего высшего общества и заставила о себе говорить, чего, как известно, не легко достигнуть в столице роскоши и моды. В числе новых знакомых принцессы Алины был некто маркиз де-Марин, тип старого развратника, столь обыкновенный при дворе Людовика XV. Он до того был очарован прелестями и быстрым, увлекательным умом Алины, что пожертвовал для нее и своими связями, и состо-

янием, и положением при Версальском дворе и в обществе. Он сделался таким покорным рабом ее, что, не задумавшись, покинул Францию, чтобы в ничтожном немецком городишке исправлять должность ее интенданта. Трудно поверить, чтобы де-Марин не искренно верил в действительность происхождения этой женщины от Владимирских государей и в существование персидских ее богатств, иначе вряд ли он дошел бы до такого унижения. Правда, Алина отвечала на любовь старого селадона, но ему ли, имевшему столь много успехов у дам высшего французского общества, можно было жертвовать всем своим положением ради прелестей какой-то искательницы приключений, если б он знал, что она происходит не из московитского рода Владимирских князей, а из пражского трактира или нюренбергской булочной? И не один де-Марин был в таком положении. Принадлежавший к одной из знаменитейших фамилий Франции, граф Рошфор-де-Валькур, гофмаршал владетельного князя Лимбурга (из фамилии Линанж), находившийся тогда в Париже по делам своего государя, познакомившись с Алиной, до того прельстился ею, что просил руки ее. Алина приняла предложение графа; брак был назначен в Германии тотчас по получении женихом согласия от своего государя, но, чтобы не томить жениха долгим ожиданием, прекрасная принцесса вступила с ним в супружеские отношения. Наконец сам Михаил Огинский не мог устоять пред красотою очаровательной принцессы, она и его запутала в свои сети [1].

---

[1] В мае 1774 года, когда граф Огинский уже расстался с своею очаровательницей, он писал к ней письмо, из которого можно заключать о свойстве их отношений в Париже. «Quoiqu'à peine je puis me remuer encore, j'aurais, pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du roi (французского) *il m'aurait été bien doux de vous embrasser*. Combien de fois ne sedit-on pas par jour qu'on ne fait jamais ce que l'on désire avec le plus grand empressement; il suffit de désirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas» [Хотя я едва могу двигаться, я сделал бы все возможное, чтобы свидеться с вами, чтобы нежно обнять вас, если бы не новый приступ болезни короля. Сколько раз на дню говоришь себе: то, чего страстно желаешь, никогда не исполняется; достаточно горячо пожелать чего-нибудь хорошего, чтобы оно не сбылось».— *Перев. ред.).* Многочисленные записки Огинского к самозванке, говорит составитель «Записки», напечатанной в «Чтениях», исполнены любезности и живого участия и даже не лишены некоторого доверия к ее рассказам о баснословном богатстве персидского дяди.

Таким образом, в веселом обществе пяти любовников, и в том числе одного жениха, Алина Владимирская проводила дни свои в Париже. Мотовству ее не было границ, а персидский дядя денег не присылал. В начале 1773 года средства красавицы истощились, Вантурс, или барон Эмбс, попал в тюрьму за долги, барону Шенку грозила такая же участь от кредиторов. Алина попросила взаймы у Огинского, но официальное положение его, как польского посланника при французском короле, не дозволило ему исполнить желание обворожившей его женщины. Он, под разными предлогами, отказал ей. Ничего больше не оставалось Алине, как еще раз, в четвертый раз, бежать от заимодавцев.

Де-Марин поручился за мнимого барона Эмбса, и Вантурс был выпущен из тюрьмы. Вместе с ним, с де-Марином и с бароном Шенком принцесса переехала в одну из деревень в окрестностях Парижа. Странный переезд на дачу задолго до наступления весны, кажется, не обратил на себя ничьего особенного внимания, но парижские кредиторы немало были изумлены, когда узнали, что прекрасная Алина с своими друзьями внезапно скрылась из окрестностей Парижа и очутилась во Франкфурте-на-Майне. Неожиданный отъезд ее поразил и Огинского, хотя она и уверяла его, что важные дела требуют немедленно отъезда ее в Германию[1].

Франкфурт встретил принцессу Владимирскую не совсем гостеприимно. Парижские кредиторы не дремали. Как скоро Алина с друзьями своими поселилась в одной из тамошних гостиниц, заимодавец Макке явился там же. Он представил франкфуртскому магистрату долговые обязательства барона Эмбса, и Вантурс опять попал в тюрьму, причем даже было употреблено насилие. Вслед затем, по жалобе другого кредитора, Понсе, франкфуртский магистрат хотел арестовать и де-Марина. Хозяин гостиницы, в которой остановилась принцесса с своими спутниками, во избежание дальнейших скан-

[1] На прощанье Алина выпросила у литовского напольного гетмана, имевшего право производить в офицерские чины служивших в литовском войске, бланковый патент на капитанский чин, не говоря, кому она его предназначает. Алина вписала в патент имя барона Эмбса, и с этого времени Вантурс, гентский беглец, не имевший дотоле паспорта и никакого удостоверения в подлинности принятого им на себя звания, сделался литовским капитаном, бароном Эмбсом.

далов, выгнал из дому приезжих. Алина требовала от магистрата удовлетворения, грозила вмешательством в это дело России и показывала черновые письма свои к русским посланникам при венском и берлинском дворах. Но магистрат не испугался. Вантурс остался в тюрьме, и положение принцессы Владимирской сделалось крайне затруднительным; на счастье ее, во Франкфурт приехал в это время владетельный князь Лимбургский в сопровождении жениха ее, графа Рошфор-де-Валькура.

Филипп-Фердинанд, владетельный граф Лимбургский, Стирумский, Оберштейнский и проч., князь священной Римской империи, претендент на герцогство Шлезвиг-Голштейнское, незадолго перед тем наследовал престол по смерти старшего брата. Он был уже пожилой холостяк — 42 лет от роду. Человек был образованный, как и подобало имперскому князю, но до крайности слабодушный. Был страшный поклонник женской красоты и легко отдавался под безграничное влияние любимой особы. Жил князь Лимбург, как и все мелкие имперские князья того времени: имел свой двор с гофмаршалом, гофмейстером, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, имел свое миниатюрное войско, держал своих поверенных при венском и версальском дворах с громким названием «посланников», имел свои ордена, которые раздавал щедро, ибо пошлины за пожалование ими составляли не последнюю статью в бюджете его доходов, бил свою монету, словом, пользовался всеми правами и преимуществами коронованных особ. В описываемое время князь Лимбург вел тяжбу с прусским королем Фридрихом II за нарушение последним каких-то державных прав его, вел переговоры с курфирстом Трирским о выкупе прав на Оберштейнское графство, находившееся у них в совместном владении, и объявил себя соперником великого князя Павла Петровича, оспаривая наследственные права его на Голштейн. Хотя эти владения и не принадлежали князю Лимбургу, тем не менее он титуловался герцогом Шлезвиг-Голштейнским или князем Голштейн-Лимбург.

С своим гофмаршалом, графом Рошфор-де-Валькуром, прибыл этот имперский князь во Франкфурт, где у него велась тяжба с курфирстом Бранденбургским, Фридрихом II. Граф Рошфор, узнав, что невеста его во Франкфурте, немедленно отыскал ее и напомнил о дан-

ном слове. Прекрасная Алина обрадовалась жениху, явившемуся как нельзя более кстати, и решилась отдать ему руку хоть сейчас же. Счастливый граф просил у своего государя дозволения вступить в брак с принцессой Владимирской и поместить ее в одном из зáмков князя, чтоб укрыть от преследования заимодавцев, не дававших ей покоя. При этом граф Рошфор рассказал о странной судьбе своей невесты, об ее персидском дяде и о громадных сокровищах, принадлежащих ей в Азии. Все это чрезвычайно заинтересовало князя Лимбурга, и он не только разрешил своему гофмаршалу жениться на ней, но даже просил представить его принцессе. С восторгом приняла Алина желание имперского князя и с первого же свидания до того успела обворожить его красотой, умом и кокетливою любезностью, что Лимбург тут же предложил устроить денежные дела ее во Франкфурте. Несмотря на предостережения банкира Алленца, не советовавшего князю бросать деньги на ветер, он немедленно снабдил прекрасную принцессу значительной суммой денег на уплату франкфуртских долгов и предложил скорей переселиться в его владения, где она будет совершенно безопасна от всевозможных неприятностей и проживет в довольстве и роскоши столько времени, сколько ей заблагорассудится. Алина не заставила долго просить себя и тотчас же приняла любезное предложение по уши влюбившегося в нее князя Лимбурга. Угодливостям его не было конца: тотчас же написал он посланнику своему в Париже де-Буру, чтобы тот уладил как-нибудь дела принцессы с кредиторами. Де-Бур уговорил Понсе на отсрочку уплаты денег, а другому кредитору, Макке, князь пожаловал орден, за что и тот согласился на отсрочку.

Алина совершенно завлекла в свои сети простодушного князя Лимбургского. Во Франкфурте он сделался ежедневным ее гостем, выезжал только с нею и был почти от нее неотлучен. Графу Рошфору, конечно, не нравилось, что его повелитель отбивает у него невесту, он стал немножко ревновать, но Алина переменила свое обхождение с ним, сделалась холодна, показывала жениху видимое равнодушие и в начале июня 1773 года уехала с князем Филиппом в принадлежавший ему зàмок Нейсес, находившийся во Франконии. Дорогой она отдалась ему. Граф Рошфор-де-Валькур не хотел, кажет-

ся, уступать своих прав на очаровательную принцессу, но, спустя несколько дней по прибытии любящейся четы в Нейсес, был заключен своим соперником в тюрьму, как государственный преступник, и содержался в ней несколько месяцев, до тех пор, пока Алина не оставила и князя Лимбурга, и Германию.

IX

В Нейсесе Алина начала прежнюю роскошную и блестящую жизнь, которую, к крайней досаде, принуждена была оставить во Франкфурте. Все доходы влюбленного князя были к ее услугам. Здесь она стала называться султаншей — la sultane Aline, а также Элеонорой. Это обстоятельство послужило, вероятно, поводом к возникшим впоследствии толкам, будто она дочь турецкого султана. Звали ее также «принцессой Азовской». В это время она учредила даже свой орден азиатского креста, может быть, с целию так же, как и пламенный ее обожатель, иметь посредством раздачи его новую статью дохода [1]. Алина в Нейсесе устроила и свой двор. Одного из бывших своих любовников, де-Марина, назначила интендантом этого двора, выжидая первого благоприятного случая, чтобы удалить его из владений нового своего обожателя. Другого покинутого друга, барона Шенка, Алина назначила своим поверенным во Франкфурте, а Вантурса не позаботилась выручить из франкфуртской тюрьмы. Отдалив таким образом от себя прежних фаворитов, принцесса или султанша поставила себя в такое положение, что обвороженному ее прелестями князю Лимбургу, на первое, по крайней мере, время, вовсе были неизвестны похождения ее в Генте, Лондоне и Париже, и ничто не могло навести его на мысль, что обворожительная султанша, несмотря на свою молодость, уже несколько раз переходила из объятий одного обожателя в объятия другого.

---

[1] В 1858 году, по случаю известного дела о торговле орденами, в Париже были между прочим конфискованы дипломы на орден, азиатского креста. Он назывался «La croix de l'ordre Asiatique; fondé par la Sultane Aline». Тогда же были конфискованы дипломы и на ордена князя Лимбургского: орден Голштейн-Лимбургского Льва и соединенные ордена четырех императоров и древнего дворянства. In dépendance Belge», 1858, octobre 9.

В Нейсесе влюбленный князь с очаровательною султаншею прожили около месяца, предаваясь удовольствиям взаимной пламенной любви. Время летело незаметно для уединившихся беззаботных любовников. Шутя называли они себя Телемаком и нимфою Калипсо, хотя имя юного сына Улиссова и не совсем шло сорокадвухлетнему князю Лимбургу. Недоставало в Нейсесе Ментора, но и он не замедлил явиться, если не в лице богини Минервы, то в лице барона фон-Горнштейна, служившего конференц-министром у Трирского курфирста. Горнштейн приехал в Нейсес по приглашению князя, находившегося с ним в самых коротких, дружеских отношениях. Алина была так прелестна, так привлекательна, что не было мужчины, который бы, узнав ее, не влюбился и не сделался ее поклонником. Фон-Горнштейн не избег общей участи. С первого же свидания с Алиной он был очарован ею и, кажется, хотел сделаться соперником своего друга, по крайней мере, стал делать ей подарки, присылать ноты, но Алина, имея уже особые виды на ослепленного князя Лимбурга, была с Горнштейном любезна, кокетничала с ним, но не допускала его до более интимных отношений. По обязанностям службы, Горнштейн не мог долго оставаться в Нейсесе, и влюбленный Ментор с тревогой в душе принужден был покинуть очаровательную Калипсо,— но потом нередко оставлял резиденцию курфирста, Кобленц, чтобы хоть несколько часов провести в обществе очаровательницы.

Горнштейн был уверен в действительности персидских сокровищ Алины. Да и как было не поверить, когда она в самом деле получала откуда-то большие деньги и, живя в Нейсесе, достала значительную сумму, которую предложила гостеприимному своему хозяину на приобретение у Трирского курфирста прав на графство Оберштейн и на выкуп заложенного графства Стирум. Выкуп курфирстских прав на Оберштейн на счет Алины казался делом весьма выгодным и для князя Лимбургского, и для самого курфирста. Горнштейн горячо принялся за это дело, а Алина деятельно следила за ним, рассчитывая, что влюбленный князь, выкупив Оберштейн, подарит это владение ей, что и случилось впоследствии. Для увеличения денежных средств, ибо денег, занятых Алиною, было недостаточно на выкуп обер-

штейнских прав и Стирума и для продолжения роскошной жизни милой принцессы, мотовство которой не имело границ, князь Лимбург вздумал, быть может, по ее же внушению, продать принадлежавшие ему лены в Лотарингии, французской короне. Де-Бур вел об этом переговоры в Париже, а для помощи ему Алина послала туда же своего интенданта де-Марина и таким образом отделалась от присутствия и последнего, оставшегося еще у ней на глазах прежнего обожателя.

По делу о выкупе прав на Оберштейн князь стал нередко ездить в Кобленц для переговоров с курфирстом. Эти отлучки из Нейсеса не очень нравились Алине; она боялась, что очарованный князь охладеет к ней, если часто будет покидать ее. Чтобы привязать его к себе покрепче, она разыграла с ним следующую сцену. Однажды, возвратясь из Кобленца, князь Лимбург нашел свою возлюбленную грустною и чем-то крайне озабоченною. Неохотно отвечая на его ласки, она объявила со слезами, что настало время их разлуки. Князь был сильно поражен таким неожиданным известием и спросил о причине. «Я получила от дяди письмо, он требует возвращения моего в Персию». Лимбург стал было уговаривать принцессу остаться, но она решительно отвечала, что должна ехать. «Я не могу долее оставаться в неопределенном положении, я должна ехать,— говорила она. — В Персии я пристроюсь, там ждет меня жених».

Князь Лимбург с ума сходил, пораженный известием о внезапной разлуке с милою женщиной, которую любил искренно. Никакие убеждения его, однако, не могли поколебать решимости Алины. Она просила барона фон-Горнштейна достать ей как можно скорее денег на поездку, обещая как эти деньги, так и нужные на уплату ее долгов, выслать немедленно по прибытии в Персию. Пока Горнштейн искал денег, Алина сообщила князю Лимбургу еще одну новость: он будет отцом, она беременна. Тогда князь предложил ей свою руку, считая это своею обязанностью, делом чести. Этого только и ждала Алина, но, как ловкая женщина и опытная кокетка, она не тотчас склонилась на сделанное предложение, как ни хотелось ей сделаться владетельною княгиней священной Римской империи и герцогиней Голштейн-Лимбургскою. Поблагодарив своего любезного, она скромно объявила, что, при всей беспре-

дельной любви к нему, она не может сделаться его женой, потому что политические дела не дозволяют ей мешкать в Европе. Отказ еще более воспламенил влюбленного князя; он сказал ей, что не может расстаться с ней и готов пожертвовать всем, чтобы только быть мужем милой Алины. «Я откажусь от престола в пользу младшего брата,— говорил он,— покину хоть навсегда Европу и в Персии найду свое счастье в твоих объятиях». Алина согласилась. Это было в июле 1773 года.

Барон фон-Горнштейн хотя и был не прочь от брака своего друга с прекраснейшею женщиной в мире, но, как и следовало ему в качестве Ментора, советовал ему, прежде чем он сделает решительный шаг, удостовериться в происхождении Алины. Для этого нужно было взглянуть на документы об ее рождении. К этому, как ревностный католик, барон фон-Горнштейн прибавил, что супругой католического германского государя необходимо должна быть католичка, и потому Алина должна оставить свою греческую схизму. Алина выдавала себя за православную, хотя, по собственным словам ее, никогда не приобщалась ни к какой церкви.

До нее дошли слухи о советах Горнштейна, и 7 августа 1773 года она написала к нему письмо из Стирума, куда теперь переселилась из замка Нейсеса. Прося советов у Ментора, как ей действовать в ее странном положении, она между прочим писала следующее: «Вы говорите, что меня принимают за государыню Азова (princesse d'Azof), я не государыня, а только владетельница Азова (dame d'Azof). Императрица там государыня. Через несколько недель вы прочтете в газетах, что я единственная наследница дома Владимирского (maison de Volodimir) и в настоящее время без затруднений могу вступить во владение наследством после покойного отца моего. Владения его были подвергнуты секвестру в 1749 и, находясь под ним двадцать лет, освобождены в 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; в это печальное время умер и отец мой. Четырехлетним ребенком взял меня на свое попечение дядя мой, живущий в Персии, откуда я воротилась в Европу 16 ноября 1768 года». Это было первое известное до сих пор по документам показание загадочной женщины об ее личности. Замечательно, что она не на-

зывает в этом письме ни отца своего, ни матери и признает себя подданною русской императрицы. Рассказывать сказку о происхождении от императрицы Елизаветы было еще преждевременно по расчетам польской партии. Замечательно и то, что на этот раз Алина говорит, что родилась в год рождения настоящей княжны Таракановой (как значится в надгробной ее надписи). Поэтому выходит, что в 1773 году, когда она была у князя Лимбурга, ей было 28 лет. Впоследствии, как увидим, она убавляла себе года.

Горнштейн поверил словам Алины и с этого времени стал адресовать ей письма так: «Ее высочеству светлейшей принцессе Елизавете Владимирской» (A son Altesse Serenissime, madame la Praincesse Elisabeth de Volodimir).

Весть о предстоящей женитьбе князя Лимбурга на принцессе Владимирской вскоре разнеслась и, достигнув до Парижа, имела благоприятные для невесты последствия. Тамошние кредиторы хотели было преследовать за долги уже самое Алину, но де-Бур и де-Марин сообщили им, что она выходит замуж за владетельного имперского князя, обещали им лимбургские ордена, и кредиторы успокоились. Алина сказала теперь своему жениху, что она получила новое письмо от персидского дяди, в котором он дозволил ей остаться в Европе на неопределенное время.

X

Между тем князь Лимбург уехал в Оберштейн. Дело о выкупе курфирстовых прав на это графство так подвинулось, что князь мог явиться туда уже в качестве единственного владельца. В это время принцесса Владимирская начала переписку с Огинским, все еще жившим в Париже. Она составила проект лотереи и просила его содействия для распространения билетов между французскими банкирами, но Огинский, как официальный посланник польского короля, должен был отказаться от всякого участия в этом деле (28 августа 1773); затем принцесса писала ему о делах Польши, отправила к нему составленную ею записку по польским делам для доставления ее Версальскому кабинету. К сожалению, эта переписка, которая во многом могла бы разъяснить темное, загадочное дело самозванки,— нам неизвестна, хотя, как видно из сообщенных графом В. Н. Паниным в

Московское Общество Истории и Древностей сведений, она сохранилась при деле. Князь Лимбург знал о переписке своей невесты с Огинским, не зная ее содержания. Ему пришло в голову, что эта переписка любовного свойства; быть может, в это время уже дошло до его сведения о парижских отношениях Алины к польскому посланнику. Князь стал ревновать ее, а она старалась усиливать это чувство, чтобы заставить Лимбурга поскорее жениться. Но в Оберштейне князь узнал многое из прежних похождений своей подруги, как жила она под разными именами в Берлине, Генте и Лондоне и как участвовала в обманах своих приятелей, выманивавших у разных лиц деньги. Он стал догадываться и о любовных отношениях ее к Шенку и к другим. Алина писала, в свою очередь, князю Лимбургу о дошедших до нее слухах, что его хотят женить на другой, уверяла, что ей также сделано блестящее предложение и что поэтому она освобождает его от данного слова и предлагает разойтись, тем более, что нельзя же ей выходить замуж до признания прав ее русским правительством и до получения документов о ее рождении, а этого нельзя получить раньше окончания все еще продолжавшейся войны России с Турцией. В другом письме она писала, что решилась окончательно уволить из службы своей и Шенка и де-Марина и предоставить все имущество свое в распоряжение князя. Для этого она приложила вексель на довольно значительную сумму, который должен был оставаться у князя в виде залога до тех пор, пока обещание о передаче имения не будет ею приведено в исполнение. Она приложила еще черновое письмо к русскому вице-канцлеру, заведовавшему тогда иностранными делами, князю Александру Михайловичу Голицыну, которого называла своим опекуном. В этом письме она сообщала мнимому опекуну о любви своей к князю Лимбургу и о намерении вступить с ним в брак, изъявляла сожаление, что тайна, покрывающая доселе ее происхождение, подает повод ко многим про нее рассказам и что сделанные ею незначительные долги преувеличены, с целию иметь возможность поскорее воспользоваться ее сокровищами. В заключение письма она уверяла князя Голицына в неизменности своих чувств, благодарности и привязанности к императрице Екатерине II и в постоянном своем рвении о благе России. При письме

приложен был проект о сосредоточении всей азиатской торговли на Кавказе. Алина писала наконец Голицыну, что она готова сама приехать в Петербург для разъяснения этого проекта, если бы в том настояла надобность.

Подлинного письма к князю Голицыну посылаемо, конечно, не было, но черновое нужно было послать к князю Лимбургскому, чтоб уверить Горнштейна и других его советников в действительности происхождения Алины от Владимирского княжеского дома. Горнштейн на первый раз поверил всему написанному Алиной, но, как человек осторожный, навел справки. Через несколько времени он уведомил своего друга, что весь рассказ о русском опекуне Алины князе Голицыне — чистая ложь. Сам князь не вполне, кажется, верил рассказам своей возлюбленной. В ответных письмах он то уверял ее в пламенной любви, то, сомневаясь в ее рассказах и напоминая прежние скандальные ее похождения, отказывался от ее руки, то грозил поступить в монахи, если она покинет его, то умолял ее откровенно рассказать ему всю истину, за что он простит ей все прошедшее, то просил скорее выслать ему метрическое свидетельство, уверяя, что связь их лежит тяжелым камнем на его совести, а брак может сделать его совершенно счастливым, но этот брак должен быть совершен не иначе, как по обряду римской церкви, к которой и сама она должна присоединиться. Наконец князь Лимбург просил Алину умерить мотовство, которое довело его до крайности, и советовал подумать об обеспечении будущих детей их.

Обстоятельства князя в то время (осенью 1773 года) находились в неблистательном положении: в Стирум приехал императорский фискал для наложения на это графство запрещения за долги, и хотя Горнштейн успел уладить это дело, но финансовые обстоятельства друга его все более и более запутывались. Несмотря на свою бесхарактерность и на совершенное подчинение воле прелестной Алины, князь Лимбург, узнав во Франкфурте от банкира Алленца о прежнем предосудительном ее поведении, написал к ней резкое письмо, в котором объявил, что он должен с ней расстаться. Алина немедленно отвечала ему. Не отрицая справедливости дошедших до князя слухов, она напомнила ему о своей беременности, и слабодушный князь снова поклялся жениться на ней и

везде говорил о твердой решимости обвенчаться с прелестною Алиной. Узнав это, Горнштейн сообщил князю справки о мнимом ее опекуне князе Голицыне. Тогда Алина вдруг собралась ехать в Петербург, куда будто бы призывали ее важные дела, и стала искать денег на поездку. Предположенной ею поездке, по-видимому, все окружавшие верили, даже сам Горнштейн, снабдивший ее деньгами. Чтобы не разлучаться с своею любезной, князь Лимбург сам навел ее на новый обман: чтоб уверить Горнштейна в действительности происхождения ее от князей Владимирских, он посоветовал ей выдать за своего опекуна одного русского князя, жившего тогда в Спа. Она так и сделала. Обман удался вполне. Кто такой был этот русский князь — неизвестно, но впоследствии граф Орлов Чесменский, когда уже взял самозванку, писал императрице, что она находилась в сношениях с одним знатным русским путешественником, намекая на Ивана Ивановича Шувалова.

XI

Выкупленное с помощью принцессы Владимирской графство Оберштейн князь Лимбургский подарил ей, как своей невесте. Хотя формального акта на эту передачу, сколько нам известно, не сохранилось, но единогласные удостоверения разных лиц о действительности этого подарка не оставляют сомнения, что князь в самом деле передал это владение своей очаровательнице. Она переселилась в доставшееся ей таким образом графство в октябре 1773 года.

Здесь она изменилась во многом. С того времени, как она сделалась в Оберштейне полною хозяйкой, князь, бывший в Аугсбурге, и Горнштейн стали получать от разных лиц жалобы на самовластие новой владетельницы, а более всего удивляло их, особенно же ревностного католика Горнштейна, что, несмотря на уверения ее, будто занимается изучением католической веры, она стала ходить в протестантскую церковь. Затем, отдалив от себя прежнюю прислугу, Алина приняла к себе на службу новых лиц и в том числе дочь прусского капитана, Франциску фон-Мешеде, которая была при ней безотлучно до самого конца ее приключений и вместе с нею попала в Петропавловскую крепость. Наконец, удалив

де-Марина и всех прежних друзей, принцесса стала заботиться и об удалении самого князя Лимбургского. Они поссорились, но Горнштейн умел помирить их; несмотря на то, Алина стала холоднее к жениху, а через несколько времени, кажется, и вовсе не помышляла о свадьбе. Что-то она затевала, но князь не мог проникнуть ее замыслов; она только сказала ему, что вместе с Огинским предпринимает блестящее и необыкновенно выгодное дело, и просила сто тысяч гульденов для начатия его.

Осенью 1773 года в Оберштейн стал являться молодой человек, приезжавший из Мосбаха, и проводить по нескольку часов с владетельницей замка наедине. Он был известен оберштейнской прислуге под именем «Мосбахского незнакомца». Полагали, что это новый любовник, и не ошибались. Алина была слишком пылкого темперамента и не могла жить без любовников, в этом она сама сознавалась, в этом каялась и во время предсмертной исповеди. Мосбахский незнакомец был поляк.

Князь Карл Радзивил летом 1772 года приехал на берега Рейна, откуда входил в сношения с Версальским кабинетом. При нем было немало приверженцев Барской конфедерации и врагов короля Понятовского, которых он употреблял для переговоров. Князь Радзивил не был настолько умен, чтобы самому вести политическую интригу, но в помощниках у него недостатка не было. Мосбахский незнакомец принадлежал к их числу. Это был Михаил Доманский, друг Радзивила, который в 1769 году, во время Барской конфедерации, был консилиаржем Пинской дистрикции (уезда). Он приехал на Рейн одновременно с князем Радзивилом. В марте 1773 года Радзивил посылал его из Мангейма, где тогда они жили, в Ландсгут, на конфедерационный генеральный польский комитет, собиравшийся в этом городе. Этот комитет состоял из главнейших членов Барской конфедерации, бежавших за границу после решительного поражения их русскими войсками. Целью совещаний было противодействие трактату, который тогда готовились заключить между собой Россия, Австрия и Пруссия о разделе Польши. Доманский предложил от имени Радзивила: издать манифест, в котором протестовать против приготовляемого раздела и всеми средствами содействовать низвержению с престола Станислава Понятовско-

го. Предложение было принято. В следующем апреле Радзивил переехал во Францию, избрав местопребыванием своим Страсбург, и осенью 1773 года ездил в Париж.

По возвращении из Парижа в Страсбург, он немедленно послал в Константинополь одного из своих приближенных, Коссаковского, чтобы склонить Порту на сторону конфедератов и выпросить для Радзивила султанский фирман на проезд в турецкую армию, действовавшую тогда против русских. В то же самое время другой его приверженец, Доманский, начал свои таинственные посещения к оберштейнской красавице.

Обратим теперь внимание на то, что происходило в России в это время подготовления поляками самозванки, которая, по их планам, должна была произвести замешательство в России. Летом 1773 года явился на Яике Пугачев, в сентябре он осаждал Яицкий Городок, взял Илецкую защиту, крепости Рассыпную, Татищеву, Чернореченскую. Затем овладел Сакмарским Городком и Пречистенскою крепостью, а 5 октября находился уже под стенами Оренбурга. Башкирцы и мещеряки, обольщенные подарками и обещаниями самозванца, стали нападать на русские селения и толпами переходить в шайки бунтовщиков; киргизский хан Нурали вошел в дружеские сношения с Пугачевым, мордва, черемисы, чуваши заволновались и перестали повиноваться русскому правительству, служилые калмыки бегали с форпостов, помещичьи крестьяне Оренбургского края и по Волге заговорили о воле, о воле «батюшки Петра Федоровича». В половине октября Оренбургский край весь уже был охвачен мятежом; тогда же (14 октября) императрица послала, для усмирения развивающегося мятежа, генерала Кара, который, как известно, в начале ноября доставил Пугачеву возможность разбить находившееся под его командой войско.

Фокшанские переговоры не привели ни к какому соглашению. Граф Григорий Орлов, возвратясь в Петербург, увидал, что карьера его кончена: он пал. Чесменский герой, находившийся с флотом в Средиземном море, не скрывал своего неудовольствия против императрицы. В свою очередь, Панины явились ее противниками. В сентябре 1774 года Павел Петрович вступил в брак с гессен-дармштадтскою принцессой Вильгельминой, наз-

ванною, по принятии православия, Наталиею Алексеевною. По внушениям Никиты Ивановича Панина, она восстановляла подпавшего под ее влияние супруга против его матери, внушая, что настала пора ему самому царствовать.

По прекращении фокшанских переговоров начались военные действия против турок. Но войска было мало, и, несмотря на победы Вейсмана и Суворова, армия наша должна была отступить на левый берег Дуная. Осада Силистрии не удалась.

Шведский король Густав III, нарушив конституцию, сделался в 1772 году самовластным государем и горел нетерпением загладить полтавское поражение Карла XII. Он грозил России войной, и с часу на час ожидали, что последует разрыв и шведские войска явятся в Финляндии.

В Польше дела наши шли вяло, русского войска было там немного, и конфедераты подняли головы. Напрасно Станислав Понятовский объявлял амнистию за амнистией: никто почти не обращал на них внимания, и конфедераты продолжали свое дело. Версальский кабинет подавал им надежду на вооруженное вмешательство Франции в войну России с Турцией. Говорили, что в Тулоне снаряжается сильная французская эскадра, которая должна идти на помощь бедным остаткам турецкого флота сожженного Алексеем Орловым при Чесме.

Известия о всех этих обстоятельствах, преувеличенные до крайней степени или совсем даже искаженные, разносились по Европе и возбуждали надежды поляков. Известия эти появлялись и в газетах. Конечно, тогдашняя журналистика не имела еще такого влияния на дела политические, какое получила она в нашем столетии, но рассеянные по западным государствам члены Барской конфедерации и тогда умели пользоваться ее силой, и тогда, как в недавнее время, подкупали журналистов и печатали разного рода клеветы на ненавистную им Россию.

Польские эмигранты осенью 1773 года признали благовременным поставить новое затруднение Екатерине в лице подготовленной князем Карлом Радзивилом претендентки на русский престол. Нельзя думать, чтоб они серьезно надеялись возвести на престол Русской империи подставную самозванку, им нужно было лишь соз-

дать как можно больше затруднений императрице Екатерине, им нужно было лишь произвести новое замешательство в России. Впрочем, носил же ведь некогда Мономахову шапку названый сын Ивана Грозного, выставленный польскими панами. Отчего же и не повториться этому? Ведь до 1762 года в России, при неопределенности прав престолонаследия, так часто происходили перемены в правительстве, что произведение нового переворота никому не казалось делом невозможным. Сама Екатерина нередко тревожилась этим. И как ей было не тревожиться после заговора Гурьевых, после покушения Мировича, при интригах Никиты Панина, после того, как до нее доходили сведения, будто чумный бунт в Москве 1771 года произведен был Петром Ивановичем Паниным [1], будто Иван Иванович Шувалов интригует против нее в западных государствах.

XII

Мосбахский незнакомец чаще и чаще являлся в Оберштейне. Князь Лимбург сильно ревновал его и думал, что между прекрасною Алиной и этим незнакомцем существуют одни лишь эротические отношения. Из писем князя к его возлюбленной видно, что молва о любовных ее отношениях к таинственному незнакомцу сильно распространилась, и что даже в газетах появился по этому поводу какой-то пасквиль. Князь знал, что соперник его поляк, принадлежащий к палатинату, то есть к партии князя Карла Радзивила (палатина виленского). Но поездки Доманского в Оберштейн имели характер не столько любовный, сколько политический. Вследствие этих посещений в декабре 1773 года разнесся в Оберштейне слух, что в этом замке, под именем принцессы Владимирской живет прямая наследница русского престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета. Слух об этом распространился и по другим местам; князь Лимбургский был очень рад такой новости, надеясь, что она склонит его родственников к согласию на брак, которому они сильно противились. Но претендентка на русскую корону, кажется, уже не теми глазами смотрела

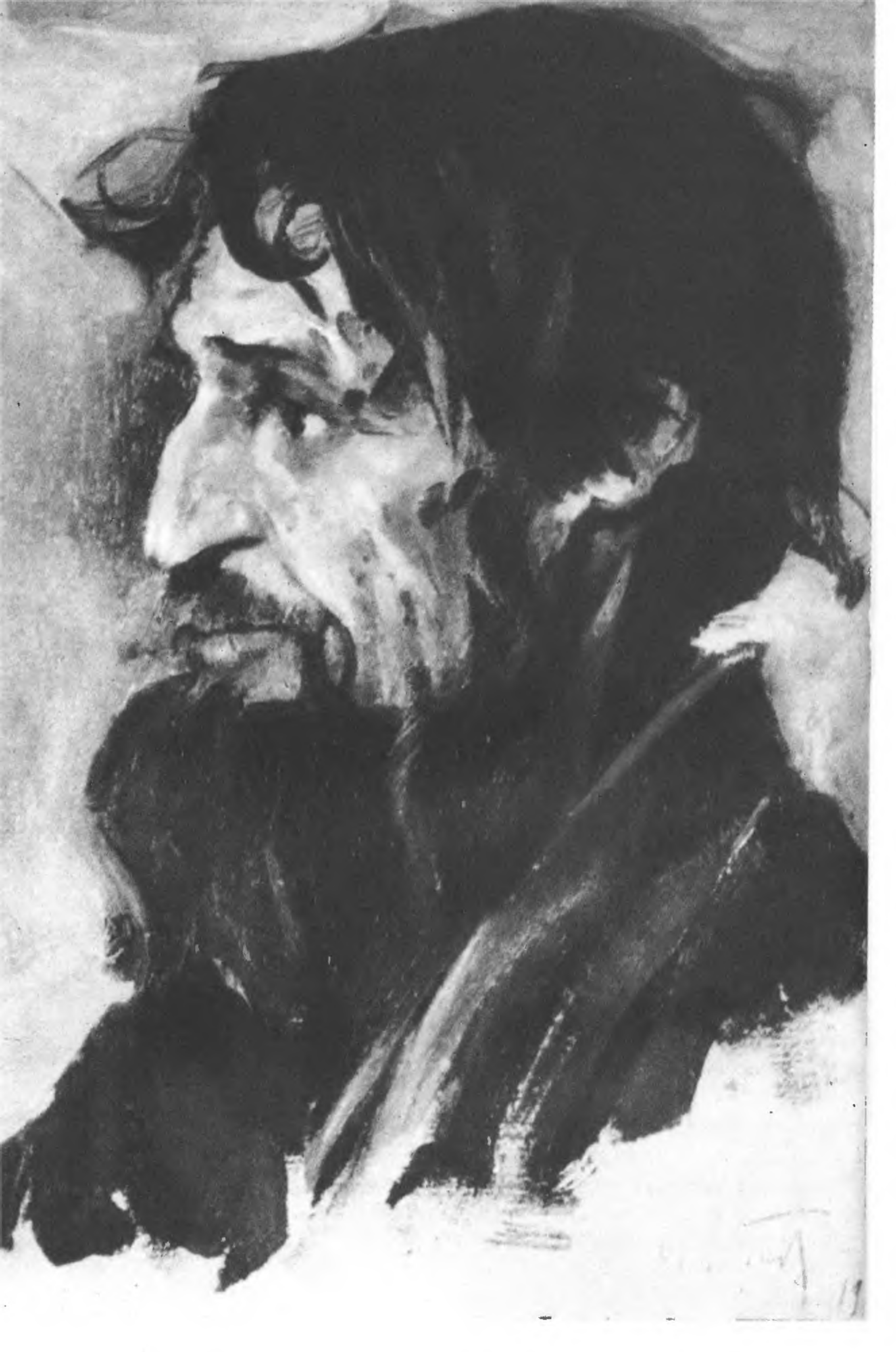
[1] В деле о моровом поветрии и бунте, находящемся в государственном архиве, есть на это указание.

теперь на влюбленного князя, она была к нему холоднее прежнего. Лимбург ревновал, писал к ней страстные письма и в то же время формально поручал ей вести дело с русским министерством относительно прав его на Голштинию. Принцесса приняла на себя это дело.

Между тем газеты известили о действиях Пугачева, об осаде им Оренбурга и о распространении мятежа по Уралу. Родственница Радзивила, княгиня Сангушко, получала сведения о ходе дел в России, об успехах Пугачева. Сведения эти доставлялись в Оберштейн к самозванке, причем княгиня Сангушко сообщала ей списки мест, занятых пугачевскими шайками. В это время сам Радзивил счел наконец нужным лично повидаться с мнимою великою княжной и хотел для того приехать к ней в Оберштейн. Князь Лимбург был против этого, но только потому, что боялся новой измены своей невесты. Радзивил писал, что горит нетерпением представиться принцессе, но затрудняется приехать к ней, потому, что, одетый в польский кунтуш, может обратить внимание любопытных и тем повредить делу, которое должно вести пока в тайне. Равным образом и ее посещение Радзивила в занимаемом им доме может иметь такие же последствия. Чтоб иметь свидание, Радзивил нанял в Цвейбрюккене особый дом, остававшийся никем не занятым, и в этом доме предложил самозванке иметь с ним свидания. Она согласилась. Свидание состоялось в Цвейбрюккене (Deux Ponts) около нового 1774 года, и после того между князем Карлом Радзивилом и прекрасною принцессой завязалась деятельная переписка. Радзивил возлагал на нее великие надежды. Предположено было: пользуясь замешательством, произведенным Пугачевым, произвести новое восстание в Польше и в белорусских воеводствах, отошедших по первому разделу во владение России, самой же принцессе, вместе с Радзивилом, ехать в Константинополь и оттуда послать в русскую армию, находившуюся в Турции, воззвание, в котором предъявить свои права на престол, занимаемый Екатериной. Этим способом надеялись они свергнуть Екатерину и доставить самозванке императорскую корону. С своей стороны, самозванка обещала Радзивилу возвратить Польше отторгнутые от нее области, свергнуть Понятовского с престола и восстановить Польшу в том виде, в каком она находилась при королях саксон-

В. И. СУРИКОВ. Боярыня Морозова (фрагмент). *1887*

М. В. НЕСТЕРОВ. Этюд мужской головы к картине «На Руси». *1912*

ской династии. В одном из своих писем князь Радзивил говорит самозванке: «Я смотрю на предприятие *вашего высочества*, как на чудо провидения, которое бдит над нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь вас, такую великую героиню».

Через несколько времени принцесса уведомила князя Лимбурга о полученном ею от княгини Сангушко известии, что король Людовик XV одобрил намерение ее ехать с князем Радзивилом в Венецию и Константинополь и оттуда предъявить права свои на русский престол.

Михаил Казимир Огинский, как официальный посланник польского короля, до сего времени шага не делал к участию в замыслах бывшей своей любовницы. Кроме того, что служебное положение стесняло свободу его действий, он и по природе своей был человек крайне осторожный и притом ленивый; он боялся скомпрометировать и себя и польское дело, в случае, если замысел «принцессы Владимирской» не удастся. Она приглашала его для переговоров в Оберштейн, на что соглашался и ревнивый Лимбург, хотя не без колебания, ибо он, кажется, больше всего к Огинскому ревновал свою невесту. Чтобы не помешать своим присутствием их переговорам, он даже уехал из Оберштейна в Бартенштейн, где жила его сестра. Там он хотел приготовить родных своих к предстоящему браку его с принцессой Елизаветой. Но Огинский не приехал в Оберштейн; Людовик XV в это время находился при смерти. Отлучиться от двора умирающего короля он не мог, ибо, в случае его смерти, должен был выждать, какое направление примет политика его преемника. Зато не раз посылал он в Оберштейн своего агента, аббата Бернарди, бывшего наставником детей его зятя, литовского великого кухмистра (т. е. обергофмаршала), графа Михаила Виельгорского [1]. Принцесса через этого аббата всячески уговаривала Огинского присоединиться к ней и даже вместе с Радзивилом ехать в Венецию, а оттуда в Константи-

---

[1] Он был женат на сестре Огинского, Елизавете. Воспитывавшиеся у аббата Бернарди дети графа Виельгорского были Михаил и Иосиф. Старший, Юрий, впоследствии бывший польским посланником в Петербурге, а потом, по принятии русского подданства, сенатором (женатый на Матюшкиной), в это время кончил уже воспитание. Ему было тогда более 20 лет.

нополь. Теперь это было возможно для Огинского, ибо он не был более посланником; пост его занял граф Виельгорский. Но Огинский медлил.

Между тем князь Лимбург продолжал переписку с своею возлюбленною. По-видимому, эта переписка была между ними предварительно условлена, чтобы показывать ее родственникам князя и другим лицам, в случае каких-либо сомнений с их стороны или недобрых толков о принцессе и ее поездке с Радзивилом, когда она огласится. В одном из таких писем, посланном к князю в Бартенштейн, принцесса, успокоивая в нем чувства тревоги, снова возникшей по поводу таинственных посещений ее каким-то молодым поляком (то был если не Доманский, то князь Иероним Радзивил, брат князя Карла), извещала его, что готова принести в жертву милому князю свою блестящую карьеру, но должна предпринять небольшое путешествие, для устранения последних препятствий к их браку. К этому она прибавляла, что, по зрелом обсуждении, она решилась познакомиться с его родными не прежде, как сделается его женой и уплатит издержанные им на нее деньги. В ответ на это Лимбург написал, что, не имея возможности вознаградить часть рода человеческого (то есть Россию) за потерю такой прекраснейшей принцессы, он не может принять от нее такой жертвы. Письма свои князь Лимбург уже адресовал: *ее императорскому высочеству принцессе Елизавете Всероссийской.*

XIII

Князь Лимбург на последние оставшиеся у него денежные средства устроил отъезд своей возлюбленной, достав ей, хотя с большим трудом, на дорогу денег, кроме того открыл ей кредит у находившегося в Аугсбурге трирского министра Горнштейна и даже отдал ей деньги, приготовленные на собственную поездку в Вену к императору, по делам притязаний на Шлезвиг-Голштейн. За то принцесса обещала сама впоследствии съездить к императору и выхлопотать это дело. Князь Лимбург дал ей письменное на то полномочие.

Из Оберштейна принцесса выехала 13 мая 1774 года вместе с князем Лимбургом. Он провожал ее до Цвейбрюккена. Здесь они расстались; на прощанье князь дал

ей торжественное обещание быть ее супругом. В письмах, после того писанных, они называли друг друга супругами. Она и в Петропавловской крепости называла князя Лимбурга своим супругом, хотя и объясняла, что по церковному чиноположению они не венчаны. Из Цвейбрюккена принцесса поехала в Аугсбург для свидания с Горнштейном, а печальный, расстроенный разлукой с своею очаровательною «супругой» князь возвратился в Оберштейн, теперь сделавшийся ему столь дорогим по воспоминанию о пребывании в нем прекрасной Алины. По приискании денег на путевые издержки, князь обещался ей немедленно приехать в Венецию, а оттуда сопровождать принцессу в Турцию.

В Оберштейне князь застал Бернарди, посланного от Огинского к принцессе с просьбой, чтоб она разъяснила ему свои намерения и таинственные намеки, сделанные ею в письме относительно будущности Польши. Князь убедил Бернарди в действительности царственного происхождения своей возлюбленной и рассказал ему о сношениях ее с княгиней Сангушко. Этого было достаточно для убеждения французского аббата. Бернарди был ревностный поклонник прусского короля Фридриха II, человек, вполне ему преданный. Он пришел в восхищение, когда князь Лимбург, поверяя ему планы мнимой наследницы русского престола, уверял его, что как скоро она наденет на голову корону деда своего Петра Великого, то немедленно приступит к политике прусского короля, перед которым благоговеет, что она теперь же, посредством сношений с Пугачевым, постарается способствовать расширению владений Фридриха II на востоке, для чего отклонит вмешательство Австрии турецкими делами, а внимание России — войной с шведским королем, который таким образом будет помогать и ей и Пугачеву. Бернарди, выслушав князя Лимбурга, дал ему слово, при содействии Виельгорского, убедить Огинского к немедленному отъезду в Венецию, куда уже отправился князь Радзивил со множеством поляков, приверженцев Барской конфедерации.

Принцесса торопилась ехать в Венецию, где ожидал ее князь Радзивил. Чтобы не иметь остановки в Аугсбурге, где Горнштейн должен был достать ей денег, она еще из Вирцбурга послала передового курьера к трирскому министру, прося его поторопиться приисканием денег

и уведомляя, что едет в Венецию, а вслед за нею отправится туда и князь Лимбург. Горнштейн бросился к своему другу уговаривать его не путаться в опасное дело, не ездить в Венецию. Князь поколебался, но оставался, однако, при своем намерении. Тогда Горнштейн поскакал на свидание с принцессой. Не желая возбуждать общего внимания на свои сношения с претенденткой на русский престол, чтобы тем не скомпрометировать своего государя, курфирста Трирского, у которого был главным министром, Горнштейн не поехал в Аугсбург и свиделся с принцессой в Зусмаргаузене. Здесь он настоятельно убеждал ее отказаться от своих замыслов, не идти на верную погибель, не связываться с поляками, которые только желают иметь ее своим орудием для достижения собственных замыслов, умолял ее возвратиться в Оберштейн и жить с князем Лимбургом, удаляясь от всех политических интриг. Принцесса поколебалась и дала ему слово пробыть в Венеции самое короткое время, а потом возвратиться в Германию и хлопотать в Вене по Шлезвиг-Голштейнскому делу. Горнштейн выдал ей, за счет князя Лимбурга, 200 червонцев, и она уехала. В Бриксене к ней присоединился Доманский с разными лицами, большею частию поляками. Она сообщила им, что, обдумав все шансы затеянного ею предприятия, она не решается ехать в Константинополь и намерена пробыть в Венеции самое короткое время, а потом воротиться в Германию. Это озадачило поляков, особенно Доманского. Но «Мосбахский незнакомец» имел на принцессу влияние: он стал ее уговаривать не оставлять задуманного предприятия, блестящими красками разрисовал будущее ее положение, когда скипетру ее будут повиноваться миллионы. К этому присоединены были нежные ласки, и Алина не устояла. Она решилась идти, куда поведет ее гений Польши, нарушила данное Горнштейну слово и уведомила его, что пробудет в Венеции несколько долее, чем обещалась. Зная слабую струну ревностного католика Горнштейна, Алина приписала, что намерена воспользоваться пребыванием в Венеции для основательного изучения догматов римско-католической веры, которую намерена принять.

Горнштейн был крайне удивлен, получив чрез несколько дней два письма: одно от князя с просьбой передать присланное письмо «ее императорскому высочеству

принцессе Елизавете Всероссийской», а другое от нее, с просьбой доставить приложенное письмо к *ее супругу*. До сих пор он не придавал особенного значения слухам и разговорам о царственном происхождении любовницы своего друга, но теперь увидел, что сам князь признает ее за дочь императрицы Елизаветы. Ему, главному министру одного из германских курфирстов, неловко было передавать такие письма: они могли навлечь немало хлопот его государю; с другой стороны, Горнштейн мог заключить, что брак князя Лимбурга, против которого он так усердно действовал, совершился... Он написал к принцессе письмо, в котором обращал ее внимание на множество противоречий, встречающихся как в прежнем, так и в настоящем ее поведении, а впрочем, обещал ей зависящую от него помощь и настоятельно уговаривал выбрать в Венеции хорошего католического священника, которому бы она могла вполне довериться.

Князь Лимбург получил между тем известие, что король Людовик XV умер и вступивший на престол Людовик XVI сочувственно отозвался о предприятии князя Радзивила. Он немедленно уведомил о столь радостной вести свою возлюбленную. Но вскоре он разочаровался в ожидаемом успехе.

XIV

Денежные дела князя Радзивила были теперь не в блистательном положении. Когда король Станислав Понятовский в 1772 году объявил амнистию всем оставившим пределы отечества участникам Барской конфедерации и прочим противникам королевским, князь Карл с насмешкой отвергнул предлагаемое прощение и не воротился в Литву. В 1773 году виленский епископ Мосальский писал к нему, уговаривая возвратиться и примириться с королем и напоминая, что в противном случае будет наложен секвестр на его обширные имения. Радзивил, будучи в Париже, поколебался было: ему, обладателю столь громадных богатств, страшно было расстаться с ними, но, построив уже план поездки в Константинополь, он посоветовался с французским министром герцогом Эгильоном и по его внушению решительно отказался от покорности королю Понятовскому. В начале января 1774 года отправился он в Венецию, куда и при-

был в конце февраля. Между тем имения Радзивила попали под секвестр, и он из Литвы не стал получать ни копейки. Приходилось жить на оставшиеся в шкатулке деньги и продавать бриллианты. Принцессе он не мог давать значительных сумм. «Персидский дядя» исчез. Но на такое дело, за какое взялась принцесса, необходимо было иметь немалый запас денег. Находчивая женщина тотчас придумала средство получить миллионы: она составила проект русского внешнего займа от своего имени, как единственной законной наследницы Русской империи. Этот проект она послала в Париж, к Огинскому, который должен был пригласить тамошних банкиров к подписке. Но Огинский решительно отказался от участия в том замысле. В письме к принцессе он в весьма изящных фразах говорил ей о предстоящем ей блистательном поприще, когда она сделается повелительницей огромной империи, но не без сарказма извинился, что не может содействовать успешному ходу ее займа.

Князь Лимбург, прочитав письмо Огинского и зная, что без денег любезная его не может достигнуть осуществления своих замыслов, сильно поколебался. В то же время немецкие газеты извещали, что счастие, доселе благоприятствовавшее *союзнику принцессы, Пугачеву*, изменило ему. Бибиков успешно подавил мятеж, Оренбург был освобожден, Яицкий Городок занят верными императрице войсками, и Пугачев, как писали, совершенно разбит.

Сообщая все эти новости своей возлюбленной, князь Лимбург умолял ее бросить опасные и едва ли при теперешних обстоятельствах возможные к исполнению замыслы и скорее воротиться в Оберштейн, где ждут ее объятия и горячие поцелуи жениха. Но принцесса уже не могла повернуть назад. Ее и Радзивила хотя и смутили слухи о подавлении пугачевского бунта, но ненадолго. Скоро до Венеции дошли благоприятные для поляков и самозванки известия: дела Пугачева поправились. Бибиков внезапно умер. В России распространился слух, что он отравлен одним из польских конфедератов. Конфедераты действительно были тогда в восточной России, были и в шайках Пугачева [1].

---

[1] Нельзя отвергать возможности сношений, посредством этих конфедератов, князя Радзивила и подставной принцессы Елизаветы с пьяным казаком, которого в Европе представляли челове-

По смерти Бибикова (9 апреля 1774 года) дела Пугачева действительно поправились: он снова явился на Уральских заводах, еще более страшный, чем прежде. Принцесса вскоре была утешена известием, что от Сибири до Волги «ее союзник» властвует.

Она приехала в Венецию в последних числах мая, под именем графини Пиннеберг. Графство Пиннеберг находилось в Голштинии, и она приняла фамилию по его имени, как будущая герцогиня Голштейн-Лимбург. В Венеции же пошли слухи, что под этим именем скрывается уже настоящая его супруга. Дошедшие о том до Оберштейна слухи сильно встревожили князя Лимбурга, и он написал к возлюбленной, чтоб она отнюдь не выдавала себя за жену его. Но в то же время он послал в Венецию своим резидентом барона Кнорра и повелел ему быть гофмаршалом при дворе графини Пиннеберг. Непоследовательность действий недалекого князя Лимбурга являлась на каждом шагу.

Князь Радзивил с сестрой своею Теофилой Моравской [1] уже два месяца жил в Венеции, когда приехала в эту республику давно ожидаемая им принцесса. Для нее приготовлена была пышная квартира — дом французского посольства при Венецианской республике. Ясное доказательство, что новый король Франции и Наварры, Людовик XVI, благоприятствовал предприятию самозванки. При графине Пиннеберг был свой двор: барон Кнорр, как мы уже заметили, сделан был гофмаршалом «ее высочества».

На третий день по приезде принцессы князь Карл Радзивил сделал ей пышный официальный визит, в сопровождении блестящей свиты, и представил бывших с ним знатных поляков: своего дядю, князя Радзивила, графа Потоцкого, стоявшего во главе польской генеральной конфедерации, графа Пржездецкого, старосту Пинского, Чарномского, одного из деятельнейших членов ге-

---

ком образованным, бывшим прежде пажом при дворе Елизаветы, учившимся в Берлине математике и отличавшимся в знании тактики. Нельзя отвергать этих сношений до тех пор, пока дело о Пугачеве не сделается вполне известным. Нельзя отвергать и сношений шведского короля с Пугачевым и с мнимою княжной Таракановой. Недаром же Екатерина в письмах своих к Вольтеру называла Густава III «другом *маркиза* Пугачева».

[1] Княжна Теофила Радзивил была замужем за польским генерал-лейтенантом Моравским.

неральной конфедерации, и многих других. Радзивил и Потоцкий были в лентах. На другой день принцесса сделала визит графине Моравской, у которой в то время находился и брат ее. Затем князь Карл Радзивил часто посещал принцессу, являясь к ней обыкновенно в сопровождении своего секретаря Микошты. Графиня Пиннеберг жила роскошно и открыто в палатах французского резидента и искала новых знакомств [1]. Толпа польских и французских офицеров, собравшихся вокруг князя Радзивила, чтоб ехать с ним на подмогу туркам против России, ежедневно наполняла приемные комнаты графини. Кроме Радзивилов, чаще других у нее бывали граф Потоцкий, граф Пржездецкий и сэр Эдуард Вортли Монтегю, англичанин, долго путешествовавший по Востоку, сын известной английской писательницы, лэди Мэри, дочери герцога Кингстон. Нередко посещали ее два капитана из Варварийских владений султана, Гассан и Мехемет, корабли которых стояли в то время в Венецианском порте. На одном из этих кораблей графиня Пиннеберг намеревалась ехать к султану. Но роскошная жизнь ее в Венеции скоро истощила ее средства. С обычною ловкостью принялась она за прежнее: искать денег. Несмотря, однако, на новоизобретенные рассказы о богатых агатовых копях, находящихся будто бы в принадлежащем ей Оберштейне, несмотря на знакомство графини с венецианскими банкирами, она никак не могла доставать много денег: венецианский банк ссудил ей только 200 червонцев. Тогда графиня Пиннеберг стала торопить Радзивила отъездом в Константинополь, куда 16 мая они вместе и отправились.

Приезд графини в Венецию наделал немало шума. Сначала было приняли ее за жену графа Голштейн-Лимбурга, но, получив от него запрещение называться его женой, она отрицала это; без сомнения, и резидент кня-

[1] В № 38 «Московских ведомостей» 1774, от 13 мая, напечатано известие из Венеции от 18 марта: «Князь Радзивил и *его сестра* учатся по-турецки и поедут в Рагузу, откуда, как сказывают, турецкая эскадра проводит их в Константинополь». М. Н. Лонгинов («Русский вестник», 1859, № 24, стр. 723) думает, что под именем сестры Радзивила должно разуметь княжну Тараканову, но теперь мы знаем, что в марте 1774 года в Венеции действительно жила родная сестра Радзивила, графиня Моравская, а самозваной дочери императрицы Елизаветы Петровны до конца мая еще не было в Венеции.

зя при Венецианской республике старался о рассеянии этих слухов. Стали обращаться к князю Карлу Радзивилу, находившемуся с ней в ежедневных почти сношениях, и «пане коханку», под условием строжайшей тайны, каждому рассказывал, что это дочь русской императрицы Елизаветы, рожденная от тайного брака, и приехала из Германии, чтобы под его покровительством ехать в Константинополь. Сама самозванка старалась о распространении таких слухов.

Варварийские капитаны 16 июня 1774 года посадили на корабли свои князя Карла Радзивила с его дядей, с графиней Моравскою и многочисленным сборищем польских и французских офицеров. С ними же села и графиня Пиннеберг со всем двором своим, кроме гофмаршала барона Кнорра, оставшегося в Венеции для устройства ее дел и для ведения переписки. Когда графиня Пиннеберг приехала на рейд, Радзивил с своими был уже на палубе. Ее встретили с большим почетом. Ей все представились и, по придворному этикету, целовали ее руку. Радзивилы обходились с ней самым почтительным образом, равно как и графиня Моравская.

Путешествие сначала шло при самых благоприятных обстоятельствах. Варварийские корабли плыли на юг по Адриатике, но вдруг подул противный ветер, и они едва добрались до острова Корфу. Вышедши с корфиотского рейда, Гассан, опасаясь бедствий на море, решился возвратиться в Венецию. Этим воспользовались сестра и дядя Карла Радзивила, намереваясь из Венеции сухим путем отправиться в Польшу. Принцессе также советовали воротиться, но роковая судьба влекла ее. С Карлом Радзивилом перешла она на корабль Мехемета, который брался довезти их до Константинополя. Противные ветры, однако, понесли корабль назад, к северу, и в последних числах июля 1774 года Мехемет принужден был бросить якорь у Рагузы.

Рагузская республика не питала симпатии к Екатерине II: граф Орлов-Чесменский, начальствовавший русским флотом в Средиземном море, немало наделал досады ее сенату. Потому «великая княжна Елизавета» принята была местным населением с радостью, хотя сенат и воздержался официально признать ее в присваиваемом ею звании. Так же, как и в Венеции, принцессе уступлен был для помещения дом французского консула при Ра-

гузской республике, де-Риво. Этот дом сделался, так сказать, главною квартирой польско-французской экспедиции. Радзивил с знатнейшими членами своей свиты ежедневно обедал у «великой княжны всероссийской». Расходы платил «пане коханку».

XV

В Рагузе окончательно созрел план действий «принцессы Елизаветы». На ежедневных обедах поляки внушали ей мысль: торжественно объявить о правах своих на престол и в этом смысле послать воззвание в русскую армию, находившуюся тогда в Турции, и другое — на русскую эскадру, стоявшую под начальством графа Алексея Орлова и адмирала Грейга в Ливорно. Не более как через неделю по прибытии в Рагузу (10 июля) принцесса писала уже к Горнштейну, что намерена объявить о своем происхождении русским морякам и что это тем более нужно, что ее недоброжелатели уже распространили ложные слухи, будто она умерла. «Постараюсь,— писала она,— овладеть русским флотом, находящимся в Ливорно; это не очень далеко отсюда. Мне необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слух о моей смерти. Провидение отмстит за меня. Я издам манифесты, распространю их по Европе, а Порта открыто объявит их во всеобщее сведение. Друзья мои уже в Константинополе; они работают, что нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объявить о себе всенародно. В Константинополе я не замешкаю, стану во главе моей армии, и меня признают». Далее «великая княжна» упоминала о документах, доказывавших будто бы права ее на корону.

Документы эти были составлены, по всей вероятности, поляками. Хотя при деле находятся они переписанные рукой самой претендентки [1], но по сличении их с письмами ее и с другими бумагами не остается сомнения, что они вышли из-под редакции не самозванки, а другого лица, лучше ее владевшего французским языком. Один из документов (духовное завещание императрицы Елизаветы Петровны) найден в бумагах принцес-

---

[1] Два экземпляра завещания Петра I, экземпляр завещания Екатерины I и один из двух экземпляров завещания Елизаветы Петровны переписаны рукой самой самозванки.

сы в двух экземплярах: один переписан ее рукой, а на другом, с которого, вероятно, она списывала копии, находится ее собственноручная надпись: «Testament d'Elisabeth, Princesse impériale de toutes les Russies». По удостоверению составителя «Записки о самозванке», помещенной в «Чтениях», почерк последнего не имеет сходства ни с почерком князя Лимбурга, ни с почерком лиц, составлявших его общество, стало быть, означенные документы были писаны не в Оберштейне. По всей вероятности, они были приготовлены поляками заблаговременно и вручены принцессе в Рагузе. Может быть, это была работа Доманского или Чарномского. Так полагает граф В. Н. Панин, доставивший сведения о самозванке в императорское Общество Истории и Древностей.

Вручившие принцессе копии с духовных завещаний уверили ее, что русские подлинники хранятся в надежных руках. Так впоследствии сама она писала графу Орлову.

Документы эти состояли из подложных духовных завещаний Петра I и Елизаветы Петровны и из экстракта действительного завещания Екатерины I. Завещание Петра I состоит из шести пунктов. Первым назначается преемницей императорского престола Екатерина (la czarine), в остальных находятся следующие распоряжения: Екатерине наследует великий князь Петр Алексеевич и его потомство, а дочери ее получают завоеванные Петром области: остров Эзель, Эстляндию и Лифляндию, а также доход с рижской таможни. Великий князь Петр Алексеевич должен жениться на принцессе из дома Любекского. Если он не оставит потомства, русская корона переходит к Анне Петровне и ее наследникам, с тем, однако, что тот из них, кто будет на шведском престоле, не может быть русским императором. Если Анна Петровна не оставит наследников, престол переходит к Елизавете Петровне и ее потомству.

Экстракт из духовного завещания Екатерины I во всем согласен с действительным завещанием этой императрицы.

Вот мнимое завещание императрицы Елизаветы Петровны:

«Елизавета *Петровна (?)*, дочь моя, наследует мне и управляет Россией так же самодержавно, как и я уп-

равляла. Ей наследуют дети ее, если же она умрет бездетною — потомки Петра, герцога Голштинского [1].

Во время малолетства дочери моей Елизаветы, герцог Петр Голштинский будет управлять Россией с тою же властию, с какою я управляла. На его обязанность возлагается воспитание моей дочери; преимущественно она должна изучить русские законы и установления. По достижению ею возраста, в котором можно будет ей принять в свои руки бразды правления, она будет всенародно признана императрицею всероссийскою, а герцог Петр Голштинский пожизненно сохранит титул императора, и если принцесса Елизавета, великая княжна всероссийская, выйдет замуж, то супруг ее не может пользоваться титулом императора ранее смерти Петра, герцога Голштинского. Если дочь моя не признает нужным, чтобы супруг ее именовался императором, воля ее должна быть исполнена, как воля самодержицы. После нее престол принадлежит ее потомкам как по мужской, так и по женской линии.

Дочь моя, Елизавета, учредит (верховный) совет и назначит членов его. При вступлении на престол она должна восстановить прежние права этого совета. В войске она может делать всякие преобразования, какие пожелает. Через каждые три года все присутственные места, как военные, так и гражданские, должны представлять ей отчеты в своих действиях, а также счеты. Все это рассматривается в совете дворян (Conseil des Nobles), которых назначит дочь моя Елизавета.

Каждую неделю должна она давать публичную аудиенцию. Все просьбы подаются в присутствии императрицы, и она одна производит по ним решения. Ей одной предоставляется право отменять или изменять законы, если признает то нужным.

Министры и другие члены совета решают дела по большинству голосов, но не могут приводить их в исполнение до утверждения постановления их императрицею Елизаветою Второй.

Завещаю, чтобы русский народ всегда находился в дружбе с своими соседями. Это возвысит богатство народа, а бесполезные войны ведут лишь к уменьшению народонаселения.

---

[1] Император Петр III.

Завещаю, чтоб Елизавета послала посланников ко всем дворам и каждые три года переменяла их.

Никто из иностранцев, а также из не принадлежащих к православной церкви не может занимать министерских и других важных государственных должностей.

Совет дворян назначает уполномоченных ревизоров, которые будут через каждые три года обозревать отдаленные провинции и вникать в местное положение дел духовных, гражданских и военных, в состояние таможен, рудников и других принадлежностей короны.

Завещаю, чтобы губернаторы отдаленных провинций: Сибири, Астрахани, Казани и др., от времени до времени представляли отчеты по своему управлению в высшие учреждения в Петербург или в Москву, если в ней Елизавета утвердит свою резиденцию.

Если кто сделает какое-либо открытие, клонящееся к общенародной пользе или к славе императрицы, тот о своем открытии секретно представляет министрам и шесть недель спустя в канцелярию департамента, заведывающего тою частию; через три месяца после того дело поступает на решение императрицы в публичной аудиенции, а потом в продолжение девяти дней объявляется всенародно с барабанным боем.

Завещаю, чтобы в азиатской России были установлены особые учреждения для споспешествования торговле и земледелию и заведены колонии при непременном условии совершенной терпимости всех религий. Сенатом будут назначены особые чиновники для наблюдения в колониях за каждою народностию. Поселены будут разного рода ремесленники, которые будут работать на императрицу и находиться под непосредственною ее защитой. За труд свой они будут вознаграждаемы ежемесячно из местных казначейств. Всякое новое изобретение будет вознаграждаемо по мере его полезности.

Завещаю завести в каждом городе на счет казны народное училище. Через каждые три месяца местные священники обозревают эти школы.

Завещаю, чтобы все церкви и духовенство были содержимы на казенное иждивение.

Каждый налог назначается не иначе как самою дочерью моей Елизаветой.

В каждом уезде ежегодно будет производимо исчисление народа, и через каждые три года будут посылае-

мы на места особые чиновники, которые будут собирать составленные чиновниками переписи.

Елизавета Вторая будет приобретать, променивать, покупать всякого рода имущества, какие ей заблагорассудится, лишь бы это было полезно и приятно народу.

Должно учредить военную академию для обучения сыновей всех военных и гражданских чиновников. Отдельно от нее должна быть устроена академия гражданская. Дети будут приниматься в академию девяти лет.

Для подкидышей должны быть основаны особые постоянные заведения. Для незаконнорожденных учредить сиротские дома и воспитанников выпускать из них в армию или к другим должностям. Отличившимся императрица может даровать право законного рождения, пожаловав кокарду красную с черными каймами и грамоту за собственноручным подписанием и приложением государственной печати.

Завещаю, чтобы вся русская нация от первого до последнего человека исполнила сию нашу последнюю волю и чтобы все, в случае надобности, поддерживали и защищали Елизавету, мою единственную дочь и единственную наследницу Российской империи.

Если до вступления ее на престол будет объявлена война, заключен какой-либо трактат, издан закон или устав, все это не должно иметь силы, если не будет подтверждено согласием дочери моей Елизаветы, и все может быть отменено силою ее высочайшей воли.

Предоставляю ее благоусмотрению уничтожать и отменять все сделанное до вступления ее на престол.

Сие завещание заключает в себе последнюю мою волю. Благословляю дочь мою Елизавету во имя отца и сына и святого духа».

С первых же дней пребывания в Рагузе графиня Пиннеберг, на ежедневных обедах в ее квартире, так рассказывала французским и польским сотрапезникам историю своих приключений: «Я дочь императрицы Елизаветы Петровны от брака ее с казацким гетманом (grand hetman de tous les Cosaques [1]), князем Разумовским.

---

[1] Отец княжны Таракановой никогда не был казацким гетманом; в это звание избран в 1750 году и утвержден в нем императрицей меньшой брат его, граф Кирилл Григорьевич. Оба Разумовские были только графами, а не князьями. Княжеское

Я родилась в 1753 году и до девятилетнего возраста жила при матери. Когда она скончалась, правление Русскою империей принял племянник ее, принц Голштейн-Готторпский, и, согласно завещанию моей матери, был провозглашен императором под именем Петра III. Я должна была лишь по достижении совершеннолетия вступить на престол и надеть русскую корону, которой не надел Петр, не имея на то права. Но через полгода по смерти моей матери жена императора Екатерина низложила своего мужа, объявила себя императрицей и короновалась в Москве мне принадлежащею, древнею короной царей московских и всея России. Лишенный власти император Петр, мой опекун, умер. Меня, девятилетнего ребенка, сослали в Сибирь. Там я пробыла год. Один священник сжалился над моей судьбой и освободил меня из заточения. Он вывез меня из Сибири в главный город донских казаков (la capitale de Donskoï). Друзья отца моего украли меня в его доме, но обо мне узнали, и я была отравлена. Принятыми своевременно медицинскими средствами была я, однако, возвращена к жизни. Чтоб избавить меня от новых опасностей, отец мой, князь Разумовский, отправил меня к своему родственнику, шаху персидскому [1]. Шах осыпал меня благодеяниями, пригласил из Европы учителей разных наук и искусств и дал мне, сколько было возможно, хорошее воспитание. В это же время научилась я разным языкам, как европейским, так и восточным. До семнадцатилетнего возраста (1760 г.) не знала я тайны моего рождения; когда же достигла этого возраста, персидский шах открыл ее мне и предложил свою руку. Как ни блистательно было предложение, сделанное мне богатейшим и могущественнейшим государем Азии, но как я должна бы была, в случае согласия, отречься от Христа и православной веры, к которой принадлежу с рождения, то и

достоинство из Разумовских получил сын гетмана, граф Андрей Кириллович, первый посол на Венском конгрессе, ноября 24 1814 года.

[1] В письме к английскому посланнику в Неаполе, сэру Вильямсу Гамильтону, из Рима, от 21 декабря 1774 года, принцесса называет этого шаха Жамас: «Schah Jamas était encore roi de Perse». Может быть, она хотела сказать Тахмас (Надир-шах), но он умер ранее этого времени.

отказалась от сделанной мне чести. Шах, наделив меня богатствами, отправил меня в Европу, в сопровождении знаменитого своею ученостью и мудростью Гали. Я переоделась в мужское платье, объездила все наши (живущие в России) народы христианские и нехристианские, проехала через всю Россию, была в Петербурге и познакомилась там с некоторыми знатными людьми, бывшими друзьями покойного отца моего. Отсюда отправилась я в Берлин, сохраняя самое строгое инкогнито, здесь была принята королем Фридрихом II и начала называться принцессой. Тут умер Гали, я отправилась в Лондон, оттуда в Париж, наконец, в Германию, где приобрела покупкой у князя Лимбурга графство Оберштейн. Здесь я решилась ехать в Константинополь, чтоб искать покровительства и помощи султана. Приверженцы мои одобрили такое намерение, и я отправилась в Венецию, чтобы вместе с князем Радзивилом ехать в столицу султана».

Свита князя Радзивила, состоявшая из восьмидесяти офицеров, была в восхищении от рассказов графини Пиннеберг. Французские искатели приключений и польская шляхта уже мечтали о почестях и богатствах, ожидающих их в Петербурге, если, при содействии их, очаровавшая всех милою любезностью, своим умом и разнообразными талантами ежедневная их собеседница наденет на свою красивую головку русскую императорскую корону. Нельзя думать, чтобы *все* эти люди знали о самозванстве принцессы и таким образом сознательно участвовали в обмане. Вполне владели тайной, вероятно, только князь Радзивил да самые ближайшие его советники.

Графиня Пиннеберг уверяла, что в России есть сильная партия, преданная ей и желающая видеть ее на престоле. Во главе этой партии, по словам ее, находится родной брат ее, князь Разумовский, известный под именем Пугачева. По словам ее, Пугачев был сын князя Разумовского от первого брака. Так писала самозванка верховному визирю. Другим она говорила, что Пугачев человек знатного происхождения, из донских казаков, искусный генерал, хороший математик и отличный тактик, одаренный замечательным талантом привлекать к себе народные толпы, потому что умеет убедительно говорить

М. В. НЕСТЕРОВ. За приворотным зельем. *1889*

М. В. НЕСТЕРОВ. *Лисички. 1914*

с простонародьем. «Когда Разумовский, отец мой,— продолжала она,— приехал в Петербург, этот Пугачев, тогда еще очень молодой человек, находился в его свите. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Разумовскому андреевскую ленту и сделала его великим гетманом всех казачьих войск, а Пугачева назначила пажем при своем дворе. Заметив, что молодой человек выказывает большую склонность к изучению военного искусства, она отправила его в Берлин, где он и получил блистательное военное образование». Еще находясь в Берлине, Пугачев, по рассказам принцессы, действовал, насколько было ему возможно, в пользу своей сестры, законной наследницы русского престола, скрывавшейся под разными именами сначала в Персии, а потом в разных государствах Европы. В свою очередь, действовал в ее пользу и персидский шах, другой ее родственник и воспитатель. Так как Персия ведет обширную торговлю со всеми восточными странами и в том числе с азиатскими провинциями Русской империи, то шах, посредством торговцев, успел склонить на сторону «великой княжны Елизаветы» многих из обитателей этих провинций. С одной стороны шах, с другой — князь Разумовский под именем Пугачева тайными путями успели наконец привлечь все население соседних с Персией и других восточных областей России на ее сторону. Тогда, чтобы быть в безопасности, она поехала в Европу, а Пугачев, оставив Берлин, стал во главе населения, восставшего против Екатерины. Он решился на этот подвиг, говорила «великая княжна Елизавета», чтоб избавить множество невинно сосланных Екатериной, томившихся в хижинах Сибири. Когда восточные провинции восстали, желая видеть на престоле Елизавету II, Пугачев объявил себя регентом империи. Так как по смыслу завещания императрицы Елизаветы Петровны регентом назначен был принц Петр Голштинский с титулом императора, то и Пугачев официально принял на себя имя Петра и титул императора. Но главная цель его восстания состоит в возведении на престол сестры своей, законной наследницы русского престола. Так как она достигла уже совершеннолетия, то он, свергнув с престола Екатерину, немедленно передаст ей самодержавную власть над всеми областями Русской империи.

Такие россказни рассказывала в Рагузе «принцесса Владимирская». Несмотря на очевидную их сказочность, им верили и обо всем рассказываемом принцессой распространяли слухи по Европе. Некоторые их этих слухов нашли себе место на столбцах *Франкфуртской* и *Утрехтской* газет. Герцог Ларошфуко и граф Бюсси, приезжавшие в Оберштейн к скучавшему по своей подруге князю Лимбургу, уверяли его, что в парижских салонах много толкуют о принцессе и представляют будущность ее в самом блестящем виде, ибо полагают за несомненное, что она, по законно ей принадлежащему праву, рано или поздно, наденет корону Российской империи [1]. В «Gazette d'Utrecht» [2] была напечатана корреспонденция из Неаполя от 4 августа, в которой много говорилось о почестях, оказываемых в Рагузе «польским князем» «неизвестной принцессе».

В самой Рагузе слух о наследнице русского престола, «Елизавете II», сделался до того общим, что тамошний сенат встревожился. Хотя Рагузская республика и была недовольна Екатериной, но сенаторы не могли не опасаться вредных для их отечества последствий, если русское правительство обратит серьезное внимание на происки претендентки. В таком случае слабой республике, которой русские уже один раз дали сильный урок, предстояла бы неминуемая опасность. Рагузский сенат отнесся в Петербург к своему поверенному по делам о домогательствах неизвестной женщины, называющей себя «великою княжной Всероссийскою», предписав сообщить об этом графу Никите Ивановичу Панину, заведовавшему иностранными делами. Но Панин не счел нужным придавать этому делу какую-либо важность: он просил рагузского поверенного уведомить сенат, что нет никакой надобности обращать внимание на «эту побродяжку».

Само собою разумеется, что граф Панин о сообщении рагузского сената докладывал императрице и самый ответ поверенному дан был по ее повелению. Екатерина не желала делать из этого громкой истории и придумала иное средство уничтожить самозванку с ее замыслами. Она решилась без шума и огласки захватить ее в чужих

---

[1] Де-Марин писал об этом принцессе в Рагузу.

[2] «Gazette d'Utrecht», 1774 г., № 68.

краях. Для исполнения такого плана императрица избрала графа Алексея Орлова, которого решительность и находчивость в подобных случаях были ей очень хорошо известны.

XVI

В первые дни пребывания в Рагузе князь Радзивил и свита его относились к «принцессе Елизавете» чрезвычайно почтительно и соблюдали относительно нее строгий этикет. Она была центром польско-французской колонии, жившей в Рагузе, сам «пане коханку», казалось, отошел на второй план. Опутанная сетями интриги, искусно сплетенной поляками при несомненном участии достопочтенных отцов иезуитов, так называемая великая княжна, не зная ничего положительного о своем рождении, отчасти сама верила тому, что о ней рассказывали и что с голосу советников сама она рассказывала и писала к разным влиятельным лицам и даже к государям. Оказываемое ей почтение принимала она как должное и к самому Радзивилу стала относиться с тоном покровительства. Вероятно, «пане коханку» наскучила эта комедия, притом же получавшиеся известия о мирных переговорах Порты с Россией и о поражении Пугачева разрушали надежды поляков. Так или иначе, отношения князя Радзивила к принцессе вскоре изменились. Июль 23, в письме к князю Лимбургу, принцесса уже жаловалась на Радзивила. Она хотела напечатать в газетах прокламацию о притязаниях своих на русскую корону, хотела обнародовать завещание императрицы Елизаветы Петровны, но Радзивил тайно этому воспрепятствовал: уверил принцессу, что он отправил статьи к журналистам, а в самом деле уничтожил их.

Еще из Венеции отправлен был Радзивилом в Константинополь один из его агентов, Радзишевский. Ему поручено было собрать нужные сведения о положении дел и испросить у султана фирман на поездку Радзивила с поляками и французами в Турцию. Долго Радзишевский не возвращался, и в Рагузе не имели никаких достоверных известий с театра войны. Наконец получено было письмо Радзишевского. Он писал из Адрианополя, от 13 июля (2-го по старому стилю, то есть за восемь дней до заключения Кучук-Кайнарджиского мира), что турецкая армия находится в самом жалком состоя-

нии, средства Турции истощены, и, устрашенная победами русских, она склоняется к миру. Полякам, находящимся в турецком лагере, писал агент Радзивила, очень плохо, а Версальский двор, на который возлагали такую надежду польские конфедераты, сам предложил теперь султану свое посредничество для заключения мира с Екатериной. Что касается до фирмана Радзивилу и его свите, он не был изготовлен, и потому Радзишевский не мог и хлопотать о выдаче собравшимся в Рагузе какого-либо пособия со стороны Порты — деньгами или жизненными припасами. Невыдача фирмана произошла, впрочем, вследствие интриг самих поляков. Находившийся при турецком войске официальный агент польской конфедерации Каленский сильно интриговал в Порте, чтобы не выдавали князю Радзивилу фирмана, и вполне успел в своих происках.

Радзивил не сообщил письма Радзишевского окружавшим его; он еще надеялся перехитрить Каленского, достать султанский фирман и, приехав в Константинополь, возбудить турок к продолжению войны с Россией. Собщил ли он известия, полученные от Радзишевского, принцессе, неизвестно, но с этого времени она в письмах своих в Германию стала настойчиво уверять, что слухи о предполагаемом мире Турции с Россией и о поражении Пугачева не имеют никакого основания, что, напротив, все благоприятствует ее предприятию и что она в скором времени отправится в Константинополь и присоединится к турецкой армии.

Между тем в Кучук-Кайнарджи происходили мирные переговоры. Известие об этом, хотя и не скоро, достигло Рагузы. Радзивил увидел, что предприятие его рушилось, и стал придумывать средства, как бы выйти из комического положения, в которое он поставил себя перед всею Европой, а особенно перед поляками. Но принцесса не унывала. Самообольщенная до крайней степени, она еще надеялась отклонить султана от ратификации мира предложением своей помощи. Доходившие до нее слухи о всеобщем недовольстве в Турции условиями Кучук-Кайнарджиского мира, о том, что султан Ахмет и его правительство смотрят на него лишь как на кратковременное перемирие и что Порта при первом удобном случае намерена нарушить его и начать новую войну против Екатерины — были совершенно спра-

ведливы. Они-то и поддерживали уверенность «принцессы Елизаветы» в успехе ее предприятия. Она написала к сулату Ахмету (24 августа) письмо, в котором, объявляя себя законною наследницей русского престола, просила снабдить ее и князя Радзивила фирманом. «Принцесса Елизавета, дочь покойной императрицы Всероссийской Елизаветы Петровны,— писала она,—умоляет императора Оттоманов о покровительстве». Далее она упоминала, что несчастия, доселе преследовавшие ее, препятствовали ей занять принадлежащий ей престол. Ссылка в Сибирь была первым препятствием, затем ее отравили, и приверженцы принцессы долгое время отчаивались за ее жизнь, наконец она бежала к родственнику своего отца, казацкого гетмана, и теперь, соединясь в Венеции с князем Карлом Радзивилом, ожидает в Рагузе султанского фирмана. Предлагая союз Порте, принцесса уверяла султана, что имеет в России много приверженцев, которые уже одержали значительные победы над войсками Екатерины, и что русский флот, находящийся в Средиземном море, в самом непродолжительном времени признает ее императрицей, что она уже послала в Ливорно воззвание к морякам. Склоняя султана к союзу, принцесса говорила, что Швеция, которой она уступает некоторые из завоеванных у нее провинций, присоединится к их союзу, равно и Польша, которую они сообща восстановят в старинных ее пределах. Под письмом она подписалась: *«вашего императорского величества верный друг и соседка Елизавета»* (De votre majésté impériale la fidèle amie et voisine Elisabeth).

Копия с этого письма к султану послана была принцессой, при весьма приветливом письме, к верховному визирю. Она просила его переслать эту копию к «сыну Разумовского, monsieur de Puhaczew», и оказывать ему всевозможную помощь[1]. Еще не зная, что «любезный братец ее», Пугачев, в это время уже разбитый и по пятам преследуемый Михельсоном, бежал в заволжские степи, где вскоре и выдан был сообщниками своими коменданту Яицкого городка, «великая княжна Елизавета» посылкой к нему копии с письма своего к султану хотела, вероятно, в самом деле связать пред-

[1] Письмо принцессы к верховному визирю находится теперь у известного пианиста Аполлинария Контского.

приятие свое с делом самозванца, возмутившего восточные области Европейской России [1].

Письма были отправлены в Константинополь. Князь Радзивил при перемене обстоятельств, не желая компрометировать себя перед султаном и пред лицом всей Европы, приказал находившемуся в Царьграде своему агенту не отдавать по назначению посланий «великой княжны Всероссийской». Она этого не знала и с нетерпением ждала султанского фирмана.

XVII

Принцесса Елизавета, говоря в письме к повелителю Османов, что она послала воззвание к русскому флоту, находившемуся в Ливорно, сказала правду. Действительно, еще за четыре дня до отправления письма к султану (18 августа 1774 года) она набросала мысли для составления воззвания к русским морякам и написала письмо к графу Алексею Орлову. Запечатав то и другое в один пакет, она передала его новому своему любовнику, варварийскому капитану Гассану, который должен был доставить его в Венецию англичанину Монтегю. В письме к сэру Эдуарду Монтегю принцесса просила его доставить прилагаемый пакет графу Орлову и прислать ей денег, в которых она нуждалась. Монтегю взялся исполнить ее поручение относительно пересылки пакета, но денег достать не мог. Отвечая ей, он совето-

---

[1] В то время как в России, так и за границей, ходили слухи о сношениях турецкого правительства с Пугачевым. Вольтер в письме к императрице Екатерине II (2 февраля 1774 года) говорит, что, по-видимому, Пугачевское возмущение затеяно кавалером Тоттом (который во время войны турок с Россией устроивал им артиллерию, лил пушки, укреплял города и пр.). О сношениях турецких сановников и Тотта с Пугачевым говорилось и в европейских газетах. Екатерина, отвечая Вольтеру (4 марта 1774 года) писала: «Одни только газеты распространяют молву о разбойнике Пугачеве; он не имеет с г. Тоттом ни явного, ни тайного сношения. Я, с своей стороны, презираю как пушки, выливаемые одним из них, так и предприятие другого. Впрочем, Пугачев и Тотт имеют между собой одно общее: один готовит себе петлю из пеньковой веревки, а другой подвергается опасности получить в подарок петлю шелковую». Принцесса, жадно ловившая все газетные новости, знала, конечно, о разглашавшейся поддержке Пугачева турками. Это, вероятно, и подало ей мысль установить сношения с «любезным братцем» через первого сановника Оттоманской империи.

вал быть как можно осторожнее с французскими офицерами, находившимися в Рагузе, присовокупляя, что французский резидент при Венецианской республике вдруг переменил тон и стал отзываться о принцессе чрезвычайно странно, и, как кажется, делает это по приказанию Версальского двора.

В «манифестике» (la petit manifeste), как называла принцесса бумагу, посланную к графу Орлову, набросаны были мысли, развить которые должен был сам граф Орлов в большом, в официальном, так сказать, манифесте, назначенном для флотского экипажа. Вот этот манифестик: «В духовном завещании императрицы Всероссийской Елизаветы, сделанном в пользу дочери ее Елизаветы *Петровны (?)*, сказано: «дочь моя, Елизавета Петровна, наследует мне и будет управлять так же самодержавно, как и я управляла». Принцесса Елизавета не могла доселе обнародовать сего манифеста, потому что находилась в заключении в Сибири, была отравляема ядом, словом, подвергалась тысяче опасностей. Теперь, когда русский народ решился поддерживать законные права наследницы престола, она признала благовременным торжественно объявить, что ей принадлежат права наследия, известные всей Европе. Духовное завещание, на котором основываются эти права, заключает в себе статьи, направленные к благоденствию народа русского. Все верные наши подданнные решились принять сторону великой княжны, находившейся в гонении со времени кончины матери ее, покойной императрицы Елизаветы Петровны. Сие и нас побудило сделать решительный шаг, дабы вывести народ наш из настоящих его злоключений на степень, подобающую ему среди народов соседних, которые навсегда пребудут мирными нашими союзниками. Мы решились на сие, имея единственною целию благоденствие отечества и всеобщий покой. Божиею милостию, мы, Елизавета Вторая, принцесса Всероссийская, объявляем всенародно, что русскому народу предстоит одно из двух: стать за нее или против нее. Мы имеем все права на похищенный у нас престол и в непродолжительном времени обнародуем духовное завещание блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, и те, которые откажутся принести нам верноподданскую присягу, подвергнутся заслуженному наказанию, на основании законов, постановленных са-

мим народом и восстановленных Петром I, императором Всероссийским».

Вероятно, для того, чтобы скрыть до времени от Орлова настоящее свое местопребывание, принцесса под этим документом написала, что он посылается из средины Турции, а в письме сказала, что она находится на турецкой эскадре.

К графу Орлову она писала следующее:

«Принцесса Елизавета Всероссийская желает знать: чью сторону примете вы, граф, при настоящих обстоятельствах? Духовное завещание блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, составленное в пользу дочери ее, цело и находится в надежных руках. Князь Разумовский, под именем Пугачева, находясь во главе нашей партии, благодаря всеобщей преданности русского народа к законным наследникам престола, имеет блистательные успехи. Ободряемые этим, мы решились предъявить права свои и выйти из печального положения, в какое поставлены. Всему народу известно, что принцесса Елизавета была сослана в Сибирь и потом перенесла много других бедствий. Избавясь от людей, посягавших на самую жизнь ее, она находится теперь вне всякой опасности, ибо многие монархи ее поддерживают и оказывают ей свое содействие.

Торжественно провозглашая законные права свои на всероссийский престол, принцесса Елизавета обращается к вам, граф. Долг, честь, слава — словом, все обязывает вас стать в ряды ее приверженцев.

Видя отечество разоренным войной, которая с каждым днем усиливается, а если и прекратится, то разве на самое короткое время, внимая мольбам многочисленных приверженцев, страдающих под тяжким игом, принцесса, приступая к своему делу, руководится не одним своим правом, но и стремлениями чувствительного сердца. Она желала бы знать: примете ли вы, граф, участие в ее предприятии.

Если вы желаете перейти на нашу сторону, объявите манифест, на основании прилагаемых при сем статей. Если вы не захотите стать за нас, мы не будем сожалеть, что сообщили вам о своих намерениях. Да послужит это вам удостоверением, что мы дорожили вашим участием. Прямодушный характер ваш и обширный ум внушает нам желание видеть вас в числе своих. Это

желание искренно, и оно тем более должно быть лестно для вас, граф, что идет не от коварных людей, преследующих невинных.

Мы находимся в союзе с империей Оттоманскою. Не вдаваясь в подробные рассуждения о нашем предприятии, торжественно, пред лицом всего мира, возвестим о себе, о том, как похитили у нас корону, как хотели погубить нас и как правосудный бог чудесным образом исхитил нас из рук врагов, посягавших на жизнь нашу. Нужным считаем присовокупить, что все попытки против нас, которые бы в настоящее время враги наши вздумали предпринять, будут безуспешны, ибо мы безопасны, находясь в Турецкой империи на эскадре его величества султана.

Какое решение примете вы, граф, мы узнаем из реляций, которые будут вами опубликованы. От вас зависит стать на ту или другую сторону, но можете судить, как высоко будем мы ценить заслугу вашу, если вы перейдете в ряды наших приверженцев. Мы бы никогда не решились отыскивать корону, если бы друзья покойной императрицы Елизаветы Петровны не умоляли нас о том. На основании законов, считая себя вправе начать сие предприятие, мы тем паче считаем себя к тому обязанными, что видим несчастие целого народа русского, ввергнутого в бездну злоключений со времени кончины императрицы Елизаветы Петровны. Вы понимаете, граф, что мы не обязаны писать вам так откровенно, но мы полагаемся на ваше благоразумие и правильный взгляд на вещи. Они убедят вас, что причины, вызвавшие нас к действию, вполне законны и совершенно достаточны для того, чтобы возбудить русских к исполнению их долга перед отечеством и перед самими собой: их святой долг — поддержать права законной наследницы русского престола, которая стремится к нему с единственною целию сделать счастливым страдающий народ свой. Вполне уповаем на успех нашего начинания. Главное сделано, остается лишь торжественно объявить о себе.

Уверенные в вашей честности, граф, имели мы намерение лично побывать в Ливорно, но обстоятельства тому воспрепятствовали. Неоднократно доказанная вами при разных обстоятельствах честность свидетельствует о прекрасном вашем сердце. Подумайте, граф, поразмыслите: если присутствие наше в Ливорно, по вашему мне-

нию, нужно, уведомьте нас о том с подателем этого письма. Он не знает, от кого и откуда привезено им письмо, и потому можете ему доверить ответ, а чтобы не возбуждать его любопытства, адресуйте на имя г. Флотирана — это мой секретарь.

Завещание императрицы Елизаветы Петровны сделано в пользу одной ее дочери, в нем не упоминается о моем брате. Было бы слишком долго объяснять здесь причину этого, достаточно сказать, что он в настоящее время предводительствует племенами, всегда верными законным своим государям и теперь поддерживающими права Елизаветы II.

Время дорого. Пора энергически взяться за дело, иначе русский народ погибнет. Сострадательное сердце наше не может оставаться покойным при виде его страданий. Не обладание короной побуждает нас к действию, но кровь, текущая в наших жилах. Наша жизнь, полная несчастий и страданий, да послужит тому доказательством. Впоследствии, делами правления мы еще более докажем это. Ваш беспристрастный взгляд на вещи, граф, достойно оценит сии слова наши.

Если вы считаете благовременным распространение сущности прилагаемого при сем манифестика (ce petit manifeste), то располагайте им по своему усмотрению, можете в нем прибавлять и убавлять, что хотите, но предварительно разузнайте хорошенько расположение умов. Если сочтете нужным переменить место вашего пребывания, сделайте это, ибо вы лучше знаете обстоятельства, могущие помешать успеху нашего предприятия.

Удостоверяем вас, граф, что, в каких бы обстоятельствах вы ни находились, во всякое время вы найдете в нас опору и защиту. Было бы излишне говорить о нашей к вам признательности: она есть неотъемлемая принадлежность чувствительного сердца. Просим верить искренности чувств наших».

Ни подписи, ни означения места и дня на этом письме не было.

XVIII

Граф Алексей Григорьевич Орлов имел под главным начальством своим русский флот, плававший в Средиземном море под флагом старшего флагмана, контр-адмирала Самуила Карловича Грейга, англичанина. В 1774

году этот флот или, вернее сказать, эскадра стояла на рейде города Ливорно. Здесь жил и Орлов. С 1770 года чесменский герой неоднократно живал в этом городе и имел там большие знакомства, особенно между англичанами. С английским генеральным консулом в Ливорно, сэром Джоном Диком, соплеменником и другом адмирала Грейга, он был особенно в коротких отношениях. Этот Дик оказывал нам большие услуги во время войны нашей с турками и по заключении мира в Кучук-Кайнарджи, по ходатайству Орлова, получил Аннинскую ленту[1]. Орлов жил в Италии по-царски, в его распоряжении находились огромные суммы для ведения военных, дипломатических и других дел. При нем находился огромный штат офицеров, сухопутных и морских, он набирал в русскую службу способных иностранцев, особенно из единоплеменных славян, и по предоставленной императрицей власти производил в чины до штаб-офицерского.

Незадолго перед тем, как граф Орлов получил пакет от Монтегю, он переехал из Ливорно в Пизу, где и провел всю зиму 1774—1775 года. Ливорно мало представляло удовольствий, а чесменский герой любил пожить на славу. Полученное письмо и приложенный к нему «манифестик» должны были немало его озадачить. Он, по собственным словам его[2], до тех пор будто бы не знал, что существуют на свете дети, рожденные императрицей Елизаветой от законного брака, и не имел ни малейшего понятия о «всклепавшей на себя имя» принцессы Елизаветы. Более четырех лет не быв в России (он приезжал в Петербург лишь на самое короткое время, во время Фокшанских переговоров), Орлов не знал хорошо об всем, что делается внутри ее: московский чумный бунт 1771 года, целый ряд самозванцев, принимавших на себя имя Петра III, яицкий бунт, наконец, Пугачев, все это было без него. Проницательный Орлов догадывался, что пугачевский бунт не без связи с враждебными России замыслами некоторых западных держав, и в бытность свою в Петербурге во время начала

---

[1] Единственный пример получения английским подданным русского ордена в XVIII столетии. Получил еще в 1763 г. граф Билау Александровскую ленту, но не как англичанин, а как камергер двора Брауншвейг-Люнебургского.

[2] «Донесение императрице Екатерине графа Алексея Орлова» от 27 сентября 1774 г.

пугачевщины прямо говорил Екатерине, что «он в подозрении, не замешались ли тут французы», поддерживавшие и поляков. Теперь вдруг получает он письмо женщины, помышляющей о русской короне. Она так положительно уверяет его, что находится в союзе с султаном и имеет пребывание на его кораблях. Орлов узнает из этого письма, что некоторые государи европейские поддерживают искательницу русской короны, что Пугачев действует в ее пользу, что он не простой казак, а Разумовский. Это невольно должно было озадачить Орлова, хотя он и довольно на своем веку искусился в политических интригах.

Известна деятельность братьев Орловых во время переворота, свершившегося 28 июня 1762 года в Петербурге. Более всех других оказали они усердия при возведении на престол Екатерины. И целые десять лет они были самыми ближайшими ее советниками, были всесильны, всемогущи. Но кредит их стал падать с 1772 года, когда Алексей находился в Средиземном море, а Григорий отправился с царскою пышностью на конгресс в Фокшаны. Пользуясь их отсутствием, противники их, граф Никита Иванович Панин, Захар Григорьевич Чернышев, князь Федор Сергеевич Барятинский и другие, успели найти соперника Григорию Орлову в лице молодого конногвардейского офицера, Александра Семеновича Васильчикова. Екатерина сделала его своим камергером и доверенным человеком. Григорий Орлов встревожился, без разрешения оставил конгресс и поскакал в Петербург. Но его не допустили ко двору, и он, под предлогом карантина, должен был жить в принадлежавшей ему Гатчине. Ему предлагали подарки, угрожали мерами строгости, лишили всех должностей, объявили ему повеление отправиться в путешествие. Непреклонный Орлов все отвергал, прося одного: личного объяснения с императрицей. Дело уладилось: он получил княжеский Римской империи титул и явился при дворе. Но влияние Орловых сильно поколебалось: новопожалованный князь уехал в Ревель и прожил там целый год. Васильчиков был добрый, но весьма ограниченный человек. Хотя он и был послушным орудием в руках выведших его в люди царедворцев, но не мог совершенно уничтожить Орловых. В апреле 1774 года место его заступил Потемкин. Это был не дюжинный человек, как

Васильчиков. С первых же дней его возвышения кредит Орловых пал совершенно.

Но противникам Орловых этого было недостаточно, им хотелось совсем доконать их. Стали нашептывать императрице, что Орловы люди опасные, что они куют против нее крамолу и замышляют что-то недоброе. К Алексею Орлову были подсылаемы разные лица, убеждавшие его изменить императрице. Так, в 1774 году, незадолго до получения письма от мнимой великой княжны Елизаветы, он получил письмо от неизвестной госпожи из Пароса, которая хотела увлечь его в измену. Получив от принцессы письмо с приложенным «манифестиком», он мог подумать, что это новый подсыл к нему, направленный врагами его фамилии, что «его хотят пробовать, до чего верность его простирается к особе ея величества», как он выразился в донесении своем к императрице.

Были в то время толки (и до сих пор они не прекратились), будто граф Алексей Орлов, оскорбленный падением кредита, сам вошел в сношения с самозванкой, принял искреннее участие в ее предприятии, хотел возвести ее на престол, чтобы, сделавшись супругом императрицы Елизаветы II, достичь того положения, к которому тщетно стремился брат его вскоре по воцарении Екатерины [1]. Но это не имеет и тени вероятия. Как бы ни был недоволен Алексей Орлов изменившеюся к нему и к брату его Екатериной, он не мог решиться на предприятие, не обещавшее ни малейшего успеха. Если ограниченный «пане коханку» и легкомысленные поляки да не знавшие России иностранцы могли мечтать о возможности достижения принцессой Владимирскою рус-

---

[1] М. Н. Лонгинов в статье своей «Княжна Тараканова», напечатанной в «Русском вестнике» 1859 г., № 24, говорит, будто Алексей Орлов еще в январе 1774 года, то есть за десять месяцев до получения повеления Екатерины захватить самозванку (12 ноября 1774 г.), посылал к ней в Рим офицера Христенека с приглашением приехать к нему и что таким образом он в 1774 году играл в двойную игру. Это несправедливо: в январе 1774 г. принцесса Владимирская находилась еще в Германии, и граф Алексей Орлов еще не имел о ней никаких сведений. Пребывание ее в Риме и сношения с ней Христенека относятся к началу не 1774, а 1775 года. Впрочем, г. Лонгинов был введен в заблуждение «Русскою беседой», отнесшею донесение Орлова императрице от 5(16) января 1775 года к тому же числу и месяцу 1774 года (Русская беседа», 1859 г., № VI, стр. 69).

ского престола, то Орлову ли, хорошо знавшему ход дел и расположение умов в России, можно было увлечься до такой степени? Мог ли русский народ признать своею государыней женщину, не знавшую по-русски, «великую княжну», о которой до того никто не слыхивал, ибо ни о браке императрицы Елизаветы, ни о рождении ею дочери никогда не было объявлено, а если и ходили о том слухи, то одни им верили, а другие, составлявшие громадное большинство, или не верили, или вовсе не знали о существовании княжны Таракановой? Всем памятно было объявление в 1742 году наследником русского престола великого князя Петра Феодоровича, которого, до самой смерти Елизаветы, во всех церквах ежедневно поминали на ектениях как ее наследника. Притязаниями своими принцесса Владимирская могла представить затруднения Екатерине, могла даже обеспокоить ее, но быть опасною никогда не могла. Не зная по-русски, она бы не могла даже разыграть роли Пугачева. Алексей Орлов хорошо понимал все это и, как скоро получил сведение о существовании самозванки, не дожидаясь повелений из Петербурга, принял меры, чтоб овладеть ею и отправить в Россию. Этим, быть может, он надеялся хотя несколько восстановить свой кредит.

Принцесса написала свой «манифестик» 18 августа (7 по старому стилю). С письмом к Орлову он был отправлен из Рагузы сначала в Венецию, оттуда при удобном случае в Ливорно, из Ливорно в Пизу. Таким образом ранее двадцатых чисел сентября, по старому стилю, Орлов не мог получить письма «великой княжны Елизаветы». Что же он сделал? Тотчас же (сентября 27) отправил и письмо и «манифестик» к императрице.

Вот что, между прочим, он писал при этом случае Екатерине: «Желательно, всемилостивейшая государыня, чтоб искоренен был Пугачев, а лучше бы того, если бы пойман был живой, чтоб изыскать чрез него сущую правду. Я все еще в подозрении, не замешались ли тут французы, о чем я в бытность мою докладывал, а теперь меня еще более подтверждает полученное мною письмо от неизвестного лица. Есть ли этакая (то есть дочь императрицы Елизаветы) или нет, я не знаю, а буде есть и хочет не принадлежащего себе, то б я навязал камень ей на шею да в воду. Сие же письмо прислано, из которого ясно увидеть изволите желание. Да

мне помнится, что и от Пугачева несколько сходствовали в слоге сему его обнародования, а может быть и то, что меня хотели пробовать, до чего моя верность простирается к особе вашего величества. Я ж на оное ничего не отвечал, чтобы через то не утвердить более, что есть такой человек на свете, и не подать о себе подозрения. Еще известие пришло из Архипелага, что одна женщина приехала из Константинополя в Парос и живет в нем более четырех месяцев на английском судне, платя слишком по тысяче пиастров на месяц корабельщику, и сказывает, что она дожидается меня; только за верное еще не знаю; от меня же послан нарочно верный офицер, и ему приказано с оною женщиной переговорить, и буде найдет что-нибудь сомнительное, в таком случае обещал бы на словах мою услугу, а из-за того звал бы для точного переговора сюда, в Ливорно. И мое мнение, буде найдется такая сумасшедшая, *тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт*, и на оное буду ожидать повеления: каким образом повелите мне в оном случае поступить, то все наиусерднейше исполнять буду».

Ясно видно, что план Орлова заманить самозванку на русский корабль и отправить в Кронштадт явился у него при первом известии о ее существовании.

XIX

Отправив к императрице донесение, Орлов послал находившегося в русской службе серба, подполковника графа Марка Ивановича Войновича [1], на особом фрегате в Парос, поручив ему войти в личные переговоры с таинственною женщиной. Орлов предполагал, что эта женщина есть та самая принцесса, что прислала ему письмо и воззвание к флоту. Он приказал Войновичу, если эта женщина станет называть себя наследницей русского престола, уверить ее в полной готовности Орлова содействовать осуществлению ее планов и просить ее на фрегат, на котором бы она могла отправиться в Ливорно; если же это другая женщина, оставить ее в покое. Войнович застал незнакомку в Паросе и несколько раз виделся с нею. Оказалось, что это была жена какого-то константинопольского купца, женщина заносчивого характера и вздорного нрава, охотно мешавшаяся в дела

[1] Впоследствии он был контр-адмиралом русского флота.

политической интриги и уверявшая, будто она находится в переписке со всеми европейскими дворами. Она была лично известна султану Ахмету и его предшественнику Мустафе и, пользуясь правом свободного входа в сераль, где продавала султаншам и одалискам французские галантерейные вещи, находилась в связях со всеми государственными людьми Оттоманской Порты. Они давали ей деньги за то, чтоб она, бывая в серале, посредством любимых султанш, поддерживала их кредит у падишаха. Они-то, вероятно, не без ведома самого Ахмета, и послали ее, еще до Кучук-Кайнарджиских переговоров, обольстить Орлова и посредством подкупа увлечь его в измену Екатерине и уговорить передаться с флотом султану. Она сама предложила Войновичу ехать в Ливорно, но он не взял ее. Не она нужна была чесменскому герою.

Не ограничиваясь посылкой Войновича на остров Парос, граф Орлов вскоре по отправлении донесения к императрице, то есть в начале октября 1774 года, послал разведывать о самозванке другого надежного человека. В донесении императрице от 23 декабря он так пишет об этой посылке: «От меня вскоре после отправления курьера ко двору вашего величества послан был человек для разведывания об оном деле, и тому уже более двух месяцев никакого известия о нем не имею, и я сомневаюсь об нем, либо умер он, либо где удержан, что не может о себе известить, а человек был надежный и доказан был многими опытами в его верности». Это был Осип Михайлович Рибас, впоследствии адмирал русского флота и основатель города Одессы[1]. Он был родом испанец, уроженец Неаполя, куда отец его, кузнец, переселился из Барселоны. Молодой Рибас был в неаполитанской службе, но почему-то должен был бежать из Неаполя. В 1772 году явился он к графу Алексею Орлову в Ливорно, прося о принятии в русскую службу. Орлов принял его с чином лейтенанта и, заметив в нем большие способности, давал ему важные поручения. Получив поручение отыскать претендентку на русский престол, Рибас разъезжал по Италии и, попав на след ее в Венеции, отправился в Рагузу, но, не застав

[1] Это был чрезвычайно тонкий и хитрый человек. Его разумел князь Суворов в известном отзыве своем о Кутузове: «Его и Рибас не проведет».

уже там, поехал по следам ее в Неаполь, потом в Рим, где и открыл местопребывание ее в начале 1775 года.

В декабре приехал к Орлову из Петербурга курьер Миллер. Он привез наставление императрицы, как действовать относительно самозванки. Из объяснения поверенного по делам Рагузской республики с графом Паниным Екатерина уже знала, что самозванка находится в Рагузе. Она сообщила о том Орлову от 12 ноября, приказывая «поймать *всклепавшую на себя имя* во что бы то ни стало». Орлов был даже уполномочен Екатериной подойти к Рагузе с эскадрой, потребовать выдачи самозванки и, если сенат Рагузской республики откажет ему в том, бомбардировать город [1].

Мы уже упомянули, что канцлер Российской империи, граф Н. И. Панин, с пренебрежением отозвался об искательнице русского престола поверенному по делам Рагузской республики, назвав ее «побродяжкой» и заметив, что не стоит обращать внимания на эту женщину. Так поступил он, без сомнения, по наставлению императрицы Екатерины. Известно также, что Екатерина не принимала никаких мер против разглашений иностранных газет о мнимой «великой княжне»: иностранная печать была не опасна; в России в то время, кроме двора и коллегии иностранных дел, никто не выписывал иностранных газет, за исключением разве гамбургских. Екатерина казалась равнодушною, но на самом деле была озабочена новою проделкой своих недоброжелателей. Приказание Орлову «поймать всклепавшую на себя имя во что бы то ни стало» и даже бомбардировать Рагузу служит тому доказательством.

Граф Орлов, получив повеление Екатерины, тотчас же отправил для поисков надежного офицера и еще одного славянина, венецианского подданного. «Ничего им в откровенности не сказано,— доносил он императрице,— а показал им любопытство, что я желаю знать о пребывании *давно мне знакомой* женщины, а офицеру приказано, буде может, и в службу войти к ней или к князю Радзивилу, волонтером, чего для и абшид (отставка) ему дан, чтобы можно было лучше ему прикрыться». К этому граф Орлов прибавил: «А случилось

---

[1] Так рассказывал сэр Джон Дик, слышавший это от самого Орлова. Текст письма императрицы графу Орлову от 12 ноября 1774 года неизвестен.

мне расспрашивать одного майора, который послан был от меня в Черную Гору и проезжал Рагузы и дни два в оных останавливался, и он там видел князя Радзивила, и сказывал, что *она* еще в Рагузах, где как Радзивилу, так и оной женщине великую честь отдавали и звали его, чтобы он шел на поклон, но оный, услышав *такое всклепанное имя*, поопасся идти к злодейке, сказав притом, что эта женщина плутовка и обманщица, а сам старался из оных мест уехать, чтобы не подвергнуть себя опасности». Орлов, исполняя приказ государыни, хотел отправиться в Рагузу с эскадрой, чтобы потребовать от тамошнего сената, хорошо знавшего решительность действий русского графа, выдачи самозванки, живущей под покровительством республики, и в случае отказа бомбардировать город. «Если слабое мое здоровье дозволит на корабле ехать,— писал он императрице,— то я не упущу сам туда отправиться, чтобы таковую злодейку постараться всячески достать». Но вскоре он узнал, что ее с начала ноября в Рагузе более нет.

XX

Еще в августе 1774 года в Рагузе были получены неприятные для тамошней компании известия. Мобюссон, агент князя Радзивила во Франции и Германии, уведомлял, что какие-то письма «пане коханку» вскрыты в Австрии и замыслы его сделались известными. Пришло верное известие о заключении мира между Россией и Турцией. Газеты возвестили о поимке Пугачева. Напрасно принцесса продолжала настаивать, что все это неправда, что это ложные известия, которые с умыслом распускаются ее врагами; наконец и она должна была увериться: во всех европейских газетах напечатаны были известия о мире и совершенном подавлении пугачевского бунта. Ко всему этому в Рагузе оказалось совершенное безденежье и совершенная невозможность отыскать новые денежные средства. Радзивил принцессе денег не давал, у него самого их не было. Обеды графини Пиннеберг прекратились. Ее венецианский гофмаршал, барон Кнорр, и англичанин Монтегю напрасно искали денег у банкиров. Кнорр достал только двенадцать червонцев, с ними отправился в Оберштейн, везя письмо принцессы к Горнштейну, от которого она требовала полторы тысячи червонцев. Но и там денег не нашли.

«Горнштейн не хочет иметь с вами никакого дела»,— писал ей Кнорр. В Оберштейне между тем носятся самые неблагоприятные слухи о принцессе, возникшие вследствие полученных из Рагузы писем о любовных ее связях. Пылкой и никогда не сдерживавшей свою страстную натуру женщине в Рагузе было много соблазна. Там были и «Мосбахский незнакомец» Доманский и варварийский капитан Гассан; в одном из писем к князю Лимбургу она сама писала, что Радзивил у ног ее. Кроме того, целая толпа красивых офицеров польских и французских были к ее услугам. В разных газетах появились известия о любовных похождениях в Рагузе мнимой великой княжны.

Между тем князь Лимбург уединенно жил в Оберштейне, тоскуя по милой очаровательнице. Недостаток денег, а потом неблагоприятные для успеха его возлюбленной известия о Кучук-Кайнарджиском мире удержали его от поездки в Рагузу. Долгое молчание прелестной Алины сокрушало бедного князя. Он писал ей письмо за письмом, настоятельно советуя ей оставить свои замыслы и возвратиться в Оберштейн. Алина не отвечала.

Принцесса с нетерпением ожидала в Рагузе ответов от султана и от графа Орлова, еще довольно дружно живя с Радзивилом и французскими офицерами, а также с консулами французским и неаполитанским. Наскучив ждать, она 11 сентября написала новое письмо к султану, стараясь отклонить его от утверждения мирного договора, еще не ратификованного, и прося о немедленной присылке фирмана на проезд в Константинополь.

Принцесса и это письмо вручила князю Радзивилу для препровождения по назначению. Радзивил теперь прямо отказался исполнить ее желание, и между ними произошла открытая ссора. Неудачи последних двух месяцев, особенно же заключение Кучук-Кайнарджиского мира и охлаждение нового короля Франции к польскому делу, сильно поколебали неугомонного «пане коханку» и навели уныние на польско-французскую колонию в Рагузе. Ввиду суровой действительности приходилось покинуть обольстительные, блестящие мечты. Недостаток денег, секвестр литовских маетностей, обнаруженные в Австрии посредством перлюстрации политические замыслы Радзивила, появившиеся по этому случаю в газетах статьи,— все это чрезвычайно обескуражило «пане

коханку». Теперь он уже помышлял о промене своих литовско-польских имений на германские, чтобы, покинув отечество, сделаться князем Римской империи не по одному титулу, которым Радзивилы пользовались уже более двух веков [1], но и по владетельным правам [2]. Приезжавшие в Рагузу из Парижа гости также советовали ему бросить несбыточные замыслы и поселиться в Германии. Бросая политическую интригу, он должен был бросить и созданную этой интригой наследницу всероссийского престола. Поэтому «пане коханку» и отказал ей решительно в отправке нового письма к султану, не делая однако еще совершенного с ней разрыва. Принцесса была больна: ее кипучая деятельность, ее неумеренность в чувственных наслаждениях, огорчения, неудачи — все это расстроило до крайности небогатое ее здоровье. Еще в Венеции открылись у ней несомненные признаки чахотки, морское путешествие в Рагузу еще более расстроило ее здоровье. Она бодрилась, шутила над болезнью, но болезнь брала свое. Принцесса сделалась раздражительна. После сцены с Радзивилом по поводу отказа его отправить письмо в Константинополь она пришла в отчаяние и несколько дней провела в постели, упрекая Радзивила и жалуясь на него окружающим. «Пане коханку», чтоб утешить больную, дал ей слово послать письмо к султану. Но, отправив его, по-прежнему известил своего поверенного, чтобы он присланный пакет оставил у себя. Таким образом, ни султан, ни министры Порты не получили посланий, адресованных к ним искательницей русской короны.

Несогласие Радзивила с принцессой увеличивалось с каждым днем. Немало содействовали тому распространявшиеся слухи о любовных связях мнимой великой

---

[1] Германский император Карл V еще в 1547 году возвел Радзивилов в княжеское Римской империи достоинство с титлом герцога Олыкского (herzog von Olyka) для старшего в роде, которым в описываемую эпоху пользовался князь Карл. Радзивилы первые из невладетельных фамилий получили княжеское достоинство Римской империи, если не считать Чарторыйских (получили княжеское Римской империи достоинство в 1433 г.), имевших это достоинство по праву происхождения от Гедимина.

[2] Во время пребывания князя Карла Радзивила в Рагузе, младший брат его, князь Иероним, сватался к родственнице князя Лимбурга, принцессе Гогенлоэ-Бартенштейн, причем предполагался промен Лимбургских и Бартенштейнских владений на мастности Радзивилов в Литве. Ни брак, ни промен не состоялись.

княжны. Французские офицеры, бывшие в Рагузе, получили о ней из Парижа невыгодные известия. Там уже считали ее искательницей приключений. Несмотря на то Радзивил и находившиеся в его свите еще оказывали принцессе глубокое почтение, относясь к ней как к дочери императрицы. К этому, по всей вероятности, времени относится посещение Рагузы русским майором, который, как мы уже видели, сообщил графу Алексею Орлову, что находившиеся там французы и поляки считали самозванку за великую княжну, предлагали ему представиться ей, и что когда он стал называть ее обманщицей, то должен был поскорее оставить Рагузу, дабы избегнуть самых неприятных последствий.

Принцесса не унывала. В письме от 21 сентября она сильно жаловалась князю Лимбургу на резкое обращение с ней Радзивила, но уверяла своего жениха, что успех ее предприятия не подлежит сомнению, что Порта держит ее сторону, что успехи партии ее в России блистательны, и что она, для довершения этих успехов, входит в сношения с королем шведским. Действительно, в начале октября она послала к Горнштейну письмо на имя короля Густава, прося отправить его по назначению. Вместе с тем послано было ею письмо к русскому канцлеру графу Панину. Принцесса, по-видимому, была уверена, что Панин, как один из недоброжелателей Екатерины, не замедлит принять ее сторону. Она начинает письмо заявлением уверенности своей в том, что предприятие ее будет встречено графом с сочувствием, и что успех ее может отвратить перуны, готовые поразить его. «Вы в Петербурге,— писала она,— не доверяете никому, друг друга подозреваете, боитесь, сомневаетесь, ищете помощи, но не знаете, где ее найти. Можно найти ее во мне и в моих правах. Знайте, что ни по характеру, ни по чувствам я не способна делать что-либо без ведома народа, не способна к лукавству и коварной политике, напротив, вся жизнь моя будет посвящена народу. Знайте и то, что до последней минуты жизни я буду отстаивать права свои на корону». О заключенном с турками мире она замечает русскому канцлеру: «Не стану говорить о заключенном мире, он сам по себе весьма непрочен; вы не знаете того, что́ я знаю, но благоразумие заставляет меня молчать». В заключение она изъявляет готовность *возвратиться* в Петербург, но с условием,

чтоб о приезде ее никому не было известно и чтоб она была безопасна. «Если я не скоро явлюсь в Петербурге, это будет ваша ошибка, граф»,— прибавила принцесса и просила его прислать кого-нибудь в Кобленц, где посланный узнает ее адрес. Вероятно, она разумела Горнштейна, который, зная о пребывании ее в Рагузе, мог сообщить адрес ее агенту Панина, если бы тот прислал его.

Судьба писем к королю шведскому и русскому канцлеру была одинакова с судьбой писем к султану. Осторожный Горнштейн не отправил их и уведомил о том князя Лимбурга. С самою принцессой он еще прежде прервал переписку.

В октябре курьер привез письмо к Радзивилу из Константинополя: мир ратификован. Радзивил, видя, что планы его окончательно рушились, решился возвратиться в Венецию. С принцессой произошел у него совершенный разрыв. Созданная польскою интригой, самозванка теперь была не нужна ей. Радзивил бросил завлеченную в сети поляков и иезуитов женщину на произвол судьбы, объявив ей на прощанье, что и второе письмо ее к султану не было отправлено. Свита Радзивила изменила обращение с принцессой: ей более не оказывали великокняжеских почестей, над ней подсмеивались, даже в лицо говорили дерзости. В газетах появились корреспонденции из Рагузы, где рассказывались любовные похождения принцессы; корреспонденции эти не могли принадлежать никому другому, кроме французских и польских офицеров, которые еще так недавно оказывали ей царские почести. Французское правительство, изменившее по заключении Кучук-Кайнарджиского мира политику относительно России, послало запросы в Оберштейн относительно таинственной незнакомки. Такие же запросы приходили туда и от других дворов. Наконец Версальский кабинет публично отрекся от всякого участия в действиях самозванки, и де-Риво не мог держать ее долее в доме французского консульства в Рагузе. Радзивил уехал в Венецию. «Великая княжна» осталась одна, без всяких средств.

XXI

Князь Лимбург все еще любил очаровательную Алину. Его страсть не охладела ни от беспрестанных измен, ни от скандалов, передаваемых на весь мир посредством

газет, ни от неприятных столкновений с правительствами сильных держав, требовавших объяснений о загадочной женщине, так долго гостившей у него в Оберштейне. Даже распространившийся слух о намерении ее выйти замуж за какого-то ничтожного польского шляхтича не поколебал привязанности к ней князя Лимбурга. В то время, как князь Радзивил бросил «великую княжну» в Рагузе на произвол судьбы, князь Лимбург, еще не зная о плачевной участи своей возлюбленной, писал к ней (от 30 октября) письмо, в котором, напомнив обо всех ее проделках, обвинял ее, что она совершенно расстроила его состояние, навлекла на него презрение всей Европы, так как близкие его к ней отношения сделались всем известными и заставили Версальский кабинет публично отречься от всякого участия в ее действиях. Далее князь Лимбург писал, что ему представлялись весьма выгодные партии, на которые он, по причине связи с нею, не мог изъявить ни согласия, ни отказа, и что до него наконец дошли слухи, что она находится с кем-то в связи и даже располагает выйти замуж. «Я нисколько не думаю мешать вашему счастию,— прибавлял князь,— если только желания ваши согласны с честию; впрочем, если вы готовы отказаться от своего прошлого и никогда не будете поминать ни о Персии, ни о Пугачеве, ни о прочих такого же рода глупостях, то есть еще время вернуться ко мне в Оберштейн». Но письмо это не застало уже принцессы в Рагузе. Она села на корабль возлюбленного своего Гассана через четыре дня по отъезде Радзивила. Князь Лимбург, не получив ответа на свое послание, полагал, что возлюбленная его находится в Рагузе, и написал к ней туда (20 декабря) новое письмо, адресуя его, как и прежнее: «Ея высочеству принцессе Елизавете». В этом письме он отказывался от всяких на нее прав, так как она надеялась найти счастие в браке с другим, но обещал сохранить к ней непоколебимую дружбу, вполне уверенный, что она его не опозорит. Вместе с тем князь передавал ей, что газеты дозволяют себе унизительные и постыдные выражения о сношениях ее с «Мосбахским незнакомцем», о котором он узнал от его же земляков (поляков), живущих в Пфальце. «Впрочем, я готов допустить,— поспешил оговориться князь,— что и в низших слоях общества можно встретить людей, заслуживающих уважения, и так

как избранный вашим сердцем едва ли имеет доказательства на дворянское происхождение, нужные для пожалования его большим крестом ордена «de l' Ancienne Noblesse», то я намерен дать ему другой орден, освободив его от платежа установленной пошлины в 300 червонцев. Да послужит это вам доказательством, что я желаю остаться вашим другом. Хотя меня со всех сторон уговаривали жениться, но я этим советам не последовал». Из тона этого письма ясно видно, что князь Лимбург писал его под влиянием сильного душевного волнения и досады на свою «милую Алину», которая предпочла князю священной Римской империи безвестного шляхтича Доманского [1]. Он любил ее, кажется, попрежнему, и хотя намекал в письме, что счастие зависит не от высокого звания (какое она приняла), а от непорочности (от которой она далека), хотя заявлял, что он равнодушно смотрит на различные наименования, какие она принимала, но заключил свое послание уверением, что до самой смерти не перестанет любить ни с кем не сравненную, милую Алину.

Через три дня князь Лимбург снова писал к своей возлюбленной, решившись, кажется, прервать с ней всякие сношения, которые его скомпрометировали, помешали выгодно променять Стирум на радзивиловские имения в Литве и расстроили брак его родственницы с князем Иеронимом Радзивилом. Вероятно, для того, чтобы перо не изменило ему при воспоминании о страстно любимой женщине, он поручил написать письмо доверенному своему Гальйо. Оно заключается в одних упреках ее безумию, ее чрезвычайному легкомыслию и неосторожности в переписке, которая могла быть прочтена и послужить поводом к ее обвинению как со стороны поляков, так и со стороны властей. Гальйо именем князя

---

[1] Ни Доманский, ни Чарномский не принадлежали к настоящим дворянским польским родам. Эти фамилии, с десятками тысяч других подобных дворянских польских фамилий, получили свое начало в XVIII столетии, когда магнаты вроде «пане коханку» своих лакеев, конюхов, псарей и т. п. прислугу возводили в шляхетское достоинство и таким образом образовали чуть не третью долю нынешнего дворянства Российской империи. Настоящих старинных польских дворянских родов только 877, а теперешних шляхетских родов по меньшей мере 80 тысяч. Все они влекут благородное свое происхождение из кухни, из псарни, из лакейской, в которых на службе ясновельможных панов подвизались их деды и даже отцы.

умолял ее как можно скорее сыскать себе надежное убежище в Италии или Германии, прибавляя, что она всегда может рассчитывать на участие князя и возвратиться к нему *как к отцу*, но ни в каком случае не должна рассчитывать на его деньги.

Этим прекратилась переписка князя Лимбурга с его Алиной.

XXII

Видя замыслы свои разрушенными, покинутая поляками, принцесса все-таки не хотела отказаться от принятой роли. Она пришлась ей по вкусу. «Всклепавшая на себя имя» вздумала достичь русского престола при помощи Ватикана, обещая за то не только сама принять римско-католическую веру, но и ввести ее в России. Она на первый раз надеялась получить посредством этого хорошие деньги, с которыми намеревалась отправиться в Константинополь и оттуда, при помощи турецкого правительства, действовать на Россию посредством воззваний. Мирные отношения, возникшие между Портой и Россией, ее не смущали. Писав к графу Панину, что заключенный мир непрочен, она писала по искреннему убеждению. В это время в Европе многие не верили в его прочность, и поляки, как жившие в Турции, так и бывшие членами генеральной конфедерации, энергически действовали для побуждения Порты произвести новый разрыв с Екатериной и начать новую войну. Мир действительно был непрочен.

Из свиты князя Радзивила только три поляка остались при «великой княжне» в Рагузе: Чарномский [1], на-

[1] Чарномский, один из деятельнейших членов польской генеральной конфедерации, еще в 1768 году находился в переписке с Бениславским, Красинским и Потоцким. В 1769 году он перешел с конфедератами из Польши через австрийскую границу и был посылаем Потоцким к сераскиру турецкому и к крымскому хану с просьбой о помощи. Затем он явился в Париже и здесь близко сошелся с Потоцким, который с того времени был постоянным его покровителем, и с Красинским. В феврале 1774 года он был в Вероне у Потоцкого, в мае этого же года Потоцкий и Путкамер уполномочили его вместе с Каленским (официальным агентом польской конфедерации в турецком лагере) побуждать турок к поданию помощи полякам. При этом велено было ему посоветоваться с князем Радзивилом, находившимся в Венеции и собиравшимся в Константинополь. Потоцкий вручил ему формальные письма конфедерации, за подписями Красинского и Паца (подписаны 15 апреля 1774 года), на имя султана и верховного

меревавшийся ехать с нею в Константинополь, где надеялся сделаться официальным агентом конфедерации; Ганецкий, бывший иезуит, имевший обширные знакомства в Риме, намеревавшийся провести ее к святейшему отцу и ввести в лоно римской церкви, и наконец — «Мосбахский незнакомец», Доманский, который не в силах был оставить прекрасную принцессу, в которую был страстно влюблен. Кроме того, у Чарномского и Доманского были и другие расчеты оставаться при «великой княжне»: они дали ей значительные суммы денег, в надежде на ее агатовые копи в Оберштейне, а еще более на сокровища русской короны. Чарномский, которого Потоцкий послал с официальным письмом к султану и верховному визирю от польской конфедерации еще в мае 1774 года, получил для исполнения возложенных на него в Турции поручений весьма значительную сумму денег. Эти-то деньги, по всей вероятности, и выманила у него принцесса. Без денег ему нельзя было ни ехать в Константинополь, ни воротиться к Потоцкому, в Верону: волей-неволей он был прикован к своей должнице. При следствии, произведенном в Петербурге фельдмаршалом князем Голицыным, Доманский дал показание, что самозванка была должна ему значительную сумму, которую отчасти он сам ей дал из своих денег, отчасти же занял в Рагузе, поручившись за нее.

визиря, и дал от себя рекомендательное письмо к последнему, равно как различные манифесты и другие бумаги. Потоцкий проводил его до Венеции. Здесь и сам Потоцкий и Чарномский, вместе с Радзивилом, представлялись принцессе, как было сказано. Решено было: Чарномскому отправиться вместе с Радзивилом в Константинополь; вместе с ним он и попал в Рагузу. В конце сентября 1774 г. князь Радзивил посылал Чарномского к Потоцкому в Верону, вероятно, для примирения с конфедерацией, так как у Радзивила с Потоцким возникли перед тем большие разногласия, и для получения чрез то денег, в которых Радзивил начинал нуждаться, а быть может, и для прекращения пронырств Каленского, воспрепятствовавшего высылке султанского фирмана на имя Радзивила. Составитель «Записки о самозванке», напечатанной в «Чтениях», говорит: «Не подлежит сомнению, что Чарномский просил Потоцкого о назначении его вместо Каленского официальным агентом конфедерации в Турции. Еще в Венеции, а еще более в Рагузе, он близко сошелся с принцессой, пользовался ее доверенностию и имел на нее большое влияние». В Константинополь он не попал: он взят был вместе с самозванкой; письмо к султану и другие бумаги были от него отобраны. Они находятся теперь при деле о самозванке.

Еще из Рагузы принцесса писала к Монтегю, что намерена достать неаполитанский паспорт и с ним пробраться в Турцию, что заключение мира чистая ложь, и что приверженцы ее в России (то есть Пугачев) одержали будто бы везде блистательные победы. «Радзивил один виновен в продолжительном и совершенно бесполезном пребывании в Рагузе,— писала она,— это замедление всех привело на край погибели». Неаполитанский паспорт она, действительно, успела достать, и с ним на корабле Гассана, в сопровождении Ганецкого, Чарномского, Доманского и одной только служительницы Францискн фон-Мешеде, «великая княжна Елизавета» переплыла Адриатическое море и вышла на неаполитанский берег в Барлетте. Отсюда она немедленно отправилась в Неаполь. Здесь она пробыла недолго, жила скромно, никуда почти не показывалась. Недостаток ли денег, усилившаяся ли от морской поездки болезнь, желание ли не возбуждать о себе толков были причиной такого несвойственного ей образа жизни,— наверное сказать нельзя. По всей вероятности, все сказанное вместе заставило расточительную принцессу отказаться на время от открытой и шумной жизни. В Неаполе принцесса познакомилась с английским посланником Гамильтоном и упросила его выхлопотать для нее с спутниками паспорты на проезд в Рим. Гамильтон обратился с просьбой о паспортах к неаполитанскому министру Тануччи и получил их в начале декабря. Получив их, принцесса немедленно оставила Неаполь.

В Риме она называлась польскою дамой знатного происхождения, но слух, что это русская «великая княжна», соблюдающая строжайшее инкогнито, немедленно распространился по городу. Спутники ее почему-то сочли нужным переменить фамилии: Чарномский стал называться Линовским, а «Мосбахский незнакомец» — Станишевским. Ганецкий сделался гофмейстером и капелланом и принимал имевших надобность до принцессы. Сама она вела себя чрезвычайно скрытно, не бывала ни в чьем доме, никому не показывалась, даже в карете ездила по городу не иначе, как с закрытыми стеклами. Аббат Рокотани в одном из писем своих (от 3 января 1775 года) в Варшаву к канонику Гиджиотти, с которым переписывался раз или два в неделю о польских делах, говорит следующее: «Иностранная дама польско-

го происхождения, живущая в доме г. Жуяни, на Марсовом поле, прибыла сюда в сопровождении одного польского экс-иезуита [1], двух других поляков и одной польской (?) служанки. Она платит за квартиру по 50 цехинов в месяц да 35 за карету; держит при себе одного учителя-поляка, приехавшего с нею, и одного итальянца, нанятого по приезде ее в Рим. Она ни с кем не имеет знакомства и ездит на прогулку в карете с закрытыми стеклами. На квартире ее экс-иезуит дает аудиенции приходящим». Во франкфуртских газетах появилась корреспонденция о переезде принцессы из Рагузы в Рим.

Кроме спутников, прибывших из Неаполя, «принцесса Елизавета» проводила время с духовными только лицами: экс-иезуитами Воловичем и Вонсовичем. Кроме того, часто бывал у нее итальянский доктор Саличетти. Здоровье ее было уже так сильно расстроено, что необходимо было серьезное лечение: она беспрестанно кашляла, и часто с ней случались лихорадочные припадки. Чахотка развивалась в ее организме, и смерть уже грозила принцессе. В Рагузе не было порядочных врачей. Приехав в Рим, она вздумала хорошенько заняться своим здоровьем и пригласила Саличетти, пользовавшегося в то время большою известностью. Скромная жизнь принцессы продолжалась однако недолго. Ганецкий, имевший, как мы уже упомянули, обширное знакомство в Риме, достал значительную сумму денег для овечки, которую надеялся привести из мрака греческой схизмы в ограду папской веры. На эти деньги принцесса повела привычную ей блестящую, роскошную жизнь. Серьезное леченье оставлено до поры до времени.

XXIII

Еще в сентябре 1774 года умер папа Климент XIV. Конклав продолжался. Уже несколько месяцев кардиналы сидели взаперти в Ватиканском дворце, избирая из среды своей самозванного Христова наместника. Это представляло сильное препятствие замыслам принцессы: ей нужно было видеться с папой, а папы не было. Даже

[1] Орден иезуитов незадолго перед тем был уничтожен папой, потому все члены сего славного своим лицемерием, коварством, злодеяниями и подлостями общества назывались тогда экс-иезуитами.

ни к одному из кардиналов доступ был невозможен. Джиованни-Александро Альбани, кардинал-протектор королевства польского, был деканом священной коллегии, и по Риму ходили положительные слухи, что выбор остановится на нем. Принцесса послала с Доманским письмо к этому молодому кардиналу [1], в котором просила назначить ей время для свидания, но так, чтоб это осталось неизвестным для публики. Доманский не мог пробраться к кардиналу. Тогда принцесса послала в Ватикан Ганецкого, надеясь, что ему, как лицу духовному и притом имевшему большие связи в папской столице, будет несравненно удобнее пробраться к запертому кардиналу, чем «Мосбахскому незнакомцу». Посылая Ганецкого, она приказала ему во что бы ни стало добиться для нее у Альбани дозволения видеться с ним в конклаве. Напрасно уверяли принцессу, что это невозможно, что кардиналы до избрания папы заперты, что даже к окну конклава не могут приблизиться самые знатные дамы. «Если так,— отвечала принцесса,— сегодня же достать мужское платье; я в нем сама проберусь к кардиналу». Едва успели уговорить ее оставить такое намерение, представляя всю опасность, которой может она подвергнуться, если узнают об этом переодеванье.

В день нового 1775 года Ганецкому удалось пробраться к одному из окон тех апартаментов Ватикана, в которых заключен был кардинал Альбани. Он передал ему записку от «принцессы Елизаветы». Она извещала кардинала о своем приезде в Рим. Альбани сказал, чтобы Ганецкий обратился к аббату Рокотани, человеку к нему приближенному и занимавшемуся тайною перепиской с Варшавой. Января 3 Рокотани, конечно, по приказанию кардинала, получил от римской полиции извещение, что в доме Жуяни, на Марсовом поле, живет знатная польская дама, недавно приехавшая в Рим, и в тот же день принесли ему приглашение на вечер к графине Пиннеберг. Аббат не замедлил воспользоваться приглашением.

Ганецкий и Станишевский (Доманский) представили аббата графине и немедленно удалились. Они остались

---

[1] Альбани в это время было уже 54 года,— возраст довольно молодой для кандидатства в святейшие отцы. Он сделался кардиналом еще в 1747 году, то есть будучи только двадцати семи лет от рождения.

вдвоем. «Между нами,— пишет Рокотани,— начался оживленный разговор о политике, об иезуитах (орден которых был уничтожен покойным папой); о них графиня отозвалась не слишком благосклонно, впрочем, говорила больше всего о польских делах».— «Долго ли вы намерены оставаться в Риме?» — спросил графиню аббат.— «Не знаю,— отвечала она,— я бы желала лично познакомиться с кардиналом Альбани, который, без сомнения, будет папой, но боюсь, что конклав еще надолго замедлится, а состояние моего здоровья не дозволяет мне долго оставаться в Риме». Аббат был обворожен умом и обращением графини. Уходя, он встретился с доктором Саличетти, сообщившим ему, что здоровье графини чрезвычайно расстроено.

Принцесса вручила аббату письмо к кардиналу Альбани. В нем спрашивала его, может ли она во всем довериться Рокотани, сказать ему о своем высоком происхождении и о своих намерениях. При этом она заметила, что положение ее требует самой строгой тайны, что приезд ее в столицу римского католичества может иметь весьма важное для ватиканского двора последствие, ибо ей предназначена провидением корона великой империи, не только для благоденствия многочисленных отдаленных от Рима народов, но и для блага церкви. Кардинал был чрезвычайно заинтересован этим письмом и отозвался об аббате Рокотани, как о человеке, заслуживающем совершенного ее доверия. Записка эта была составлена самим Рокотани, и вечером 6 января он лично передал ее принцессе. Но она была больна и не могла беседовать с аббатом. Доманский и доктор сказали ему, что весь день пролежала она в постели, изнуряемая сильным кашлем и лихорадочными припадками. Чахотка развивалась в ней. На другой день (7 января) поутру Рокотани снова явился к принцессе. Она объявила ему, что оставила прежние планы ехать в Константинополь и из Турции действовать посредством преданной ей партии в России; но решилась отправиться в Польшу, чтобы в Варшаве, соблюдая строжайшее инкогнито, повидаться с королем Станиславом Августом. «В России,— сказала она между прочим аббату,— недавно умер мой наместник (она разумела, конечно, Пугачева, казненного через несколько дней после этого разговора), но я возьму часть своего войска для конвоирования и проеду в

Константинополь. Я очень больна, но если провидению угодно сохранить дни мои, я достигну престола и восстановлю Польшу в прежних ее пределах,— восстановлю прежде, чем исполнится полгода. Екатерине отдам прибалтийские провинции с Петербургом, с нее будет и этого довольно». Разговорившись о польской конфедерации, принцесса неодобрительно высказалась о князе Карле Радзивиле. «Я его уговаривала помириться с королем Станиславом Августом,— сказала она,— но он меня не послушался, и я в том не виновата, что он остается в раздоре с королем; Огинского успела же я помирить с его величеством» [1]. Этот разговор до такой степени обворожил аббата, что, как сам он пишет, кардинал Альбани должен был обратить его внимание на несообразность в некоторых словах принцессы.

Несмотря на то, что принцесса так сильно увлекла аббата необыкновенным умом своим и любезностью, хитрый итальянец сначала думал, что она изыскивает только средства для получения денег и, рассказывая о русской короне, о своих владениях в Германии, об агатовых копях в ее Оберштейне, думает об одном: как бы половчее да поскорее выманить у кардинала денег. Но патер Лиадей, служивший некогда офицером в русском войске, утверждал положительно, что он знает принцессу. «Я помню ее,— говорил он,— я видал ее в Зимнем дворце на выходах; ее прочили тогда за голштинского принца, двоюродного брата тогдашнего наследника, а после перемены правительства в 1762 году все говорили, что она уехала в Пруссию». Рокотани вполне поверил Лиадею и сделался ревностным приверженцем принцессы. И она с ним сблизилась: неоднократно жаловалась она аббату на лиц своего придворного штата. Она исключала только Станишевского, то есть Доманского: его она очень хвалила. Вскоре Рокотани заметил нежные отношения искательницы русского престола к этому молодому, страстному человеку. Однажды он, сидя у аббата, распространялся об уме, любезности и красоте принцессы, об ее богатстве и связях, и сказал, что дал ей клятву сопровождать ее повсюду. При этом он дал почувствовать, что со временем, если предприятие

---

[1] Огинский действительно в это время, примирившись с королем, уже воротился в Польшу, но посредничество самозванки, конечно, ее выдумка.

принцессы увенчается успехом, ему самому предстоит одно из самых значительных положений в свете. В заключение он высказал аббату желание свое посоветоваться о своем положении с кардиналом Альбани. Рокотани именем кардинала отклонил это, советовал от себя молодому человеку не увлекаться, указывал ему на бедствия, которым он легко может подвергнуться, если свяжет судьбу свою с судьбой этой женщины.

На следующий день, 8 января, Рокотани опять был у принцессы. Она вручила ему письмо к кардиналу и для сведения копию с писем своих к султану и графу Орлову, не говоря, что до владыки Оттоманской империи ее послания не дошли. В письме к кардиналу, после длинных комплиментов талантам и мудрости его, она выразила соболезнование к несчастному положению Польши. «Оно давно было бы улучшено, если бы в Рагузе не расстроили моих планов. Как скоро я достигну цели, как скоро получу корону,— писала она,— я немедленно войду в сношения с римским двором и приложу все старания, чтобы подчинить народ мой святейшему отцу. Только вам одному решаюсь сообщить эту заветную тайну. Примите в уважение опасное положение, в котором я нахожусь, и поймите, насколько я нуждаюсь в ваших советах и помощи. В настоящую минуту, когда я во что бы то ни стало должна ехать в Польшу, а оттуда в Россию, у меня, к сожалению, недостает наличных денежных средств. Но я не теряю надежды и утешаю себя мыслию, что ваше высокопреосвященство будете избраны в папы».

На другой день, 9 января, принцесса через аббата Рокотани получила ответ кардинала. Он писал, что его чрезвычайно занимает все высказанное ею как о Польше, так и о римско-католическом исповедании. «Провидение будет руководить вашими благими намерениями, и если правда на вашей стороне, вы достигнете своей цели»,— прибавил к этому кардинал.

Кардиналу желательно было обстоятельно узнать о правах навязавшейся на знакомство с ним русской «великой княжны». Поверенный его аббат сообщил об этом Елизавете, и она обещала доставить копию с духовного завещания своей матери. При этом она показала Рокотани письма к ней князя Лимбурга и министра Горнштейна. Казалось бы, сватовство князя, о котором гово-

рилось в этих письмах, не имело никакого отношения до притязаний ее на императорскую корону, но у нее умысел другой тут был, как увидим впоследствии. «Непременным условием предложенного мне брака с князем Римской империи,— сказала при этом принцесса аббату Рокотани,— поставляли мне переход в римско-католическую веру, но публично отречься от греческого исповедания в моем положении все равно, что отречься от прав на русский престол. Если я буду иметь счастие победить врагов моих и получу похищенную у меня корону, непременно заключу конкордат с римским двором и употреблю все возможные для меня средства, чтобы русский народ признал власть римской церкви. Но для успеха дела намерение мое должно быть скрыто от всего света». То же самое писала она и кардиналу. Января 14 принцесса послала к нему обещанную копию с известного уже нам духовного завещания Елизаветы Петровны и писала: «Наконец я решилась объявить себя из Польши и еду в Киев. Преданные нам войска всего в 50 милях от этого города, и я отправлю их на помощь королю Станиславу Августу. Прежде я долго колебалась: мне казалось удобнее ехать через неаполитанские владения до Тарента, переехать море, высадиться в Албании и оттуда сухим путем пробраться в Константинополь, ибо теперь вся Европа обратила взоры на Турцию, но я убедилась, что ехать через Польшу будет выгоднее». В конце письма принцесса, будто мимоходом, упомянула о надежде занять у графа Ланьяско, посланника Трирского курфирста, до семи тысяч червонцев и просила кардинала замолвить за нее словечко при свидании с этим посланником. Для этого-то, вероятно, искательница короны, денег и приключений и показывала аббату Рокотани дружескую переписку свою с трирским конференц-министром.

XXIV

Разорвав связи с конфедератами, принцесса, по-видимому, приняла намерение действовать в союзе с другими поляками, с теми, что держали сторону короля Понятовского, и во что бы то ни стало хотела добиться свидания с Станиславом Августом. Зная, что он крайне недоволен разделом Польши, она не сомневалась, кажется,

что король и магнаты воспользуются ею, выставят ее против оставшейся без надежных союзников Екатерины и, произведя таким образом в России замешательство, восстановят прежние пределы Речи Посполитой. Екатерина действительно не имела тогда искренно расположенных к ней союзников. Венский кабинет сильно досадовал на скорое и притом без его посредства заключение Кучук-Кайнарджиского мира; свободное плавание русских кораблей по Черному морю и Архипелагу и независимость кубанских татар, особенно же Крыма, установленные этим миром, немало беспокоили Австрию, ибо она видела, что это ведет к преобладанию России на юге, к явному ущербу государства Габсбургов. Император и прусский король ничего так не желали, как ослабления России, принимавшей грозное положение. Версальский кабинет еще более досадовал на Екатерину за то, что не удались его козни против России. Султан, возбужденный французами к войне с Екатериной, хотя и поспешил заключить невыгодный для себя мир, но Порта считала этот мир кратким перемирием. Испания последовала за Францией; а шведский король мечтал о балтийском прибрежье и желал отмстить за Полтаву. Одни только англичане, желавшие усилить свою торговлю с Россией, из расчета держали нашу сторону.

Как ни блистательны были военные действия екатерининских орлов, как ни громки были победы их, как ни много наделали они шума по всей Европе, однако все хорошо понимали, что внутренние силы России крайне истощены. И действительно, беспрерывные рекрутские наборы изнурили народ, весь цвет его был отвлечен от сохи и промыслов. Пугачевщина и другие внутренние волнения, беспрестанные пожары, от которых гибли тысячи селений и выгорали целые города, не сообразные с силами податного состояния налоги довели страну почти до нищеты, которую не трудно было заметить сквозь покрывало блеска, славы и роскоши, которое искусная рука Екатерины набрасывала на положение дел. Самое войско, столь грозное для внешних и внутренних врагов, было далеко не в блестящем виде. Дурно одетое, полуголодное, оно страдало от казнокрадства начальников, которому не было пределов. Если Петербург и ликовал при известиях о блистательных победах русского войска, то внутри России, в самой даже Москве

мало тому радовались. Недовольство росло с каждым днем. Такое положение дел в России было известно «великой княжне Елизавете». Со всех сторон она получала о том сведения, по всей вероятности, даже преувеличенные. По свойству своего характера, она, на основании этих известий, вообразила, что теперь, при помощи Польши и других европейских держав, ей легко будет сделаться всероссийскою императрицей. Но она не знала того, что поляки, доставлявшие ей сведения о положении России, скрывали положение своего отечества, находившегося еще более в бедственном состоянии, чем Россия. Она не знала, что, посредством своих посланников и штыков своих солдат, Екатерина распоряжается в Польше, как у себя дома. Без Екатерины Понятовскому никогда бы не владеть короной Сигизмундов и Батория, без ее помощи эта корона давно бы слетела с головы его, и, конечно, если бы до императрицы дошли теперь сведения, что он принимает участие в химерических замыслах «всклепавшей на себя имя», он бы ранее положенного судьбой срока лишился государства.

Но этого и в голову не приходило принцессе. Она искала знакомства с польским резидентом в столице католичества, маркизом д'Античи. Сначала он уклонялся от свидания с нею, ссылаясь на свое официальное положение, но аббату Рокотани удалось убедить его познакомиться с претенденткой. Января 16 назначено было свидание в церкви Santa Maria degli Angeli. «Великая княжна» рассказала маркизу о судьбе своей, о плане и намерениях, и он пришел в восхищение от необыкновенного ее ума и любезности. Она просила д'Античи дать ей рекомендательное письмо к королю польскому, но резидент отказался; голосом холодного рассудка советовал он восторженной до экзальтации красавице оставить химерические намерения. Он доказывал ей несбыточность ее планов и сказал, что, нимало не сомневаясь в царственном ее происхождении, он полагает, однако, что борьба ее с Екатериной немыслима и что в ее положении лучше всего отыскать надежное убежище, в котором бы могла она безмятежно продолжать жизнь свою. Не понравился принцессе добрый совет маркиза, она написала к нему письмо, исполненное блистательнейшими для Польши политическими соображениями, и обещала золотой век этой стране, если достигнет короны. Польский рези-

дент отвечал принцессе в том же смысле, как говорил в церкви св. Марии, и настоятельно советовал скорей удалиться в скромное уединение и тем избегнуть вредных последствий, которые он считал неизбежными, если она не покинет своих замыслов. После того она написала к маркизу письмо, в котором говорила между прочим следующее: «В последнее свидание наше я нашла в вас столько благородства, ума и добродетели, что по сию пору нахожусь в океане размышлений и удивления... Но вчера ввечеру получила я множество писем, адресованных ко мне в Рагузу, и в то же время получила известие, что мир не будет ратификован султаном; невозможно вообразить, какие смятения царствуют теперь в Порте. Я намерена обратиться с известным нам предложением к Польше и с тою же целью пошлю курьера в Берлин к королю Фридриху. Для себя я ничего не желаю: хочу достичь одной славы — славы восстановительницы Польши. Средства к этому у меня есть, и я не замедлю доставить его величеству королю Станиславу Августу эти средства для ведения войны против Екатерины. Как скоро он поднимет оружие, русский народ, страдающий под настоящим правлением и вполне нам преданный, соединится с польскими войсками. Что касается до короля прусского, это мое дело: я на себя принимаю уладить с ним соглашение. Курьер, которого я отправляю в Константинополь, поедет через Европу и завезет письмо мое в Берлин. Сама я поеду отсюда также в Берлин и повидаюсь с королем прусским. Во время путешествия до Берлина мне будет достаточно времени подумать о моих депешах, которые король Фридрих получит до прибытия моего в его столицу. Из Берлина поеду в Польшу, оттуда в польскую украйну, там и неподалеку оттуда стоят преданные нам русские войска. Здесь никто не будет подозревать, куда я отправляюсь, все будут думать, что я поехала в Германию, в тамошние мои владения. Какой бы оборот ни приняли дела мои, я всегда найду средства воспрепятствовать злу. Небо, нам побороающее, доставит успех, если будут помогать нам; если же я не увижу помощи, оставлю все и устрою для себя приятное убежище». Через день маркиз д'Античи отвечал ей: «Позвольте предложить вам избрать то самое намерение, какое вы высказали в письме вашем ко мне: оставьте всякие политические замыслы и удалитесь в

приятное уединение. Всякое другое намерение для людей благомыслящих покажется не только опасным, но и противным долгу и голосу совести, оно может показаться им химерическим или по крайней мере влекущим за собой неизбежные бедствия». При свидании маркиз, кажется, прямо сказал ей, что ни король, ни Речь Посполитая ни в каком случае не согласятся принять участие в ее замыслах. Принцесса долго не отвечала на письмо д'Античи. Слишком через две недели (а в это время, как увидим, у нее уже созрели иные замыслы) она отвечала ему (5 февраля 1775 года), благодарила за совет, хвалила его благоразумие, проницательность, извинялась, что беспокоила его, и обещала удалиться в Германию.

Маркиз д'Античи вежливо поздравил ее с таким решением. Принцесса хитрила; она хотела, чтобы польский резидент уверился сам и передал в Польшу, что она решилась уединиться в Оберштейне, между тем как она влеклась по другому пути, приведшему ее к гибели.

XXV

Получив денежные средства, принцесса стала вести в Риме жизнь роскошную, хотя обширных знакомств и избегала. Штат ее увеличился: у нее находилось всякого рода служителей более шестидесяти человек. О ней сильно заговорили в Риме; таинственность, которою принцесса старалась до известной степени окружить себя, только усиливала разнообразные о ней толки. Простолюдины, которым она бросала деньги с истинно царскою щедростью, более всего разглашали, что в папской столице нашла приют русская великая княжна, изгнанница из своего отечества, имеющая право на престол великой северной империи. В те дни, когда усиливавшаяся с каждым днем чахотка позволяла принцессе выезжать, она обозревала картинные галереи и памятники классической архитектуры, которыми так богат Рим. По отзыву Рокотани, несколько раз сопутствовавшего ей при обозрении римских достопримечательностей, она сама прекрасно рисовала и имела обширные познания в архитектуре. Дóма она собирала вокруг себя небольшой кружок близких к ней людей, и в это время разговоры о политике перемешивались с милыми, остроумными салонными разговорами, с исполнением замечательными

артистами разных музыкальных пиес; сама принцесса прекрасно играла на арфе и каждый раз доставляла гостям своим случай восхищаться ее поистине высоким редким искусством.

Деньги как вода утекали из рук расточительной принцессы. Мы уже не раз говорили о непомерном, не знавшем никаких пределов мотовстве ее, мотовстве, о котором разорившийся ради ее прелестей князь Лимбург не без горького чувства замечал, что всех сокровищ Персии не достанет на удовлетворение всех прихотей его возлюбленной. Средств вскоре оказалось недостаточно. Граф Ланьяско, трирский посланник, ссудил ее только 50 червонцами. Приближенные набирали для нее взаймы деньги по мелочам. На Ганецкого, занимавшего деньги на короткие сроки, поступило взыскание, и он, боясь личного задержания, принужден был скрываться от заимодавцев. Тогда экс-иезуит стал обращаться с принцессой резко и вместе с собратом своим по ордену Иисусову, Воловичем, распускать слухи об ее любовных похождениях и даже выражать сомнение в действительности царственного ее происхождения. Она прогнала от себя иезуитов, и Ганецкий отдал ее в руки ростовщиков.

Главным источником доходов принцессы в это время служила продажа орденов: даже сам Ланьяско, судя по письму его, дал 50 червонцев за орден. Находясь в самых критических обстоятельствах, принцесса обращалась с просьбой о займе шести или семи тысяч червонцев то к графу Ланьяско, то к маркизу д'Антични, то к кардиналу Альбани, но отовсюду получала отказы, хотя и вежливые. Положение ее сделалось крайне затруднительно. И вдруг нежданно-негаданно, в то самое время, как заимодавцы начали уже принимать относительно графини Пиннеберг полицейские меры, является к ней осторожнейший из римских банкиров, англичанин Дженкинс и предлагает ей кредит безграничный.

Недели через две по прибытии в Рим, тщетно отыскивая средств достать денег, принцесса вспомнила об английском посланнике Гамильтоне, который с такою любезною предупредительностью выхлопотал ей в Неаполе паспорт. Она вздумала попросить у него семь тысяч червонцев и для подкрепления своего кредита посвятила его в свои тайны. Декабря 21 послала она к нему длинное письмо, из которого мы сделаем некоторые

извлечения: «С первого взгляда на вас, вы показались мне таким благородным, таким образованным человеком, что я невольно почувствовала к вам глубокое уважение, и теперь, нимало не сомневаясь в вашей скромности, решаюсь с вами совершенно откровенно говорить. Не думайте легко о моих предприятиях, помните, что небо, посылающее в иных людях бичей рода человеческого, посылает и таких, которые делаются утешением людей. Я долго колебалась, начинать или не начинать мне предприятие, наконец решилась. Прочтите короткий очерк обстоятельств, приведших меня в здешние края, и изложение причин, побуждающих меня действовать, и тех оснований, которые, надеюсь, дают мне право обратиться к вам с покорнейшею просьбой о паспортах для отъезда в Турцию и рекомендательных письмах к венскому и константинопольскому посланникам английского двора». Далее принцесса рассказывает Гамильтону о Пугачеве (тогда уже привезенном на казнь в Москву), которого, однако, не называет своим братом, но казаком, мальчиком, вывезенным в Петербург Разумовским, сделавшимся пажом императрицы Елизаветы, получившим блистательное образование в Берлине и теперь предводительствующим преданною ей партией в России. Упомянув о ссылке своей в Сибирь, об отравлении ядом, о воспитании, полученном при персидском дворе, о предложении, сделанном шахом, она говорит о поездке своей в Европу и о решимости, по совету друзей, ехать в Константинополь и там искать покровительства у султана, для чего она и соединилась с князем Радзивилом в Венеции. «Перед отъездом из этого города в Рагузу,— продолжала она,— я познакомилась с Монтегю и воспользовалась советами его благоразумия и прекрасного сердца; он одобрил мои намерения и сделал мне все, что мог бы сделать родной брат. Мы приехали с князем Радзивилом в Рагузу. В ожидании султанского фирмана мы прожили там два месяца и, имея восемьдесят человек свиты, израсходовали все деньги, взятые на проезд. В это время получено было известие о мире, заключенном между Турцией и Россией. Это известие застало нас врасплох: еще за несколько недель перед тем я послала два письма к султану, копию с которых я прилагаю. Я колебалась между страхом и надеждой, настоятельно требовала скорейшей поездки в Константинополь; но де-

нежные средства были истощены, и приходилось выжидать время. Со всех сторон встречала я препятствия: морские непогоды, суровое время года, медленное доставление писем, которые недель по шести бывали в дороге; надо было решиться на что-либо другое. Князь Радзивил с своею огромною свитой, собранною из разных национальностей, которая ему больше вредила, чем была полезна, отправился в Венецию, а мне расстроенное здоровье несколько недель не дозволяло пуститься в море. Наконец я решилась ехать в Неаполь. Декабря 7 приехала я в Рим. Здесь дошли до моего сведения разные политические новости и в том числе о ратификации мира, и что Пугачев с каждым днем усиливается. Злые языки недоброжелателей распустили молву, перешедшую и в газеты, будто Пугачев взят, но мы имеем подлинные письма, уверяющие в противном». Затем принцесса поверяет Гамильтону предположения о дальнейших своих действиях, говорит, что намеревается проехать в Константинополь сухим путем через Венгрию, но замечает, что такое путешествие небезопасно: венгерский король Иосиф II находится в союзе с Екатериной, и, проезжая через его владения, она может быть открыта. «Это еще не беда,— замечает принцесса,— но зачем возбуждать любопытство и подвергаться излишним расходам?.. Я в Риме попусту теряю время, но как скоро достигну Константинополя, выйду из нерешительного положения, в которое поставлена благодаря коварной политике. Заключенный мир унизителен для Порты. Но я возбужу в ней стремление к спасению ее чести и к защите законных моих прав. Полагаю, что духовное завещание императрицы Елизаветы сохраняет свою силу. При сношениях с Портой я не забуду интересов вашего двора: ведь английская торговля в Леванте сильно подорвана мирным трактатом, подписанным великим визирем. Заклинаю вас, милорд, сделайте для меня все, что для вас возможно, и верьте, что на всю жизнь я сохраню чувство признательности ко всему английскому народу. Здесь расходы большие, а я не имею денежных средств. Монтегю ссудил меня, сколько ему было возможно, своими деньгами; прилагаю в доказательство одно из его писем. Если б я могла достать взаймы небольшую сумму в 7.000 червонцев, я могла бы представить в обеспечение графство Оберштейн в Лотарингии, кото-

рое герцог Шлезвиг-Голштейнский, князь и граф Лимбургский, получил от дома Линанж. Войдите в мое положение, господин министр, ваше доброе сердце не дозволит вам отказать мне в бумагах, с которыми я везде была бы безопасна. Вот что вы можете сделать нисколько себя не компрометируя: снабдите меня паспортом на имя г-жи Вальмод или на имя другой ганноверской подданной. Я знаю по-немецки и немножко по-английски, следовательно, могу убедить всех в тождестве с названным лицом. Напишите в Вену, к находящемуся там министру вашего двора, чтоб он доставил мне средства отправиться в Константинополь. Я сама хотела было отправиться для свидания с вами в Неаполь; но боюсь, что это не понравится вашему превосходительству. В Риме много англичан, напишите к одному из них, которому бы можно было доверить тайну; через него я буду ожидать ваших добрых советов. Если б я могла поскорее отсюда уехать, то еще до исхода зимы приехала бы в Константинополь, то есть прежде чем войска могут выступить в поход. В настоящую минуту участь моя зависит от вашего превосходительства. Сделаю все, что вы мне посоветуете, и на всю жизнь останусь с искренним чувством уважения».

Гамильтон, получив это письмо, под которым было подписано: *«принцесса Елизавета»*, тут только увидел, кому оказал услугу выдачей паспорта в Рим. Опасаясь, чтоб это не скомпрометировало его как в глазах собственного правительства, находившегося с императрицей Екатериной в добрых отношениях, так и в глазах графа Алексея Орлова, с которым сам он был в коротких сношениях, английский резидент решился поправить ошибку. Он отправил подлинное письмо принцессы в Ливорно, к тамошнему английскому консулу сэру Джону Дику, о дружбе которого с Орловым мы уже говорили. Сэр Джон препроводил письмо в Пизу. Таким образом граф Орлов, уже более трех месяцев напрасно отыскивавший следы самозванки, узнал об ее местопребывании.

В первых числах января 1775 года, по старому стилю, явился к Орлову офицер, которого в ноябре он посылал в Рагузу. Он сказал, что «всклепавшая на себя имя» действительно немало времени жила в Рагузе с князем Радзивилом, но уехала вместе с ним в Венецию.

Не мешкая нимало, офицер поехал следом, но в Венеции нашел одного Радзивила, принцессы с ним не было. Наконец удалось ему от кого-то узнать, что она проехала в Неаполь. С этою вестью он и прискакал в Пизу. На другой день после этого Орлов получил от сэра Дика письмо самозванки на имя Гамильтона и тотчас же послал в Рим своего генеральс-адъютанта Христенека, чтоб он постарался втереться к принцессе Елизавете в доверенность и привезти ее в Пизу. Вот что доносил об этом граф Орлов императрице 5(16) января 1775 года:

«Всемилостивейшая государыня! По запечатании всех моих донесений вашему императорскому величеству, получил я известие от посланного мною офицера для разведывания о самозванке, что оная больше не находится в Рагузах, и многие обстоятельства уверили его, что оная поехала вместе с князем Радзивилом в Венецию; и он, нимало не мешкая, поехал за ними вслед, но, по приезде его в Венецию, нашел только одного Радзивила, а она туда и не приезжала; и об нем розно говорят: одни, будто он намерен ехать во Францию, а другие уверяют, что он возвращается в отечество. А об ней оный офицер разведал, что она поехала в Неаполь. А на другой день оного известия получил я из Неаполя письмо от английского министра Гамильтона, что там одна женщина была, которая просила у него паспорта для проезда в Рим, что он для услуги ее и сделал, а из Рима получил он от нее письмо, где она себя принцессой называет. Я ж все оные письма в оригинале, как мною получены, на рассмотрение вашему императорскому величеству при сем посылаю. А от меня нарочный того же дня послан в Рим, штата моего генеральс-адъютант Иван Христенек, чтоб об ней в точности наведаться и стараться познакомиться с нею; притом, чтоб он обещал, что она во всем может на меня положиться, и, буде уговорит, чтобы привез ее ко мне с собою. А министру английскому я отвечал, что это надобно быть самой сумасбродной и безумной женщине, однако ж притом дал ему знать мое любопытство, чтоб я желал видеть ее, а притом просил его, чтобы присоветовал он ехать ей ко мне. А между тем и кавалеру Дику приказал писать к верным людям, которых он в Риме знает, чтоб и они советовали ей приехать сюда, где она от меня всякой помощи надеяться может. И что впредь будет происходить,

о том не упущу доносить вашему императорскому величеству и все силы употреблю, чтоб оную достать, а по последней мере сведому быть о ее пребываньи. Я ж, повергая себя к священным вашим стопам, пребуду навсегда вашего императорского величества, всемилостивейшей моей государыни всеподданнейший раб, *граф Алексей Орлов»*.

Христенек тотчас же поскакал исполнять данное ему поручение и, через два дня по отправлении Орловым донесения в Петербург, был в Риме.

XXVI

В Риме, на Марсовом поле, около дома Жуяни, стал бродить таинственный незнакомец. С большим участием расспрашивал он прислугу о принцессе, занимавшей тот дом, и отзывался о ней с крайнею почтительностию. Это передали принцессе. Она встревожилась. В беседе с аббатом Рокотани она высказала подозрение, что незнакомец, бродящий под ее окнами, тайный агент из Петербурга, и просила передать кардиналу Альбани ее просьбу приказать римской полиции разузнать о нем. Аббат отказался передать это Альбани, говоря, что кардиналу неприлично вмешиваться в такое дело, и посоветовал обратиться лучше к трирскому посланнику. Но граф Ланьяско в это время только что отказал принцессе в деньгах, и она не хотела более обращаться к нему с своими просьбами.

«Я приму этого незнакомца»,— сказала она в досаде аббату. И действительно приказала принять к себе бродившего под окнами таинственного человека. Он был допущен к ней и самым почтительнейшим образом отрекомендовался лейтенантом русского флота Иваном Христенеком.

Графиня Пиннеберг приняла его недоверчиво. Она не высказывалась ему и тогда, как Христенек стал уверять «ея светлость» о преданности к особе ее графа Алексея Григорьевича и о живейшем участии, какое он принимает в ее положении. Она прекратила разговор, заметив, что графу надобно высказываться яснее.

На другой или на третий день является к принцессе англичанин, банкир Дженкинс, предлагая ей сколько угодно денег. Он только что получил об этом поручение

из Ливорно от сэра Джона Дика, который, как видно, не замедлил исполнить просьбу графа Орлова. Понятно, что принцесса несказанно обрадовалась такому предложению, вероятно, думая, что Дженкинс явился к ней по поручению Гамильтона. Но когда тот сказал ей, что русский генерал граф Орлов поручил ему открыть кредит графине Пиннеберг, подозрение блеснуло в голове ее, и, несмотря на то, что она крайне нуждалась, сказала банкиру, что не имеет надобности в его помощи.

С улыбкой откланялся ей Дженкинс: он знал, что графиня Пиннеберг разыгрывает перед ним комедию, что она вся в руках ростовщиков, что полиция уже начинает предпринимать решительные против нее меры по просьбе кредиторов.

Было над чем призадуматься принцессе. Послав к графу Орлову письмо из Рагузы, она так долго ожидала объявления своего «манифестика» стоявшему на Ливорнском рейде русскому флоту, что наконец, несмотря на всю свою легкомысленность, могла прийти к заключению, что предложение ее отвергнуто Орловым и что ей не только не должно надеяться на него, но следует опасаться всем известной его предприимчивости. Эти опасения, по всей вероятности, и были причиной как холодного приема Христенеку, так и отказа Дженкинсу.

Но хитрую принцессу перехитрили. Христенек сообщил графу Орлову о сделанном ему приеме и получил от своего начальника новые наставления. До Орлова дошли верные известия о характере самозванки. «Свойство она имеет отважное,— доносил он императрице,— и своею смелостию много хвалится». Этим-то самым свойством характера принцессы и задумал граф Орлов увлечь ее в расставленные сети. Он не ошибся в расчете.

Января 27 Христенек писал принцессе, что, получив от графа Орлова письмо, о котором нужно переговорить с «ее светлостью», он просит назначить ему день и час приема. Принцесса колебалась. Не отвечая Христенеку, она послала на другой день через аббата Рокотани еще письмо к кардиналу Альбани, прося у него хоть одну тысячу червонцев. Кардинал прислал уклончивый ответ. Полиция между тем грозила. Принцессу хотели завтра или послезавтра арестовать за долги. Денег не было; положение безвыходное; она решилась принять Христенека. Кастера говорит, что при этом

свидании Христенек от имени Орлова сказал ей, что граф, признавая ее за дочь Елизаветы Петровны, предлагает ей свою руку и русский престол, на который он возведет ее, произведя в России возмущение, что сделать не трудно, ибо народ недоволен Екатериной [1]. В удостоверение своих слов Христенек показал письмо Орлова; оно было написано по-немецки, чтобы принцесса могла понять его. Она поверила обману и сделала решительный шаг к своей погибели.

Склоняясь на убеждения Христенека, она послала с курьером письмо к Орлову, в котором извещала, что письмо его к лейтенанту дает ей смелость ехать в Пизу и с полною доверенностью вверить ему свою судьбу. «Желание блага России,—прибавляла она,— во мне так искренно, что никакое обстоятельство не в силах остановить меня в исполнении своего долга». В заключение она сказала, что месяца через полтора она ожидает получения значительных сумм, а до тех пор просит снабдить ее 2000 червонцев на поездку, так как скорое свидание с графом в Пизе она считает необходимым. Через день Дженкинс вручил ей 2000 червонцев. Затем он уплатил все ее римские и венецианские долги, на что, по словам польского резидента д'Античи, употреблено было одиннадцать тысяч червонцев.

Января 31 принцесса уведомила кардинала Альбани, что обстоятельства ее изменились, и она дней через десять выезжает из Рима с тем, чтоб оставить мир и посвятить жизнь свою богу. Испрашивая кардинальского благословения на такой подвиг, она просила о возвращении посланных к Альбани документов, но аббат Рокотани сказал ей, что бумаги, для большей безопасности, кардиналом сожжены. Кардинал и принцесса взаимно обманывали друг друга: документы были целы, а она о монастыре и не помышляла. Впрочем, 3 февраля она сама объявила аббату, что отречение ее от света окончательно еще не решено, но что она на днях уезжает из Рима, по совету графа Орлова, оставляя фамилию графини Пиннеберг, и что вообще дела ее неожиданно приняли очень хороший оборот. Вероятно, по совету Орлова, переданному через Христенека, принцесса никому не сказывала в Риме, никому не писала, что она едет к нему в Пизу и что он принимает деятельное участие в ее

[1] «Histoire de Catherine II», Paris, II, 82.

предприятии. К д'Античи она написала, что, следуя его совету, она едет в Германию, другим говорила про монастырь. Сами домашние ее не знали наверное об ее намерениях.

Простившись 10 февраля с аббатом Рокотани и сделав ему дорогие подарки, принцесса утром на другой день, под именем графини Селинской, в двух экипажах поехала из Рима. Ее сопровождали Доманский, Чарномский, Франциска Мешеде и несколько слуг. Раздав щедрую милостыню нищим, собравшимся у церкви Сан-Карло, она, при шумных благодарных криках толпы, поехала по Корсо к Флорентийской заставе и выехала из вечного города.

Следом за ее экипажем ехал Христенек.

XXVII

Через четыре дня по отъезде из Рима «принцесса Елизавета», под именем графини Селинской, приехала в Пизу, которою владел тогда сын Марии Терезии, брат императора Иосифа II и сам по смерти его император Священной Римской империи, Леопольд. Угодливый и, казалось, совершенно преданный принцессе лейтенант Христенек подвез ее к роскошному палаццо. Заблаговременно извещенный, что «всклепавшая на себя имя» сама едет в Пизу, граф Алексей Григорьевич Орлов не замедлил приискать ей прекрасное помещение, вполне приличное принятому на себя этою женщиной званию. Принцесса расположилась в палаццо с сопровождавшею ее свитой. Следом приехали из Рима остальные служители ее двора. Весь штат этого двора состоял в Пизе из шестидесяти человек, как писал граф Орлов императрице [1].

Граф Алексей Григорьевич не замедлил представиться «принцессе Елизавете». Он обращался с нею почтительно, и почтение свое заявлял совершенно как верноподданный. С чрезвычайною заботливостью окружал он ее всеми возможными удобствами, являлся к ней ежедневно не иначе, как в парадной форме и в ленте, не садился перед ней, с поспешностью предупреждал каждое

---

[1] «Донесение графа Орлова императрице» от 14(25) февраля 1775 года.

ее желание; даже с кавалерами двора принцессы, с Доманским и Чарномским, обходился не только с изысканною любезностью, но даже с глубоким почтением. Принцесса не вдруг однако поверила Орлову свои планы и намерения. Она только рассказала ему, что еще во младенчестве была унесена одним священником и какими-то женщинами из России, что по проискам ее врагов была отравлена, так что рвотными едва успели спасти ее жизнь. Говорила, что она воспитана в Персии, где до сих пор имеет многочисленную и сильную своим влиянием на внутренние и внешние политические дела партию, что по достижении совершеннолетия она уехала в Европу, проезжала при этом через места, населенные татарами, по Волге, была тайно в Петербурге, а оттуда через Ригу проехала в Пруссию. Принцесса рассказывала графу Орлову, что в Потсдаме она виделась с королем Фридрихом и объяснила ему, кто она такая, затем жила в Париже, была знакома с тамошними министрами, но открылась им не вполне, называя себя только «принцессой Владимирской» и умалчивая, что покойная императрица Елизавета была ее матерью. Она рассказывала также, что в Германии коротко познакомилась с некоторыми имперскими князьями, особенно же с курфирстом Трирским и князем Голштейн-Шлезвиг-Лимбургским, что она не надеется на императора Иосифа II, но вполне рассчитывает на помощь королей прусского и шведского, что с членами польской конфедерации она хорошо знакома и намерена из Италии ехать в Константинополь, чтобы представиться султану Абдул-Гамеду, для чего и послала туда наперед верного человека. Это,— говорила она,— один преданный ей персиянин, знающий восемь или девять языков.

Так рассказывала принцесса графу Орлову, и так Орлов о всем сказанном доносил императрице. Он не упомянул, чтобы принцесса говорила ему что-нибудь про Пугачева, чтоб она сказала ему что-либо о существовании в России преданной ей партии. Вероятно, в это время принцесса Владимирская уже знала, что названный ее «братец» 10 января (ст. ст.) сложил буйную свою голову в Москве на Болоте. О партии в России она не могла распространяться в интимных беседах с графом Алексеем Григорьевичем: Орлов не поляк, не англичанин, не кардинал, он лучше ее самой знал пар-

тии, существовавшие тогда в России, ему надобно было называть имена, а кого бы назвала принцесса?

Впрочем, вскоре по арестовании ее, Орлов писал императрице: «Я несколько сомнения имею *на одного из наших вояжиров*, а легко может быть, что я и ошибаюсь, только видел многие французские письма без подписи, и рука мне знакомая быть кажется». Орлов подозревал Ивана Ивановича Шувалова. Впоследствии к фельдмаршалу князю Голицыну, когда он производил в Петропавловской крепости следствие над «всклепавшею на себя имя», прислана была собственноручная записка Шувалова незначительного содержания для сличения почерков. Оказалось, что почерк заподозренного был сходен с почерком князя Лимбурга. Шувалова оставили в покое, и он вскоре потом воротился в Россию после столь долговременного пребывания в чужих краях.

Орлов так описывал императрице наружность принцессы Елизаветы: «Оная женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни бела ни черна, глаза имеет большие, открытые, цветом темно-карие, косы и брови темно-русы, а на лице есть и веснушки. Говорит хорошо по-французски, по-немецки, немного по-итальянски, разумеет по-английски, думать надобно, что и польский язык знает, только никак не отзывается; уверяет о себе, что она арабским и персидским языком очень хорошо говорит... Свойство она имеет довольно отважное и своею смелостию много хвалится».

Отважным свойством этой несчастной женщины и воспользовался граф Алексей Григорьевич, чтобы, во исполнение воли императрицы Екатерины, захватить ее и живою или мертвою привезти в Россию. Весьма вероятно, что Орлов еще прежде получил от кого-нибудь сведения о принцессе, об ее страстной натуре, об ее влюбчивом характере и сильной склонности к чувственным наслаждениям. Граф решился вести с ней игру в любовь, чтоб обыграть легкомысленную красавицу наверняка и увлечь ее в хитро расставленные сети. Граф Алексей Григорьевич был большой мастер играть в любовь и с особенным искусством сыграл задуманную теперь партию.

Ему было в то время тридцать восемь лет, он был красавец и настоящий богатырь. Огромного роста, в плечах, как говорится, косая сажень, силы необычайной,

с приятным, умным, выразительным лицом, чесменский герой был один из красивейших людей своего времени и не мог не произвести сильного впечатления на страстную и все для чувственных наслаждений забывавшую принцессу. Все дотоле пользовавшиеся сердечным ее расположением голландцы, немцы, французы, поляки и алжирцы были пигмеи сравнительно с этим русским могучим богатырем. С первого же свидания она была очарована графом. Он, с своей стороны, прикинулся страстно влюбленным и даже просил руки прекрасной княжны. Благосклонно приняв предложение Орлова, она сказала, однако, что о браке думать пока еще рано, но что достигнув того положения, которое принадлежит ей по рождению, она непременно сделается его женой. Орлов подарил ей свой портрет, стал выезжать с ней в открытом экипаже, показывал ей достопримечательности Пизы, вместе с ней бывал в опере, на гуляньях и проч. Так продолжалось с неделю. Из Пизы писали в это время в Варшаву, что граф Орлов, выезжая с «знаменитою иностранкой», постоянно обходится с нею чрезвычайно почтительно: ни он и никто из русских не садится в ее присутствии; если же кто говорит с нею, то, кажется, стоит перед нею на коленях. В Пизе в это время жила одна русская красавица Давыдова, находившаяся с Орловым в самых близких отношениях и до приезда принцессы постоянно с ним выезжавшая. Теперь она более не являлась с ним ни в свете, ни в театре, ни на прогулках [1]. В Пизе открыто говорили, что граф покинул Давыдову, вступив в связь с графиней Селинскою.

Эта любовь была последнею любовью принцессы, так много любившей и так часто менявшей сердечные привязанности. Связь ее с Орловым возникла быстро, едва ли не с первого дня личного знакомства, и продолжалась всего одну неделю. В письме к императрице граф Орлов не говорит прямо о своей связи, но выражается

[1] Письмо из Пизы от 15 марта 1775 года, найденное в бумагах аббата Рокотани. Г-жа Давыдова, о которой упоминается в этом письме, была, кажется, Екатерина Львовна, жена Александра Николаевича Давыдова. Она урожденная Орлова и едва ли не родственница Чесменскому. Впрочем, Орловы не стеснялись и более близкими узами родства. Известно, как поступил князь Григорий Григорьевич с оною двоюродною сестрой своею, Екатериной Николаевной Зиновьевой. Императрица заставила его потом жениться на ней.

так: «Она ко мне казалась быть благосклонною, чего для я и старался пред нею быть очень страстен. Наконец я ее уверил, что я бы с охотой и женился на ней, и в доказательство, хоть сегодня, чему она, обольстясь, более поверила. Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я оное исполнил бы, *лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить*, но она сказала мне, что теперь не время, потому, что еще не счастлива, а когда будет *на своем месте*, тогда и меня сделает счастливым». Затем шутливым тоном Орлов прибавляет о каком-то неизвестном нам случае, когда он еще прежде хотел было подобным же образом, из усердия, жениться на особе, которую называет в письме «в оно время бывшая моя невеста Шмитша». «Могу теперь похвастать,— прибавляет он,— что имел невест богатых! Извините меня, всемилостивейшая государыня, что я так осмеливаюсь писать» [1].

XXVIII

Принцесса была убеждена, что ее любезный граф изменил императрице и вполне сочувствует ее планам. Так искусно умел герой Чесменский притворяться. Христенек также сделался близким человеком к принцессе и прикинулся самым ревностным ее приверженцем. Елизавета теперь не сомневалась более, что как русская эскадра, стоявшая в Ливорно, так и сухопутное войско, бывшее на ней в виде десанта, по влиянию Орлова, по первому воззванию примут ее сторону. Чтоб еще более убедить принцессу в своей преданности, граф Алексей Григорьевич не отказывал ей ни в чем. Стоило только пожелать ей чего-нибудь, тотчас же все исполнялось согласно ее воле. Так, однажды Христенек просил ее похлопотать у Орлова о награждении его полковничьим чином. Хотя Орлов и не имел полномочия производить подчиненных в штаб-офицерские чины, но в угоду принцессе превысил свою власть, и Христенек из рук принцессы получил полковничий патент.

---

[1] Г-жа Шмидт была в 1756 году надзирательницей за живущими во дворце фрейлинами. Может быть, в письме Орлова находится намек на нее или на ее дочь. Граф Орлов-Чесменский был в 1775 году еще холост. Вскоре он женился на Авдотье Николаевне Лопухиной (род. 1762, умерла 1786 г.).

Христенек, по свидетельству самого Орлова, отлично исполнял свою роль, обманывая легкомысленную и доверчивую женщину. «Могу вашему величеству, яко верный раб, уверить,— писал он императрице,— что оный Христенек поступает со всею возможною точностию по моим повелениям и *умел удачно свою роль сыграть»*.

Таким образом принцессу успели завлечь в расставленные сети. Но как овладеть ею, как арестовать ее и отправить в Россию, чтоб исполнить волю императрицы? Это было не очень легко. В Пизе и вообще во владениях тосканских ходили уже слухи, что под именем графини Селинской скрывается дочь покойной русской императрицы, «опасная (?) соперница» Екатерины. Употребить против нее какое-либо насилие на тосканской территории было невозможно; флорентийский двор не дозволил бы этого. Притом у принцессы были истинные приверженцы: Доманский, Чарномский и некоторые из прислуги; они всеми силами воспротивились бы малейшему насилию со стороны графа Орлова. Наконец, иезуиты, принимавшие деятельное участие в создании самозванки, зорко следили за всем, что вокруг нее делается. А хотя орден их и был тогда уничтожен, но они были по-прежнему сильны и по-прежнему способны на все. На открытое сопротивление иезуиты, может быть, и не пошли бы, но защитить принцессу помощию местной полиции, а если нужно, то и употребить против ее врагов яд или кинжал, почтенные члены Общества Иисусова были очень способны. Граф Орлов боялся их даже и после ареста принцессы. «Признаюсь, всемилостивейшая государыня,— писал он Екатерине уже по взятии самозванки,— что я теперь, находясь вне отечества, в здешних местах, опасаться должен, чтобы не быть от сообщников сей злодейки застрелену или окормлену... я всего более опасаюсь иезуитов, а с нею некоторые были и остались по разным местам».

Орлову много помог в захвате «всклепавшей на себя имя» новопожалованный аннинский кавалер, сэр Джон Дик, английский консул в Ливорно. Через несколько дней по прибытии принцессы в Пизу Орлов получил от него письмо, в котором сэр Джон извещал графа о каком-то столкновении, возникшем будто бы в Ливорно между английскими и русскими чиновниками. Никакого

столкновения не было, письмо сэра Джона Дика нужно было лишь для того, чтоб Орлову можно было показать его принцессе и тем оправдать в глазах ее поспешный его отъезд из Пизы. Когда он показал ей письмо консула и сказал, что личное присутствие его в Ливорно необходимо для устранения столкновений и водворения порядка, принцесса вполне тому поверила. Она спросила своего любезного, надолго ли он ее покидает. Орлов отвечал, что и сам не знает, на сколько времени задержит его в Ливорно неприятное дело и долго ли будет он лишен удовольствия находиться в обществе обворожительной принцессы. Грустно стало ей. Разлуку с милым графом страстная принцесса считала несчастием. Напрасно умоляла она его не покидать ее, поручить комунибудь из доверенных лиц уладить ливорнское столкновение: Орлов был непреклонен. «В таком случае,— решительным тоном сказала принцесса,— и я поеду с вами».

Орлову только этого и хотелось. Принцесса хотела подняться из Пизы всем домом и ехать в сопровождении всех многочисленных своих служителей. Но граф Орлов и Христенек стали ее от того отговаривать. «Зачем вам брать с собой всех служителей? — говорили они.— Ведь мы пробудем в Ливорно лишь несколько дней, а потом опять сюда воротимся». Не подозревая, что ей ставят ловушку, принцесса согласилась не отправляться из Ливорно в дальнейший путь, но возвратиться в Пизу, где в блаженстве взаимной любви жить с любезным графом, сколько поживется. Поэтому она поехала в Ливорно как на прогулку, взяв с собой только Доманского, Чарномского, камермедхен Франциску фон-Мешеде и двух камердинеров, Маркезини и Кальтфингера. Все свои вещи и бумаги она оставила в Пизе. Февраля 19 граф Орлов, вместе с принцессой и ее маленькою свитой, выехал из Пизы налегке. Христенек был с ними.

На другой день их отъезда, февраля 20 поутру, около одиннадцати часов, ординарец Орлова (вероятно, Франц Вольф) приехал к сэру Джону Дику.

— Сегодня к обеду будет у вас граф Орлов с обществом,— сказал немец англичанину,— приготовьтесь принять их.

Англичанин понял, в чем дело. Он немедленно приказал готовить роскошный обед и послал к русскому адмиралу, своему соотечественнику и другу, Грейгу и к адмиральше, жене его, приглашение к обеду. Ординарец отправился к адмиралу с письмом Орлова. Немедленно после того русская эскадра, состоявшая из пяти линейных кораблей и одного фрегата, стала готовиться к смотру.

К обеду приехал Орлов с принцессой и представил ей англичанок, жену консула и адмиральшу Грейг, причем не называл спутницу свою по имени. Хозяин дома и адмирал также были представлены ей. Сэру Джону Дику лицо принцессы показалось знакомым.

— Вы говорите по-английски? — спросил он ее.

— Говорю, но мало,— отвечала принцесса.

Консул, быть может, видал ее где-нибудь в Лондоне, и, вероятно, вопросом своим хотел навести ее на этот предмет, но ловкая женщина искусно повела речь о другом, и разговор ее с сэром Джоном перешел к посторонним предметам. За обедом, к которому были приглашены Доманский, Чарномский и Христенек, как граф Орлов, так и английский консул обходились с принцессой чрезвычайно почтительно. Грейг больше молчал. Принцесса была весела, разговорчива, любезна.

Она осталась в доме гостеприимных англичан. Жена консула тотчас же втерлась в ее доверенность, что было не трудно, судя по свойствам характера легкомысленной принцессы. Бессознательно стремившаяся к гибели, несчастная женщина вполне доверилась новой знакомой, открылась ей в любви к Орлову, посвятила ее в свои тайны, рассказала о своих планах, и англичанка, по свидетельству Кастеры и Гельбига, помогала врагам принцессы, питая в ней доверенность и обманчивые надежды [1]. Вообще сэр Джон Дик и супруга его играли в этом деле роль неблаговидную и совершенно несообразную с званием дипломатического агента посторонней державы. Граф Орлов и другие, находившиеся на русской службе, делали это дело, исполняя волю своей государыни, и действовали во имя блага своего отечества, где принцесса могла произвести некоторые, хотя, конечно, самые незначительные замешательства, но из каких расчетов дей-

[1] Castera «Histoire de Catherine II». Paris, an VIII, II, стр. 86. Helbig «Russische Günstlinge». Tübingen, 1809 г., стр. 250.

ствовал сэр Джон Дик с своею супругой? Конечно, из-за денег. Мы не знаем, много ли заплатили английскому консулу и чего стоили бриллианты, подаренные его жене. Кастера в своей книге резко порицал поведение сэра Джона Дика, в газетах также указывали на несоответственную его званию роль, но агличанин промолчал. Он не мог, ему нечем было оправдываться. Он только рассказывал впоследствии, будто обманутая при содействии его и Грейга графом Орловым женщина была дочь нюренбергского булочника. Замечательно, что разглашали об ее происхождении из трактира или пекарни только англичане.

Принцесса возбудила в ливорнском населении общее любопытство и даже симпатию. Народ бегал за нею по улицам. Вечером она была в опере, и взоры всех обратились на красавицу, сиявшую счастием и довольством [1]. Но это был канун тюрьмы.

Февраля 21 у аглийского консула был завтрак, предательский завтрак. К нему было приглашено многочисленное общество англичан, живших в Ливорно, спутницы принцессы, Доманский, Чарномский и Христенек. Принцесса была царицей праздника, все обращались с ней как с особой царственного происхождения; жена консула и адмиральша Грейг всячески старались угодить ей. Орлов не отходил от предавшейся ему беззаветно красавицы и, обращаясь к ней с утонченною вежливостью, с верноподданскою преданностью, от времени до времени бросал страстные взоры на свою обреченную жертву. Принцесса была необыкновенно весела, она утопала в счастии. За завтраком зашла речь о флоте. Елизавета сама изъявила желание посмотреть на русские корабли. Граф Орлов отвечал, что желание ее может быть исполнено тотчас же, что он для ее удовольствия прикажет кораблям произвести маневры, чтоб она могла составить некоторое понятие о морских сражениях, словом, наобещал такое множество самых любопытных вещей, если она удостоит адмиральский корабль своим посещением, что и не такая женщина, как принцесса, ни на минуту не задумалась бы над тем, принять или не принять такое любезное предложение. Притом же принцесса Елизавета считала русскую эскадру уже как бы ей принадлежав-

---

[1] Castera, 86.

шею и потому с радостью согласилась на предложение графа Орлова.

Адмирал Грейг немедленно велел готовить шлюпки. После завтрака веселое общество отправилось на рейд. В одной шлюпке поехала принцесса с дамами (женой консула и адмиральшей [1]), в другую сели Орлов и Грейг, в третью вся приехавшая с принцессой в Ливорно ее свита. Кроме названных лиц в каждой шлюпке находились еще другие, завтракавшие у консула. Христенек был в числе их.

Еще принцесса с обществом находилась в доме английского консула, как весть о предстоящем посещении эскадры русскою великою княжной разнеслась по городу. Корабли и фрегат расцветились флагами, флотские и сухопутные офицеры надели парадные мундиры, принарядились и матросы, готовясь к большому смотру.

Чуть не все население Ливорно высыпало на набережную или разместилось на шлюпках в ожидании какого-нибудь необыкновенного зрелища. Граф Орлов был хорошо известен ливорнцам за великого мастера устраивать великолепные и чудовищно дорогие спектакли. Все помнили, как года три перед тем он для одного итальянского художника устроил такой спектакль, подобного которому не представляют летописи европейских флотов. Граф Орлов заказал картину чесменского боя, и для художника, взявшегося нарисовать ее, на Ливорнском рейде были представлены разные эволюции. Была сильная пушечная пальба, ломка мачт и такелажа,— все это сделано было для того, чтобы дать живописцу понятие о морской битве. Но на картине надо было нарисовать и горевшие турецкие корабли и взрывы их. Чтоб и о них дать понятие художнику, граф Орлов приказал взорвать порох на одном из линейных кораблей русской эскадры и потом сжечь остатки этого корабля, еще годного к употреблению и далеко еще не выслужившего срока. Такая потеха обошлась русскому казначейству, может быть, не в одну сотню тысяч рублей, не говоря о том, что при взрыве погибло несколько матросов. Зато граф Орлов был польщен итальянскими ласкателями, сравнивавшими его в подносимых стихотворениях с са-

[1] Так говорят Кастера, Гельбиг и другие. Сэр Джон Дик впоследствии рассказывал, будто ни жена его, ни адмиральша не участвовали в этой предательской поездке.

мим Александром Македонским, сожегшим также с эстетическою целию город Вавилон (?). И теперь жители Ливорно ожидали какого-нибудь необычайного, небывалого зрелища. Густая толпа покрывала улицы и набережную при проезде принцессы к рейду. Ее приветствовали радостными кликами. Ждали великолепного спектакля, и спектакль действительно был представлен чесменским героем, но совершенно в другом роде, чем тот, за который он удостоился сравнения с величайшим героем древнего мира.

На кораблях заиграла музыка, раздались пушечные выстрелы. То был царский салют. Матросы стояли на реях и громко кричали «ура». Принцесса была в восхищении: мечты ее осуществлялись. Русские залпы, русское «ура» приветствовали внуку Петра Великого, внуку создателя русского флота! С адмиральского корабля «Трех иерархов» спустили покойное кресло и на нем подняли принцессу на палубу. Это сделано было для нее одной, и ей объявили, что это знак особенной почести. Контр-адмирал Грейг принял принцессу с изъявлениями глубокого почтения. Идя под руку с графом Орловым, она приветствовала офицеров, представляемых ей адмиралом, ласково кланялась матросам. «Ура» не умолкало на эскадре.

Обойдя палубы корабля, принцесса введена была в адмиральскую каюту. Здесь подали роскошный десерт. Наполнились кубки, и все общество пило здоровье принцессы Елизаветы. Начались маневры, все вышли на палубу, подле принцессы стояли в почтительном отдалении граф Орлов, Грейг, Христенек и дамы. Елизавета стояла у самого борта и с увлечением смотрела на маневры. Долго смотрела она и молчала...

Вдруг слышит, что подле нее кто-то повелительным голосом требует у Христенека, Доманского и Чарномского их шпаги. Принцесса оглянулась: перед ней стоял гвардейский капитан Литвинов, объявлявший ее спутникам арест. Ни Орлова, ни Грейга, ни дам, приехавших с принцессой, на корабле не было. Вместо их стояли вооруженные солдаты. Таков был блистательный спектакль, устроенный на корабле «Трех иерархов» усердием и ревностию графа Алексея Григорьевича Орлова.

— Что это значит? — строгим голосом спросила принцесса у Литвинова.

— По именному повелению ее императорского величества вы арестованы,— отвечал капитан.

— Где граф Орлов? — вскрикнула принцесса.

— Арестован по приказанию адмирала.

Принцесса лишилась чувств. Ее взяли под руки и отвели в каюту вместе с Францискои фон-Мешеде. Камердинер Маркезини оставлен был при ней для прислуги.

Доманский, Чарномский, Христенек и другой камердинер, Кальтфингер, были арестованы и перевезены на другой корабль [1].

XXIX

Опомнившись в каюте, принцесса принялась за письмо к адмиралу Грейгу. Оно было написано резко. Графиня Селинская протестовала против учиненного над нею насилия, требовала немедленного освобождения и отчета в поступке адмирала. Грейг не удостоил ее ответом, на словах велел сказать, что, арестуя ее, он повиновался высочайшей воле.

Тогда принцесса написала письмо к графу Орлову. Выражая удивление, для чего он, так часто уверявший ее в верности и преданности до гроба, незаметно удалился от нее в то именно время, когда приготовлялись взять ее под стражу, она звала его к себе, чтоб объяснить ей все случившееся с нею. Она прибавила, что посещение графа будет для нее большим утешением. «Я готова на все, что ни ожидает меня,— писала она,— но постоянно сохраню чувства мои к вам, несмотря даже на то: отняли вы у меня навсегда свободу и счастие, или еще имеете возможность и желание освободить меня от ужасного положения» [2]. Письмо было отправлено тайным путем (так казалось принцессе, действительно же сам Грейг передал его Орлову).

---

[1] По другим известиям, принцесса в Пизе решилась вступить в брак с графом Орловым, но так как в этом городе не было православного священника, то она и согласилась на предложение жениха ехать в Ливорно и там обвенчаться на адмиральском корабле, где была церковь.

[2] Это письмо, равно как и письмо принцессы к адмиралу Грейгу, были препровождены к производившему следствие фельдмаршалу князю Голицыну, но, по неизвестной причине, уничтожены. Их при деле нет, а сохранилось только извлечение из них, составленное князем Голицыным.

Тем же путем принцесса получила и ответ, написанный Орловым по-немецки: «Ах! в каком мы несчастии,— писал он,— но не надо отчаиваться, будем терпеливы: всемогущий бог не оставит нас. Я нахожусь в таком же печальном состоянии, как и вы, но преданность моих офицеров подает мне надежду на освобождение. Адмирал Грейг, по дружбе своей, давал было мне возможность бежать. Я спрашивал его, что за причина поступка, сделанного им. Он сказал, что получил повеление и меня, и всех, кто при мне находится, взять под стражу. Я сел в шлюпку и проплыл было уже мимо всех кораблей. Меня не заметили. Но вдруг увидел я два корабля перед собой и два сзади, все они направлялись к моей шлюпке. Видя, что дело плохо, я велел грести изо всех сил, чтоб уйти от кораблей; мои люди хорошо исполнили мое приказание, но один из кораблей догнал меня, к нему подошли другие, и моя шлюпка была окружена со всех сторон. Я спросил: «Что это значит? Пьяны, что ли, вы?» Но мне очень учтиво отвечали, что они имеют приказание просить меня на корабль со всеми находившимися при мне офицерами и солдатами. Когда я взошел на борт, командир корабля со слезами на глазах объявил мне, что я арестован. Я должен был покориться своей участи, Но надеюсь на всемогущего бога, он не оставит нас. Что касается адмирала Грейга, он будет оказывать вам всевозможную услужливость, но прошу вас, хотя на первое только время, не пользоваться его преданностию к вам; он будет очень осторожен. Мне остается просить вас, чтобы вы берегли свое здоровье, а я, как только получу свободу, буду искать вас по всему свету и отыщу, чтобы служить вам. Только берегите себя, об этом прошу вас от всего сердца. Ваше письмо я получил, ваши строки я читал со слезами, видя, что вы меня обвиняете в своем несчастии. Берегите же себя. Предоставим судьбу нашу всемогущему богу и вверимся ему. Я еще не уверен, дойдет ли это письмо до вас, но надеюсь, что адмирал будет настолько любезен и справедлив, что передаст его вам. От всего сердца целую ваши ручки». Подписи нет. Граф Орлов не счел нужным подписывать письмо, адресованное к обманутой им жертве. Он боялся. Впрочем, граф Алексей Григорьевич тотчас же донес об этом письме императрице: «У нее есть и моей руки письмо на немецком языке,— писал он,— только без

подписания имени моего, что я постараюсь выйти из-под караула, а после могу спасти ее».

Несчастная женщина во всем поверила любимому человеку. Нетерпеливо, с часу на час, с минуты на минуту ждала она его появления. Принцесса верила в любовь Орлова; мысль о предательстве, совершенном столь близким ей человеком, не могла прийти ей в голову. Она ждала, она надеялась, она даже повеселела в своем заключении. Граф Алексей Григорьевич в немногие дни хорошо изучил ее характер. Подавая ей надежду на спасение, он больше всего в письме своем упрашивал ее, чтоб она берегла здоровье. Женщина с таким характером, как принцесса, находясь в безвыходном положении, непременно наложила бы на себя руки, если б ей не была подана надежда на освобождение. А самоубийство ее было не в планах Орлова и Грейга: хотелось им доставить ее в Кронштадт живою и отдать в руки Екатерины, разгневанной дерзостью женщины, «всклепавшей на себя имя» и осмелившейся оспаривать у ней право на русскую корону.

Во время корабельных маневров, отойдя незаметно от принцессы вместе с дамами и Грейгом, граф Орлов приказал арестовать свою любезную вместе с ее свитой, а для уверенности обманутой в истине роли, которую теперь разыгрывал, и Христенека, остававшегося на ее глазах. Сам же, возвратившись в Ливорно, отправил в Пизу надежных людей, чтобы они забрали бумаги и другое имущество графини Селинской и распустили ее свиту. Посланные, приехав в Пизу, объявили от имени графини, что им поручено расплатиться с прислугой и распустить ее, а вещи ее отвезти в Ливорно. Это было сделано с большою поспешностью. Еще до Пизы не успела достигнуть весть об арестовании принцессы, как ее служители, за исключением только троих, с русскими деньгами в карманах, оставили палаццо, занимаемое графиней Селинской, а бумаги и вещи ее отправлены в Ливорно и перевезены на адмиральский корабль. Трое из прислуги: Рихтер, Лабенский и Анчиотти объявили, что они не могут отдать вещи графини и ее спутников (Доманского и Чарномского) иначе, как услышав личное их приказание. Честных слуг взяли в Ливорно, вместе с вещами перевезли на корабль и там арестовали.

В числе бумаг захвачены были и бумаги польской генеральной конфедерации, находившиеся у Чарномского.

Задержание принцессы произвело сильное негодование во всем населении Ливорно. Только что приехавшая вчера в город красавица, сделавшаяся предметом народной симпатии, принцесса, которой в виду всего населения воздавались царские почести, вдруг очутилась под стражей, захваченная предательской изменой. Простой народ энергически грозил русским, сам Орлов считал себя небезопасным. В продолжение двух дней русские корабли стояли на Ливорнском рейде, толпы любопытных подъезжали к ним на лодках, но солдаты, расставленные по бортам, кричали, чтоб они не приближались, угрожая в противном случае выстрелами. Некоторые из любопытных успели, однако, подъехать довольно близко к кораблю «Трех иерархов» и в окне каюты видели отчаянное лицо пленницы. Раздражение народа было не менее сильно и в Пизе и во Флоренции. Поступок графа Орлова считали нарушением международного права. Известный немецкий писатель Архенгольц приехал в Ливорно через несколько дней после арестования принцессы и отхода русской эскадры и еще застал весь город в сильном волнении по поводу захвата *знатной дамы*, которую город Ливорно считал своею гостьей. Тосканский двор был сильно раздражен поступком Орлова [1]. Говорят, великий герцог Леопольд протестовал против совершенного на его территории насилия. Русское правительство не отвечало.

Граф Орлов, более всего заботясь, чтобы захваченная им женщина была доставлена в Россию живою, независимо от письма своего к ней, в котором увещевал беречь здоровье, приказал адмиралу Грегу иметь о пленнице всевозможное попечение. Здоровье несчастной было, как мы уже упоминали, крайне расстроено, заключение под стражу, конечно, должно было усилить чахотку, уже разрушавшую ее организм. Заботливый Орлов назначил к ней особого врача, который должен был по нескольку раз в день посещать больную. На другой же день по арестовании ее на корабле «Трех иерархов» граф Орлов был у сэра Джона Дика и, как говорил впоследствии этот англичанин, находился в самом тре-

[1] Archenholz «England und Italien». Leipzig, 1787, IV, 157—158.

вожном состоянии. Он просил у своего приятеля книг, достал их еще где-то и порядочный запас для чтения отправил от своего имени на корабль к пленнице. Во время плавания до английских берегов принцесса развлекалась в своем невольном уединении чтением книг, доставленных столь заботливым о ней графом, а потом, когда поняла свою участь, пришла в отчаяние и уже не брала книг в руки.

Граф Алексей Григорьевич распорядился также, чтобы во время остановок эскадры в иностранных портах особенно строго наблюдали за пленницей. Он боялся, чтобы она не ушла, или кто-либо из арестованных с нею не передал кому-нибудь письма. По приезде в Кронштадт, Грейг никому не должен был сдавать пленницу без именного указа за собственноручным подписом императрицы.

Февраля 26 (старого стиля) 1775 года русская эскадра вышла в море. Сам Орлов впоследствии отправился в Россию сухим путем. Он боялся долго оставаться в Италии, где все были раздражены его предательством. Он боялся отравы иезуитов, боялся, чтобы кто-нибудь из приверженцев принцессы не застрелил его, и решился оставить Италию без разрешения императрицы, донеся, впрочем, ей предварительно, что оставляет команду для спасения своей жизни.

Христенек сутки просидел под арестом. Затем граф Орлов отправил его в Петербург накануне отплытия кораблей из Ливорно. Он послал с ним к императрице донесение, *черновое*. Орлов опасался, чтобы Христенека не захватили где-нибудь с бумагами. Подробности захвата приказано было ему передать государыне на словах. Сообщаем здесь вполне донесение графа Орлова, из которого выше приведены некоторые отрывки:

«Угодно было вашему императорскому величеству повелеть: доставить называемую принцессу Елизабету, которая находилась в Рагузах. Я со всеподданническою моею рабскою должностию, чтоб повеление вашего величества исполнить, употреблял все возможные мои силы и старания, и счастливым себя почитаю, что мог я оную злодейку захватить со всею ее свитою на корабли, которая теперь со всеми с ними содержится под арестом на кораблях, и рассажены по разным кораблям. При ней сперва была свита до шестидесяти человек; посчастли-

вилось мне оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить; а теперь захвачена она, камер-медхен ее, два дворянина польских и несколько слуг, которых имена при сем прилагаю. Для оного дела и для посылки употреблен был штата моего генеральс-адъютант Иван Христенек, которого с оным моим донесением к императорскому величеству посылаю и осмелюсь его рекомендовать, и могу вашему величеству, яко верный раб, уверить, что оный Христенек поступал со всею возможною точностию, по моим повелениям, и умел удачно свою роль сыграть. Другой же употреблен к оному делу был Франц Вольф. Хотя он и не сделал многого, однакож, по данной мне власти от вашего императорского величества, я его наградил чином капитанским за показанное им усердие и ревность к высочайшей службе вашего императорского величества, а из других, кто к оному делу употреблен был, тех не оставлю деньгами наградить. Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я теперь, находясь вне отечества в здешних местах, опасаться должен, чтобы не быть от сообщников сей злодейки застрелену или окормлену. Я ж ее привез сам на корабли на своей шлюпке и с ее кавалерами, и предпоручил над нею смотрение контр-адмиралу Грейгу, с тем повелением, чтобы он всевозможное попечение имел о ее здоровье, и приставлен один лекарь; берегся бы, чтобы она, при стоянии в портах, не ушла, тож никакого письмеца никому не передала. Равно велено смотреть и на других судах за ее свитою. Во услужении же оставлена у ней ее девка и камердинер. Все ж письма и бумаги, которые у ней находились, при сем на рассмотрение посылаю с подписанием нумеров: я надеюсь, что найдется тут несколько польских писем о конфедерации, противной вашему императорскому величеству, из которых ясно изволите увидеть и имена их, кто они таковы. Контр-адмиралу же Грейгу приказано от меня, и по приезде его в Кронштадт, никому оной женщины не вручать без особливого именного указа вашего императорского величества. Оная ж женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни бела, ни черна, глаза имеет большие и открытые, цветом темно-карие, косы и брови темно-русы, а на лице есть и веснушки; говорит хорошо по-французски, по-немецки, немного по-итальянски, разумеет по-английски; думать надобно, что и польский язык знает, только

никак не отзывается; уверяет о себе, что она арабским и персидским языком очень хорошо говорит. Я все оное от нее самой слышал; сказывала о себе, что она и воспитана в Персии и там очень великую партию имеет; из России же унесена она в малолетстве одним попом и несколькими бабами; в одно время была окормлена: и не скоро могли ей помощь подать рвотными. Из Персии же ехала через татарские места, около Волги; была и в Петербурге, а там через Ригу и Кенигсбург, в Потсдаме была и говорила с королем Прусским, сказавшись о себе, кто она такова;знакома очень между имперскими князьями, особливо с Трирским и с князем Голштейн-Шлезвиг или Люнебургским (sic); была во Франции, говорила с министрами, дав мало о себе знать; венский двор в подозрении имеет; на шведский и прусский очень надеется: вся конфедерация ей очень известна и все начальники оной; намерена была отсель ехать в Константинополь прямо к султану; и уже один от нее самый верный человек туда послан, прежде нежели она сюда приехала. По объявлению ее в разговорах, этот человек персиянин и знает восемь или девять языков разных, говорит оными всеми очень чисто; я ж моего собственного о ней заключения, потому что не мог узнать в точности, кто оная действительно (sic). Свойство она имеет довольно отважное и своею смелостию много хвалится: этим-то самым мне и удалось ее завести, куда я желал. Она ж ко мне казалась быть благосклонною, для чего я и старался пред нею быть очень страстен. Наконец я ее уверил, что я бы с охотою и женился на ней, и в доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, более поверила. Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я оное исполнил бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить; но она сказала мне, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будет на своем месте, тогда и меня сделает счастливым. Мне в оно время и бывшая моя невеста Шмитша. Могу теперь похвастать, что имел невест богатых! Извините меня, всемилостивейшая государыня, что я так осмеливаюсь писать, я почитаю за должность все вам доносить так, как перед богом, и мыслей моих не таить. Прошу и того мне не причесть в вину, буде я по обстоятельству дела принужден буду, для спасения моей жизни и команду оставя, уехать в Россию и упасть к свя-

щенным стопам вашего императорского величества, препоручая мою команду одному из генералов, по мне младшему, какой здесь налицо будет. Да я должен буду и своих в оном случае обманывать и никому предстоящей мне опасности не показывать: я все больше опасаюсь иезуитов, а с нею некоторые были и остались по разным местам. И она из Пизы уже писала во многие места о моей к ней привязанности, и я принужден был ее подарить своим портретом, который она при себе имеет, а если захотят и в России мне недоброхотствовать, то могут поэтому придраться ко мне, когда захотят. Я несколько сомнения имею на одного из наших вояжиров, а легко может быть, что я ошибаюсь, только видел многие французские письма без подписи, и рука мне знакомая быть кажется. При сем прилагаю полученное мною одно письмо из-под аресту, тож каковое она писала и контр-адмиралу Грейгу, на рассмотрение. И она по сие время все еще верит, что не я ее арестовал, а секрет наш наружу вышел. Тож у нее есть и моей руки письмо на немецком языке, только без подписания имени моего, и что я постараюсь выйти из-под караула, а после могу и ее спасти. Теперь не имею времени обо всем донести за краткостию время, а может о многом доложить генеральс-адъютант моего штаба. Он за нею ездил в Рим, и с нею он для виду арестован был на одне сутки на корабле. Флот, под командою Грейга, состоящий в пяти кораблях и одном фрегате, сейчас под парусами, о чем дано знать в Англию к министру, чтоб оный, по прибытии в порт английский, был всем от него снабжен. Флоту ж велено, как возможно, поспешать к своим водам. Всемилостивейшая государыня, прошу не взыскать, что я вчерне мое доношение к вашему императорскому величеству посылаю; опасаюсь, чтобы в точности дела не проведали и не захватили курьера и со всеми бумагами. Я ж, повергая себя к священным стопам вашего императорского величества», и пр.

XXX

Христенек проехал Европу благополучно и около половины марта был уже в Москве, где находилась, еще с января, императрица с двором и высшими правительственными лицами. Петербургом управлял тамошний генерал-губернатор, генерал-фельдмаршал князь Александр

Михайлович Голицын [1]. Получив известие, что «вклепавшая на себя имя» находится в руках Грейга, императрица 22 марта написала два рескрипта: один графу Алексею Орлову, другой князю Голицыну. Орлова, находившегося еще за границей, она благодарила за искусное задержание самозванки, а князю Голицыну писала, что женщина, выдающая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, со свитой своей задержана на русской эскадре, с которою контр-адмирал Грейг придет в Ревель или в Кронштадт, как скоро лед дозволит кораблям войти в рейд. Императрица на всякий случай приказала приготовить в Ревеле надежное темничное помещение, если же корабли придут в Кронштадт, то всех арестантов велела принять у адмирала князю Голицыну и тайным образом, без малейшей огласки, препроводить в Петропавловскую крепость. Князю же Голицыну поручено было и производство допросов как самой пленницы, так и ее спутников.

Бумаги, взятые графом Орловым в Пизе и отданные Грейгу, адмирал из Кадикса или из Плимута наперед

---

[1] Князь Александр Михайлович Голицын (род. 1718, ум. 1783), сын Петровского фельдмаршала, князя Михаила Михайловича, рожденный от второго брака его с княжною Куракиной. В молодости служил он в войсках знаменитого полководца XVIII века принца Евгения, командовавшего в 1735 году на Рейне австрийскою армиею, и в 1740 году, будучи 22 лет, воротился в Россию и, вступив на дипломатическое поприще, находился сначала в Константинополе при русском после Румянцеве, а потом посланником при саксонском дворе. Хотя он был дипломатом, но получал чины военные и с 1744 года был генерал-поручиком. В 1757 году его из посланников сделали полководцем. В Семилетнюю войну он не отличался замечательными подвигами и, командуя левым крылом армии в сражении при Кунерсдорфе, был вытеснен Фридрихом II из окопов, потерял свои пушки и множество людей и бежал с остатками своего отряда. Фридрих уже торжествовал и послал в Берлин уведомление о победе, но Петр Иванович Панин и знаменитый впоследствии Румянцев решили судьбу Кунерсдорфской битвы: прусская армия была рассеяна. Разбитый Голицын сдал команду другому, но это не помешало ему получить чин генерал-аншефа и Александровскую ленту. В 1768 году Екатерина послала его против турок и писала к графу Салтыкову: *«дай бог ему счастья отцовского»*, но князь Александр Михайлович, как видно, не наследовал от родителя ни счастья, ни военных талантов. Он был отозван от армии и заменен Румянцевым, но все-таки получил чин фельдмаршала. Его даже назвали «покорителем Хотина». Плохой полководец, он был человек добрый, честный, справедливый, не вдавался в придворные интриги и сумел приобресть общее уважение.

отправил в Россию. Императрица приказала князю Голицыну внимательно рассмотреть их и донести, кому принадлежит затея выставить на политическую арену самозванку. При этом Екатерина писала, как о достоверно известном, что «всклепавшая на себя имя» выдавала себя за сестру Пугачева. Государыня послала князю Голицыну и полученные ею еще прежде от Орлова документы. Почти за месяц до прибытия Грейга в Кронштадт фельдмаршал уже рассмотрел бумаги, относившие до самозванки, и составил из них извлечение (19 апреля). Таким образом, еще до прибытия пленницы в Россию, по ее бумагам, князю Голицыну были уже известны почти все ее похождения.

Вскоре по отплытии русской эскадры от итальянских берегов разнесся в Тоскане слух, распространившийся потом и по всей Европе, будто она отправилась в Бордо, и в то время, как находилась во французских водах, граф Алексей Григорьевич собственноручно умертвил принцессу Елизавету. Это еще более усилило раздражение итальянцев против гостившего еще у них Орлова. Но слух был несправедлив: графа Орлова вовсе не было ни в Бордо, ни на эскадре, а принцесса, хотя и сильно больная, 11 мая была привезена в Кронштадт.

Во время плавания до английских берегов она была спокойна. Она все еще надеялась, что в английском порте, где должны будут остановиться корабли, страстно любимый ею русский богатырь, граф Алексей Григорьевич, непременно освободит ее. Уверенность в его преданности ни на минуту не покидала несчастную женщину. В Плимуте корабли действительно остановились. Еще при отплытии их из Ливорна граф Орлов писал в Лондон к находившемуся там русскому посланнику, чтобы заблаговременно сделаны были им распоряжения к снабжению русского флота всем, что будет для него нужно. Поэтому остановка в Плимуте была непродолжительна. До тех пор принцесса не теряла надежды на освобождение, пока не узнала, что эскадра поднимает якори, чтоб идти в Балтийское море. По всей вероятности, она в то же время узнала и о том, как коварно поступил с нею граф Орлов. Она поняла теперь, с каким легкомыслием вдалась в обман, и мрачная будущность представилась ей во всем своем ужасе: Сибирь, вечное заточение в ка-

земате и, может быть, даже позорная смерть ожидала ее впереди. Сначала принцесса пришла в бешенство, но ненадолго. Силы оставили ее, она лишилась чувств и так долго находилась в обмороке, что врачи опасались за ее жизнь. Ее вынесли на чистый воздух, на палубу. Когда она пришла в себя, обычная энергия возвратилась, она вскочила и стремительно бросилась к борту, чтобы спрыгнуть в стоявшую подле адмиральского корабля английскую шлюпку. Пленницу удержали, и Грейг учредил за ней строгий надзор; особо назначенные люди ни на шаг не отходили от несчастной. Это было необходимо: принцесса несколько раз хотела броситься в море и несколько раз другим образом пыталась лишить себя жизни. Грейг должен был оставить Плимут ранее, чем предполагал: по его замечанию что-то очень много любопытных стали посещать его корабль, и из расспросов незваных гостей было видно, что они догадываются о заключении в одной из кают корабля «Трех иерархов» таинственной пленницы. Избегая возможных случайностей, адмирал поспешил отплытием. Не легко было Грейгу. «Я во всю жизнь мою никогда не исполнял такого тяжелого поручения»,— писал он к графу Орлову.

Когда корабли находились в английских водах, обманутая Орловым женщина почувствовала свою беременность. Она носила сына своего предателя.

Апреля 18 русская эскадра была в Зунде. Льды задержали ее в Балтийском море, и корабли не ранее 11 мая могли бросить якори в Кронштадтском рейде. Исполняя приказание графа Орлова, Грейг никому не выдавал пленницы. Офицерам и матросам, под страхом строжайшего наказания, запрещено было говорить о ней. В самый день прихода в порт адмирал послал в Москву донесение императрице о благополучном прибытии эскадры в Россию.

Из подмосковного села Коломенского, где жила тогда Екатерина, 16 мая послано было следующее собственноручное повеление адмиралу:

«Господин контр-адмирал Грейг. С благополучным вашим прибытием с эскадрою в наши порты, о чем я сего числа и уведомилась, вас поздравляю и весьма вестию сею обрадовалась. Что ж касается до известной женщи-

ны и до ее свиты, то об них повеления от меня посланы господину фельдмаршалу князю Голицыну в С.-Петербург, и он сих *вояжиров* у вас с рук снимет. Впрочем, будьте уверены, что служба ваша во всегдашней моей памяти, и не оставлю вам дать знаки моего к вам доброжелательства. *Екатерина.* Мая 16 1775 года. Из села Коломенского, в семи верстах от Москвы».

Грейг исходатайствовал у императрицы дозволение приехать в Москву. Екатерина согласилась и удержала его при себе до торжества, назначенного на 10 июля для празднования Кучук-Кайнарджиского мира. В этот день усердный Грейг произведен был в вице-адмиралы, через месяц назначен главным командиром Кронштадтского порта, а через год получил Александровскую ленту. Граф Алексей Григорьевич Орлов также приехал из Италии к празднеству и был принят Екатериной хотя милостиво, но с заметною холодностию. Его военные заслуги были вознаграждены: в день торжества он получил прозвание *Чесменского*, похвальную грамоту, серебряный сервиз и шестьдесят тысяч рублей. В Царском Селе в честь его воздвигнут памятник из цельного уральского мрамора, а на седьмой версте от Петербурга, в воспоминание Чесменской победы, церковь Иоанна Предтечи и при ней императорский дворец в азиатском вкусе, с наименованием Чесмы [1]. Но, несмотря на усердие графа Алексея Григорьевича Орлова, оказанное при захвате «всклепавшей на себя имя», несмотря на пожалованные ему награды, кредит Орловых с этого времени упал окончательно. Граф Орлов-Чесменский не возвратился с двором в Петербург, он остался в Москве, где жил до последних годов царствования Екатерины, ведя жизнь роскошную и разгульную, о которой до сих пор сохраняются в Москве предания. Чуть не ежедневный пир на весь мир, роговая музыка, цыганы, песенники, медвежья травля, конские скачки, кулачные бои, дикий разгул — вот в каких занятиях «отдыхал на лаврах» герой чесменский. О судьбе обманутой им принцессы он, по всей вероятности, не знал ничего верного, и когда через одиннадцать лет после того, как он захватил ее в Ливорно, в Ивановском монастыре помещена была настоящая княжна Тараканова, граф Алексей Орлов, как говорит преда-

[1] Ныне Чесменская богадельня для инвалидов.

ние, никогда не ездил мимо этого монастыря, полагая, что там томится в заключении его жертва, некогда любившая его страстно, предавшаяся ему беззаветно и так ужасно обманутая его притворною любовью.

XXXI

Вечером, мая 24, фельдмаршал князь Голицын потребовал к себе капитана Преображенского полка Александра Матвеевича Толстого[1]. Объявив ему, что по высочайшей воле возлагается на него чрезвычайно важное секретное поручение, он повел его в другую комнату. Там стоял налой с крестом и евангелием и находился священник в епитрахили. Толстой принял присягу, что под страхом строжайшего наказания будет вечно молчать о том, что должно будет ему исполнить в следующую ночь. Приведя к присяге капитана, фельдмаршал приказал ему тою же ночью ехать с командой в Кронштадт, принять с корабля «Трех иерархов» от адмирала Грейга женщину с несколькими ее служителями и тайным образом отвезли их в Петропавловскую крепость, где сдать коменданту Чернышеву. Команда, посланная с Толстым, состоявшая из самых надежных людей, дала в свою очередь клятву вечного молчания.

В ночь с 24 на 25 мая яхта с Толстым и несколькими преображенцами плыла из Петербурга в Кронштадт. На берегу и на судах в устье Невы все спали, и тихо плывшая яхта прошла незамеченною. В Кронштадте она направилась прямо на военный рейд и там причалила к кораблю «Трех иерархов». Толстой с командой явился к Грейгу. Адмирал приказал капитану с солдатами весь день оставаться в каютах и ни с кем не видеться. Вечером 25 он сдал Толстому принцессу, Франциску фон-Мешеде, Доманского, Чарномского и четырех камердинеров. Так же тихо, так же незаметно, как и накануне, яхта поплыла назад и в два часа ночи причалила к гранитным стенам Петропавловской крепости. Комендант, уже ожидавший в гости «вояжиров», принял их от Толстого и немедленно разместил по казематам

[1] Впоследствии бригадир, умер в 1811 году.

Алексеевского равелина. В то же утро начались допросы.

Первого допрашивали Кальтфингера. Перед допросом ему, как потом и всем остальным, было объявлено, что обстоятельства их жизни уже известны, следовательно, всякая ложь с их стороны будет совершенно бесполезна, что все средства будут употреблены для узнания самых сокровеннейших их тайн, и поэтому лучше всего рассказать с полною откровенностью все, что им известно; это одно может доставить снисхождение и даже помилование.

Кальтфингер объявил, что прежде находился он в услужении у одного французского офицера, собиравшегося в Турцию с князем Радзивилом, и приехал с ним в Рагузу. Здесь он перешел в услужение к Доманскому и сопровождал его, когда тот поехал с графиней Пиннеберг в Неаполь и Рим. В Риме господина его посещало много поляков. Графиня была нездорова, и болезненные припадки бывали с нею весьма часто; доктор Саличетти бывал у нее ежедневно. Когда все общество поехало в Пизу, Кальтфингер хотел остаться в Риме с остальною прислугою, но графиня уговорила его ехать с нею. С нею отправился он и в Ливорно и был арестован на корабле «Трех иерархов».

После Кальтфингера допрашивали Чарномского. Он признался, что вместе с Каленским в 1772 году был послан графом Потоцким в Турцию, в лагерь тамошних войск, сражавшихся с русскими. «Цель поездки моей,— говорил Чарномский,— состояла в том, чтобы разведать, нельзя ли оттуда получить помощь польской генеральной конфедерации. Из Константинополя я привез графу Потоцкому в Верону ответ от великого визиря и затем поступил на службу к князю Радзивилу, бывшему маршалом генеральной конфедерации». Но Чарномский умолчал, что генеральная конфедерация вверила ему доставление новых писем к султану и к великому визирю, и что он искал места официального агента конфедерации в Турции, которое занимал Каленский. Он умолчал и о том, что взятая в Пизе переписка конфедерации принадлежит ему, а не самозванке, и что граф Потоцкий писал к нему 6 января 1775 года о возвращении вверенной ему переписки конфедерации с турецкими властями. Оттого в Петербурге и думали, что эта пере-

писка была вверена самозванке, а не ему. Вообще в показаниях обоих поляков, Чарномского и Доманского, заметно старание выгородить не только себя, но и все польское дело, дать всему такой вид, чтобы не было обнаружено участие конфедератов, особенно же князя Карла Радзивила и иезуитов в замыслах созданной польской интригою претендентки на русскую корону. Замечательнее же всего то, что со стороны самих следователей постоянно было опускаемо все касавшееся Радзивила, иезуитов и членов польской генеральной конфедерации. Из всего хода следственного дела видно, что князя Радзивила и других поляков старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной «вклепавшей на себя имя». Так, например, другой камердинер Доманского, Рихтер, не был допрошен обстоятельно, между тем как из захваченных бумаг ясно было видно, что он до поступления к Доманскому жил в Париже в услужении у Михаила Огинского, в пору тесного знакомства его с принцессой Владимирскою, и едва ли не сопровождал ее, по приказанию своего господина, из Парижа во Франкфурт. Очевидно, старались не привлекать к делу людей, помирившихся с королем Станиславом Августом и не возбуждавших более против себя негодования Екатерины. Что касается князя Радзивила, он вполне испытал, что значит не угодить российской императрице и поддерживаемой ею партии, приверженной королю Понятовскому.

Мы уже сказали, что громадные имения знаменитого в своем роде ясновельможного «пане коханку» были конфискованы, и что, живя в Венеции и Рагузе, он дожил до чрезвычайно тесных обстоятельств, так что даже принужден был продавать родовые бриллианты. Спустив с рук все, что мог, он дошел до неизвестной ему дотоле крайности и, покинув принцессу Владимирскую, уехал в Венецию, а оттуда в скором времени отправился с повинною головой в Польшу к королю Станиславу Августу. Можно сказать, что в Варшаве царствовал тогда не король, а русский посланник, что не Понятовский, а он должен был решить судьбу смирившегося Радзивила. Ясновельможному князю предложили возвратить все, что потерял он, под условием, чтоб он привез в Россию принцессу Елизавету и выдал ее в руки правительства. Как ни были стеснены обстоятельства ясновельможного

«пане коханку», он, всегда неразборчивый на средства и весьма легко мирившийся с совестью, не решился однако на предательство несчастной женщины и, по свидетельству Кастеры, наотрез отказался от сделанного ему предложения. Тогда ему сказали, что ему будут возвращены его конфискованные маетности, если он никогда не будет помогать самозванке ни словом, ни делом. На это Радзивил согласился и получил обратно свои имения. Затем он до самой смерти (1790 г.) пользовался милостивым расположением Екатерины, хотя она считала его пустым человеком. Очень может быть, что фельдмаршал князь Голицын имел секретное приказание всячески выгораживать смирившегося перед императрицей и при всяком случае старавшегося показать ей свою нелицемерную преданность князя Радзивила и щадить его партию. Как государыня, Екатерина была, конечно, благодарна графу Орлову за его усердие, которое, препроводив обманутую им жертву в Петропавловскую крепость, избавило императрицу от хлопот, но как женщина, она не могла не оценить достойно поступков как честолюбца, предавшего полюбившую его женщину и из холодного расчета поправшего чувства любви, так и беспутного Радзивила, который, несмотря на сильный соблазн сделанного ему предложения, не решился на предательство. Сравнение было, конечно, не в пользу знаменитого героя Чесмы.

Чарномский показал, что князь Радзивил, сев в Венеции на корабль варварийского капитана, чтоб ехать в Константинополь, объявил своим спутникам, что отправляющаяся с ним к султану принцесса есть дочь покойной императрицы всероссийской Елизаветы Петровны. Все поверили словам «пане коханку» и оказывали принцессе подобающие царственному происхождению почести. Во время пребывания в Рагузе консулы французский и неаполитанский несколько раз обедали у нее и обращались с ней (в первое время, пока у ней не произошло разрыва с князем Радзивилом) как с великою княжной. Когда Радзивил воротился в Венецию, продолжал Чарномский, он с Доманским решились ехать в Рим, поэтому и приняли охотно предложение принцессы сопутствовать ей на ее счет через Неаполь и Рим в ее германские владения. В Риме все признавали спутницу их русскою великою княжной и обращались с ней с

таким почтением, какое оказывают только лицам царствующих домов. Резиденты курфирста Трирского, граф Ланьяско, и польского двора, маркиз Античи — несколько раз бывали у нее; последний вел с ней переписку и на адресах писал: «Ее высочеству принцессе Елизавете». Денежные средства принцессы в Риме истощились, и Чарномский с Доманским, желая отыскать графа Потоцкого и потом вернуться в Польшу, просили принцессу уволить их из своей службы, но она в Риме уговорила их не покидать ее до времени и взяла с них обещание проводить ее до Оберштейна. Рассказав потом о прибытии лейтенанта Христенека и получении Елизаветою русских денег, Чарномский прибавил, что она ему и Доманскому сказала: «Мне граф Алексей Орлов обещал помогать во всем, и потому я поеду к нему в Пизу, где я заплачу вам долги и отпущу обоих».

В заключение Чарномский рассказал известные уже нам подробности о путешествии в Пизу и в Ливорно, о поездке на корабль «Трех иерархов» и о задержании на нем принцессы и ее спутников.

XXXII

После Чарномского к допросу привели Доманского. Он ни слова не сказал о знакомстве с принцессой в Германии, когда бывал у нее в Оберштейне, и был известен под названием «Мосбахского незнакомца». Свое показание начинает он с пребывания в Венеции. «Иностранная дама» (так называет Доманский принцессу), узнав из газет, что князь Радзивил намеревается отправиться в Константинополь, приехала в Венецию, чтобы под его покровительством отправиться туда же. Когда собрались в путь и корабль был уже готов к отплытию, князь Радзивил поручил мне проводить на него «иностранную даму», сказав, что это русская «великая княжна», рожденная покойною императрицей Елизаветою Петровною от тайного, но законного брака. Я поверил словам палатина тем более, что еще в 1769 году слышал от графа Паца, служившего в России, что императрица Елизавета действительно находилась с кем-то в тайном браке. Когда мы жили в Рагузе, князь Радзивил, желая удостовериться в личности «иностранной дамы», которую называли великою княжной, писал в Магейм к

Бернатовичу, прося его доставить о ней точнейшие сведения. Бернатович вскоре уведомил, что она действительно принадлежит к высокому, знатному роду. Французские офицеры, находившиеся при Радзивиле в Рагузе, были ежедневными собеседниками «иностранной дамы», и она им рассказывала о своих приключениях. Офицеры писали в те города, в которых, по словам ее, она имела временное пребывание, и оттуда получены были ответы, что действительно в тех городах некоторое время жила проездом «принцесса Елизавета».

Радзивил, по словам Доманского, живя в Рагузе, через несколько времени стал сомневаться в действительности царственного происхождения графини Пиннеберг и говорил ему, что вследствие этого сомнения он утаил переданные ему принцессой письма к султану и великому визирю. «Она мне отдала эти письма для отправления в Константинополь,— сказывал «пане коханку» Доманскому,— но я, не желая более впутываться в ее замыслы, оставил их у себя, а ее обманул: сказал, что отправил их к Коссаковскому в Турцию для вручения по принадлежности». «Когда Радзивил уехал обратно в Венецию,— продолжал Доманский,— принцесса сделала нам с Чарномским предложение сопровождать ее в Неаполь, Рим, а оттуда в германские ее владения. Так как путешествие это соответствовало дальнейшим моим намерениям, то я охотно согласился, тем более, что она задолжала мне восемьсот червонцев, из которых триста принадлежали мне, а остальные были заняты мной для нее в Рагузе. Я потому более согласился ехать с нею, что надеялся на получение должных ею мне денег, если не в Италии, то в принадлежавшем ей графстве Оберштейн. Я уговаривал и Чарномского не оставлять этой дамы, но французский консул в Рагузе, у которого в доме она прежде жила, советовал Чарномскому не очень доверяться этой женщине. Чарномский сказал об этом мне и, по общему нашему совету, обратился к ней, прося откровенно признаться, кто она действительно, и обещая ей следовать за нею во всяком случае, кто бы ни была она. Выслушав Чарномского, принцесса с гневом сказала: «Как вы осмелились подозревать меня в принятии на себя ложного имени?» Чарномский смутился и замолчал. Тогда я, находясь под влиянием обворожительного ее обращения и ума, уговорил Чарномского сопровождать

ее хоть до Рима, где она намеревалась провести не более восьми дней. Стесненные денежные обстоятельства принцессы породили во мне новые подозрения в ее происхождении, и я несколько раз спрашивал ее, кто она такая, и каждый раз она называла себя русскою великою княжной, дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны. В Риме она вошла в сношения с русским генералом графом Орловым и получила от него значительную сумму денег. Из них она расплатилась со своими заимодавцами, в том числе и мне возвратила взятые для нее в Рагузе пятьсот червонцев».

Доманскому был предложен вопрос: зачем он оставался при ней, получив должные ему деньги? Он признался, что до безумия влюблен в эту очаровательную женщину. «Страстная привязанность к ней и желание знать, чем кончатся запутанные ее обстоятельства,— говорил он князю Голицыну,— заставили меня остаться при ней и уговорить Чарномского не покидать ее». Доманский подтвердил все, что относительно его говорил на допросе Чарномский, извиняясь, что он прежде не показал всего по слабости памяти.

Утром того же 26 мая спрашивали Франциску фон-Мешеде, как известно, постоянно находившуюся при Елизавете в Германии, Рагузе, Италии и на корабле «Трех иерархов». В показаниях Франциски говорится только о домашней, частной жизни принцессы. Франциска сказала, что госпожа ее держала себя с прислугой крайне осторожно. «Она никогда не вступала со мной ни в какие разговоры о предметах, не относящихся до моей должности,— говорила камермедхен,— и так таинственно держала себя относительно прислуги, что только садясь в карету сказывала, куда надо ехать. Деньги у нее были всегда, и она исправно платила прислуге, но откуда получала она их, я не знаю. Хотя она и часто бывала за службой в римско-католических храмах, но не принадлежала к латинской церкви». О беременности принцессы осенью 1774 года (от князя Лимбурга) Франциска Мешеде не упомянула. Голицын и другие следователи ничего не могли более добиться от Франциски. Она была признана слабоумной, и ее больше не спрашивали. Почему не спрашивали Рихтера, Лабенского и двух итальянцев-камердинеров, остается неразъясненным.

XXXIII

Первый допрос самой принцессе был произведен того же 26-го мая. Секретарь следственной комиссии, коллежский асессор Василий Ушаков, еще заблаговременно составил вопросные пункты, сообразно со взятыми в Пизе и рассмотренными в Петербурге бумагами. Цель вопросов состояла в том, чтоб узнать от пленницы: кто внушил ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и с кем по этому поводу находилась она в сношениях. Вопросные пункты были предлагаемы ей на французском языке, пленница отвечала по-французски, со слов ее ответы писались на русском языке и после того, перед рукоприкладством, переводились ей на французский язык изустно.

Когда фельдмаршал князь Голицын в первый раз вошел в отделение Алексеевского равелина, состоявшее из нескольких светлых, сухих и удобно убранных комнат, в которых с своею камермедхен, без внутреннего караула, содержалась «всклепавшая на себя имя», она пришла в сильное волнение. Не робость, а сильный гнев овладел ею. С достоинством и повелительным тоном спросила она Голицына.

— Скажите мне: какое право имеют так жестоко обходиться со мной? По какой причине меня арестовали и держат в заключении?

Фельдмаршал строго заметил ей, что она должна дать прямые и неуклончивые ответы на все, о чем он будет ее спрашивать. Допрос начался.

— Как вас зовут? — спросил князь Голицын.

— Елизаветой,— отвечала пленница.

— Кто ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три года.

— Какой вы веры?

— Я крещена по греко-восточному обряду.

— Кто вас крестил, и кто были восприемники?

— Не знаю.

— Где провели вы детство?

— В Киле, у одной госпожи Пере или Перон.

— Кто при вас находился тогда?

— При мне была нянька, ее звали Катериной. Она немка, родом из Голштинии.

Дальнейшие показания пленницы состояли в следующем:

— В Киле меня постоянно утешали скорым приездом родителей. В начале 1762 года, когда мне было девять лет от роду (то есть немедленно по кончине императрицы Елизаветы Петровны, которая умерла в самый день рождества Христова 1761 года), приехали в Киль трое незнакомцев. Они взяли меня у госпожи Перон и, вместе с нянькой Катериной, сухим путем повезли в Петербург. В Петербурге сказали мне, что родители мои в Москве и что меня повезут туда. Меня повезли, но не в Москву, а куда-то далеко, на персидскую границу, и там поместили у одной образованной старушки, которая, помню я, говаривала, что она сослана туда по повелению императора Петра III. Эта старушка жила в домике, стоявшем одиноко вблизи кочевья какого-то полудикого племени. Здесь у приютившей меня старушки прожила я год и три месяца и почти во все это время была больна.

— Чем вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро данным противоядием жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова от последствий данного мне яда.

— Кто еще находился при вас в это время?

— Кроме Катерины, еще новая нянька; от нее я узнала несколько слов, похожих на русские. Потом начала в том же доме у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но впоследствии забыла его. На персидской границе я была не в безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такие — я не знала и до сих пор не знаю, искали случая препроводить меня в совершенно безопасное место. В 1763 году, с помощью одного татарина, няньке Катерине удалось бежать вместе со мной, десятилетним ребенком, из пределов России в Багдад. Здесь принял меня богатый персиянин Гамет, к которому нянька Катерина имела рекомендательные обо мне письма. Год спустя, в 1764 году, когда мне было одиннадцать лет, друг персиянина Гамета, князь Гали, перевез меня в Испагань, где я получила блистательное образование под руководством француза Жана Фурнье. Гали мне часто говаривал, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны; то же постоянно говорили мне и другие окружавшие меня люди.

— Кто такие эти люди, внушавшие вам такую мысль?

— Кроме князя Гали, теперь никого не помню. В Персии пробыла я до 1769 года, пока не возникли народные волнения и беспорядки в этом государстве. Тогда Гали решился удалиться из Персии в Европу. Мне было семнадцать лет, когда он повез меня из Персии. Мы выехали сначала в Астрахань, где вместо сопровождавшей нас персидской прислуги Гали нанял русскую, принял имя Крымова и стал выдавать меня за свою дочь. Из Астрахани, через всю Россию, мы приехали в Петербург, но там оставались недолго, только переночевали. Из Петербурга сухим путем поехали в Кенигсберг, где князь Гали немедленно отпустил русскую прислугу и нанял немецкую. В Кенигсберге мы пробыли шесть недель и отправились в Берлин, где жили довольно долго, а затем поехали в Лондон. В Лондоне я жила с князем Гали года два; здесь получил он известие, что ему необходимо воротиться в Персию, и он принужден был меня оставить. Без него я прожила в Лондоне пять месяцев, на деньги, оставленные им. Он баснословно богат и, расставаясь со мной, вручил мне громадную сумму и множество драгоценных вещей. Впоследствии он постоянно присылал мне очень большие суммы, на которые я могла жить в изобилии и роскоши и содержать многочисленную прислугу. Князь Гали расставался со мной лишь на время: он очень ко мне привязан и назначил меня единственною наследницей несметных своих сокровищ. Из Лондона я отправилась в Париж. Как в Лондоне, так и в столице Франции я продолжала называться дочерью князя Гали, и потому меня обыкновенно называли «принцессою Али». В Париже я постоянно находилась в обществе самых знатных людей, и многие из них говорили мне, что я русская великая княжна, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Но я упорно отрицала это и продолжала называться «принцессой Али» или «принцессой Алиною». Из Парижа я поехала в Германию с целию купить в Голштинии поземельную собственность на деньги, которые получала от князя Гали. Тут я познакомилась с Филиппом-Фердинандом, князем Римской империи, герцогом Шлезвиг-Голштейн-Лимбург, владетельным графом Лимбургом. Князь оказывал мне знаки своего расположения, стал ухаживать за

мной, и я вскоре заметила, что он влюбился в меня. Я не отвергла его любви, потому что и он мне очень нравился. Вскоре князь Лимбург стал формально просить моей руки, я была согласна на его предложение, но для заключения брака необходимы были документы о моем происхождении, необходимо было положительно разъяснить тайну моего рождения. Я думала было, с помощью моего покровителя, князя Гали, отыскать в России необходимые для моего брака документы, предполагала сама ехать в Петербург и там представиться императрице Екатерине. Я надеялась снискать милостивое расположение государыни, представив ей важные предположения относительно торговли России с Персией. Об этом я предварительно послала записку русскому вице-канцлеру князю Голицыну. Я надеялась, что за эту услугу императрица даст мне фамилию и титул, которые бы сделали меня достойною вступить в брак с владетельным князем Римской империи. Все это делала я по совещанию с моим женихом, князем Лимбургом; он совершенно одобрил мои намерения и даже уполномочил меня вместе с этим делом взять на себя переговоры касательно притязаний его на Шлезвиг и Голштинию. Но в самое это время, как я собиралась ехать в Петербург, планы князя Лимбурга были расстроены полученным известием, что великий князь Павел Петрович, как наследный герцог Голштинский, променял Шлезвиг-Голштинское герцогство на Ольденбургские и Дельменгорстские владения. Это неожиданное обстоятельство заставило меня отложить на время петербургскую поездку и остаться в Оберштейне. В это время я была невестой князя Лимбурга, и все считали меня будущею его супругой. Мой жених нуждался в деньгах как на уплату старых долгов, так и на выкуп у Трирского курфирста исключительного права на владение графством Оберштейн. Я надеялась достать ему нужную сумму, рассчитывая на кредит моего покровителя, князя Гали. Для получения денег я поехала в Венецию, под именем графини Пиннеберг; там я надеялась получить деньги от людей, знавших князя Гали и имевших с ним денежные дела. Я хотела послать верного человека к нему в Персию, но узнав, что князь Радзивил намеревается ехать в Константинополь, сама решилась ехать к князю Гали через Турцию. Я просила князя Радзивила назначить мне

место и время для свидания, чтоб устроить свою поездку до Константинополя под его покровительством. Радзивил назначил для свидания со мной дом одного сенатора. Мы свиделись, и в разговоре со мной князь намекнул, что я могу быть весьма полезною для Польши, так как ему от сопровождавших его французских офицеров положительно известно, что я законная дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, имею неотъемлемое право на русскую корону, и если достигну престола, то в вознаграждение за содействие, которое окажут мне поляки, должна буду возвратить Польше Белоруссию и заставить Пруссию и Австрию восстановить Польшу в пределах 1772 года. Я настойчиво отрицала слова его и, заметив, что князь Радзивил, при ограниченных способностях своего ума, исполнен самых несбыточных намерений, хотела совершенно от него отделаться. Но сестра его, Теофила Моравская, жившая с ним в Венеции и изучавшая Восток, познакомившись со мной и узнав, что я имею много сведений о восточных государствах, упросила меня ехать с нею и братом ее до Константинополя, откуда мне было бы уже легко пробраться в Испагань к князю Гали, у которого я желала лично испросить согласие на брак с князем Лимбургом и надеялась получить от него такое приданое, с которым могла бы прилично выйти замуж за имперского владетельного князя. Сверх того, я надеялась получить и документы о моем рождении, необходимые для заключения брака. Таким образом мы отправились в Константинополь, но доплыв до острова Корфу, по причине противных ветров, принуждены были воротиться в Рагузу. Отсюда Теофила Моравская с дядей своим уехали в Венецию, а я осталась в обществе князя Карла Радзивила и собравшихся вокруг него французских и польских офицеров. Я нуждалась в деньгах и посылала Чарномского в Венецию к другу моему, лорду Монтегю, переговорить с ним и достать денег, а сама оставалась в Рагузе, ожидая султанского фирмана на проезд в Константинополь. Для исходатайствования фирманов на свое и на мое имя князь Радзивил еще раньше послал в Константинополь своего поверенного. В это время, именно 8-го июля 1774 года, получила я из Венеции анонимное письмо, при котором были приложены два запечатанных конверта. В письме было

сказано, что я могу спасти жизнь многих людей и сделаться посредницей при заключении мира России с Турцией, если по приезде в Константинополь соглашусь выдать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Из того же письма было видно, что один из приложенных конвертов я должна была лично передать султану, а другой отослать в Ливорно к графу Алексею Григорьевичу Орлову. Конверт, назначенный в Ливорно, я распечатала и нашла в нем письмо к графу Орлову от имени какой-то принцессы Елизаветы всероссийской и проект воззвания к экипажу русского флота, находившегося под его командой. Я сняла с этих бумаг копии, а конверт запечатала своею печатью и послала в Ливорно к графу. Бумаги, найденные мною в пакете, адресованном на имя султана, убедили меня отложить поездку в Константинополь. Когда же было получено в Рагузе известие о заключении между Турцией и Россией мира, я стала настоятельно уговаривать князя Радзивила отказаться от неосуществимых его планов и советовала ему, воротясь в Польшу, примириться с королем Станиславом Августом. Но увещания мои были напрасны, Радзивил не слушался, однако же отправился назад в Венецию, оставив при мне для сопровождения меня в Италию двух дворян из своей свиты, Чарномского и Доманского. С ними я поехала в Рим. Из Рима я писала к жениху своему, князю Лимбургу, что скоро намерена воротиться в его владения. Я предполагала ехать туда сухим путем через Пизу и Геную, где надеялась покончить дело по займу денег, за поручительством князя Гали. В Риме русский лейтенант Христенек искал моего знакомства, но я не хотела иметь с ним никаких сношений, пока не узнала, что он прислан ко мне с поручением от графа Орлова. Христенек спросил меня от имени графа: я ли послала к нему в Ливорно пакет с бумагами. Я отвечала утвердительно. Тогда Христенек сказал, что граф желает со мной лично познакомиться и зовет меня в Пизу. Мне не для чего было оставаться в Риме; я, как уже сказала, намеревалась ехать в Геную, чтоб оттуда продолжать путь в Оберштейн к жениху моему, князю Лимбургу; Пиза была по дороге, и я охотно согласилась остановиться на короткое время в этом городе, чтобы познакомиться с графом Орловым и тем исполнить его желание. Христенек поехал вместе со

мной, но на дороге опередил меня, чтобы приехать в Пизу прежде и приготовить все нужное к принятию меня. В Пизу я приехала под именем графини Селинской, граф Орлов немедленно явился ко мне и предложил свои услуги. Через несколько дней, при разговоре с графом Орловым об Италии, случилось мне сказать, что я никогда не бывала в Ливорно и желала бы видеть этот город. Граф Орлов предложил мне показать Ливорно, я согласилась и поехала вместе с ним и с сопровождавшими меня польскими дворянами Доманским и Чарномским. В Ливорно граф Орлов привез меня к английскому консулу, сэру Джону Дику, принявшему нас очень гостеприимно. Я просила графа Орлова доставить мне случай полюбоваться на маневры кораблей, и он с охотой согласился на то. После обеда у сэра Джона Дика, в большом обществе отправились мы на рейд, и я, совершенно доверяясь графу, поехала в шлюпке на адмиральский корабль. При сильной пушечной пальбе начались маневры, и я засмотрелась на них; в это время граф Орлов отошел от меня, а незнакомый офицер, подойдя ко мне, объявил, что я арестована. Испуганная такою неожиданностью, я написала к графу Орлову письмо, требуя разъяснения случившегося; он отвечал мне на немецком языке.

При этом пленница передала князю Голицыну известное уже нам письмо к ней графа Орлова.

Фельдмаршал не удовольствовался данными пленницей ответами. Он имел в виду единственно разъяснение двух вопросов: кто подал ей мысль «всклепать на себя имя» дочери императрицы Елизаветы Петровны и с кем она по сему предмету находилась в сношениях? Эти вопросы, без сомнения, поставлены были самою Екатериной. Императрица не могла удовольствоваться одним романом захваченной пленницы, ей нужно было знать имена недоброжелателей, хотевших в лице мнимой принцессы создать одно из политических затруднений ее царствования. Кто эти недоброжелатели за границей, а особенно в самой России,— вот что желала знать Екатерина. Этого добивался от пленницы и фельдмаршал Голицын. Хотя она и сказала, что князь Радзивил говорил ей, что она, достигнув принадлежащего ей по праву русского престола, может быть полезна для Польши, но этим фельдмаршал не удовольствовался. Князя Радзи-

вила императрица считала за пустого человека и притом, как кажется, не хотела впутывать в дело самозванки после того как он обещался не помогать ей, примирился с королем Станиславом Августом и признал себя совершенно бессильным перед русскою императрицей. А между тем не кто другой, как «пане коханку», и стоял во главе затеянной поляками и иезуитами против Екатерины интриги, выдвинувшей на сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны. Но по ограниченности ума он мог быть только орудием в руках искусных в интриге людей: их-то имена и хотелось узнать князю Голицыну, об них-то и желал он получить точные сведения от пленницы.

Замечательно, что хотя из бумаг, захваченных в Пизе, и видно было, что принцесса называла Пугачева своим братом, хотя об этом и писала Голицыну сама императрица, но на этот предмет ни при первом допросе, ни при последующих не было обращено никакого внимания. О Пугачеве не спросили пленницу.

Когда она кончила рассказ о своих похождениях, князь Голицын спросил ее:

— Вы должны сказать, по чьему наученью выдавали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны?

— Я никогда не была намерена выдавать себя за дочь императрицы,— твердо отвечала пленница.

— Но вам говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мне говорил это в детстве моем князь Гали, говорили и другие, но никто не побуждал меня выдавать себя за русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза не утверждала, что я дочь императрицы. Правда, иногда в разговорах с князем Лимбургом, с князем Радзивилом и другими знатными особами, которым я рассказывала о странных обстоятельствах моего детства, они говорили мне, что напрасно я скрываю свое происхождение, что им наверное известно, что я рождена русскою императрицей. Но каждый раз, чтоб отделаться от подобных расспросов, я шутливо отвечала: «Да принимайте меня за кого вы хотите: пусть буду я дочь турецкого султана или персидского шаха или русской императрицы, я и сама ничего не знаю о своем рождении». Некоторые из знатных особ даже письменно спрашивали меня, действительно ли я русская вели-

кая княжна, но я отвечала им, что не знаю, кто были мои родители.

— Отчего же слухи о вашем происхождении от императрицы распространились с тех пор, как вы приехали в Венецию, и еще более усилились, когда вы поселились в Рагузе? — спросил князь Голицын.

— Не знаю,— отвечала пленница,— но в самом деле эти слухи особенно распространились с тех пор, как я приехала к князю Радзивилу в Венецию. Может быть, это произошло от того, что сопровождавший меня из владений князя Лимбурга в Венецианскую республику его гофмаршал барон Кнорр, несмотря на неоднократные мои запрещения, в разговорах со мной давал мне титул «высочества». В Рагузе молва о том, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны, распространилась еще более. Я даже просила сенат Рагузской республики принять с своей стороны надлежащие меры против распространения такой опасной для меня молвы.

Голицын показал ей взятые у ней завещания Петра Великого, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также тот «манифестик», который посылала она из Рагузы к Орлову.

— Что вы скажете об этих бумагах? — спросил он.

— Это те самые документы, что были присланы ко мне при анонимном письме из Венеции, 8 июля 1774 года. Я говорила вам о них,— сказала принцесса.

— Кто писал эти документы?

— Не знаю.

— Кто прислал их к вам — как вы предполагаете, на кого имеете в этом подозрение?

— Не знаю, кто мне прислал анонимное письмо и эти бумаги. Я готова присягнуть, что почерк, которым писаны они, мне совершенно неизвестен. Больше ничего о них не знаю и сказать не могу.

— Послушайте меня,— сказал добрейший князь Голицын,— ради вашей собственной пользы, скажите мне все откровенно и чистосердечно. Это одно может спасти вас от самых плачевных последствий.

— Говорю вам чистосердечно и с полною откровенностию, господин фельдмаршал,— с живостию отвечала пленница,— и в доказательство чистосердечия признаюсь вот в чем. Получив эти бумаги и прочитав их, стала я соображать и воспоминания моего детства, и ста-

рания друзей укрыть меня вне пределов России, и слышанное мною впоследствии от князя Гали, в Париже от разных знатных особ, в Италии от французских офицеров и от князя Радзивила относительно моего происхождения от русской императрицы. Соображая все это с бумагами, присланными ко мне при анонимном письме, мне действительно приходило иногда на ум: не я ли в самом деле то лицо, в пользу которого составлено духовное завещание императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимного письма приходило мне в голову, не последствие ли это каких-либо политических соображений?

— С какою же целию писали вы к графу Орлову и послали ему завещание и проект манифеста?

— Я послала к графу Орлову пакет, присланный ко мне при анонимном письме из Венеции, потому что он был адресован на его имя. Письмо к графу Орлову от имени принцессы Елизаветы писала не я, оно не моей руки и не подписано мной. Для себя я сняла со всех этих документов копии, чтобы показать их жениху своему, князю Лимбургу. А к графу Орлову послала я бумаги, с одной стороны, думая, не узнаю ли я вследствие того чего-нибудь о своих родителях, а с другой стороны, чтоб обратить внимание графа на происки, которые, как мне казалось, ведутся из России.

— Что вы сделали с пакетом, адресованным к турецкому султану?

— Я не отправила его, ожидая, не будет ли какого разъяснения со стороны графа Орлова относительно моего происхождения.

— Повторяю вам, для собственной пользы вашей скажите: кто, по вашему мнению, прислал это письмо и духовные завещания?

— Не знаю. В свое время я много о том думала; подозрения мои в составлении их падали то на Версальский кабинет, то на Диван, то на Россию, но положительного сказать ничего не могу. Эти бумаги привели меня в такое сильное волнение, что были причиной жестокой болезни, которая теперь так сильно развилась во мне.

— Но вы из Рагузы писали еще письмо к султану, в нем уже прямо называли себя «всероссийскою великою княжной Елизаветой» и просили его помощи.

— Я к султану никогда ничего не писала и всероссийскою великою княжной ни в каких письмах себя не называла.

Фельдмаршал еще раз начал было уговаривать пленницу сказать всю правду: кто научил ее выдавать себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, с кем по этому предмету находилась она в сношениях и в чем состояли ее замыслы?

— Я вам сказала все, что знаю,— отвечала она с решительностью.— Больше мне нечего вам отвечать. В жизни своей приходилось мне много терпеть, но никогда не имела я недостатка ни в силе духа, ни в твердом уповании на бога. Совесть не упрекает меня ни в чем преступном. Надеюсь на милость государыни; я всегда чувствовала влечение к России, всегда старалась действовать в ее пользу.

Слова пленницы секретарь Ушаков записал. Ей прочли по-французски составленное показание и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: *Elisabeth.*

XXXIV

Сряду четыре дня после этого допроса ходил князь Голицын в каземат уговаривать пленницу рассказать ему всю правду. Но, несмотря на все его убеждения, она не изменила ни слова в данном показании и постоянно твердила одно:

— Сама я никогда не распространяла слухов о моем происхождении от императрицы Елизаветы Петровны. Это другие выдумали на мое горе.

Князь Голицын показал ей допрос Доманского, где тот признался, что на его вопросы об ее происхождении она несколько раз отвечала ему, что она дочь императрицы Елизаветы.

Пленница не смутилась и твердо сказала:

— Повторяю, что сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а других.

Мая 31-го фельдмаршал князь Голицын послал показание пленницы к императрице и в донесении своем упомянул, что она стоит на одном: «сама себя великою княжной не называла; это выдумки других», и сказала

это очень смело, даже и в то время, когда ей указано на противоречащее тому показание Доманского. «Она очень больна,— писал фельдмаршал,— доктор находит жизнь ее в опасности, у нее часто поднимается сухой кашель, и она отхаркивает кровь». Так как «всклепавшая на себя имя», прибавил князь Голицын, «не может еще считаться совершенно изобличенною, то я не сделал никаких ограничений в пище, ею получаемой, и оставил при ней ее служанку, так как она по-русски не знает и сторожей понимать не может».

На Доманского и Чарномского фельдмаршал взглянул слишком легко. Он, кажется, и не подозревал, что оба они были замечательными деятелями польской генеральной конфедерации. Бумаги Чарномского, взятые в палаццо принцессы в Пизе, князь Голицын считал принадлежащими не ему, а пленнице. «По моему мнению,— писал он к императрице,— поляки, сопутствовавшие самозванке, ни более ни менее, как бродяги, приютившиеся к ней в надежде хорошего устроения своей будущности». Относительно прислуги князь Голицын говорил, что она вовсе не причастна к делу. При этом он прибавил, однако, что все они считали госпожу свою за принцессу.

На другой день по отправлении донесения к императрице, то есть 1 июня, князь Голицын получил от пленницы письмо. Она писала, что нисколько не чувствует себя виновною против России и против государыни императрицы, иначе не поехала бы с графом Орловым на русский корабль, зная, что на палубе его она будет находиться в совершенной власти русских. При письме приложено было письмо к императрице. Пленница просила князя Голицына немедленно отослать это письмо к ее величеству. Она умоляла Екатерину смягчиться над печальною ее участью и назначить ей аудиенцию, где она лично разъяснит ее величеству все недоумения и сообщит очень важные для России сведения. Оба письма (на французском языке) подписаны так: *Elisabeth.*

Императрица была сильно раздражена лаконическою подписью. По правде сказать, какую же другую подпись могла употребить пленница? Зовут ее Елизаветой, это она знает, но она не знает ни фамилии своей, ни происхождения. Она была в положении «непомнящей родства»; но во времена Екатерины такого звания

людей русское законодательство еще не признавало. Как же иначе, если не «Елизаветой», могла подписать пленница официальную бумагу? Но императрица видела тут другое: она думала, что, подписываясь «Елизаветой», «всклепавшая на себя имя» желает указать на действительность царственного своего происхождения, ибо только особы, принадлежащие к владетельным домам, имеют обычай подписываться одним именем. Под этим впечатлением Екатерина не поверила ни одному слову в показании, данном пленницей. «Эта наглая лгунья продолжает играть свою комедию!» — сказала она.

Июня 7-го императрица писала князю Голицыну: «Передайте пленнице, что она может облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностию и также совершенным отказом от разыгрываемой ею доселе безумной комедии, в продолжение которой она вторично осмелилась подписаться *Елизаветой*. Примите в отношении к ней надлежащие меры строгости, чтобы наконец ее образумить, потому что наглость письма ее ко мне уже выходит из всяких возможных пределов».

Получив этот рескрипт, князь Голицын послал в Алексеевский равелин секретаря следственной комиссии Ушакова. Ушаков объявил заключенной, что в случае дальнейшего упорства ее во лжи будут употреблены *крайние способы* для узнания самых *тайных ее мыслей*. Пленница клялась, что показала одну только сущую правду, и говорила с такою твердостью, с такою уверенностью, что Ушаков, возвратясь к фельдмаршалу, выразил ему личное свое убеждение, что она сказала всю правду.

На другой день князь Голицын сам отправился к ней. Он увещевал пленницу рассказать всю правду, подавал ей надежду на помилование, если она раскроет все без утайки и искренно раскается в преступных против императрицы замыслах. Она не отказалась ни от одного из данных прежде показаний и ни одного слова к ним не прибавила. Больше всего допытывался у ней фельдмаршал, от кого получила она копии с духовных завещаний Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны.

— Клянусь всемогущим богом, клянусь вечным спасением, клянусь вечною мукой,— с чувством отвечала ему пленница,— не знаю, кто прислал мне эти несчаст-

ные бумаги. Проступок мой состоит лишь в том, что я, отправив к графу Орлову часть полученных бумаг, не уничтожила остальные. Но мне в голову не могло придти, чтоб это упущение когда-нибудь могло довести меня до столь бедственного положения. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мне эту ошибку и самим богом обещаюсь хранить вечно о всем этом деле молчание, если меня отпустят за границу.

— Так вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю всемилостивейшей государыни?

— Мне не в чем признаться, кроме того, что я прежде сказала. Что я знаю, то все сказала, и сказала сущую правду. А больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господин фельдмаршал. Видит бог, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все,— сурово проговорил фельдмаршал смотрителю Алексеевского равелина,— все, кроме постели и самого необходимого платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержания жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ее не допускать к ней. Офицер и двое солдат день и ночь должны находиться в ее комнатах.

Пленнице перевели на французский язык распоряжение фельдмаршала. Она залилась слезами. Твердость духа, казалось, покинула ее.

Два дня, две ночи проплакала она, находясь в одних комнатах с каким-то гарнизонным офицером и двумя солдатами. Она их не понимала, они не понимали ее. Принесли в деревянной чашке суровую пищу — вероятно, щи да кашу. Изнеженная, привыкшая к довольству и роскоши, изнуренная смертельною болезнию, пленница не могла прикоснуться к этому угощению. Двое суток она ничего не ела. Болезнь усилилась, сухой кашель одолевал ее, печенками отхаркивала она кровь. Она говорила офицеру и солдатам, что желает писать письмо к фельдмаршалу, но те не понимали ее. Наконец знаками и часто произнося имя Голицына, бедная женщина успела вразумить тюремщиков. Ей дали бумагу, перо и чернила.

В письме к фельдмаршалу пленница горько жаловалась на обвинения, взводимые на нее, и на то, что следственная комиссия не хочет обратить внимание на обстоятельства, доказывающие ее невинность. «Не хо-

тят,— писала она,— признать, что я не увлеклась присланными ко мне в Рагузу от неизвестного лица документами, ибо в противном случае я поехала бы не в Италию, а на Восток. Сознаюсь,— добавила она,— что ко мне в Рагузу было прислано еще много других бумаг, кроме взятых в Пизе; из них большую часть я сожгла, а некоторые, находящиеся теперь у вас, переписала своей рукой». Повторяя, что в Венецию и Рагузу поехала она с единственною целью достать у князя Гали денег, пленница писала Голицыну: «Если вы, князь, все еще мне не верите, спросите наконец обо мне некоторых знатных людей, хорошо меня знающих. Я их назову. Хотя меня и заточили в крепость, но это еще можно поправить: объявите, что меня ошибкой приняли за другую женщину, и дайте мне возможность спокойно воротиться в Оберштейн к моему жениху, имперскому князю Лимбургу». В заключение она просила князя Голицына быть милосердным и не верить выдумкам людей, корыстолюбие которых она не могла удовлетворить или которым осталась должна самую безделицу. В этих словах нельзя не видеть указаний на Доманского и Чарномского. «Никого так много не обманывали, как меня,— писала она,— благодаря моему легковерию и доверчивости к людям. Не понимаю, как можно столь безусловно верить злонамеренным слухам, бредням и письмам бестолковых людей. В числе бумаг моих, быть может, вы найдете еще письмо от контролера финансов де-Марина, писавшего мне, будто шестьдесят тысяч войска находится в моем распоряжении. Подобные слухи были распускаемы обо мне, когда я жила в Рагузе, распускали их французские офицеры, бывшие при князе Радзивиле. Они называли меня то дочерью турецкого султана, то Елизаветою, принцессою Брауншвейг-Люнебургскою, сестрою несчастного Иоанна, во младенчестве провозглашенного русским императором, то дочерью императрицы Елизаветы Петровны, другие же считали меня за простую казачку. У меня есть за границей истинные друзья; если они узнают о настоящем моем положении, я навсегда должна лишиться чести и доброго имени. Зачем же губить меня напрасно, когда и без того мое здоровье, мое имение, даже, быть может, положение мое у князя Лимбурга навсегда утрачены? И то примите, князь, в соображение: какие причины могли бы побудить меня пред-

принять что-нибудь против России, которой я не знаю, с жителями которой не имела никаких сношений. Да если бы, наконец, весь свет был уверен, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положение дел таково, что оно мной изменено быть не может. Еще раз умоляю вас, князь, сжальтесь надо мной и над невинными людьми, погубленными единственно потому, что находились при мне».

Прочтя письмо, князь Голицын отправился к пленнице, чтобы разъяснить два обстоятельства, о которых она упомянула.

— Какие бумаги были к вам присланы в Рагузу, кроме завещаний и манифеста? — спросил ее фельдмаршал.

— Два письма к графу Панину,— отвечала изнуренная до крайности развившеюся чахоткой, строгим заключением, голодом и нравственными страданиями пленница,— еще письмо к вице-канцлеру князю Голицыну. В этих письмах неизвестные мне люди просили этих вельмож оказать «принцессе Елизавете» возможную по обстоятельствам помощь.

Она сказала неправду. Мы знаем уже, что письма эти писаны ею из Германии, задолго до пребывания в Рагузе, и что их не отправил по назначению барон фон-Горнштейн. Князь Голицын должен был знать это из бумаг, находившихся у него под руками, но почему-то не обратил на это внимания и не заметил пленнице несообразности ее слов.

— Вы писали ко мне,— сказал он,— что некоторые знатные особы знают вас и могут дать о вас сведения. Кто эти особы? Назовите их.

— Князь Филипп Шлезвиг-Голштейн-Лимбург,— отвечала она,— министр курфирста Трирского барон фон-Горнштейн, контролер финансов князя Лимбурга в Оберштейне де-Марин, литовский маршал Михаил Огинский, генерал французской службы барон Вейдбрехт, министр полиции в Париже Сартин.

Князь Голицын записал имена. Но ни с кем из названных не было сделано никаких сношений, никого из них не спросили, что знают они о личности пленницы. Екатерина отнюдь не хотела, чтоб история о мнимой дочери императрицы Елизаветы Петровны была разглашаема. Особенно несообразно было с ее видами, чтобы

за границей могли подумать, что она, победительница Оттоманов, блистательно торжествующая теперь славный для России мир, обращает серьезное внимание на женщину, которую сама назвала «побродяжкой». В подобных случаях Екатерина держалась пословицы: «из избы сора не выносить». И действительно, во время производства следствия над принцессой Владимирскою никто вне тайной экспедиции и не подозревал, чтобы «всклепавшая на себя имя» находилась в Петропавловской крепости.

Фельдмаршал снова стал увещевать пленницу, чтоб она открыла, кто внушил ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и кто были пособниками ее замыслам. Он напомнил ей о *крайних мерах*. Надо полагать, что ей было известно, что значат на языке тайной экспедиции слова: *«крайние меры»*.

— Я сказала вам все, что знаю,— с твердостью отвечала фельдмаршалу пленница.— Чего же вы от меня еще хотите? Знайте, господин фельдмаршал, что не только самые страшные мучения, но сама смерть не может заставить меня отказаться в чем-либо от первого моего показания.

Князь Голицын несколько помолчал и потом сказал:

— При таком упрямстве вы не можете ожидать помилования.

Но вид почти умирающей красавицы, вид женщины, привыкшей к хорошему обществу и роскошной обстановке жизни, а теперь заключенной в одних комнатах с солдатами, содержимой на грубой арестантской пище, больной, совершенно расстроенной, убитой и физически и нравственно, не мог не поразить мягкосердого фельдмаршала. Он был одним из добрейших людей своего времени, отличался великодушием и пользовался любовию всех знавших его. Забывая приказание императрицы принять в отношении к пленнице меры строгости, добрый фельдмаршал, выйдя из Алексеевского равелина, приказал опять допустить к ней Франциску фон-Мешеде, улучшить содержание пленницы, страже удалиться за двери и только смотреть, чтобы пленница не наложила на себя рук. Голицын заметил в ее характере так много решительности и энергии — свойств, которыми сам он вовсе не обладал,— что не без оснований опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубийство.

Она была способна на то, как доказала на корабле «Трех Иерархов».

Об этом свидании с пленницей и о сделанных распоряжениях князь Голицын подробно донес императрице 18 июня. Но императрица отвечала ему 29 числа: «Распутная лгунья осмелилась просить у меня аудиенции. Объявите этой развратнице, что я никогда не приму ее, ибо мне вполне известны и крайняя ее безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужие имена и титулы. Если она будет продолжать упорствовать в своей лжи, она будет предана самому строгому суду».

В записках Винского [1], через несколько лет по смерти принцессы сидевшего в том самом отделении Алексеевского равелина, где содержалась она, сохранился рассказ очевидца (тюремщика), что к ней один раз приезжал граф Алексей Григорьевич Орлов. Соображая время возвращения его в Россию к самому торжеству Кучук-Кайнарджиского мира, надо полагать, что если он действительно навестил свою жертву, то это было в описываемое теперь нами время, то есть во второй половине июня 1775 года. По словам тюремщика, пленница разговаривала с графом Алексеем Григорьевичем не по-русски, громко, и, как видно, сильно укоряла его, кричала на своего предателя и топала ногами.

Что говорили между собой граф и женщина, столь жестоко обманутая им, женщина, которая готовилась быть матерью его ребенка,— осталось неизвестным. Но сцена, без сомнения, была исполнена истинного трагизма. В другой раз Орлов не видался с пленницей и, как мы уже заметили, по всей вероятности, даже не знал, что с нею сталось.

Грейг, как было сказано выше, находился в это время в Москве. Он подробно рассказал Екатерине, как «всклепавшая на себя имя» попалась в расставленные сети и как она вела себя на его корабле во время плавания.

— Судя по ее произношению, думаю, что она полька,— сказал адмирал императрице.

Екатерине тотчас пришло в голову, что самозванку создала польская интрига. Сообщая князю Голицыну о словах адмирала, она приказала ему обратить особен-

---

[1] См. последнюю главу этой статьи.

ное внимание на это обстоятельство. Таинственная завеса, закрывавшая дело пленницы, таким образом готова была раскрыться, ибо дело действительно и заведено и продолжаемо было польскою рукой. Но все-таки не взялись ни за князя Радзивила, ни за Огинского, на которых указывала сама заключенная, не разобрали как следует найденных в Пизе бумаг польской генеральной конфедерации, а обратили исключительное внимание на одну самозванку, настоятельно добиваясь от нее того, чего, по всей вероятности, и действительно она не знала. Можно догадываться, что императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное внимание, не принадлежит ли пленница к польской национальности, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убедилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь к делу и Радзивилов, и Огинского, и Сангушко, и других польских магнатов, смирившихся пред нею и поладивших с королем Станиславом-Августом. Иначе трудно объяснить, почему при столь явных указаниях в захваченных бумагах на близкое участие польских магнатов в деле самозванки не обращено было на них ни малейшего внимания, тогда как привлечь их к делу и даже к самой строгой ответственности для Екатерины было чрезвычайно легко, ибо она властвовала, в Польше почти так же неограниченно, как и в России. Как бы то ни было, следственное дело нимало не разъяснило, кто такая была женщина, которую выдавали за законную наследницу русского престола, кто внушил ей мысль, что она всероссийская великая княжна, кто способствовал исполнению ее смелых замыслов. Все это осталось загадкой, которая едва ли когда-нибудь будет разрешена.

Взятым вместе с принцессой князь Голицын, по воле императрицы, объявил, что из показаний их ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы самозванки, но и самих зачинщиков ее замыслов. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней из-за каких-то воображаемых расчетов, тогда как будто бы признавали ее самозванкой, делает их соучастниками в ее преступлении; одно только откровенное признание во всем, до нее и зачинщиков замысла касающемся, может освободить их от всей тяжести заслуженного ими наказания. Но ни

Доманский, ни Чарномский после такого сделанного им князем Голицыным объявления ничего нового не разъяснили. Прислугу не спрашивали.

На основании показаний принцессы и ее спутников составлены были в Москве и присланы к фельдмаршалу двадцать так называемых «доказательных статей». Они составлены искусно и, судя по господствующему в них тону и по отзывам о них князя Голицына, по-видимому, самой императрицей или кем-нибудь под непосредственным ее руководством. «Эти статьи,— писала Екатерина,— совершенно уничтожат все ее (пленницы) ложные выдумки».

При «доказательных статьях» приложены были, в переводе на русский язык, письма принцессы к султану, к графу Орлову, к трирскому министру барону Горнштейну и к другим.

XXXV

Июля 6-го фельдмаршал с «доказательными статьями» поехал в крепость и прежде всего зашел к Елизавете. С большою подробностию проходил он одну статью за другою и указывал пленнице на большое сходство в слоге и даже в целых выражениях между ее письмами, писанными к нему из Петропавловской крепости, и письмами к султану и Горнштейну, найденными у ней в Пизе. Князь Голицын старался убедить ее, что одно из писем к султану, очевидно, писано до заключения им мира с Россией, а другое после, и оттого нельзя утверждать, чтоб оба были присланы к ней одновременно, в одном конверте. Затем фельдмаршал доказал ей положительно, что подробности, заключающиеся в письме к неизвестному министру (это было письмо к Горнштейну), были известны ей одной, а потому оно не могло быть писано другим лицом.

Пленница стояла на своем. Ни «доказательные статьи», на которые так рассчитывала императрица, ни доводы, приводимые фельдмаршалом, нимало не поколебали ее. Она твердила одно, что первое показание ее верно, что она сказала все, что знает, и более сказанного ничего не знает. Это рассердило наконец и добрейшего князя Голицына. В донесении своем императрице (от 13 июля) об этом свидании с пленницей он называет ее «наглою лгуньей».

От пленницы фельдмаршал пошел в каземат, где был заключен Доманский.

— Вы в своем показании утверждали,— сказал ему князь,— что самозванка перед вами неоднократно называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Решитесь ли вы уличить ее в этих словах на очной ставке?

Доманский смутился. Но, несколько оправившись и придя в себя, с наглостью отрекся от данного прежде показания, утверждая, что никогда не говорил при следствии приписываемых ему фельдмаршалом слов. Наглость поляка вывела князя Голицына из терпения. Он грозил ему строгим наказанием за ложь, но Доманский стоял на своем, говоря, что никогда не слыхал, чтобы графиня Пиннеберг называла себя дочерью русской императрицы. Не было никаких средств образумить упрямого шляхтича.

Князь Голицын отправился в каземат Чарномского.

— Не передавал ли вам когда-нибудь Доманский,— спросил он его,— что эта женщина в разговорах с ним называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Да, он говорил мне об этом,— отвечал Чарномский.

— Скажете ли вы это прямо ему в глаза?

— Скажу.

Тотчас же обоим полякам дали очную ставку. Чарномский уличал приятеля, что он говорил ему о словах графини Пиннеберг, утверждавшей, что она дочь императрицы.

— Этого никогда не было,— сказал смущенный Доманский.

— Как никогда не было? — возразил Чарномский.— А вспомните, как вы это говорили мне на корабле во время переезда нашего чрез Адриатическое море, из Рагузы в Барлетту.

Доманский продолжал запираться, но сбился в словах и был совершенно уличен Чарномским. Наконец он изъявил готовность стать на очную ставку с пленницей.

— Умоляю вас,— сказал он, обращаясь к фельдмаршалу,— простите мне, что я отрекся от первого моего показания и не хотел стать на очную ставку с этою женщиной. Мне жаль ее, бедную. Наконец, я откроюсь вам со-

вершенно: я любил ее и до сих пор люблю без памяти. Я не имел сил покинуть ее, любовь приковала меня к ней, и вот — довела до заключения. Не деньги, которые она должна была мне, но страстная, пламенная любовь к ней заставила меня покинуть князя Радзивила и отправиться с ней в Италию.

— Какие же были у вас надежды? — спросил князь Голицын.

— Никаких, кроме ее любви. Единственная цель моя состояла в том, чтобы сделаться ее мужем. Об ее происхождении я никогда ничего не думал и никаких воздушных замков не строил. Я желал только любви ее и больше ничего. Если б и теперь выдали ее за меня замуж, хоть даже без всякого приданого, я бы счел себя счастливейшим человеком в мире.

После такого признания дана была очная ставка Доманскому с предметом его нежной страсти. Разговор между ними происходил на итальянском языке.

Смущенный и совершенно растерянный, Доманский сказал пленнице, что она в разговорах с ним действительно называла себя дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны.

Резко взглянула на него пленница, не говоря ни слова. Доманский еще более смутился и стал просить у нее прощения.

— Простите меня, что я сказал, но я должен был сказать это по совести,— говорил влюбленный шляхтич.

Спокойным и твердым голосом, смотря прямо в глаза Доманскому, пленница отвечала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобного серьезно я не говорила и никаких мер для распространения слухов, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не предпринимала.

Доманский замолчал, опустя голову. Пленница, казалось, сжалилась над своим обожателем и, обратясь к фельдмаршалу, сказала:

— Доманский беспрестанно приставал ко мне с своими несносными вопросами: правда ли, что я дочь императрицы? Он надоел мне, и, чтоб отделаться от него, быть может, я и сказала ему в шутку, что он теперь говорит. Теперь я хорошенько не помню.

Очная ставка тем и кончилась. Было еще одно обстоятельство, на которое указал в допросе своем Доманский и которое могло бы уличить пленницу в политических ее замыслах. Это передача ею князю Радзивилу писем к султану и великому визирю с тем, чтобы «пане коханку» отослал их в Турцию к агенту своему, Коссаковскому. Но на основании этого показания нельзя было сделать очной ставки, ибо Доманский показал, что слышал об этом не от самой принцессы, а от князя Радзивила. Тем не менее князь Голицын, как скоро Доманский, по окончании очной ставки, вышел из каземата пленницы, спросил ее:

— Посылали вы через князя Карла Радзивила какое-нибудь письмо к Коссаковскому в Турцию?

Пленница несколько смутилась, помолчала, как бы припоминая что-то, и затем решительно ответила:

— Нет, не посылала.

— И никаких писем в Константинополь вы не посылали? — продолжал спрашивать князь Голицын.

Она опять стала соображать, делая вид, будто припоминает что-то.

— Я писала в Константинополь из Венеции к купцу Мелину,— сказала она,— чтоб он переслал в Персию письма мои к Гамету и князю Гали. Гамета в письме своем я просила, чтоб он приискал для моего помещения дом в Испагани, так как я предполагала туда ехать, а к князю Гали обратилась за деньгами. Я просила у него сто тысяч гульденов.

— Для чего вам нужна была такая огромная сумма?

— На расходы при вступлении в брак с князем Филиппом Шлезвиг-Голштейн-Лимбургским.

— Но ведь эта сумма баснословна,— заметил князь Голицын.— Сто тысяч гульденов!

— Что ж вас удивляет? — с достоинством отвечала пленница.— Я единственная наследница князя Гали, а богатства его так велики, что сумма во сто тысяч гульденов для него сущая безделица.

— Вы говорите,— сказал фельдмаршал,— что воспитывались в Персии у этого Гали; знаете вы восточные языки?

— Да, я знаю по-персидски и по-арабски.

— Не можете ли вы написать мне на этих языках несколько фраз, которые я вам скажу по-французски.

— С большим удовольствием,— отвечала пленница и, взяв перо, написала продиктованную фразу непонятными фельдмаршалу буквами и, подавая ему бумагу, сказала: — вот это по-арабски, а это по-персидски.

Князь Голицын на другой день показывал написанные пленницей арабские и персидские фразы «сведущим людям». Кто были эти сведущие в восточных языках люди — нам неизвестно. Впрочем, в Петербурге в это время нетрудно было отыскать людей, основательно знающих эти языки. Такие люди были в коллегии иностранных дел, в Академии наук. Сведущие люди объявили фельдмаршалу, что показанное им письмо писано буквами им неизвестными, но, во всяком случае, не персидскими и не арабскими. Князь Голицын нарочно поехал в Петропавловскую крепость, надеясь смутить пленницу таким отзывом знатоков и затем, может быть, добиться от нее каких-либо сознаний. Но он ошибся. Когда, сказав ей об отзыве сведущих людей, он строго спросил ее:

— Что же это, наконец, значит?

Она преспокойно и даже насмешливо ответила ему:

— Это значит, что спрошенные вами люди не умеют читать ни по-арабски, ни по-персидски.

XXXVI

Июля 13, на третий день после того, как императрица, празднуя Кучук-Кайнарджиский мир, пожаловала фельдмаршалу князю Голицыну бриллиантовую шпагу с надписью «За очищение Молдавии до самых Ясс» и богатый серебряный сервиз, он писал государыне, что допросы по «доказательным статьям» сделаны, но ничто не может заставить пленницу раскаяться, ни даже безнадежное состояние ее здоровья. «Пользующий ее доктор полагает,— писал фельдмаршал,— что при продолжающихся постоянно сухом кашле, лихорадочных припадках и кровохаркании — ей жить остается недолго. Действовать на ее чувство чести или на стыд совершенно бесполезно, одним словом, от этого *бессовестного создания* ничего не остается ожидать. При естественной быстроте ее ума, при обширных по некоторым отраслям знаний сведениях, наконец, при привлекательной и вместе с тем повелительной ее наружности нимало не удивительно, что она возбуждала в людях, с ней обращавшихся, чув-

ство доверия и даже благоговения к себе. Адмирал Грейг на основании выговора ее думает, что она полька. Нет, ее за польку принять невозможно. Она слишком хорошо говорит по-французски и по-немецки, а взятые с ней поляки утверждают, что она только в Рагузе заучила несколько польских слов, а языка польского вовсе не знает».

Действительно, в бумагах пленницы найдены были листки с польскими вокабулами. Вероятно, принцесса училась по ним.

Между тем чахотка быстро развивалась у несчастной женщины, беременной уже вторую половину. Она почти не вставала с постели. Нравственные страдания ее были еще сильнее физических. Лишенная свободы, она таяла в темничном заключении, не видя ни с чьей стороны ни малейшего участия к несчастному своему положению. Франциска фон-Мешеде, женщина весьма ограниченная, считала госпожу свою виновницей и ее заключения, а потому и обращалась с нею безучастно. Еще менее показывал к ней участия ежедневно посещавший ее доктор. Затем солдаты то и дело появлялись в ее комнатах и обходились с нею сурово. Грубое обхождение их заставляло содрогаться ее женскую натуру. Несчастная сознала наконец, что дни ее изочтены, недолго остается ей страдать в здешнем мире. Не могла она не думать и о судьбе того, чьею матерью готовилась быть.

Она попросила бумаги и перо, чтобы писать к князю Голицыну. Доложили об этом фельдмаршалу. Он полагал, что ожидание близкой смерти возбудит, быть может, в пленнице раскаяние и внушит мысль рассказать все, чего напрасно добиваются от нее почти два месяца. Письменные принадлежости были даны, и 21 июля Елизавета написала к князю Голицыну письмо, исполненное самого безотрадного отчаяния. При нем были приложены длинные записка и письмо к императрице.

Ничего нового в них не было сказано. Пленница настоятельно подтверждала прежнее свое показание и попрежнему уверяла, что решительно не знает, кто прислал ей при анонимном письме из Венеции духовные завещания, проект манифеста и письмо к графу Орлову. Далее она жаловалась на суровое обращение с нею в крепости и представляла себя как жертву неизвестных ей интриганов, воспользовавшихся намерением ее отправиться

в Константинополь. Надо полагать, что она подразумевала тут не только Доманского с Чарномским, но и самого князя Радзивила с его свитой, которой приписывала разглашение об ее происхождении от императрицы Елизаветы. «Требуют теперь от меня сведений о моем происхождении,— писала она,— но разве самый факт рождения может считаться преступлением? Если же из него хотят сделать преступление, то надо бы собрать доказательства о моем происхождении, о котором и сама я ничего не знаю. Меня обвиняют, что я называла себя дочерью императрицы. Если я называла себя этим именем, то не иначе, как в шутку, в тесном дружеском кружке, чтоб отделаться от вопросов, с которыми неотвязно приставали ко мне друзья мои. А разве слова, сказанные в минуту веселости, в виде шутки, могут считаться обвинением в преступлении? Я ничего не прошу, только возвратите мне свободу. Если вы меня освободите, я немедленно уеду в Оберштейн и о всем случившемся навеки сохраню глубочайшую тайну. Сделать это тем более возможно, что на корабле меня принимали за какую-то польскую даму. Вместо того, чтобы предъявить мне положительные сомнения в истине моих показаний, мне твердят одно, и притом в общих выражениях, что меня подозревают, а в чем подозревают и на основании каких данных, того не говорят. При таком направлении следствия, как же мне защищаться против голословных обвинений? Если останутся при такой системе производства дела, мне, конечно, придется умереть в заточении. Теперешнее мое положение при совершенно расстроенном здоровье невыносимо и ни с чем не может быть сравнено, как только с пыткой на медленном огне. Ко мне пристают, желая узнать, какой я религии; да разве вера, исповедуемая мной, касается чем-либо интересов России? Чтобы сделаться супругой князя Шлезвиг-Голштейн-Лимбурга, я должна сделаться католичкой. Это для меня будет тем легче, что я в жизнь мою еще никогда не исповедывалась». Обращаясь к князю Голицыну, пленница горячо умоляла его о ходатайстве пред императрицей, просила освобождения, обещая за то вечную признательность свою и благодарность многочисленных друзей ее, принадлежавших к числу знатных людей.

Князь Голицын 25 июля послал письмо пленницы в Москву к государыне. Оно встретилось на дороге с повелением, посланным к нему от Екатерины 24 июля.

Это повеление препровождено было фельдмаршалу генерал-прокурором князем Александром Алексеевичем Вяземским. Императрица писала: «Удостоверьтесь в том, действительно ли арестантка опасно больна. В случае видимой опасности, узнайте, к какому исповеданию она принадлежит, и убедите ее в необходимости причаститься перед смертию. Если она потребует священника, пошлите к ней духовника, которому дать наказ, чтоб он довел ее увещаниями до раскрытия истины, о последующем же немедленно донести с курьером».

Генерал-прокурор, препровождая это именное повеление, прибавил от себя: «священнику предварительно, под страхом смертной казни, приказать хранить молчание о всем, что он услышит, увидит или узнает».

Послав это повеление, императрица, неизвестно почему, на другой же день изменила свое решение. В новом рескрипте, от 25 июля, она писала фельдмаршалу: «Не допрашивайте более распутную лгунью; объявите ей, что она за свое упорство и бесстыдство осуждается на вечное заключение. Потом передайте Доманскому, что если он подробно расскажет все, что знает о происхождении, имени и прежней жизни арестантки, то будет обвенчан с нею, и они потом получат дозволение возвратиться в их отечество. Если он согласится, следует стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о том с нею. При ее согласии на предложение — обвенчать их немедленно, *чем и положится конец всем прежним обманам*. Если же арестантка не захочет о том слышать, то сказать ей, что в случае открытия своего происхождения она тотчас же получит возможность восстановить сношения свои с князем Лимбургским».

Князь Вяземский в особой записке к фельдмаршалу прибавил: «Последнее предложение (о князе Лимбургском) должно быть сделано собственно от вашего имени». В другом письме (от 26 июля) генерал-прокурор сообщил князю Голицыну, что английский посланник уверял императрицу, что «всклепавшая на себя имя» есть дочь пражского трактирщика, и потому советовал послать к ней протестантского пастора, которому, может быть, удастся выведать истину. Генерал-прокурор пола-

гал, что Прага — город немецкий, а потому и уроженцы его должны быть лютеране. Он не знал, как видно, что в Чешской земле большинство жителей исповедует римское католичество.

Получив новые повеления, фельдмаршал отправился в Петропавловскую крепость. Он нашел пленницу в совершенно безнадежном состоянии. Она лежала умирающая, страдая душевно и телесно.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться к... смерти?— сказал фельдмаршал, наклоняясь к пленнице.

— Да.

— Какого же вам священника, греко-восточного или католического?

— Греко-восточного.

Князь Голицын оставил каземат пленницы. Она не могла говорить с ним.

Он приказал отыскать православного священника, знающего французский или немецкий язык. Сыскали священника Казанского собора, Петра Андреева, говорившего по-немецки.

Когда священник был отыскан, князь Голицын получил новое письмо от генерал-прокурора, от 26 июля (таким образом, три дня сряду писались из Москвы одно за другим повеления о пленнице).

Августа 1, приехав в крепость, фельдмаршал снова уговаривал лежавшую на смертном одре женщину признаться во всем. «Я теперь узнал о вашем происхождении»,— говорил он, полагаясь на сообщенные ему генерал-прокурором известия, но не сказал на этот раз ни слова относительно происхождения пленницы от трактирщика. «Услышав от меня сии слова, пленница сначала, видимо, поколебалась,— пишет князь Голицын в своем донесении,— но потом тоном, внушавшим истинное доверие, сказала, что она хорошо узнала и оценила меня (князя Голицына), вполне надеется на мое доброе сердце и сострадание к ее положению, а потому откроет мне всю тайну, если я обещаю сохранить ее в тайне. Но я могу решиться только на письменное признание,— сказала она,— дайте мне для того два дня сроку».

Князь Голицын был сильно тронут словами умиравшей красавицы. Он думал, что пленница и в самом деле раскроет ему наконец все, чего так долго и напрасно до-

бивался он в силу возложенной на него обязанности. Он согласился на два дня отсрочки и приказал дать больной письменные принадлежности.

Прошло два дня. Князю Голицыну докладывают, что с пленницей случился такой жестокий болезненный припадок, что она не только писать, но даже и говорить не может.

Августа 6 она получила небольшое облегчение от болезни и просила доктора сказать фельдмаршалу, что к 8 числу она постарается кончить свое письмо. Князь Голицын донес об этом императрице. В этом донесении он заметил между прочим, что ожидаемое от пленницы письмо покажет, нужно ли будет прибегать к помощи священника, чтобы посредством исповеди получить полное сознание арестантки. Августа 9 фельдмаршал получил письмо пленницы.

В этом письме беременная пленница умоляла князя Голицына сжалиться над ужасным ее положением. «Днем и ночью в моей комнате мужчины,— писала она,— с ними я и объясниться не могу. Здоровье мое расстроено, положение невыносимо. Лучше я пойду в монастырь, долее терпеть такое обхождение я не в силах. От меня настоятельно требуют сведений о моем происхождении: кроме сказанного мною прежде, я ничего не знаю. Может быть, знают о том другие; позвольте мне написать к своим друзьям, чтоб они сообщили нужные обо мне сведения».

К письму приложено было другое, к императрице. Пленница умоляла Екатерину о помиловании и жаловалась на суровое с нею обращение, особенно на присутствие около ее постели солдат даже ночью. «Такое обхождение со мной заставляет содрогаться женскую натуру,— писала она.— На коленях умоляю ваше императорское величество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную мною князю Голицыну, и убедились в моей невинности».

Эта записка начинается повторением прежде сказанного ею о причинах, побудивших ее ехать из Германии в Венецию и Рагузу, и о том, как получила она анонимное письмо с приложением завещаний, манифеста, писем к графу Орлову, султану и другим незнакомым и неизвестным ей лицам. «Я сначала хотела все эти бумаги послать к графу Орлову,— писала она,— я не знала ино-

го пути для доставления их императрице, но я побоялась отослать их все вдруг, думая, что на почте обратят внимание на необыкновенно большой пакет и, пожалуй, вскроют его. Потому я сначала послала один только конверт, адресованный на имя графа Орлова. Препровождая его, я не писала от себя к графу, боясь неприятностей, если бы при бумагах такого содержания нашли письмо от меня. Из этой же боязни таинственных интриг, которыми я была окружена, оставила я мысль о путешествии на Восток и сожгла все присланные ко мне подлинные бумаги, сняв с важнейших копии. Эти копии я писала, чтобы со временем переслать их к графу Орлову, с тем, чтоб он представил их императрице. Затем я поехала в Рим. Снятые мною копии я не считала для себя опасными, но прежде, чем успела переговорить о них с графом Орловым, со мной случилось неожиданное обстоятельство: меня арестовали, я больше не видалась с графом и не могла сказать ему об остальных находящихся у меня копиях. Точно так же, по краткости времени, проведенного мною в Пизе с графом, я не успела ничего сказать ему и о поручениях, возложенных на меня из Персии».

Затем в записке пленницы идет новый рассказ об ее происхождении. Пленница называет себя черкешенкой, принадлежащею к одному из древнейших и знаменитейших родов горских князей — к роду Гамета (?).

«Я родилась в горах Кавказа,— писала она,— а воспитывалась в Персии. По достижении совершеннолетия оставила я страну моего воспитания, чтобы при помощи русского правительства приобрести полосу земли на Тереке. Здесь я намерена была посеять первые семена цивилизации посредством приглашенных мною к поселению французских и немецких колонистов. Я намеревалась образовать таким образом небольшое государство, которое, находясь под верховным владычеством русских государей, служило бы связью России с Востоком и оплотом русского государства противу диких горцев. Князь Лимбургский явился как бы посланником божиим для осуществления моих планов. Он не только одобрил мои предприятия, но даже сам, отказываясь от своих владений в Европе в пользу младшего своего брата, хотел вместе со мной устраивать новое государство на Кавказе. Посредством графа Орлова я надеялась получить на то

согласие императрицы, для чего и вошла с ним в сношения. Я питала эти надежды даже и на корабле, во время пути из Ливорно в Петербург. Могла ли я думать, что меня станут обвинять в преступлении противу императрицы, меня, столь доверчиво последовавшую на русский военный корабль за одним из наиболее преданных ее величеству адмиралов? После этого можно ли думать, чтоб я питала какие-нибудь враждебные замыслы против России? Знаю, что нахожусь в полной власти императрицы: смерть моя скоро послужит тому доказательством. Если бы меня не подвергли аресту в Ливорно, мне, при многочисленных моих связях, давно бы удалось узнать, кто сочинил все эти духовные завещания, манифесты и другие присланные ко мне при анонимном письме бумаги. А теперь я должна погибнуть жертвой корыстолюбия и хитрости чуждых мне людей, и только по смерти моей истина откроется и невинность моя обнаружится. При следствии никто не хотел обратить внимания на то, что гораздо ранее распространившихся безумных толков о русском моем происхождении я жила и была лично известна многим в Лондоне, в Париже и в Германии. Умоляю, позвольте мне по крайней мере написать к друзьям моим, поручившим мне самые важные дела свои, а теперь даже не знающим, где я и что со мной делается. Пусть прочитают мои письма перед их отправлением; я не замышляю побега — это воспрещает мне честь моя».

«Кажется, можно бы было обходиться со мной почеловеколюбивее и помилостивее,— писала пленница в заключение записки.— Ложное честолюбие никогда меня не увлекало: мне равно хорошо известны и большой свет и простонародье, стало быть, нечего мне было гоняться за призраками. В жизни моей я нередко страдала и всегда была убеждена, что возможное на земле счастие заключается в одном спокойствии совести. И этого счастия никто не в состоянии отнять у меня. Обо мне часто судили ложно, а теперь упрекают в хитрости и во лжи, но как же согласить это с тем, что я так слепо отдалась графу Орлову? Он меня ввергнул в погибель. Я не сделала ему никакого зла и от всего сердца прощаю его. Вполне предаю себя воле государыни императрицы. Я круглая сирота, одна, на чужой стороне, беззащитная против враждебных обвинений. Только на единого бога возла-

гаю упование, только он один меня не покинул. Тем не менее я все еще надеюсь на правоту свою и на великодушное сердце государыни императрицы, если только правда до нее доходит».

XXXVII

Князь Голицын не того ожидал. Пленница обещала ему открыть всю истину, обязывая даже хранить в тайне, что он от нее узнает, и вдруг он получает какой-то фантастический рассказ о том, что она черкешенка, хотевшая основать химерическое государство на Тереке.

Пленница, говоря, что намерена была на Тереке между русскими владениями и землями независимых горцев устроить под верховною властию Екатерины новое государство из немецких колонистов, кажется, желала польстить императрице, подать ей выгодное о своих намерениях мнение и чрез то достигнуть свободы или по крайней мере облегчения своей участи. Известно, что с самого начала своего царствования Екатерина заботилась о привлечении в Россию поселенцев из западной Европы, учредила особую «канцелярию опекунства иностранных», председателем которой назначила князя Григория Орлова, ассигновала большие суммы для переселения немцев на берега Волги, дала им огромные участки превосходной земли, избавила их от платежа податей и от выполнения рекрутской и других повинностей. Переселившихся на таких условиях в Россию немецких колонистов в первые три года было около ста тысяч человек. Затем число иностранцев, желавших переселиться на привольные берега Волги, сделалось так значительно, что канцелярия опекунства иностранных, будучи не в состоянии удовлетворять просьбам об отправлении их на казенный счет на отведенные места, ходатайствовала у императрицы о прекращении на время колонизации. Екатерина, видя, что водворение колонистов в юго-восточной части империи с началом турецкой войны не может продолжаться по причине недостатка денежных средств, с сожалением согласилась на такую приостановку. Водворение немцев в пределах русской империи с такими правами и преимуществами, какие даровала им Екатерина, было, как оказалось впоследствии, политическою ошибкой великой государыни. Призванные ею нем-

цы во сто лет не принесли России ни малейшей государственной пользы, но возбудили в окрестном русском населении мысль, что правительство явно покровительствует чужим в ущерб интересам коренных русских подданных. Эта мысль принесла в свое время немало вреда. Но Екатерина не предвидела этого и, как мы сказали, согласилась на временное приостановление колонизации с сожалением. Пленница, хорошо знавшая современные политические дела, знала, конечно, и об этом. И вот она хватается за мысль о колонизации французов и немцев на берега Терека, без издержек русского казначейства, надеясь, что это понравится Екатерине и облегчит, быть может, ее участь. Вероятно, в том же смысле написан был и проект принцессы о торговле России с Азией, который она составила еще в Оберштейне и отдала Горнштейну для отправления к русскому вице-канцлеру.

Но расчеты пленницы не увенчались успехом. Голицын не обратил особого внимания на новое ее показание. Ему оставалось одно: исполняя повеление императрицы, обещать Елизавете брак с Доманским и даже возвращение в Оберштейн к князю Лимбургскому. Приехав нарочно для того в Петропавловскую крепость, он прежде всего отправился в комнату, занимаемую Доманским, и сказал ему, что брак его с той женщиной, которую знал он под именем графини Пиннеберг, возможен и будет заключен хоть в тот же день, но с условием.

— С каким? — живо спросил обрадованный Доманский.— Я все готов сделать, чтобы достичь счастия быть ее мужем. За эту цену я готов хоть навсегда оставаться заключенным в крепости.

— Скажите, кто она такая.

— Видит бог, что не знаю, кто она такая. Я бы все сказал, если бы знал.

— Кто подал ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Не знаю. Еще прежде, чем я узнал ее, о ней уже все говорили, что она русская великая княжна.

— Кто были участники в ее замыслах?

— Не знаю. Я бы все сказал, но не знаю. Все, что знаю, я сказал, больше ничего не знаю. Но обвенчайте нас, и я хоть сейчас дам подписку, что добровольно обрекаю себя на вечное заключение в этой крепости, если по каким-либо высшим соображениям нельзя даровать

ей свободу. Я готов все принести в жертву для нее, только не разлучайте нас.

Князь Голицын пошел в каземат, где содержалась пленница. Она была так слаба, что не могла подняться с постели. Фельдмаршал начал разговор с нею строгими упреками за то, что она обманула его: обещалась рассказать всю истину о себе, а написала такой же вздор, как и прежде. Совершенно изнеможенная смертным недугом, пленница не возражала, но слабым голосом клялась фельдмаршалу, что все написанное ею истинная правда, что она не знает, кто были ее родители, и больше того, что прежде говорила и писала, по совести не может ничего сказать.

— Вы католического исповедания? — спросил ее князь Голицын.

— Да, я должна держаться этого исповедания.

— Почему?

— Потому что обещала это *моему мужу*,— отвечала пленница.

— Мужу? Вы замужем? Кто же ваш муж?

— Князь Филипп Лимбургский. Впрочем, я еще не присоединена к римской церкви и ни разу не приобщалась по католическому обряду.

— Почему же вы прежде хотели иметь духовником священника греко-восточного исповедания?

— В моем отчаянном положении я часто не имею полного сознания о том, что говорю.

Добрейший князь Александр Михайлович был рассержен неудачей своих расспросов. Он строго сказал пленнице:

— Так я вам не пришлю ни греческого, ни католического духовника. Слышите вы это?

— Не пришлете, так и не нужно,— равнодушно отвечала больная.

Фельдмаршал замолчал и через несколько времени спросил пленницу:

— Зачем же вы прежде не сказали мне, что вы супруга князя Лимбургского?

Она не отвечала на это ни слова. Голицын опять спросил:

— Вы с князем Лимбургом венчались по церковному обряду?

— Мы священника не призывали,— отвечала пленница,— но князь Лимбургский дал мне торжественное обещание жениться на мне и в виде залога совершил в мою пользу запись на пожизненное владение принадлежащим ему графством Оберштейн.

— Знает ли князь о вашем происхождении?

— Столько же, как и я сама.

— Кто же знает?

— Помню, что старая моя няня Катерина в детстве моем говорила, что мой учитель арифметики Шмидт да еще маршал лорд Кейт знают, кто мои родители.

— Какой маршал Кейт? — спросил Голицын.

— Брат того Кейта, который служил в русской армии во время войны против турок.

— Вы знали лично генерала Кейта?

— Нет, я его не знала, но брата его, лорда Кейта, видела один раз и то мельком, проездом через Швейцарию, куда меня маленькую возили из Киля. От Кейта я получила и паспорт на обратный путь. Помню, что у него жила турчанка, присланная ему братом его из Очакова или с Кавказа. Она воспитывала несколько маленьких девочек, вместе с нею взятых в плен; они жили при ней и после. Я видела ее и с девочками после смерти лорда Кейта, проездом через Берлин. Турчанка жила тогда в Берлине. Хоть я и знаю, что я не из числа воспитывавшихся у ней девочек, но очень может быть, что я черкешенка. Наверное же ничего не знаю о моих родителях, но позвольте мне написать письмо к друзьям моим, они постараются собрать сведения о моем рождении. Они сделают это.

— Это совершенно бесполезно,— заметил князь Голицын.— Лучше вас самих никто не знает о вашем происхождении, только вы говорить не хотите. Но я знаю, кто вы, я имею явные на то доказательства.

— Кто же я? — приподнявшись и устремя испытующий взор на фельдмаршала, сказала пленница.

— Дочь пражского трактирщика.

Больная вскочила с постели и с сильнейшим негодованием вскричала:

— Кто это сказал? Глаза выцарапаю тому, кто осмелился сказать, что я низкого происхождения!

— Признайтесь однако, что вы провели детство в Праге? — сказал князь Голицын.

— Никогда я там не бывала,— ответила пленница. Силы оставили ее, она упала на постель.

Когда пленница несколько успокоилась, князь завел речь о Доманском. Она слушала равнодушно, но когда Голицын сказал, что Доманский неотступно просит руки ее, и что если она хочет, может выйти за него замуж хоть в тот же самый день, пленница засмеялась.

— Этот жалкий человек! — сказала она насмешливым тоном.— Да ведь он совершенно необразован! Ведь он порядочно не знает ни одного языка! Помилуйте! Возможно ли это?

Принцесса забыла «Мосбахского незнакомца», забыла и то, что в Рагузе подавала Доманскому большие надежды на свою руку.

Попавший в сваты фельдмаршал уговаривал пленницу не пренебрегать предложением Доманского, которое при настоящем ее положении должно считаться очень выгодным.

— Я бы вам дозволил видеться с ним без свидетелей и переговорить обо всем, что считаете нужным,— сказал он ей.

Пленница отвечала решительным отказом. Она не хотела видеть Доманского и сказала, что и в таком случае не могла бы выйти за него замуж, если б этот поляк по своему образованию и развитию более подходил к ней, потому что дала клятву князю Филиппу Лимбургскому и считает себя уже неразрывно с ним связанною.

Тогда князь Голицын, во исполнение воли императрицы, обещал пленнице от своего лица исходатайствовать свободу и дозволение отправиться к князю Лимбургу в Оберштейн, но только в таком случае, если она откроет ему свое происхождение.

Луч надежды на свободу, казалось, животворно подействовал на больную женщину. С неподдельным чувством благодарила она фельдмаршала, но затем сказала, что, к сожалению, ничего не может прибавить к сказанному прежде о своем происхождении. Не верила ли она обещанию князя Голицына, не решалась ли возвратиться к друзьям после окончательно скомпрометировавшей ее истории, после беременности, которая не могла остаться в тайне, опасалась ли, что они отвернутся от сидевшей в крепости самозванки, близость ли

смерти, которую она уже чувствовала, удерживали ее воспользоваться предлагаемою свободой?.. Она, впрочем, попросила перо и при князе Голицыне написала дополнение к своему сознанию, но написанные ею сведения были совершенно ничтожны. Она написала, что на шестом году от рождения ее посылали из Киля в Сион (в Швейцарии), потом снова возвратили в Киль через область, управляемую Кейтом [1], что о тайне рождения ее знал некто Шмидт, дававший ей уроки, и что в детстве помнит она еще какого-то барона фон-Штерна и его жену, и данцигского купца Шумана, который платил в Киле за ее содержание. «Меня постоянно держали в неизвестности о том, кто были мои родители,— заключила она.— Впрочем, я тогда мало заботилась об этом, не ожидая от того никакой пользы».

Князь Голицын, прочтя это признание и не найдя в нем того, что надеялся видеть, ушел от пленницы, объявив, что она, как нераскаявшаяся государственная преступница, осуждается на вечное заключение в крепости.

Больше он уже не видал этой несчастной женщины.

Августа 12 он доносил императрице о «бесстыдном упорстве арестантки во всем». «Это упорство,— писал фельдмаршал,— показала она в последнее со мною свидание, когда ни Доманский, ни она не прибавили ни слова к данным прежде показаниям, несмотря на то, что обоим обещаны были, казалось бы, высшие из земных благ, каких они желают: ему — обладание прекрасною женщиной, в которую он влюблен до безумия, ей — свобода и возвращение в свое графство Оберштейн. Все старания арестантки,— продолжал князь Голицын,— истолковать в свою пользу дело о найденных у нее духовных завещаниях, возмутительном манифесте и прочих бумагах вполне опровергаются тем, что они писаны ею собственноручно. Из показаний ее ясно только одно, что она бесстыдна, бессовестна, лжива и зла до крайности. Все мои старания узнать от нее истину об ее сообщниках остались совершенно напрасными. Ничто не подействовало на нее: ни увещания, ни строгость, ни ограничение в пище, одежде и вообще в потребностях жизни, ни разлучение со служанкой, ни

---

[1] Ганновер?

постоянное, наконец, присутствие караульных солдат в ее комнате. Впрочем,— заключил фельдмаршал,— может быть, эти меры и будут со временем в состоянии довести ее до полного признания, так как совершенное лишение надежды на свободу, по всей вероятности, не останется без влияния на арестантку».

XXXVIII

Больная оставалась в самом строгом заключении. Хотя ее держали в верхнем этаже Алексеевского равелина, в помещении сухом, светлом, состоявшем из нескольких комнат, хотя ей давали хорошую пищу, которую готовили на комендантской кухне особо от назначенной для других арестантов, но лишение свободы разрушительно на нее подействовало. Она никого не видала, кроме прислуживающих ей караульных солдат да глуповатой Франциски. Доктор продолжал навещать ее и следил, как чахотка с каждым днем усиливается и приближает смертный конец пленницы. Так прошли август, сентябрь и первая половина октября. В октябре больная совершенно ослабела. Она уже не вставала с постели, болезненные припадки возвращались к ней чаще и чаще. Доктор несколько раз уведомлял князя Голицына, что смерть быстро приближается к пленнице.

Прошел ноябрь. Пленница разрешилась от бремени. Граф Алексей Григорьевич Орлов, обольстивший из усердия к службе несчастную женщину, сделался отцом. Как обыкновенно случается с женщинами, которые страдают чахоткой во время беременности, болезнь сильнее овладела пленницей после разрешения. Смерть была близка. Что чувствовала мать при взгляде на рожденного младенца?

Гельбиг, живший в Петербурге в составе саксонской миссии при нашем дворе и хорошо знавший придворные тайны, говорит, что привезенная Грейгом принцесса, находясь в Петропавловской крепости, родила графу Орлову сына, которого крестили генерал-прокурор князь Вяземский и жена коменданта крепости Андрея Григорьевича Чернышева и который получил фамилию Чесменского. Александр Алексеевич Чесменский, побочный сын графа Орлова, действительно служил впоследствии в конной гвардии и умер в молодых летах. Что

он был побочный сын графа Алексея Григорьевича, это не подлежит никакому сомнению, но действительно ли мать его была не кто другая, как «всклепавшая на себя имя» принцесса Владимирская — утвердительно сказать нельзя, пока не будет извлечено из архивов все относящееся как до истинной дочери императрицы Елизаветы Петровны, так и до самозванки, судьбу которой мы описываем. Сообщенные графом В. Н. Потемкиным в императорское Московское общество истории и древностей извлечения из дела о самозванке — далеко не полны. Кроме того, в московском архиве иностранных дел, именно в польских бумагах, есть, говорят, немало сведений о самозванке [1].

Ноября 30 больная находилась уже в таком положении, что каждую минуту ожидали ее последнего вздоха. Она едва могла сказать доктору, что желает видеть священника и приготовиться к смерти. Доктор передал желание умирающей фельдмаршалу.

Руководствуясь прежним повелением государыни, он призвал священника Казанского собора Петра Андреева, умевшего говорить по-немецки. Под страхом смертной казни и «взяв с священника клятвенное обещание», что он вечно будет молчать обо всем, что увидит и о чем услышит, князь Голицын рассказал ему о пленнице и поручил постараться довести ее на исповеди до раскаяния и полного признания в том, кто она такая в действительности, кто подал ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны и кто были сообщники в ее замыслах.

Больная с радостью приняла священника. Началась исповедь, и пленница сказала духовнику: «Я крещена по обряду греко-восточной церкви. Об этом я слыхала в Киле от воспитывавших меня до девятого года моего возраста. С тех пор я жила в разных государствах, между прочим, в Англии и Франции, потом получила в собственность графство Оберштейн в Германии и жила там. Позже провела несколько месяцев в Рагузе, оттуда поехала в Рим, затем в Пизу, приглашена графом Алексеем Орловым в Ливорно, посажена на русский корабль, привезена в Петербург и посажена в крепость».

---

[1] Как сказывали нам работавшие в этом архиве.

— Где же вы родились и кто ваши родители? — спросил священник.

— Бог свидетель — не знаю,— отвечала умирающая.

Затем говорила она духовнику, что хотя крещена по греко-восточному обряду и потому считает себя принадлежащею к православной церкви, но до сих пор еще ни разу не исповедывалась и не причащалась. Греко-восточного катехизиса не учила и о христианском законе узнала только то, что вычитала в библии и некоторых французских книгах духовного содержания. Но она верует в бога, во св. троицу и нимало не сомневается в непреложных истинах символа веры.

Духовник стал увещевать пленницу с полным раскаянием сознаться во всех злых намерениях против государыни и в том, что она выдавала себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны.

— Свидетельствуюсь богом, что никогда я не имела намерений, которые мне приписывают, никогда сама не распространяла о себе слухов, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

Духовник спросил о сообщниках, о том, откуда у нее появились духовные завещания Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, возмутительный манифест к русской эскадре, письма к султану и другие документы, о которых священник предварительно узнал от князя Голицына.

— Все это получено мной от неизвестного лица при анонимном письме.

— Вы стоите на краю могилы,— сказал священник,— вспомните о вечной жизни и скажите истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда пред самим всевышним богом,— сказала она,— уверяю, что все, что ни говорила я князю Голицыну, что ни писала к нему и к императрице,— правда. Прибавить к сказанному ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у вас соучастники?

— Никаких соучастников... не было... потому что... и преступных замыслов... мне приписываемых... не было.

Она не могла больше говорить. Случился сильный припадок. Когда он миновал, пленница едва слышным

голосом сказала священнику, что она чувствует себя чрезвычайно слабою для продолжения исповеди, просит помолиться за нее и посетить на другой день.

Священник был у нее и на другой день (2 декабря). Исповедь началась снова. Пленница глубоко раскаивалась, что огорчала бога греховною своею жизнию, что с ранней юности постоянно жила в телесной нечистоте, часто отдавалась то одному мужчине, то другому, что чувствует себя великою грешницей, жившею противно заповедям господним. По разрешении сих грехов, духовник возобновил вчерашние увещания, чтоб умирающая сказала всю истину об ее происхождении и замыслах против императрицы и указала бы на тех, кто внушил ей мысль назваться русскою великою княжной и кто был соучастником в ее замыслах. Больная опять сказала, что сама не знает о своем происхождении и, не имев никаких преступных замыслов против России и императрицы Екатерины, не имела и сообщников. Она говорила все слабее и слабее; священник, наконец, не мог понимать слов умирающей. Началась агония.

Он оставил ее, не удостоив святого причастия.

На другой день (3 декабря) князь Голицын доносил императрице, что и посредством самой исповеди не удалось исторгнуть полного признания от умирающей самозванки. Донесение священника было также отправлено к императрице. Фельдмаршал писал также государыне, что по отзывам доктора и священника смерть самозванки должна последовать через несколько часов, почему он и дал приказание зарыть ее в самом равелине, чтобы ни поляки, с нею посаженные, ни камердинеры, ни Францискa фон-Мешеде не могли узнать, что сталось с нею.

Агония продолжалась долго, более двух суток. В семь часов пополудни 4 декабря 1775 года пленница испустила последний вздох, унеся в могилу тайну своего рождения, если только знала ее.

На следующий день солдаты, бессменно стоявшие при ней на часах, выкопали в Алексеевском равелине глубокую яму и тайно зарыли в нее труп пленницы. Никаких погребальных обрядов совершено не было.

Декабря 7 князь Голицын донес императрице о смерти «всклепавшей на себя имя».

XXXIX

К новому 1776 году императрица возвратилась из Москвы в Петербург. Возвратились двор и высшие правительственные лица, в числе их и генерал-прокурор князь Вяземский. Ему, вместе с фельдмаршалом князем Голицыным, поручено было кончить в тайной экспедиции дело о «всклепавшей на себя имя» или, точнее сказать, дело о сопровождавших ее арестантах.

Смертию загадочной женщины, тайну рождения которой, несмотря на все старания князя Голицына, открыть не могли, дело собственно и оканчивалось. Князь Радзивил, в это время уже находившийся в ладах с королем Понятовским и тем возвративший себе благоволение Екатерины, спокойно жил в своем Несвиже[1], невозбранно пользуясь громадными доходами с своих литовских маетностей. Он, по обыкновению, окружал себя огромною свитой прихлебателей, хвастался и безнаказанно лгал перед ними, охотился с магнатами, а иногда и с ксендзами, на медведей, бражничал с боготворившею его шляхтой, перебранивался с виленским римско-католическим епископом, от времени до времени делал свойственные ему одному эксцентрические выходки[2], задавал баснословно роскошные праздники и совершенно бросил политические замыслы, которые обошлись ему не дешево. Конечно, новая жизнь его в Несвиже была не такова, как до Барской конфедерации, когда «пане коханку», с полным сознанием собственного достоинства говаривал: «Kròl sobie królem w Krakowie, a ja w Neswizu». Вооруженные укрепления его города были уничтожены русскими еще в 1768 году, и Радзивил не смел возобновлять их, но все же богатства его были огромны, и он мог доживать свой век спокойно и с полною возмож-

---

[1] Минской губернии, Слуцкого уезда.

[2] Так, однажды во время бала, на который съехались в Несвиж множество гостей, князь Радзивил сказал, что завтра будет зима... А дело было в жаркую летнюю пору. Поутру гости его увидели, что действительно снег покрыл землю. Поданы были сани, и «пане коханку» с гостями проехал по снегу из замка до костела, несмотря на то, что солнце палило. Он за ночь приказал усыпать дорогу солью.

ностью тешить своеобычный нрав свой [1]. Михаил Огинский также прекратил тайную вражду с королем, пользовался благоволением императрицы Екатерины, строил знаменитый, названный именем его канал, соединяющий Неман с Припятью, и нередко бывал в Петербурге. Польские магнаты, иезуиты и другие люди, невидимо заправлявшие хитро придуманною интригой и выведшие на политическую арену несчастную женщину, конечно, и не вспоминали о ней. Ничего не знали, что случилось с принцессой Владимирскою, ее друзья в Париже, в Трире, в Оберштейне. Дело о ней хранилось в строжайшей тайне, особенно от иностранных дипломатов. Так, например, барон Сакен, польский резидент при дворе Екатерины, только 8 июня 1775 года, то есть почти через месяц, доносил в Париж, что адмирал Грейг привез в Кронштадт женщину, называвшую себя русскою великою княжной, и не ранее половины февраля 1776 года, то есть через два с половиной месяца после смерти пленницы, писал, что *сумасшедшая*, так называемая принцесса Елизавета, вскоре после того, как привезена в Петербург, отправлена будто бы в Шлиссельбургскую крепость и там умерла 14 февраля от болезни.

[1] По возвращении в Несвиж «пане коханку» однажды на охоте расхвастался не в меру, по своему обыкновению. Шляхтич Бродовский, которого князь Радзивил очень жаловал, заметил несообразность его рассказов и без церемонии назвал их ложью. «Пане коханку» рассердился и при многочисленных участниках охоты дал своему приятелю полновесную пощечину. Бродовский кинулся было на своего патрона с ножом, но его удержали. Оскорбленный подал жалобу в трибунал, но польские судьи, постоянно отличавшиеся не только подкупностью, но и бескорыстною подлостию перед магнатами, не признали Радзивила виновным. Тяжба продолжалась долго, и бедняк Бродовский дошел до крайности. Узнав, что в Несвижском замке назначен блистательный праздник, Бродовский разоделся и явился в залах Радзивила во время самого разгара бала. Увидав незваного гостя, Радзивил с изумлением подошел к нему и спросил: «Что это значит, пане коханку? Зачем вы пожаловали ко мне?» Толпа магнатов, шляхтичей, дам окружила бывших друзей. «Я пришел к вашей княжеской милости,— громогласно отвечал Бродовский,— сказать вам, кто самые пошлые дураки во всем свете. Их двое: первый дурак — ваша княжеская милость, а второй — я. Ясновельможный князь дурак потому, что вздумал бороться с русскою императрицей, а я дурак потому, что вздумал бороться с вашею княжескою милостию». Такое сравнение с Екатериной очень польстило князю Радзивилу, и он обнял старого своего приятеля. Дружеские отношения их возобновились.

Долго ли тосковал по очаровательной Алине искренно любивший ее князь Филипп Лимбург, вспоминали ли о ней другие ее обожатели — не знаем. Но кредиторы денег не получили.

О спутниках принцессы 13 января 1776 года в тайной экспедиции фельдмаршалом князем Голицыным и генерал-прокурором князем Вяземским постановлен был следующий приговор: «Принимая во уважение, что нельзя доказать участие Чарномского и Доманского в преступных замыслах самозванки, ни в чем не сознавшейся, что они оставались при ней скорее по легкомыслию и *не зная намерений* обманщицы, к тому же Доманский был увлечен и страстью к ней, положено следствие об обоих прекратить. Хотя они уже за то, что следовали за преступницей, вполне заслуживали бы быть сосланными в вечное заточение, но им вменяется в достаточное наказание долговременное заключение, и они отпускаются в свое отечество с выдачею им вспомоществования *по сту рублей* каждому и под клятвою вечного молчания о преступнице и своем заключении».

Таким образом и теперь, при решении участи Чарномского, не было обращено должного внимания на принадлежавшие ему бумаги польской генеральной конфедерации. А в числе их были очень важные, например, манифесты конфедерации против раздела Польши 1772 года, подлинные письма конфедерации к султану и визирю, турецкие паспорты ее агентам, многие польские письма. И граф Орлов, и фельдмаршал князь Голицын, и все другие полагали, как видно, что они принадлежат самой пленнице, и напрасно добивались от нее признания относительно их. Она не выдала Чарномского. А вероятнее всего то, что следователи не хотели поднимать затухшего, как казалось тогда, польского дела и тревожить покой ясновельможных панов, вроде «пане коханку». И странно кажется теперь, что тайная экспедиция, имея под руками все бумаги, вполне положилась на показания Чарномского и Доманского. Их показания о причинах, побуждавших их следовать за принцессой из Рагузы в Италию, за исключением разве страстной любви Доманского, с первого взгляда представляются не заслуживающими вероятия. Трудно допустить, чтобы столь заметный в польской конфеде-

рации деятель, как Чарномский, поехал с принцессой в Рим и забыл возложенные на него конфедерацией поручения единственно из дружбы к приятелю и из желания посмотреть на Рим, где на этот раз и папы нельзя было видеть. Сам же он говорил, что в последнее время пребывания их в Рагузе французский консул предостерегал его относительно принцессы, говоря, что ей не следует верить. И что же? Он, как сам говорит, перестал верить, что она русская великая княжна, а между тем, имея при себе официальные письма конфедерации, имея на руках важные дела, которые безотлагательно должен был исполнить, ни с того ни с сего поехал вслед за женщиной, которую считал искательницей приключений, и остался при ней до самого арестования. Если принцесса и выманила у него через Доманского деньги, без которых он не мог ехать в Константинополь, отчего же не отправился он в Верону к графу Потоцкому с повинною головой? Не он был первый и не он последний из поляков, проматывавших общественные деньги конфедерации и в более значительных суммах. Если бы Чарномский явился к графу Потоцкому, этот пожурил бы его, быть может, раскричался, быть может, досталось бы и шляхетной спине Чарномского (примеры тому бывали), но ни в каком случае не выдал бы агента конфедерации на жертву случайностей, которым тот неминуемо подвергался в обществе искательницы приключений, игравшей в столь опасную игру.

Столь же невероятно и показание Доманского, что желание увидеть Рим побудило его сопровождать самозванку. Не обращено было при следствии внимания и на противоречие его: то он говорил, что поехал из Рагузы вслед за графиней Пиннеберг с целию получить с нее 800 червонцев, которые она заняла у него, то утверждал, что, получив ее приказание ехать в Италию, рад был воспользоваться случаем посетить на ее счет Рим. Но как бы то ни было, и Чарномский, и Доманский, по решению тайной экспедиции, были отправлены в Польшу. За всех пострадала одна «всклепавшая на себя имя», хотя на краю гроба, на тайне исповеди, будучи уже едва в состоянии говорить, она настоятельно, именем самого бога, уверяла, что сама никогда не разглашала о царственном своем происхождении.

Не знаем, что сталось с Чарномским и Доманским по их освобождении. В марте 1776 года они были выпровождены из Петербурга за границу вместе с камердинерами Рихтером и Лабенским. Более года пробыли они под арестом на корабле и в Петропавловской крепости.

О камер-медхен принцессы тайная экспедиция того же 13 января 1776 года постановила: «умственная слабость Франциски фон-Мешеде не допускает никакого подозрения в ее сообщничестве с умершею, посему отвезти ее за границу и так как она не получала никакого жалованья от обманщицы, находится в бедности, а между тем дворянского происхождения, то отдать ей старые вещи покойницы и *полтораста рублей* на дорогу». Тотчас же она была отвезена в Ригу, откуда отправлена в Пруссию, ее отечество.

Камердинеров Рихтера и Лабенского, находившихся при Доманском и Чарномском, а также служителей самой принцессы, Кальтфингера, Маркезини и Анчиотти, тайная экспедиция определила выслать за границу, дав каждому по *пятидесяти рублей*, но с тем чтоб они дали клятву до смерти своей не сказывать никому, что с ними происходило и за что они содержались в Петропавловской крепости. Кальтфингер и оба итальянца были отправлены из Петербурга в Ригу, а оттуда за границу, в январе 1776 года вместе с Франциской фон-Мешеде.

XL

Тем дело и кончилось. Осталась одна безвестная могила в Алексеевском равелине, в которую солдаты тайно опустили труп загадочной женщины и закидали его мерзлою землей.

В 1826 году, когда в Петропавловской крепости содержались участники происшествия 14 декабря 1825 года, близ Алексеевского равелина, на небольшой площадке, обращенной в садик, находилась насыпь. Старожилы крепости сказывали, что это могила княжны Таракановой [1], то есть, как теперь оказывается, самозванки Таракановой.

С каким секретом ни содержали захваченную графом Орловым женщину, какою таинственностью ни окру-

[1] Ср. «Русский Архив», 1865 г., № 1, стр. 93.

жили смерть ее и погребение, несмотря на то, еще в царствование Екатерины разнеслись по Петербургу и оттуда пошли по другим местам слухи, будто в Петропавловской крепости уморили «дочь императрицы Елизаветы Петровны». Правду сказал барон Сакен, донося польскому правительству: «мне из верных источников известно, и я положительно знаю, что смерть сумасшедшей, так называемой принцессы Елизаветы, последовала совершенно естественно, но, вероятно, это не помешает распространению разных слухов». Гельбиг, живший в то время при саксонском посольстве в Петербурге, также говорит, что смерть пленницы последовала после кратковременной болезни в 1776 году и *возбудила разные подозрения.*

Прошло два года по смерти так называемой принцессы Елизаветы. В 1777 году случилось сильное наводнение в Петербурге, большее, чем в 1824 году. Казематы Петропавловской крепости были залиты. После этого стали рассказывать, будто заточенную «княжну Тараканову» не вывели из каземата, или не хотели вывести, и она утонула. Со временем этот слух вполне утвердился, хотя, как оказывается, бедная пленница содержалась в верхних отделениях Алексеевского равелина, куда во время наводнения вода едва ли могла достигнуть, и умерла двумя годами раньше наводнения...

Прошел еще год или два. В Алексеевский равелин посажен был один авантюрист, по фамилии Винский. Это был небогатый дворянин, учившийся в Киевской духовной академии, а потом служивший сержантом лейб-гвардии в Измайловском полку. Вовлеченный в одно политическое дело, был он арестован с несколькими другими гвардейскими офицерами. Сначала его содержали в Петропавловской крепости, а потом сослали на житье в Оренбург, где он и прожил больше тридцати лет и прощен уже императором Александром Павловичем. Винский вел записки обо всем виденном им и слышанном. Эти любопытные записки находились в руках покойного Александра Ивановича Тургенева и несколько раз читались в небольшом обществе.

В своих записках Винский говорит, что когда арестованные с ним одни были легко оштрафованы, а другие — прощены, его, как не имевшего ни связей, ни протекций, оставили в крепости и улучшили его положение в том

только отношении, что перевели снизу вверх, из душного, темного каземата в Алексеевский равелин, в светлое помещение, состоявшее из нескольких комнат. Винский от нечего делать смотрел и, можно сказать, изучал все, что находил в новом своем жилище. Стоя у окна, он заметил, что на стекле нацарапаны алмазом слова: «*O mio Dio!*». Винский, разумеется, заинтересовался надписью и, когда сторож, давно служивший при отделении, принес ему пищу, спросил его: кто прежде содержался в этих комнатах и кто мог написать на стекле итальянские слова?

— Некому другому написать этих слов,— отвечал сторож,— кроме барыни, которая до вас здесь сидела. Она была привезена откуда-то издалека. Была молода, собой красавица и, должно быть, знатного рода, потому что ей прислуживали и за ней ухаживали не как за простою арестанткой. Прислуги у ней было много, кушанье ей носили хорошее, с комендантской кухни. Вскоре после того, как ее здесь поместили, приезжал к ней сам граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Оставшись с ним глаз на глаз, долго и громко она говорила с ним, так что из коридора можно было слышать все от слова до слова. Она очень сердилась на графа, кричала и, должно быть, бранила его за что-то, даже топала ногами. О чем они говорили, понять было нельзя, потому что барыня по-русски не умела, и они разговаривали на каком-то иностранном языке. Граф уехал и после того более не приезжал. А ее привезли беременную, она здесь и родила. Что было с ней потом — не знаю. Я тогда отпросился к родным, в побывку, а когда после отпуска воротился к своему месту, здешнее отделение было пусто. Оно оставалось пустым до сих пор [1].

---

[1] «Северная пчела», 1860 г., № 53.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА О РАСКОЛЕ

Впервые напечатаны в газете «Северная пчела» за 1862 год, №№ 5, 7, 9, 10, 14, 15.

ТАЙНЫЕ СЕКТЫ

Впервые напечатано в журнале «Русский вестник» за 1868 год, № 5.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

Впервые напечатано в журнале «Русский вестник» за 1867 год, тт. 80 — февраль, 81 — май.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ

Впервые напечатано в журнале «Русский вестник» за 1867 год, тт. 69 — май, июнь, 70 — август. За подписью: М.

Интерес к историческим изысканиям Мельников сохранил до конца своих дней. В сороковых и пятидесятых годах в «Нижегородских губернских ведомостях» и в столичных журналах — «Отечественные записки» и «Москвитянин» — он напечатал целый ряд небольших работ по русской и всеобщей истории. Но к числу историков-специалистов он себя не относил. Может быть, только свои познания по истории «раскола» он считал достаточно полными и основательными, хотя и тут признавал превосходство таких знатоков, как, например, Н. И. Субботин или А. П. Щапов. На многих его работах общеисторического характера лежит явный отпечаток «любительства». Это или публикации «любопытных архивных документов с кратким комментарием, или популярное изложение некоторых исторических событий и фактов, чаще всего связанных с историей Нижегородского края. Во второй половине пятидесятых годов Мельников воспользовался своими знаниями истории в художественном творчестве («Старые годы», «Бабушкины россказни»). В те годы он замышлял написать на историческом материале XVIII века несколько рассказов и даже обещал их «Современнику». Правда, по каким-то причинам этот замысел не был осуществлен. В шестидесятых годах, перейдя на положение профессионального литератора, Мельников снова

вернулся к жанру научно-популярного исторического очерка. Одним из его произведений этого рода была и «Княжна Тараканова».

Во второй половине пятидесятых и в шестидесятых годах в связи с некоторым ослаблением цензурного гнета в печати появился целый ряд материалов, в николаевские времена наглухо закрытых для публики. Стали обнародоваться некоторые документы и воспоминания о политических событиях XVIII и первой половины XIX столетия. Публикации подобного рода в то время воспринимались как «разоблачительные» хотя бы уже потому, что раньше они были невозможны. Этим в значительной степени предопределялся и читательский интерес к ним. Само собой разумеется, что любая из таких публикаций отражала политические позиции ее автора. Революционные демократы в каждом обращении к недавнему прошлому стремились прежде всего разоблачить многочисленные дворянские легенды: о «просвещенной» Екатерине II, о «либеральности» Александра I и т. п., нанося, таким образом, удары по монархическим иллюзиям, настойчиво распространявшимся в те годы. Реакционная журналистика старалась использовать интерес читателей к политической жизни недавнего прошлого для того, чтобы отвлечь их от современных вопросов «разоблачением» незначительных «пикантных» тайн придворной жизни. Решив напечатать мельниковскую «Княжну Тараканову», издатель «Русского вестника» реакционер Катков преследовал по крайней мере две цели: во-первых, легендарная история самозванки должна была привлечь внимание читателей как очередная журнальная сенсация, а во-вторых, он рассчитывал, что очерк даст новый материал для антипольской кампании, которая на протяжении ряда лет велась на страницах катковских органов — «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Однако эта вторая — для Каткова, конечно, главная — цель не была достигнута. Дело в том, что Мельников имел свои, отличные от катковских цели.

На первый взгляд может показаться, что Мельников в «Княжне Таракановой» стремился главным образом к тому, чтобы на основании документов и достоверных воспоминаний выяснить действительную судьбу таинственной авантюристки, отделить легенду от реальных фактов. И на самом деле, в этом отношении ему удалось сделать немало. На основании многочисленных источников он с большой обстоятельностью описал многие похождения авантюристки, сняв с них покров загадочности; особенно точно и впечатляюще изложена в очерке вся история «изловления» самозванки. Мельников проанализировал доступные в его время документы, отражавшие ход следствия по делу «принцессы Владимирской» и характер ее содержания в крепости. В этом смысле «Княжна Тараканова» и до сих пор не утратила своего значения. Достаточно сказать, что такой авторитетный криминалист, как М. Н. Гернет, ссылался на очерк Мельникова как на первоисточник (см. М. Н. Гернет, История цар-

ской тюрьмы, изд. 3, т. I, М. 1960, стр. 195—196). Нельзя не отметить, что Мельников убедительно и ярко характеризовал личность своеобразно одаренной женщины, бездумно, с каким-то едва ли не патологическим легкомыслием бросавшейся от одного приключения к другому. Однако, как бы ни были важны эти качества очерка, необходимо иметь в виду, что для самого Мельникова они имели второстепенное значение.

Читая очерк, нетрудно заметить в нем определенный публицистический подтекст. Он, этот подтекст, и составляет сердцевину содержания «Княжны Таракановой». В очерке вполне определенно говорится о том, что эта женщина была втянута в большую политическую игру того времени. Борьба политических интересов и нравы вершителей политических судеб Европы второй половины XVIII века — вот что было в центре внимания Мельникова. Причем о том и другом он писал пером публициста, смотрящего на политические события прошлого с позиций участника современной ему политической борьбы. Вполне закономерно, что в этом очерке сказались и сильные и слабые стороны мировоззрения Мельникова.

Мельников не сумел вскрыть всей сложности политических интриг, в которые была вовлечена «принцесса Владимирская». Он недооценивал того факта, что политические претензии самозванки тайно поддерживали силы более мощные, чем польские магнаты во главе с К. Радзивиллом, что в ее успехе были заинтересованы все те, кто с опасением следил за успехами международной политики правительства Екатерины II. Не случайно сама легенда о «принцессе Владимирской» впервые зазвучала в Париже. Мельников все политические похождения «княжны Таракановой» склонен был объяснять только «польской интригой». И эта односторонность была предопределена реакционностью политической позиции, которую он занимал в 60-х годах. К польскому освободительному восстанию 1863—1864 годов он, как и подавляющее большинство либералов и консерваторов того времени, отнесся резко отрицательно. По поручению министра внутренних дел он написал тогда «народную» брошюрку «О русской правде и польской кривде», брошюрку, полную шовинистических обвинений, направленных против всего польского народа. Именно после появления этого опуса революционные демократы порвали с Мельниковым всякие отношения. В «Княжне Таракановой» Мельников как бы «уточняет» свою позицию в польском вопросе. Здесь он пытался внушить читателю мысль, что антирусской деятельностью всегда была занята лишь небольшая часть польского дворянства — магнаты вроде Браницких и Радзивиллов и пресмыкающиеся вокруг них шляхтичи. В отличие от Каткова Мельников теперь не допускал никаких выпадов против польского народа в целом. Но это, конечно, не означает, что к 1867 году Мельников сумел полностью освободиться от былых предубеждений.

Из очерка видно, что подлинные вдохновители «принцессы

Владимирской» пытались убедить публику, будто бы замыслы этой самозванки связаны с делами Емельяна Пугачева. Мельников, конечно, понимал, насколько вздорна эта легенда. Однако косвенную связь между «принцессой Владимирской» и Пугачевым он считал реальной. И это на том основании, что под воздействием официальных источников в восстании под руководством Пугачева тоже видел влияние «польской интриги». Понять пугачевское восстание как восстание народное он не мог, хотя и признавал недостаточность своих познаний в этом вопросе.

Необходимо, однако, отметить, что политическая сторона истории «принцессы Владимирской» в очерке Мельникова освещается все-таки лишь попутно. Основное внимание Мельников сосредоточил на характеристике нравов тех, кто играл главную роль в этой истории. И тут сказалась одна из самых сильных сторон его мировоззрения — ненависть к произволу, царившему в самых верхах самодержавного строя, к тому произволу, который был неразлучен с развратом, низкопоклонством и вероломством. По цензурным условиям того времени Мельников не мог дать полную волю своему возмущению. Но когда он рассказывает, например, о нравах при дворе Елизаветы Петровны, то за спокойным по внешности повествованием явно чувствуется отрицательное отношение и к самой «дщери Петра» и к ее окружению. В 60-е годы дворянские идеологи всячески старались оживить легенду о «просвещенной» Екатерине и о «екатерининских орлах». Мельников в своем очерке создал саркастический портрет одного из «героев» екатерининского царствования — Алексея Орлова, который из желания вернуть благосклонность «матушки-государыни» готов был совершить любую подлость.

М. Еремин

НА ВКЛАДКАХ:

1. *И. С. Глазунов.* Белые голуби. 1963.

2, 3, 4. *И. С. Глазунов.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. 1963.

5. *В. И. Суриков.* Боярыня Морозова (фрагмент). 1887.
6. *М. В. Нестеров.* Этюд мужской головы к картине «На Руси». 1912.
7. *М. В. Нестеров.* За приворотным зельем. 1889.
8. *М. В. Нестеров.* Лисички. 1914.

СОДЕРЖАНИЕ

П. И. МЕЛЬНИКОВ
(Андрей ПЕЧЕРСКИЙ)

Собрание сочинений
в восьми томах

Том VIII.

Оформление художника
Б. В. Столярова.

Технический редактор
А. И. Шагарина.

Сдано в набор 23/II 1976 г. Подписано к печати 16/VII 1976 г. Бумага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 23,10 усл. печ. л. 25,22 уч.-изд. л. Тираж 375 000 экз. Изд. № 1819. Заказ № 1855. Цена 90 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Индекс 70683

